

.. Колин Уилсон

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

 КЛУБ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Харьков
2006

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства.

Переведено по изданию:

Colin Wilson
«AFTER LIFE»
Published by Llewellyn Publications
St. Paul, MN 55164 USA

Об авторе

Колин Уилсон родился в Лестершире в 1931 году. В возрасте шестнадцати лет он оставил школу и перепробовал множество занятий. Выходом в свет книги «Аутсайдер» ознаменовалось начало писательской карьеры Уилсона. Из-под его пера вышло множество произведений, посвященных самым различным темам — от мистицизма до криминалистики. Уилсон является также автором многочисленных статей и пьес, регулярно сотрудничает с газетами и журналами. Себя он считает скорее философом, основной предмет изучения которого составляет смысл человеческого существования. В отличие от большинства «экзистенциалистов», его мировоззрение отличается оптимизмом. Колин Уилсон живет в Корнуэлле вместе с супругой. Свободное время он посвящает коллекционированию граммофонных пластинок с оперными ариями и решению математических головоломок.

В книге Колина Уилсона «Жизнь после жизни» вы найдете необычный теоретический анализ психических состояний, парапсихологических способностей и природы человеческой личности в целом. Воспользуйтесь предоставленной возможностью и сполна оцените богатую коллекцию конкретных случаев, описывающих «пороговые» предсмертные состояния, реинкарнацию и бессмертие души:

- военнослужащий, оставивший свою земную брентную оболочку
- спиритический сеанс в парижской гостинице
- предупреждения призраков
- психические способности примитивных народов
- знаменитое дело Брайди Мерфи
- девушка, в которую вселился дух Элизабет Бэрретт Браунинг
- призрак трубача Сэмюэля Булла
- двойник медиума посещает церковь
- и многое другое

Слова благодарности

Как обычно, я многим обязан Обществу исследований в области психики, его библиотекарию Нинку Кларку Лоусу, а также Колледжу исследований психики и его библиотекарию Бернадетте Джиблин. Они помогли мне разыскать такие книги, которые без них я бы не сумел найти.

Выражаю искреннюю благодарность доктору Адаму Кребтри, доктору Уилсону ван Дузену, и Марго Грей — за разрешение воспользоваться их неопубликованными данными, а также ныне покойной Аните Грегори — за ее ценные комментарии. Я искренне признателен Джо Китону, Рею Брайанту, Эндрю и Маргарите Селби и Йану Уилсону — за те бесценные материалы, которые изложены в главе, посвященной реинкарнации. Отдельная благодарность Джулии Питерс, которая обратила мое внимание на случай с близнецами, обладающими феноменальными способностями в арифметике.

И, наконец, я хотел бы поблагодарить Саймона Скотта, по чьему совету, собственно, и была написана эта книга.

*Саймону Скотту
с любовью
и благодарностью*

Аналитический перечень содержания

Глава 1. Голоса из «ниоткуда»

Пациенты Адама Кребтри, которые слышали «голоса из ниоткуда». Джулиан Джейнс и слуховые галлюцинации. Дело Сары Уортингтон. «Вселение» бабушки. Дело Сюзанны: «вселение» сексуально озабоченного отца. Очевидное «вселение» живой женщины: случай с Джулианом Джейнсом и его теория о том, что «голоса» идут из правого полушария мозга. Исследования явления расщепленного мозга. Личность, которую мы называем «я», живет в левом полушарии мозга. Голоса, как их описывают пациенты, страдающие психическими отклонениями. Уилсон ван Дузен о «Роли духов в сумасшествии». Прямой разговор с галлюцинациями пациента. Два вида «голосов»: «высшего порядка» и «низшего порядка»... цель «низшего порядка» состоит в том, чтобы подчеркнуть слабые стороны личности. Общие черты галлюцинаций. Открытие ван Дузеном Сведенборга. Описание Сведенборгом «вселения» духов — сходство с пациентами ван Дузена. «Все наблюдения Сведенборга... подтверждают мои выводы». Ангелы властвуют над внутренним миром человека. Кребтри расследует дело о «вселении». В Алана Воэна вселился дух после сеанса с доской вопросов и ответов. Его предвидение будущего. Брэд Абзетц устанавливает контакт со своим «вторым я». Взгляды Сведенборга на жизнь после смерти. Бертран Рассел о «выживании». Что представляет из себя личность? Состояние клинической смерти, испытанное преподобным Бертраном на склоне горы в Швейцарии. Типичное привидение из «Живых призраков». Опыт клинической смерти: «Проход через тоннель». Гибель Карла Новотны в описании медиума. Насколько можно верить свидетельствам медиумов? Появление «общей системы и структуры».

Глава 2. Мир ясновидящих

Дарвин прибывает в Тьерра-дель-Фуэго. Мы не замечаем вещей, которые нам не интересны. Ясновидящие как отдельный класс. Общение Розалинды Хейвуд с «природными духами» в Дартмуре. Развитие психических способностей Розалинды Хейвуд. Она читает «Загадку Вселенной»... Вселенная — механизм, лишенный души. Телепатия со спящим пациентом. Пациент, который видел умерших родственников. «Голоса и приказы» Розалинды Хейвуд. Ее способности к предвидению. Совпадение? Сны сына Розалинды о будущем. Возможность находиться в двух местах одновременно. Белая «я» и розовая «я». Опыт общения с умершими. Дело Джулии. Случай с Вивьен Асборн... «Теперь он обладал возможностями, свободой и областью их применения, которые превосходили самые смелые его мечты». Призраки поставляют информацию? Красота — уязвимое место Джулии. «Иные сущности». Теория Джейнса о том, как левое полушарие стало доминирующим у человека. Рамакришна и самадхи. Магия первобытного человека. Заклинатели дельфинов с островов Гилберта. Почему мы утратили свои психические способности? Розалинда Хейвуд и «Пение». Теория Летбриджа о том, что призраки — это магнитная запись. Миссис Уиллет и «раздвоение». Солдат, который отделился от своей телесной оболочки. Состояние клинической смерти, испытанное сэром Оклендом Геддесом. Сознание «А» и сознание «Б». Существование «вне тела» у сэра Александра Огстона. Рудольф Штайнер о четырех составляющих человека. Эксперименты Ганса Дриша с морскими свинками. «Жизненные поля» Гарольда Бурра. Теория Кахунаса о «трех Я». «Природные духи». Адам Кребтри расследует дело о «вселении» нечеловеческой сущности. Столкновение Розалинды Хейвуд со злым духом.

Глава 3. Вторжение привидений

«Ночная сторона природы» Кэтрин Кроу. «Seeress of Prevorst» Кернера. Как Кернер пришел к выводу о том, что Фридрика Хауффе является настоящей «видящей». Опыт существования вне тела у банкира. Рассказ Юнга-Штиллинга о странствующих ясновидящих. Миссис Кроу под гипнозом. Вольгеш

свидетельствует о «столкновении разумов». Подразумевает ли гипноз участие психической силы? Чем вызван скептицизм в отношении оккультизма представителей викторианской эпохи. Фейербах и новая религия атеизма. Привидения в Уиллингтон Милл. Случай с доктором Друри. Происшествие в Хайдесвилле. Семейство Фоксов и зарождение спиритуализма. Братья Дэвенпорт. Джонатан Кунс и «комната духов». Миссис Хейден едет в Лондон. Житие Аллана Кардеса. «Книга Духов». Раскол движения спиритуалистов. Почему интеллектуалы столь враждебно относились к спиритуализму? Томсон Джей Хадсон и теория о «двух Я». Почему он отверг спиритуализм. Штайнер: «спиритуалисты — самые большие материалисты из всех нас». Сестры Фокс признаются в мошенничестве. Рейхенбах и «одическая сила». Джозеф Роудс Бученен и «нервная аура». Рождение психометрии. Жизнеописание Даниэля Дунгласа Хоума. Сеанс в парижской гостиной. Карьера Хоума в Европе. Лорд Эдэр и Хоум. Способность Хоума изменять свой рост.

Глава 4. Из истории исследований психики

Ученые восстают против спиритуализма. «Бабушкины сказки». Альфред Рассел Уоллес гипнотизирует школьника. Миссис Гуппи летит по воздуху. Льюис Кэрролл: «... в качестве всеобъемлющего объяснения мошенничество не годится». «Шаги на границе другого мира» Роберта Дейла Оуэна. Майерс и Сиджвик прогуливаются под звездами. Основание Общества исследований в области психики. Почему ОИОП не воспринимали всерьез. Скандал с Флоренс Кук. Разоблачение Розины Шауэрс. Сестры Криви признаются в мошенничестве. Признание сестер Фокс. Неумелая ложь Евсапии Палладино. Смерть Эдмунда Гурнея. Мистификация в Портсмуте. Майерс попал в сети Ады Гудрич-Фриер. Настоящие достижения ОИОП. Разнообразие случаев. Принц Дьюлит Сингх видит своего отца в раме картины. Супруге железнодорожного обходчика является видение катастрофы. Райдер Хаггард и ретривер его дочери по кличке Боб. Миссис Спирмен видит своего умершего сводного брата. Лейтенанту Ларкину является привидение. Дело о завещании Чейффи-на. Призрак предупреждает. Дело о красной царапине. Сэр Уильям Баррет и видения на смертном одре в родильном доме. Сэр

Оливер Лодж и дело Рэймонда. Призрак трубочиста Сэмюэля Булла. «Смерть — конец всего». Дело о красной пижаме. Юнг: «... гипотеза о духах — самая приемлемая из всех».

Глава 5. Второе рождение шедевра

Сара Холл видит своего собственного призрака. Проблема «психического двойника». Гете встречает своего двойника-дoppelgänger. «Личность человека и ее жизнь после смерти физической оболочки» Майерса: «Вероятно, это наиболее впечатляющая и всеобъемлющая работа из всех, когда-либо написанных о паранормальном». Немецкий вампир. Множественная личность. Дело Луи Виве. Случай с Анселем Бурном. Дело Клары Фаулер — «Кристины Бюшам». Майерс о природе гения. Пророки-счетоводы. «Подсознательный разум». Наши способности намного превосходят наши представления. Двойник отправляется в церковь. Стриндберг «проецирует» себя в Германию. Дело Верити. Преподобный Маунтфорд видит карету до ее прибытия. Дело Сэбома об «астральном проецировании». Может ли личность пережить физическую смерть? «Сивилла, три лица зла» и дело Билли Миллигана. Психические способности первобытных людей. Случай с Майклом Конли. Преподобный Стэнтон Мозес. «Учения духов». Мозес не согласен с духами. Уильям Джеймс и миссис Пайпер. Ричард Ходжсон изучает миссис Пайпер. Дело Джорджа Пелью. «Белая ворона» Джеймса. Являются ли «операторы духов» подсознательными личностями? Как обмануть призраков. Майерс и «перекрестные послания». Миссис Уиллет присоединяется к группе. «Майерс» общается с Джеральдиной Каммингс. Проблема «плохой телефонной связи». «Лебедь на Черном море».

Глава 6. Доктор Штайнер и проблема реинкарнации

Доктор Штайнер представляется берлинскому Обществу теософии. Мгновенный успех Штайнера. «Новая религия». Смерть Штайнера. Мадам Блаватская. Тетушка Текла «общается». Случай с Гордоном Дэвисом. Падение мадам Блаватской. Рудольф Штайнер видит привидение. Штайнер считает спиритуализм «воротами в иные миры». «Духовность и истинная сущность» — начало духовной жизни. Столкновение Штайнера с умершими.

Что происходит после смерти? Четырехмерная теория Уотли Кэрингтона о жизни после смерти. «Мы сталкиваемся со Смертью, когда засыпаем». Томсон Джей Хадсон излечивает престарелого родственника. Штайнер и реинкарнация. Майерс и «групповой дух». Дело Люранции Веннум. Люранция Веннум становится Мэри Рофф. Дело Александрины. Близнецы Поллок. Случай с Шанти Деви. Дело Шварнлаты. Случай с Ясбиром Лал Ятом. Дело Эдварда Райалла. Почему с этим не согласен Иан Уилсон. Кольридж расследует случай крестьянки, которая по памяти цитирует отрывки на латыни, греческом и иврите. Уайлдер Пенфилд и «взгляд в прошлое». Дело Бланш Пойнингс. Дело Брайди Мерфи. Арнелл Блоксхем регрессирует в инструктора по плаванию. Прошлые жизни Джейн Эванс. Погром в Йорке. Джо Китон и Китти Джей. Дело сержанта Ройбена Стаффорда. Артур Гирдхем и «катары». Групповая реинкарнация?

Глава 7. Упадок и возрождение

Сэр Оливер Лодж и Рэймонд. Виски и сигары в раю? Конан Дойл обращается в спиритуализм. Блай Бонд и мертвые монахи аббатства Гластонбери. Архиепископ Лэнг отдает распоряжение изучить спиритуализм. Возвращение Лоуренса Аравийского. Дело отца Дрейтона Томаса. Упадок спиритуализма в 20-е — 30-е годы двадцатого века. Гудини клеймит медиумов, называя их «человеческими хищниками». Упадок ОИОП. Отставшие от времени. Карлос Мирабелли. Райн и новые методы исследования. Бэзил Шеклтон провидит будущее. «Овцы и козлы». Гельмут Шмидт делает мошенничество невозможным. Карлис Осис просит врачей и медсестер сообщить о том, что они наблюдают у пациентов на смертном одре. Видения небесной красоты и глубинного счастья. Элизабет Кюблер-Росс. Общество, отрицающее смерть. Забывая работа Альберта Хейма. Наблюдения Нойеса и Клетти. Клиническая смерть Джорджа Ричи. «Жизнь после жизни» Рэймонда Муди. «Главный опыт». Видения после «смерти». Видения знания. Мифическая история Платона об Эре. «Институты высшего знания». Кеннет Ринг о случаях клинической смерти. Мнение скептиков: «Это выражение индивидуального и коллективного беспокойства о смерти». Выводы Ринга о клинической смерти. Скептик утверждает: «Я почувствовал себя так,

как будто в первый раз родился на свет». Проявление влияния правого полушария головного мозга. Клиническая смерть Марго Грей. Не является ли клиническая смерть «защитным механизмом мозга?» Прямые и косвенные улики. Как зародилась жизнь. Молекула-репликатор Доукинса. Философия витализма. Способна ли жизнь существовать вне материи? Полковник Гаджен ступает на горящие уголья. Дриш и Бергсон. Как был побежден и убежден Адам Кребтри. Дело Анны Эклунд. Ральф Аллисон расследует случай с Кэрри. Дело Элизы. Вселяющиеся духи. Дело Софии. Цель настоящей книги.

Глава 8. Ченнелинг (прием сообщений и посланий)

Книги Джейн Роберт о Сете. Подлинность книг, переданных посредством ченнелинга. Томсон Джей Хадсон и субъективный разум. Опыт Елены Блаватской (ЕПБ). «Oahspe». Статья Аугустины Кахилл в журнале «Одиссей». Элис Энн Бейли. Артур Гастингс; Дэвид Фостер и кибернетика; Хелен Шухман и ее работа «A Course in Miracles». Опыт Ширли Маклейн; Станислав Гроф и реинкарнация; случай Ренаты; эксперимент Грофа с ЛСД. Существование «вне тела» Роберта Монро; «Место действия-2»; «дистанционный визуальный осмотр». Роберт Ян Гени — «генератор случайных явлений». «Умственные шаги» Джеральда Хоукинса.

Послесловие

С. Д. Броуди: «Если результаты исследований в области психики абсолютно достоверны... то они в буквальном смысле меняют все наши представления о мире». Но так ли это на самом деле? Мое общение с Мартой, «медиумом материализации». Рэймонд Лодж выходит из себя. Духам нечего добавить в сокровищницу человеческой мысли. Проблема личности. Сколько «других Я» таится в каждом из нас? «Иерархия личностей». Проблема человеческого существа: чрезмерная субъективность. Проблема витализма. Расширяя течь. Покорились ли жизни «высшие плоскости»? История человечества с точки зрения ангелов. Сила «Н» и сила «К». Важность воображения. Способность «Х». Закодирована ли в наших генах способность «Х»? Очевидно «абсурдные» способности человеческого мозга. Обращаем телескоп «вовне».

Предисловие

Перед вами книга, писать которую я не собирался.

Будучи еще ребенком, я читал о привидениях и духах в книжках, которые брали для меня родители в местной библиотеке, и ни капельки не сомневался в том, что они действительно существуют. Бабушка моя была прихожанкой местной церкви спиритуалистов, и мы частенько говорили с ней о реальной возможности загробной жизни (или жизни после смерти). Однако в возрасте десяти лет я открыл для себя химию и астрономию, и моя вера в привидения растаяла, как утренний туман.

В своем автобиографическом романе «The Invisible Writing» («Невидимые письма») Артур Кестлер описывает случай, когда он читал памфлет о преследованиях иудеев, испытывая при этом бессильную ярость. Потом он открыл книгу по теории относительности и прочел в ней, что Эйнштейн ведет «дух человеческий через такие горные вершины, на которые еще не ступала нога человека». Внезапно он как будто воочию увидел формулу Эйнштейна о взаимоотношении массы и энергии, парящую над горными вершинами, окутанными клочьями тумана, и его мгновенно пронзило ощущение безграничной радости. В двенадцатилетнем возрасте я испытал нечто подобное, но не из-за одного Эйнштейна, а в отношении всей науки в целом. Мне казалось, что нет такой тайны мироздания, которая когда-нибудь не будет разгадана.

Но однажды на занятиях по скульптурной лепке зашел разговор о том, где кончается космос и пространство. Что лежит за пределами Вселенной? Я раздумывал об этом, как вдруг мне пришло в голову, что все это прямо противоречит

представлениям о достоверности и незыблемости человеческих суждений. Невозможно вообразить себе, что нечто может существовать вечно, но столь же невероятно и представление о том, что пространство имеет свои границы. Внезапно у меня закружилась голова, как будто я очутился на краю пропасти. В тот день, возвращаясь домой, я ощутил незнакомое ранее чувство страха и незащитности. Мне вдруг показалось, что человеческий разум, на который я возлагал столь большие надежды, смехотворно ничтожен и ограничен.

Но, несмотря на ощущение незащитности, которое походило скорее на постоянную и надоедливую зубную боль, у меня не возникало желания вернуться в лоно спиритуализма. Он представлялся мне всего лишь безобидной фантазией.

Покоя на самом деле мне не давали мысли о том, что, если жизнь действительно продолжается после смерти, то этот факт все равно не позволит хоть краешком глаза заглянуть за непроницаемый занавес, скрывающий смысл человеческого существования. Я вдруг отчетливо понял, что люди живут привычками, поддерживая иллюзию знакомого им порядка вещей. Когда маленькие дети уезжают на каникулы или праздники, они начинают скучать по дому, причем вне зависимости от того, насколько приятно им новое окружение. Нам нужно быть уверенными в том, что наша жизнь предсказуема и не таит в себе ничего кардинально нового, что все тайны рано или поздно будут раскрыты, точно так же, как необходимо ощущение твердой земли под ногами.

Я становился старше, делал первые робкие шаги на пути к карьере писателя, но по-прежнему не мог избавиться от чувства нескрываемого презрения к тем людям, которые верили в загробную жизнь. Чтобы поддерживать свою веру, им нужны были маленькие, не вызывающие сомнения, нео-

проверяемые факты и фактики, а я тогда не сомневался в том, что таковых нет. В одном из своих более поздних произведений я проиллюстрировал это на следующем примере. Главному герою, профессору философии, снится сон, что он стоит на одной стороне шахматной доски, а его оппонент — на другой. Оба они знают правила игры, но их окружает стена настолько плотного тумана, что им не видно, что находится за пределами шахматной доски.

Не то чтобы я не верил в привидения. Приятель рассказывал мне, что снял коттедж в Суссексе, где в саду можно было часто встретить призрак старика, стоящего у кучи навоза; местные жители считали, что это последний обитатель коттеджа. Но если привидения и существовали, то их место было на шахматной доске, а не в туманной дымке за ее пределами.

В 1969 году мой американский агент спросил меня, не хочу ли я написать книгу об «оккультном» для американского издателя, и я согласился, поскольку мне нужны были деньги. Я был почти уверен, что все это — сплошные заблуждения и бабушкины сказки, подобные легендам о великанах и чудовищах.

Я начал подбирать и изучать материалы для книги, и вот однажды жена прочла мне анекдотическую историю из автобиографических мемуаров сэра Осберта Ситвелла. Отец Ситвелла был признанным скептиком, и в той книге речь шла об одной из его эскапад по разоблачению медиумов. По словам его сына, как раз перед Первой мировой войной отец и несколько его офицеров-сослуживцев отправились в Лондон, к знаменитому хироманту. Женщина посмотрела на их ладони, и на лице у нее отразилось сильное волнение. Когда его приятели ушли, Ситвелл вернулся к ней и спросил, в чем причина. Она ответила: «На их ладонях я не увидела вообще ничего». Через несколько месяцев началась война, и эти офицеры погибли.

Эта история, поведенная скептиком, произвела на меня определенное впечатление. Продолжая изучать случаи телепатии, внезапного прорыва в будущее, внутреннего зрения и тому подобных описаний нематериального бытия, я начал понимать, что это вовсе не пустые домыслы. Для этого они были слишком уж последовательными. Кое-что, конечно, могло быть ложью или выдумкой, но остальное походило на чистую правду. И задолго до того, как я закончил работу над своей книгой «The Occult» («Таинства оккультизма»), я уже твердо уверовал в реальность так называемых «паранормальных явлений».

И все-таки, хотя в моей книге и появилась глава о загробной жизни, должен признаться, я не полностью уверовал в ее реальность — точнее сказать, эта тема не вызвала у меня особого интереса. Ну и что с того, что люди продолжают жить после смерти? Это по-прежнему не объясняло, кто мы такие, для чего и почему мы живем, и что нам делать со своей жизнью.

В 1980 году я предложил своему британскому издателю, что напишу книгу о полтергейстах — «привидениях-барабашках», разбрасывающих предметы по комнате и всячески досаждающих людям. Мы с женой побывали в местечке Понтефракте, чтобы собрать сведения о полтергейсте, который расколошматил все, что можно, в приходском доме, принадлежащем семейству Притчардов. Мы разговаривали с соседями, которые рассказывали нам о посещениях полтергейста, и даже прослушали магнитофонные пленки с записями невообразимого шума, производимого «привидением»: стук, грохот, звон разбивающихся предметов были настолько громкими, что их, по утверждениям очевидцев, было слышно за несколько кварталов.

В то время я был твердо уверен, что полтергейст как явление имеет непосредственное отношение к необычным

проявлениям подсознания у некоторых молодых людей — тому, что исследователи паранормального называют «спонтанным психокинезом», или возобладанием разума над материей. Но когда одна из живущих в доме девушек, Диана, рассказала мне о том, что однажды полтергейст схватил ее за горло и поволок вверх по лестнице, оставив на шее синяки, я вдруг понял, что никакое это не проявление подсознания Дианы. Это было самое настоящее привидение.

Большинство исследователей паранормального такое предположение шокировало бы. Если кто-нибудь из них рискнул бы выразить подобные мысли вслух, на него неминуемо обрушилось бы презрение коллег, посчитавших его доверчивым дурачком. Но я-то, признавшись в своих убеждениях, ничем не рисковал: академической должности я не занимал, да и вообще писателей считают людьми эксцентричными по определению. Поэтому в своей книге «Poltergeist» («Полтергейст») я выразил полную убежденность в том, что полтергейсты — это духи, зачастую уже умерших людей. Несколько лет спустя, выступая на телевидении вместе с немецким профессором парапсихологии, я задал ему в эфире вопрос: кто такие полтергейсты? Профессор, пожав плечами, ответил: «Ну, как кто? Духи, разумеется». Но пока он остается единственным известным мне парапсихологом, открыто признавшим это.

Что же касается семейства Притчардов, то имелись свидетельства, будто кто-то видел неясную фигуру монаха в их доме, построенном на вершине холма, где когда-то была сооружена виселица. Неподалеку от него находятся руины монастыря, и один из местных следопытов раскопал невероятную историю о том, что однажды на этой виселице повесили монаха, обвиненного в изнасиловании.

Не берусь утверждать, правда ли это. Но, похоже, все свидетельствует в пользу предположения, что «привидение», обитающее в доме Притчардов — это дух повешенного монаха.

Для меня этот случай подтверждал реальность загробной жизни (или жизни после смерти).

Хотя я и написал об этом в «Полтергейсте», но все же как-то не «проникся» до конца подобными идеями. Если бы в 1983 году меня спросили: «Верите ли вы в загробную жизнь?», я, наверное, ответил бы: «Полагаю, что такое вполне может быть, но мне, в общем-то, все равно».

Вот каковы были мои мысли на этот счет, когда британский издатель обратился ко мне с предложением написать предлагаемую вашему вниманию книгу.

Разумеется, я был знаком с большей частью материалов по этой тематике, ведь я читаю и пишу о «паранормальном» уже более десятка лет. Но только когда я собрался с духом и по-настоящему окунулся в изучение проблемы, ко мне пришло действительное осознание всей серьезности имеющихся свидетельств и доказательств.

К счастью, мой друг Адам Кребтри попросил меня написать предисловие к сборнику его исследований явления, известного под названием «вселение» или «одержимость». Я был рад, что смог приступить к делу, используя в качестве научного подхода цитирование известного психиатра, поскольку в глубине души всегда испытывал какое-то непонятное отвращение к самому вопросу о загробной жизни. Я вполне могу понять, почему ученые девятнадцатого века приходили в ярость, услышав этот термин. Подобные чувства во мне обычно вызывает религия. Нельзя сказать, что я — воинствующий атеист: меня всегда восхищали подвиги великих святых и красота христианских таинств. Но стоит

мне оказаться на церковной скамье во время службы, хотя это случается крайне редко, как тут же в голову лезут мысли типа: «Господи, как же я презираю христианство». Разговоры о «спиритуализме» воздействуют на меня аналогично, навевая некую смесь скуки и раздражения.

Анализируя собранные Адамом Кребтри случаи «вселения», а так же данные, полученные еще одним психиатром, с которым я переписывался — Уилсоном ван Дузенем, — я не мог избавиться от чувства, что все представленные факты действительно имели место, и это совсем не похоже на расплывчатые религиозные верования и смутные надежды на загробную жизнь. Из чего следовало, что вся история спиритуализма, начиная со знаменитого стука в поместье Фокс, штат Нью-Йорк, — поистине замечательна и правдива. Я снова убедился в этом, перечитывая гранки второго издания книги **«Жизнь после жизни»**.

Может показаться странным, но я ведь так и не читал ее. Когда вы пишете книгу, то она становится частью вас самого, и вы не можете воспринимать ее в целом. Даже вычитывая гранки первого издания, вы по-прежнему слишком близки с книгой. А теперь, когда прошло больше десяти лет, я читаю **«Жизнь после жизни»** так, как будто эта книга написана другим человеком. Собранные доказательства представляются мне абсолютно логичными и взаимосвязанными, и я начинаю осознавать, насколько велика вероятность того, что человек может пережить свою физическую смерть.

Достоевский однажды заметил, что если люди способны существовать и после своей смерти, то это самое важное из всего, что мы когда-нибудь сможем узнать. Не уверен, что я с ним согласен. В своей книге «New Pathways in Psychology»

(«Новые направления в психологии») я пишу: «В самом существовании человека таится нечто чертовски подозрительное». Я всегда был склонен соглашаться с методом абсолютного сомнения, предложенным Декартом. Он утверждал, в сущности, следующее: «Предположим, что Господь злоупотребляет верой, намереваясь обмануть нас. Предположим, что чайник должен обратиться в лед, когда вы ставите его на огонь, или, допустим, что предметы должны падать вверх, а не вниз. Разве способны мы, со своими мыслительными способностями, разоблачить столь колоссальную ложь?»

Глядя на окружающий меня мир, который представляется столь очевидно правильным и нормальным, я не могу отделаться от ощущения, что кто-то здорово подшутил над мной. Ведь так легко вообразить его совсем другим. Человек — исключительно сложное создание, вот только руководство по его применению отсутствует. Мне кажется, я не разделяю мнения большинства своих соплеменников, считающих окружающий мир довольно-таки незамысловатой штукой. Но если даже мне удастся убедить себя, что загробная жизнь — доказанный факт, это все равно не поможет мне решить загадку человеческого бытия. Представляется очевидным, что мы похожи на лошадей с шорами на глазах, совершенно не осознающих окружающую нас реальность. Мне по-прежнему кажется, «что в самом существовании человека таится нечто чертовски подозрительное».

Несмотря на все вышесказанное, я полагаю, что факты, изложенные в предлагаемой вашему вниманию книге, в основе своей убедительны и недвусмысленны, и что любой, кто даст себе труд изучить их, поймет, как понял это я, что смерть, вероятно, является еще большей загадкой, чем жизнь.

Корнуэлл, 1999

Глава первая

Голоса из «ниоткуда»

Доктор Адам Кребтри — психотерапевт, живет и работает в Торонто (Канада). Он начал практиковать в 1966 году, и, подобно многим психиатрам, вскоре столкнулся со случаями, когда пациенты жаловались на звучащие у них в голове «голоса».

Подобные случаи — не редкость, и то, что человек «слышит голоса», не всегда является симптомами душевного расстройства. Доктор Джулиан Джейнс, психиатр Принстонского университета, увлекся изучением слуховых галлюцинаций своих пациентов после того, как они случились у него самого. Обеспокоенный состоянием своего рассудка, Джейнс, к своему облегчению, выяснил, что примерно у 10% наблюдаемых такие же галлюцинации, причем треть из них проявляется в виде «иллюзорных», или «фантомных», голосов. Одна совершенно нормальная молодая домохозяйка рассказала ему, что каждое утро, заправляя постели, она подолгу беседует со своей умершей бабушкой.

Джейнс безоговорочно верил в то, что это самые настоящие галлюцинации, как и Адам Кребтри, который в течение долгого времени придерживался такой же точки

зрения. Но однажды он столкнулся со случаем, который посеял в нем определенные сомнения.

Коллега Кребтри наблюдала молодую женщину по имени Сара Уортингтон. После того, как первоначальное лечение оказалось успешным, Сара Уортингтон внезапно погрузилась в глубокую депрессию, после чего попыталась покончить жизнь самоубийством.

Они встретились втроем в кабинете Кребтри, и он принял попытку разобраться в том, что же мучило пациентку. Среди прочего он поинтересовался, не слышала ли Сара «голоса», и женщина ответила утвердительно. Кребтри попросил ее прилечь на кушетку, расслабиться и постараться с максимальной точностью вспомнить, что эти голоса говорили. В следующее мгновение по телу Сары пробежала судорога, и она закричала: «О, какая жара! Я вся горю!» Она продолжала что-то бормотать, и оба психиатра отметили, что голос у нее изменился. Саре не хватало чувства уверенности в себе; у новой же личности голос выдавал натуру, привыкшую повелевать. Когда доктора спросили женщину, что бы она хотела сделать, та ответила: «Помочь Саре». Это явно свидетельствовало о том, что сейчас с ними говорила не Сара. Они попросили женщину назвать свое имя, и она ответила: «Сара Джексон». Пациентка отождествляла себя с собственной бабушкой. Кребтри объяснил, что они с Дженни тоже стараются помочь Саре, и спросил у «бабушки», не хочет ли она присоединиться к ним. Та ответила: «Да». На этом первый сеанс закончился.

Во время следующего сеанса «бабушка» не заставила себя долго ждать. Она снова и снова говорила о каком-то пожаре, и вдруг спросила: «А где Джейсон?» Джейсон, как выяснилось, был ее сыном, а пожар, на который она ссыла-

лась, произошел в 1910 году. Сара Джексон побежала домой, как только услышала, что на ее улице вспыхнул пожар — дома остался ее семилетний сын. Вся округа была охвачена пламенем. Джейсона спасли соседи, но Сара узнала об этом только через час, а все это время она в отчаянии металась по улицам, задыхаясь от дыма. Пережитый кошмар глубоко и навсегда запечатлелся в ее подсознании.

По словам «бабушки», она «вселилась» в Сару Уоррингтон в тот момент, когда ее внучка играла на пианино, — они обе любили музыку. Вскоре стало очевидным, что, несмотря на ее желание помочь внучке, именно Сара Джексон нуждалась в помощи. Ее преследовало чувство вины за прожитую жизнь — особенно за то, как плохо она обращалась со своей дочерью Элизабет, матерью Сары. Элизабет превратилась в несчастную, страдающую неврастением женщину, которая, в свою очередь, жестоко обращалась со своей собственной дочерью. Отношения Сары с ее матерью странным образом копировали отношения Элизабет со своей матерью. Обе они отдавали явное предпочтение сыновьям перед дочерьми, и внушали последним, что мужчина — это венец создания, а женщина — ничто по сравнению с ним. Уже на пороге смерти бабушка осознала всю уродливость подобных представлений, и поэтому сейчас она чувствовала себя обязанной помочь внучке. Но ее вмешательство, напротив, лишь ухудшило положение; Сара пугалась, приходила в смятение от звучавшего у нее в голове голоса и постепенно впадала в отчаяние.

Теперь, когда бабушка Джексон «вышла из тени», дело пошло на лад. Она смогла дать психиатрам бесценную информацию о прошлом семьи Сары. И хотя сначала Сара была ошеломлена тем, что ее бабушка говорит ее устами, со

временем она смирилась с этим и стала лучше разбираться в своих проблемах. Два месяца спустя она излечилась. Ее бабушка сохранила возможность иногда «вселяться» в Сару, но теперь, когда женщина понимала, что происходит, она больше не испытывала страха. В сущности, ощущение благосклонного присутствия ее бабушки где-то в глубине ее подсознания даже создавало ей определенный комфорт.

Реакция читателя на этот рассказ, вероятно, окажется той же самой, что и у меня, когда я впервые прочел его в машинописной рукописи книги Адама Кребтри «Multiple Man» («Человек многоликий»): должно существовать какое-то чисто психологическое объяснение этому феномену. Ребенком Сара помнила свою бабушку; может быть, она даже слышала историю о пожаре из ее уст. Вероятно, она осознавала, насколько сходными были проблемы ее матери и ее собственные. Ее подсознание «пересказало» эту историю в качестве рационалистического обоснования ее собственных страданий. Но чем дальше я вчитывался в книгу Кребтри, тем более очевидным становилось для меня, что такое объяснение неприемлемо. Он описывал еще восемь случаев из своей практики, в каждом из которых в той или иной степени наблюдалось «вселение». После третьего или четвертого случая ссылки на подсознание стали казаться смехотворными.

Работнице службы социального обеспечения по имени Сьюзен никак не удавалось завязать близкие отношения с мужчинами, и она отдавала себе отчет, что это каким-то образом связано с сильным разочарованием и обидой, которые она испытывала к своему отцу. Кребтри удалось поговорить с ее отцом — он погиб в автокатастрофе — так же, как он разговаривал с бабушкой Сары, и он узнал, что

того преследовали навязчивые мысли о половой близости с собственной дочерью. До того как ей исполнилось шестнадцать, он тайком пробирался в ее спальню и, пока она спала, ласкал ее половые органы. Подсознательно Сьюзен понимала, что происходит. Однако, отдавая себе отчет в грязных намерениях отца и выказывая ему по этому поводу свое презрение, она, тем не менее, продолжала провоцировать его на подобные отношения, чтобы таким образом укрепить свою сексуальную власть над отцом. Презрение к отцу Сьюзен перенесла и на свои отношения с молодыми людьми, что приводило к возникновению сложностей. Когда ее отец погиб в автокатастрофе, его «затянуло» в личность дочери как в «убежище», и она оказалась в зависимости от него. Оказавшись «внутри нее», он погружался в «дремотное состояние», не давая себе труда осознать свою нынешнюю сущность и положение. Кребтри тактично и терпеливо объяснил отцу, что он, на самом деле, уже умер, и что ему следует оставить свою дочь в покое. В один прекрасный день он попросту не появился во время лечебного сеанса; Сьюзен испытала чувство облегчения и освобождения.

Один случай показался мне особенно занимательным и интригующим. Речь шла об университетском профессоре по имени Арт, его первая женитьба оказалась неудачной и он собирался жениться вновь. Ему все меньше нравилась мысль о браке, и он объяснял это «внутренней критикой». Придирчивый «внутренний» голос едко критиковал его самого и окружающих его людей. Этот голос смутно ассоциировался у Арта с матерью, жившей в Детройте, и здравый смысл подсказывал ему, что голос олицетворяет отрицательные стороны его личности, при этом

он каким-то образом вобрал в себя черты характера своей матери, крайне собственнически относящейся к сыну.

Кребтри применил свою обычную тактику, погрузив Арта в состояние глубокой расслабленности, а затем вступил в беседу с его матерью, которую звали Вероника. Она с готовностью откликнулась на предложение подробнее рассказать о своем отношении к сыну и о том, почему она не одобряет большинства его друзей. Вероника оказалась потрясающе наивной эгоисткой. Она призналась, что хотела всего лишь, чтобы ее сын осознал: многие, кому он доверял, включая его будущую жену, были глупыми, недалекими, хитрыми людишками, не стоящими его уважения.

Кребтри спросил у нее, уверена ли она, что подобное вмешательство пойдет на пользу ее сыну, или хотя бы ей самой, и, в конце концов, она вынуждена была признать, что была не права. В Детройте она вела однообразную и скучную жизнь, и Кребтри не преминул заметить, что если бы она уделяла больше внимания своим собственным делам, а не проблемам своего сына, то все могло бы наладиться.

В ходе лечения мать Арта узнала, что у нее развивается раковая опухоль и что ей необходима операция. Вероника, которая говорила устами Арта, согласилась с предположением, что это произошло из-за того, что она истощала свои жизненные силы, «вселяясь» в своего сына. С этого момента «внутренний голос» у Арта начал слабеть и вскоре он совсем перестал его слышать, а в жизни его матери произошли неожиданные перемены. До этого она медленно увядала, потеряв всякий интерес к окружающему. Теперь же к ней вдруг вернулась энергия, она воспрянула духом, начала выходить в свет и

завела новых друзей. «Возникало такое ощущение, что к ней в буквальном смысле вернулись жизненные силы».

Кребтри утверждал, что ко всем этим случаям он относится не как человек, уверовавший в паранормальное; он заявил, что является всего лишь наблюдателем, которого интересует само явление как таковое, и который просто-напросто видит в каждом случае только «вселение» или «воплощение». Совершенно очевидно, что в подобном подходе нет никакого противоречия. Сьюзен, Сара и Арт могли сами изображать голоса (чрево вещать); подсознание способно на куда более занимательные выходки. Тем не менее, у большинства читателей, несомненно, сложится впечатление, что изложенные выше факты уже не вписываются в рамки обычного проявления подсознания.

Мне пришлось вернуться к трудам Джулиана Джейнса, с тем, чтобы выяснить, что он говорит по поводу «голосов ниоткуда». Он излагает основные принципы своей теории в работе «The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind» («Происхождение сознания при разрушении двухпалатного разума»), опубликованной в 1976 году («двухпалатный» означает всего лишь состоящий из двух частей). Джейнс развивает предположение о том, что наши отдаленные предки постоянно слышали «голоса», причиной чего — согласно Джейнсу — было отсутствие самоанализа и продленного мышления — в том смысле, в котором мы его понимаем сейчас. Джейнс полагает, что наши первобытные предки не умели «заглядывать в себя», с тем, чтобы сказать что-нибудь типа: «Минуточку... дайте-ка мне подумать...», поскольку не имели «внутреннего «я»». Их глаза были похожи на фары автомобиля, постоянно устремленные только на окружающий мир.

Например, если бы первобытному человеку приказали построить плотину, для него стало бы неразрешимой загадкой вспомнить, зачем он отправился на берег реки. Но его действия направлялись голосом, который он воспринимал как голос вождя, исходящий изнутри.

Итак, откуда же исходил этот голос? Как утверждает Джейнс, из правой половины мозга. В своих рассуждениях Джейнс опирается на научную теорию «раздельного мозга», которая, зародившись в середине 50-х годов, получила на сегодняшний день впечатляющее подтверждение.

По какой-то неизвестной нам причине мозг состоит из двух идентичных половинок, являющихся зеркальным отражением друг друга. Высказывалась даже мысль о том, что одна из половинок является «запасной» на случай повреждения другой. Перепонка, соединяющая половинки (полушария), представляет собой пучок нервов и называется *corpus callosum* (мозолистое тело).

Более ста лет назад стало известно, что левое полушарие отвечает за речь и логическое мышление, а правое владеет рефлексами и подсознанием. Левое полушарие позволяет нам складывать цифры, а правое — запомнить чье-либо лицо. Иначе говоря, левое полушарие — это ученый, а правое — художник. Человек с поврежденным левым полушарием будет, вероятнее всего, испытывать трудности с речью, но он по-прежнему сможет нарисовать картину или напеть любимый мотив. Человек, у которого будет повреждено правое полушарие, сохранит логичность и последовательность мысли, но вряд ли сможет изобразить даже примитивного «спичечного» человечка.

Самое странное заключается в том, что если перерезать мост, *corpus callosum*, соединяющий две половины

- (что иногда делается для предотвращения эпилепсии), то пациент в буквальном смысле раздваивается. Один из пациентов с «расщепленным мозгом» пытался одной рукой расстегнуть молнию на брюках, в то время как другая рука старалась застегнуть ее обратно; второй хотел ударить одной рукой жену, а другая в это время вцепилась в занесенную руку, стремясь удержать ее. Еще один несчастный пытался сложить мозаику правой рукой, но левая так сильно мешала ему в этом, что ему пришлось сесть на нее. (Следует добавить, что правое полушарие управляет левой стороной тела, и наоборот.)

Самое же важное открытие заключается в том, что личность, которую мы называем «я», обитает в левом полушарии; личность же, живущая в правом полушарии, кажется нам совершенным незнакомцем. Джейнс считает, что «голоса из ниоткуда» исходят как раз от той «другой личности», в правом полушарии, и что они звучат в левом полушарии — «я» — как произнесенные в громкоговоритель.

У этой теории имеется один явный недостаток. Джейнс вовсе не был пациентом с расщепленным мозгом, но, тем не менее, у него были слуховые галлюцинации. То же самое относится и к пациентам Адама Кребтри. С точки зрения подобной теории все мы являемся в какой-то степени пациентами с расщепленным мозгом. Любой из нас практически утратил связь со своим внутренним подсознательным «я». Моцарт как-то заметил, что мелодии приходили ему в голову уже в законченном виде. Совершенно очевидно, что он имел в виду: музыка приходила в его левую половину мозга — «я» — из другой половины, которая и создает мелодии и образы.

Джейнс утверждает, что именно такие сформировавшиеся голоса путешествовали в левое полушарие мозга наших предков, и они считали их голосами богов. Джейнсу совершенно ясно, какой природы «божественные голоса» постоянно подсказывали героям Ветхого Завета или «Илиады», как поступить.

Собственно, как раз этот аспект теории Джейнса не имеет отношения к нашему разговору; все, что нам нужно знать, это его мнение, что «голоса» зарождаются в правой половине мозга, и что люди слышат их с незапамятных времен. Если дело действительно обстоит таким образом, то отсюда вытекает приемлемое и правдоподобное объяснение голосов бабушки Сары, отца Сюзен и матери Арта. В сущности, в последнем случае это звучит гораздо более убедительно, чем предположение, что поныне здравствующая женщина из Детройта могла каким-то образом «забраться» в голову своего сына, живущего в далеком Торонто.

Но когда Джейнс начинает размышлять о голосах, которые слышат пациенты, страдающие умственными расстройствами, у читателя зарождаются сомнения. Он указывает на то, что в большинстве исследованных случаев психиатры имели дело с шизофрениками, и говорит:

«Они разговаривают, ведут беседы, проклиная, критикуют, советуют, часто короткими отрывистыми предложениями. Они предостерегают, соболезнают, издеваются, приказывают, или просто описывают происходящее. Они вопят, воют, насмехаются, глумятся, переходя от едва слышного шепота к громоподобному реву. Иногда голоса приобретают отличительные особенности: например, говорят очень медленно или очень

быстро, речитативом или стихами, или даже на иностранных языках. Иногда это может быть какой-то один голос, чаще несколько, и очень редко голосов много...»

Голоса, которые описывал Кребтри, ни в коей мере не походили на экзальтированную «болтовню»; они поддерживали разговор как любой нормальный человек. То же самое можно сказать и о домохозяйке, подолгу разговаривавшей со своей бабушкой, застилая постели. А почему, собственно, «голоса привидений» должны отличаться от речи обычного человека? И в большинстве случаев так и происходит.

Это подтверждается исследованиями еще одного психиатра, доктора Уилсона ван Дузена, работавшего в больнице округа Мендочино в штате Калифорния. В течение шестнадцати лет ван Дузен изучал действие и последствия галлюцинаций. Он описывает случаи из своей коллекции в разделе, озаглавленном «The Presence of Spirits in Madness» («Духи и привидения у умалишенных») книги «The Presence of Other Worlds» («Существование других миров»). Его выводы еще более поразительны, чем те, которые сделал Джейнс.

Ван Дузен объясняет, что большинство пациентов, которых преследуют галлюцинации, предпочитают не распространяться о своих ощущениях, поскольку знают, что это будет расцениваться как признак сумасшествия. Одна из пациенток, проявившая нетипичную готовность к сотрудничеству, поинтересовалась у ван Дузена, не хочет ли он поговорить непосредственно с ее галлюцинациями, и он согласился. Правда, перед этим он попросил пациентку описать, что ему предстоит увидеть и услышать. «Таким обра-

зом, мне удавалось вести долгие беседы с галлюцинациями пациентки и записывать и мои вопросы, и их ответы». Как и Адам Кребтри, он настаивал на том, что применяет феноменологический метод. «Моей единственной целью было как можно точнее описать чувства и ощущения пациента... Я обращался с галлюцинациями как с реальностью — именно в этом качестве они предстают перед пациентом».

Ван Дузен обнаружил, что практически все его пациенты чувствовали себя так, будто они соприкасались с другими мирами или другим укладом вещей. «Большинство полагало, что эти другие личности существовали на самом деле. Все они возражали против термина «галлюцинация».

«Большинству пациентов галлюцинации являлись совершенно неожиданно. Одна женщина работала в саду, когда к ней обратился невидимый мужчина. Другой мужчина описывал внезапный громкий шум и голоса, которые он слышал, когда ехал в автобусе. Большинство пугалось этого неожиданного ощущения, и с трудом приспосабливалось к нему. Все пациенты сходятся на том, что эти голоса напоминали им живые, реальные голоса, которые звучали иногда громче, иногда тише. Описываемые ими ощущения совершенно не походили на видения или фантазии. Например, одного из пациентов посреди ночи разбудили голоса офицеров ВВС, которые призывали его поступить на военную службу и защищать свою страну. Он встал с постели и уже начал одеваться, как вдруг обратил внимание на необычные петлицы и знаки отличий, украшавших их форменные кителя, при этом лица гостей вдруг начали изменяться. Тогда он

понял, что они пришли из «другого мира», и изо всех сил ударил одного в лицо. Его кулак врезался в стену, и он сильно повредил себе руку. Он не мог поверить, что они — не настоящие, пока не обратил внимания на их петлицы...

Большинство пациентов быстро понимали, что они испытывают ощущения, незнакомые и недоступные другим людям, и поэтому они научились помалкивать о них. Многие из них в течение долгих лет подвергались нападкам, угрозам со стороны голосов, причем окружающие ничего не замечали».

Вероятно, самым важным открытием ван Дузена стало то, что его пациенты слышали два совершенно разных типа «голосов»; он называет их голосами «высшего» и «низшего» порядков».

«Голоса низшего порядка напоминают пьяниц и бездельников в баре, которым нравится издеваться и приставать к людям просто так, из куража и вредности. Они находят уязвимое место в сознании и начинают планомерно атаковать его. Например, один мужчина слышал голоса, которые в течение трех лет упрекали его из-за долга в десять центов, который он уже давно отдал. Они обзывали пациента разными оскорбительными прозвищами, обвиняли его в похоти, воровали из его сознания воспоминания или идеи, грозили смертью и всячески старались подорвать доверчивость и добропорядочность пациента. Например, они могли нагло заявить, что завтра с ним случится несчастье, а дневным газетам они подбросят сообще-

ние о том, что это их рук дело. Они требовали от него явных глупостей, например, поднять правую руку и замереть, а потом издевались над ним, если он это делал, или угрожали ему, если он отказывался».

В сущности, не вызывает сомнений факт, что «галлюцинации низшего порядка» ведут себя как избалованные дети, страдающие от скуки, которым больше нечем заняться.

«Словарный запас и запас идей у голосов «низшего порядка» ограничен, но у них наблюдается стойкая тяга к разрушению. Они вторгаются в самые сокровенные и потаенные уголки личности, набрасываются на любую слабость и суеверие, заявляют о наличии у себя ужасающих возможностей, дают пустые обещания и, в конце концов, подрывают волю пациента...

Некоторые идеи и приемы повторяются бесконечно. Один из голосов месяцами произносил «салют», а пациент все это время пытался разгадать, что это слово значит — приветствие или фейерверк. Даже когда я сам предположительно разговаривал с инженером... тот был не в состоянии произвести какие-либо арифметические действия, кроме сложения простых чисел... Голоса низшего порядка, вероятно, не имеют собственного доступа к информации. Хотя они часто утверждают, что находятся в каком-нибудь отдаленном городе, они не могут сообщить больше того, что пациент слышит, видит или помнит сам. Создается такое впечатление, будто они заточены на самом нижнем уровне сознания пациента...»

В общем-то, «низший порядок» представлен, главным образом, мучителями. Примерно одна пятая галлюцинаций относится к «высшему порядку», и они, предположительно, как раз и озабочены оказанием помощи пациенту. Голоса «высшего порядка» в значительно большей степени являются религиозными, поддерживающими и поучительно-полезными. Они способны общаться непосредственно с внутренним миром пациента, что соотносится с прообразами Юнга, тогда как «низший порядок» соответствует именам-идентификаторам Фрейда. Ван Дужен рассказывает о случае, когда одного газопроводчика посетила «галлюцинация высшего порядка», представшая ему в виде красивой женщины, которая принялась развлекать его, показывая ему одновременно тысячи символов. «Тот женский образ, который явился ему, продемонстрировал знания религии и мифов, понять которые пациент оказался не в силах». После того как ван Дужен побеседовал с этой галлюцинацией, газопроводчик попросил его хотя бы намекнуть, о чем это они разговаривали.

Ван Дужен утверждает, что эти создания высшего порядка сообщили ему, что «целью и задачей голосов низшего порядка является обнажить и высветить слабости личности». Целью же — или одной из целей — сущностей высшего порядка является якобы защита людей от сущностей низшего порядка.

«Этот феномен можно проиллюстрировать на примере одного мужчины. Он слышал, как в течение долгого времени голос «низшего порядка» смаковал подробности его предстоящего убийства. А ночью он увидел свет, похожий на солнечный. Он понял, что это был дру-

гой «голос», потому что свет уважал его свободу и даже мог исчезнуть, если пугал его. И напротив, «низший порядок» действовал вопреки желаниям мужчины, и непременно набрасывался на него, если тот чувствовал страх. Голос «высшего порядка», который являлся реже, мало беседовал с мужчиной, тогда как голоса «низшего порядка» не умолкали ни на секунду».

Если «низший порядок» остается последовательно нерелигиозным и даже антирелигиозным, и малейший намек на религию вызывает у него злобное глумление, то «высший порядок» — *«выглядел странным образом одаренным, чувствительным, мудрым и набожным»*.

Ван Дүзен сделал одно поразительное открытие в отношении галлюцинаций. Он наблюдал их в течение долгого времени, но вскоре понял, что «после первых двадцати пациентов нового, собственно, больше ничего не было», поскольку галлюцинации походили одна на другую. Этот факт сам по себе вызывает недоумение. В конце концов, можно было бы предположить, что галлюцинаций, как и людей, существует великое множество. Например, можно ожидать, что ветеринаров посещали бы призраки говорящих животных, инженеров преследовали бы разговаривающие машины, садовников бы мучили способные разговаривать растения и деревья, библиотекарей — говорящие книги, а дантистов — говорящие вставные зубы. Ничего подобного! Галлюцинации низшего порядка походили одна на другую, как две капли воды; то же самое можно сказать и о «высшем порядке». Это означает одно из двух: либо те части нашего разума, которые ответственны за гал-

люди, чрезвычайно схожи между собой, либо мы имеем дело с чем-то совершенно особым.

Ван Дузен склонен предполагать как раз последнее. Из-за своего интереса к «феномену гипнологии» — странным мечтам и видениям, которые иногда являются нам в полусне, — ван Дузен обратился к письменным творениям шведского мистика Эмануэля Сведенборга, чье издание «*Journal of Dreams*» («Журнал снов») содержит массу восхитительного материала для психиатра. Сделав удачную карьеру инженера и геолога, в возрасте пятидесяти шести лет — в 1744 году — Сведенборг испытал психическое расстройство, во время которого его посещали жуткие кошмары. Он то попадал в спицы колеса гигантской машины, то вступал в сексуальные отношения с монстрами, а после пережитых ужасов ему снилось, что он беседует с Христом. Сведенборг забросил науку и засел за изучение Священного писания. Результатом явилось появление ряда выдающихся работ, описывающих его теософские теории. Его труды оказали огромное влияние на развитие теологии и религии в то время.

Необычность его трудов заключается в том, что, по его утверждению, Сведенборг действительно побывал и в раю, и в аду, и вел долгие теологические беседы с ангелами и умершими духовными наставниками. (Он даже утверждал, что обратил в свою веру самого Мартина Лютера, хотя и не смог проделать подобного с Джоном Кальвином.) Разумеется, это опять же можно списать на достаточно типичную манию религиозного фанатика, если не считать того, что Сведенборг смог предоставить доказательства своего общения с умершими. Королева Швеции попросила его передать поклон своему почившему брату — веро-

ятно, желая посмеяться над Сведенборгом. Однако во время следующей дворцовой церемонии он приветствовал королеву от лица ее брата, заявив, что покойный хотел бы извиниться за то, что не ответил на ее последнее письмо, но теперь он непременно сделает это с помощью Сведенборга. Королева побледнела и произнесла: «Эта тайна была известна одному Богу». Вдова посла Голландии попросила Сведенборга обратиться к ее покойному мужу, потому что она получила счет на крупную сумму от золотых дел мастера, тогда как была совершенно уверена, что ее муж уже оплатил его. Сведенборг явился к ней несколько дней спустя и заявил, что поговорил с ее покойным мужем и что расписка ювелира лежит в потайном отделении письменного стола. Вдова ничего не знала о каком-либо потайном отделении, но расписка оказалась именно там.

Кроме того, Сведенборг пространно описал ощущения человека, в которого «вселяется» дух, и ван Дузена поразило исключительное сходство этого рассказа Сведенборга с теми галлюцинациями, которые видели его пациенты в больнице округа Мендочино. Сведенборг утверждал, что духи и ангелы могут непосредственно общаться с человеком, находя «внутренние пути к его органу слуха, воздействуя на него изнутри». Сведенборг продолжает: «Поговорить с духами удастся редко, поскольку это очень опасно...», объясняя это тем, что духам трудно узнать, когда они находятся «внутри человека», поскольку между этими созданиями и сознанием человека существует нечто вроде барьера. Если духи сами проникают через этот барьер — или им позволяет это сделать человек, чрезмерно увлекшийся оккультизмом, — то они превращаются в источник неприятностей: «Злые духи смертельно ненавидят человека, и ничего

не желают так сильно, как уничтожить его, его душу и его тело». Сведенборг также упоминает, что барьер между духами и сознанием человека могут нарушить люди, которые «чрезмерно погружаются в свои фантазии и вымышленный мир с целью избавиться от искушений и соблазнов, коим подвержены простые смертные». Это, по словам ван Дузена, является достаточно точным описанием того, что мы сейчас называем шизофренией. (Следует, однако, иметь в виду, что шизофрения означает не «раздвоение личности» — как зачастую неправильно полагают современники, — а просто уход от действительности.)

«Все наблюдения Сведенборга за действиями злых духов, проникших в сознание человека, соответствуют полученным мной данным», — говорит ван Дужен. В качестве примера он приводит выдержки из работ Сведенборга, где даются описания характерных черт сущностей «низшего порядка»: стремление уничтожить человека, способность причинять беспокойство или боль, желание подчинить себе сознание, ненависть к религии, склонность к хвастовству, запугиванию, угрозам, обману и лжи, а также любопытная способность к подражанию. Этим качествам сущностей «низшего порядка», которые испытывали на себя пациенты, страдающие нарушениями психики, уделено особое внимание в трудах Сведенборга. Ван Дужена особенно поразила ненависть к религии: «Если голоса — это всего лишь вырвавшееся наружу подсознание пациента, я бы не рискнул предположить в них какое-то неприятие религии или склонность к ней. Но именно от голосов низшего порядка и можно ожидать самых оскорбительных и непристойных замечаний при любом намеке на религию». Сведенборг также отмечает болез-

ненное пристрастие голосов низшего порядка к низости и непристойностям, на что указывает и ван Дузен.

Ван Дузен также заметил, что хотя существа низшего порядка и утверждают, что они обладают индивидуальностью, они редко обнаруживают хоть какие-то ее признаки. Сведенборг объясняет это тем, что после смерти они лишаются индивидуальной памяти, так что им приходится полагаться на память и способности личности, в которую они вселяются. Еще одно поразительное сходство между описанными Сведенборгом духами и сущностями низшего порядка заключается в попытке вселиться и обладать каким-либо органом или частью человеческого тела. «Несколько духов взяли за одно ухо человека, и он перестал им слышать. Одному из голосов пришлось трудиться два года, чтобы завладеть глазом человека, который стал заметно косить». Они часто стремятся завладеть половыми органами. «Одна пациентка утверждала, что ее половые отношения с духом-мужчиной были намного более приятными и одухотворенными, чем половая близость с живыми мужчинами».

Нельзя не отметить и поразительного сходства между сущностями высшего порядка, как их описывают психически больные, и существами, которые Сведенборг называет «ангелами». Ангелы добры, мудры и готовы оказать помощь. Причина, по которой они порой так немногословны, заключается в том, что «внутренний разум» человека мыслит не словами, а «вселенными, состоящими из множества индивидуальностей, или частностей» — то есть подсознательными прозрениями. Ангелы поддерживают общение через правое полушарие головного мозга, предпочитая при этом символы (стоит вспомнить случай с газопроводчиком, описанный ван Дузеном, которому в течение нескольких часов

показывал сотни универсальных символов его ментор высшего порядка). Сведенборг также отмечает, что духи высшего порядка могут видеть низших, но не наоборот — что опять же совпадает с выводами ван Дузена.

Ван Дузен часто задавался вопросом, почему галлюцинации высшего порядка встречаются так редко по сравнению с их «низшими аналогами» (в соотношении примерно один к пяти). Сведенборг предлагает свой ответ. Ангелам, говорит он, принадлежит внутренний мир человека, и их «вхождение» не сопровождается словами. Поэтому они просто менее заметны, чем злые, враждебные духи, которым нужно обязательно засвидетельствовать свое присутствие.

Итак, что же мы имеем? И Кребтри, и ван Дузен настаивают на том, что они старались выступать сугубо в роли наблюдателей, предоставляя читателю возможность делать выводы самостоятельно: духи ли виновны во всем или подсознание. Мы с вами видели, что ван Дузен задавался вопросом: если сущности низшего порядка — это всего лишь проявление подсознания больного, то почему они проявляют столь последовательную враждебность к религии. Кроме того, чем объяснить следующую историю, приведенную в книге Кребтри? Знакомую Кребтри по имени Пэт подруга пригласила провести выходные на ферме своих дедушки и бабушки. Оказалось, что дедушка с бабушкой увлекались оккультизмом, и кое-какие места в доме, например, чердак, вызывали у Пэт чувство тревоги и беспокойства. Спустя какое-то время старики предложили Пэт попробовать писать механически, не думая, на что она согласилась, хотя и с некоторой опаской. Стоило ей взять в руки ручку и расслабиться, как она погрузилась в нечто вроде транса, почувствовав, как

у нее онемела рука. Ей показалось, что она видит позади себя женщину с кукольным лицом в длинном розовато-лиловом платье, которая будто бы подчиняет ее себе, и вдруг ее рука вывела: «Вас приветствует Элизабет Бэррет Браунинг». (Ранее ее хозяйева упоминали Элизабет Бэррет Браунинг.) За этим последовало длинное сообщение, из которого следовало, что Элизабет и Роберт Браунинги с трудом привыкали к своему «новому окружению». Постепенно посторонняя сила убывала, и Пэт перестала писать, но до конца дня чувствовала себя так, как будто ее сознание странным образом раздвоилось.

Позже, тем же вечером, состоялся второй сеанс. На этот раз рукой Пэт водили уже несколько существ, и все сообщения носили «грубый характер». Во время третьего сеанса Элизабет Браунинг ответила на вопрос о том, где она сейчас живет. Ответ заключался в следующем: «Везде... нигде. Мы — это вы, а вы — это мы». После чего она повела себя очень уклончиво и скрытно.

Затем почерк Пэт изменился и стал походить на почерк ее покойного брата Тома, и последовало сообщение, полное выражений любви и утешения. Когда Пэт расчувствовалась, подруга резко оборвала ее: «Это был не Том. Они могут прикинуться кем угодно». Очевидно, ей многое было известно о существах низшего порядка.

Спустя некоторое время кто-то из стариков обронил замечание, что одно из существ покинуло дом, потому что его, дескать, привлекла аура Пэт. Пэт было неприятно думать, что ее использовали в качестве губки, чтобы она впитала в себя какую-то сомнительную силу.

Возвратившись домой, Пэт обнаружила, что в голове у нее зазвучал голос Элизабет; она почувствовала какую-то

отстраненность от действительности. Элизабет пыталась убедить ее продолжить занятия механическим письмом, но Пэт осознала, что если она согласится на это, то только упрочит власть духа над собой. «Ты нужна нам, — сказала ей Элизабет. — Если ты откажешься разговаривать с нами, мы будем жить в твоей комнате, в стенах твоего дома».

Подруга Пэт объяснила ей, что если она будет игнорировать это существо, то оно оставит ее в покое. Но оказалось, что все не так просто. Пэт пыталась читать какой-то бульварный роман и не обращать внимания на голос, но ощущение прижимающегося к ней чужого лица не позволяло ей сосредоточиться. Ночью она так металась и вертелась, что ей пришлось несколько раз перестилать простыни, но она почувствовала, что примененный ею «метод голодания» оказался правильным. Спустя несколько дней к ней стала возвращаться способность к сосредоточению; медленно, понемногу, влияние существ (она была уверена, что их несколько) стало убывать. Наконец, Пэт показалось, что она действительно видит удаляющуюся женщину в розовато-лиловом платье, которая сначала превратилась в неясное расплывчатое пятно, а потом «медленно растаяла в воздухе».

Возможно, Пэт легко поддавалась внушению, и ее подсознание запросто могло выдумать эту женщину в розовато-лиловом. Однако следует признать, что такое объяснение во многом уступает предположению, что Пэт с готовностью открывала себя для одного из существ «нижнего порядка», а потом ей пришлось приложить все силы, чтобы освободиться от него. Описания подобных случаев вселения и обладания часто встречаются в оккультной литературе. Американский естествоиспытатель Алан Воэн

описывает, как в него самого на какое-то время вселились духи, и он стал одержимым. Он купил специальную доску для общения с духами умерших, чтобы развлечь приятеля, который выздоравливал после болезни. Вскоре он начал получать всевозможные сообщения, причем в некоторых содержалась информация, которой в подсознании Воэна никак не могло быть — например, когда по радио объявили о смерти популярного обозревателя Дороти Килгаллен от сердечного приступа, друзья спросили у духов, правда ли это; те ответили, что на самом деле журналистка умерла от яда. Десять дней спустя это подтвердилось. (Подозревали — и до сих пор подозревают, — что покойница знала слишком много об обстоятельствах убийства Джона Ф. Кеннеди.) Затем, в смятении, Воэн обнаружил, что дух, которого он называл «Нада» (от «нигде» по-испански, вспоминая ответ Элизабет на вопрос о том, где она живет), «проник к нему в мозг». «Я слышал, как ее голос повторял одни и те же фразы — в типичной манере голосов «низшего порядка». Когда духам был задан вопрос на доске, прозвучал ответ: «Страшные последствия — вселение и обладание».

Приятель, который разбирался в таких вопросах, попытался помочь Воэну, и еще один дух завладел его рукой и заставил написать следующее: «У каждого из нас есть свой дух, пока мы живы. Не шутите с духами умерших». После этого призрак вызвал всплеск энергии в теле Воэна, который буквально вытолкнул Наду и другого, доброго духа, из головы Воэна через затылок:

«Меня обуял дикий восторг, мне стало так хорошо... Границы моего разума расширились до необозримых пределов во времени и пространстве. Впервые

я начал понимать, что творится в головах других людей, и, к своему изумлению, я стал предвидеть будущее, моя чувствительность возросла необычайно....»¹

И снова мы видим, что сообщение Воэна почти дословно совпадает с тем, что рассказывал об ангелах и духах Сведенборг. Нада снова и снова повторяла одни и те же фразы, что характерно как раз для существ низшего порядка. Она называла себя женой капитана-морьяка из Нантакета, и Воэн говорит, что ей, похоже, не нравилось, что он до сих пор жив, а она уже мертва. А существо, которое помогло изгнать Наду из головы Воэна, своим поведением очень напоминало ангелов Сведенборга.

А не могли ли оба существа оказаться продуктом правой половины мозга Воэна, как предполагает Джулиан Джейнс? Ну что ж, это вполне вероятно; но, тем не менее, существует большая разница между проявлениями деятельности правого полушария головного мозга и существами низшего порядка. Правое полушарие определяет наше подсознание — ту сторону нашей натуры, которая отвечает за проницательность, интуицию и «вдохновение» — как те мелодии, которые «приходили» в голову Моцарту. У нее есть чем заняться, помимо бесконечного повторения одной и той же бестолковой фразы.

Это различие проявляется и в другом случае, который я описал в одной из своих книг.²

Брэд Абзетц, учитель-американец, живущий в Финляндии, случайно обнаружил, что может вступить в контакт со

¹ Alan Vaughan, *Patterns of Prophecy* (1973), p.4

² Access to Inner Worlds: The Story of Brad Absetz (1983).

своим «другим я». После того как их ребенок умер от рака, супруга Брэда Абзетца погрузилась в состояние шизофрении. Она часами могла лежать на кровати, закрыв глаза, снедаемая чувством вины и подавленности. Брэд ложился рядом с ней, терпеливо ожидая, когда она очнется от мрачного самокопания, и старался утешить и приободрить ее. Все его чувства были напряжены, пока он лежал в ожидании малейшего признака или движения, которые означали бы, что его жена возвращается к действительности. Но человек, который часами лежит на кровати, неизбежно должен расслабиться. И вот однажды, пока он так лежал в состоянии одновременной расслабленности и напряженности, Брэд внезапно испытал незнакомое ему доселе чувство внутренней свободы, освобождения от брэнной телесной оболочки. У него возникло ощущение, как будто он воспарил над кроватью. Потом он обратил внимание на судорожное движение мышц своей руки, которая как будто бы собиралась пошевелиться. Брэд дал руке мысленное «разрешение», и та поднялась вверх. Вскоре уже обе руки проделывали спонтанные движения, а он смотрел на это как бы со стороны.

В столовой его руки обнаружили намерение самим выбрать себе блюда. В течение нескольких недель Брэд позволял рукам выбирать еду — это редко оказывались те блюда, которые он предпочел бы сам, — а потом он обратил внимание на то, что похудел и стал чувствовать себя лучше. В дальнейшем его «рука» с помощью цветных карандашей и красок начала создавать необыкновенные рисунки и ваять скульптуры из металла. Помимо этого, она начала писать стихи верлибром (белый стих), и эти «произведения» отличались необычайной ясностью образов и чистотой языка.

Это случилось потому, что сущность правой половины мозга начала самовыражаться; это можно представить себе в виде того, что в «парламентской общине» его мозга члены фракции подсознания набрались мужества и стали проносить речи. Психологи считают правое полушарие «подчиненным, недоминантным»; у большинства из нас оно ведет себя как бедняжка домохозяйка, которая не осмеливается возражать мужу или высказывать свое мнение. Часы, проведенные Брэдом в покое и неподвижности, научили «ее» преодолевать свою застенчивость.

Однажды, взяв карандаш, чтобы дать возможность своей руке написать что-нибудь, Брэд заметил, что почерк на бумаге резко отличается от его собственного. Некая женщина коротко представилась Брэду. Его первой и мгновенной реакцией было абсолютное неприятие. Он оттолкнул от себя лист бумаги и выдавил: «Я не стану рупором ни для кого, кроме себя». «Коммуникатор» исчез и больше не появлялся. Здесь мы видим, что между «голосом» правого полушария и неким внешним коммуникатором, или духом-привидением, существует большая разница.

Короче говоря, нравится это нам или нет, но, на первый взгляд, действительно существуют лишенные телесной оболочки существа, с которыми мы, при определенных обстоятельствах, можем общаться.

Давайте на минуту предоставим Сведенборгу право сомнения в истинности приведенных выше утверждений, и посмотрим, что еще он может добавить. Его взгляды чрезвычайно просты. По мнению Сведенборга, человек — это дух, который обитает в теле, подобно тому, как водитель сидит в автомобиле. В собственно теле человеческого не больше, чем в автомобиле. После смерти

человек оставляет тело и продолжает существовать в бестелесном виде. Когда сердце перестает биться, дух — то есть собственно человек — переходит в иную плоскость существования, что Сведенборг пространно описывает в своей книге «Heaven and Hell» («Рай и ад»).

Первое, что приходит в голову после ее прочтения, — как же наивен автор! Мы считаем личность чем-то изменяющимся и развивающимся в течение всей жизни. Г. Дж. Уэллс обращает наше внимание на то, что в человеческом теле каждая клетка полностью обновляется раз в семь лет, так что сорокалетний человек ничем не напоминает себя тридцати- или пятидесятилетнего. Более того, личность может претерпеть изменения под влиянием какого-либо экстраординарного события; например, у людей, пострадавших в результате сильных ударов по голове, иногда происходит полная трансформация личности. Один из ведущих исследователей паранормального, профессор Джон Тэйлор, пишет в своей книге «The Shape of Minds To Come» («Каким будет мозг»): «Мы понимаем под личностью сумму векторов, определяющих поведение, производимых различными блоками управления в мозге». Итак, допущение о том, что личность способна существовать после смерти, немного напоминает надежду на то, что дом останется стоять после своего разрушения, или же предположение, что «дух» корабля будет по-прежнему жив после того, как судно было разрезано на металлолом. Моя личность ослабевает, что видно невооруженным глазом, когда я чувствую усталость, и гаснет, как свеча, когда я засыпаю. Так что сама мысль о жизни после смерти представляется логическим абсурдом.

Все подобные возражения были замечательным образом обобщены в статье Бертрانا Рассела «Do We

Survive Death?» («Живем ли мы после смерти?»), написанной им в 30-е годы. Он утверждает, что человек — это просто набор ментальных характеристик, проявлений и привычек, и что если мы верим в загробную жизнь, то мы должны верить и в то, что память и привычки, присущие человеку, должны каким-то образом продолжить свое существование. После чего он прямо заявляет: «Не доводы разума, а инстинкты заставляют верить в будущую (загробную) жизнь». Далее Рассел приходит к выводу о том, что единственным чувством, которое способно пробудить веру в загробную жизнь, является преклонение перед совершенством человека. Он даже цитирует епископа Бирмингемского. Человек знает, что хорошо, а что плохо. Он может возвести Вестминстерское аббатство. Он может построить самолет. Он способен рассчитать расстояние до Солнца. Так как же мы можем поверить в то, что после смерти он превратится в ничто?

Все это, как явствует из слов Рассела, сентиментальная чепуха, которая вставала на пути Галилея, Ньютона и других великих ученых, когда они хотели заняться изучением мироздания. Люди, подобные епископу Бирмингемскому, говорят, что планеты должны двигаться по кругу, потому что круг — это идеальная кривая, и что все окружающее нас должно оставаться неизменным, поскольку Бог не стал бы создавать что-либо несовершенное. Разумеется, они не правы.

Так или иначе, но только способность к абстрактному мышлению свидетельствует о высоком статусе человека, заявляет Рассел. Цивилизованные государства половину своих доходов тратят на уничтожение себе подобных. Вспомните обо всех тех злодеяниях, которые люди совершили по

отношению друг к другу. Если наш мир был создан с конкретной целью, то, похоже, что цель эту определял дьявол.

Собственно, последние аргументы так же эмоциональны и нелогичны, как и те, которые Рассел приписывает епископу. Суть его доводов сводится к утверждению, что человек — это всего лишь набор ментальных характеристик, проявлений и привычек. Мой собственный опыт противоречит этому. Я убежден, что существо, которое видит моими глазами — то же самое, что и ребенок, который впервые увидел мир пятьдесят с чем-то лет назад. Так же справедливо и то, что я почти совсем забыл, каково это — быть ребенком. И все равно, я чувствую, что в основе своей мы — одно и то же лицо.

Кроме того, я заметил, что мои дети начали проявлять индивидуальные черты личности еще в грудном возрасте, когда были не способны ни на что, кроме как сосать молоко и спать. Если Джон Тэйлор и Бертран Рассел правы в своих утверждениях, и личность является порождением блоков управления в мозгу, то тогда при рождении мы получаем слишком разные блоки.

Спорить об этом можно до бесконечности. Ничто не способно убедить Рассела в том, что человек — нечто большее, чем просто набор ментальных характеристик, проявлений и привычек, и ничто не поколеблет убежденности епископа в том, что души наши бессмертны. Давайте-ка лучше обратимся к свидетельствам другого рода, которые мы называем личным опытом. Вся беда таких историй заключается в том, что их невозможно проверить, так что принимаете вы их или нет, зависит, в первую очередь, от вашей доверчивости и степени внушаемости — или того, что Рене Хайнс называет «порогом

лицемерия». Все, собственно говоря, сводится лишь к одному: верим ли мы конкретному рассказчику или нет.

Вот, например, история, поведанная известным драматургом Альфредом Сутро на страницах своих мемуаров «Celebrities And Simple Souls» («О звездах и не только») (1933). Сутро утверждает, что в своей жизни он один-единственный раз был свидетелем паранормального явления. Однажды он ехал в автомобиле по проселочной дороге, как вдруг ему послышался громкий плач. Его водитель, правда, утверждал, что ничего не слышит, но Сутро пошел на звук, миновал небольшую рощу и спустился по склону на берег реки. Там он обнаружил прелестную девочку трех или четырех лет, плачущую навзрыд. Она насквозь промокла, и было совершенно очевидно, что ребенок свалился в реку. Он отнес ее в машину, но не смог успокоить настолько, чтобы она перестала плакать, и рассказала, что с ней произошло. Сутро спросил ее, где она живет, указывая рукой направление; девочка кивнула — «там», и они двинулись в путь. Вскоре они подъехали к воротам, девочка показала на них. По подъездной аллее они подкатили к парадной двери «довольно большого дома». Не успела машина остановиться, как к Сутро подбежали мужчина и женщина: «Что с нашей дочуркой?» «Она в машине», — ответил Сутро и вернулся к автомобилю. Однако там никого не было. «А где малышка?» — спросил он у шофера, но тот только непонимающе посмотрел на него. «Где ребенок, которого я принес в машину?» «Вы никого не приносили в машину», — ответил шофер.

Они вернулись на берег реки; тельце ребенка лежало в нескольких шагах от воды.

Очень необычная история, и большинство читателей посчитали бы ее нелепой и абсурдной. Однако Сутро был известным драматургом, и, вероятно, не стал бы рассказывать байки просто из любви к искусству. Тем более, что он уверял, будто это был единственный случай в его жизни, когда он столкнулся со сверхъестественным.

На самом деле все было наоборот. Сутро утверждает, что он рассказывал эту историю многим из тех, кто интересовался паранормальными явлениями и оккультизмом, и ему предлагали массу всевозможных объяснений, кроме одного: что он все это выдумал. Оказывается, Сутро ставил себе целью доказать, насколько легковжны и доверчивы люди, верящие в жизнь после смерти.

Теперь, когда мы знаем правду, нам легко обнаружить в рассказе Сутро явные нелепости и несообразности. Например, может ли человек, едущий в автомобиле, слышать плач ребенка за шумом мотора? И даже если этот человек на самом деле слышал плач, то он может и не остановиться, чтобы выяснить, в чем дело — плачущие дети не редкость. И потом, разве шофер не поинтересовался бы у Сутро, зачем, ради всего святого, он разговаривает с пустым сиденьем автомобиля, спрашивая у него, где оно живет? И разве вышел бы Сутро из машины у парадной двери, оставив ребенка в машине?

Как раз такие вопросы мы и должны задавать, когда речь идет о всякого рода «сверхъестественных явлениях», разбираться в истинности которых мы категорически не желаем. Именно к такому выводу пришли первые естествоиспытатели, основавшие Общество исследований в области психики (ОИОП) в 1882 году. Они поняли, что к сотрудничеству нужно привлекать как можно больше людей, ко-

торые бы давали правдивые показания (под присягой). Даже такая мера, разумеется, не гарантировала бы абсолютной истинности, но в случаях, вызывающих сомнения, показания свидетелей и косвенные улики, несомненно, помогли бы установить правду. Один из подобных случаев описывается в «Proceedings» («Сборнике научных работ») ОИОП (том 8, 1892), и он может служить примером истории, которая выглядит стопроцентно правдивой. Рассказал ее преподобный Ж. Л. Бертран, пастор протестантской церкви в городке Нейи-на-Сене, и истинность его рассказа была подтверждена участниками происшествия. Бертран находился в Швейцарии, возглавляя группу молодых людей, которые собирались подняться на гору Титлис. Когда группа была уже недалеко от вершины, Бертран почувствовал себя слишком уставшим, чтобы идти дальше, и сказал спутникам, шедшим в сопровождении проводника, чтобы они продолжали подъем без него, а его подобрали на обратном пути.

«Я сел на землю, свесив ноги с края пропасти и прислонившись спиной к большому обломку скалы, похожему на кресло. Я выбрал этот обрыв, потому что на нем не было снега, и еще потому, что оттуда мне была лучше видна великолепная панорама Швейцарских Альп. Я сразу же вспомнил, что у меня в кармане лежат две сигары, и, зажав одну зубами, зажег спичку и подумал, что я счастливейший из смертных. Внезапно меня как будто разбил паралич, — спичка обожгла мне пальцы, но у меня не было сил выронить ее. Голова оставалась совершенно ясной, но силы покинули меня, и я сидел, беспомощный и неподвижный, как камень. Я знал, что меня ожидает. «Это сон снегов! — поду-

мал я. — Если я пошевелюсь, то свалюсь в пропасть; а если не буду двигаться, то окоченею через двадцать-тридцать минут». Я вознес краткую молитву Господу и решил наблюдать за приходом смерти. Сначала у меня онемели руки и ноги. Боли я не испытывал, поэтому особенно не волновался. Но вот когда тело мое совершенно окоченело, и смерть, казалось, совсем рядом, голове вдруг стало страшно холодно, и я почувствовал, что сердце мое будто стиснули клещами, стараясь вырвать из меня жизнь. Мне еще никогда не было так больно, но это быстро прошло, и жизнь отлетела от меня. «Ну вот, — подумалось мне, — наконец-то я стал тем, кого называют мертвецом, и вот теперь, как воздушный шарик на ниточке, болтаюсь в воздухе. К земле меня по-прежнему привязывает какая-то эластичная нить, но я поднимаюсь все выше и выше. Как это странно! Я вижу лучше, чем всегда, но ведь я мертв...»

Где же мое мертвое тело? Посмотрев вниз, я с изумлением обнаружил свою брентную оболочку. «Странно, — сказал я себе. — Вот лежит тело, в котором я жил и которое называл «я», как будто оболочка может быть телом, а тело способно быть душой! Как жутко это тело выглядит — смертельно бледное, с грязно-желтым оттенком кожи, зажав в зубах сигару и держа в обожженных пальцах спичку. Ну, я надеюсь, что больше ты никогда не закуришь, тряпка! Ах! Если бы у меня были руки и ножницы, чтобы перерезать эту пуповину, которая меня по-прежнему с ним связывает! Когда мои спутники вернутся, они взглянут на это и скажут: «Профессор умер». Несчастные! Они не знают, что я никогда не чувствовал себя более живым, чем сейчас. В доказатель-

ство я вижу, как проводник забирает вправо, хотя обещал мне свернуть налево; а этот В. — он должен был идти последним в связке, а он — не первый, и не последний, он вообще отдельно от связки. Проводнику кажется, что я не вижу его, он пытается укрыться за спинами молодежи, прикладываясь к моей бутылке с мадерой. Не стесняйся, бедняга, я надеюсь, что моему телу больше никогда не пить из нее. А! Вот он крадет куриную ножку. Ну, давай же, старина, съешь всю курицу целиком, если тебе так хочется, потому что я надеюсь, что мои жалкие останки никогда больше не смогут есть или пить». Я не чувствовал ни удивления, ни раздражения; я просто бесстрастно констатировал факты. «Привет, — промолвил я, — а вот моя жена направляется в Люцерну, хотя говорила мне, что не поедет до завтра или даже послезавтра... Вот они стоят впятером перед отелем в Люцерне. Прости, жена, я умер. Прощай». Я жалел только о том, что не могу перерезать нить. Бестелесный, я путешествовал по стольким потрясающим мирам, что Земля стала казаться маленькой и незначительной. Меня снедали только два желания: никогда больше не возвращаться на Землю, и обрести, наконец, свое следующее славное воплощение, свое тело, без которого я чувствовал себя абсолютно недееспособным. Я не мог ощутить счастья, потому что нить, хотя и стала намного тоньше, так и не была перерезана, а столь желанное тело по-прежнему оставалось недоступным для моего жадного ищущего взора.

Внезапно я ощутил толчок, и подъем мой прекратился; я почувствовал, как какая-то сила упорно тянет меня вниз. Печаль моя была безмерна. Дело

в том... наш проводник нашел мое тело и применил к нему испытанное средство, растирая его снегом... Далее следует провал в памяти. Я помню только, как все завертелось у меня перед глазами, а к проводнику я испытал невыразимое отвращение, когда он, ожидая благодарности, попытался дать мне понять, что совершил чудо... Никогда еще я не испытывал такого раздражения. Наконец я смог ответить своему бедному проводнику: «Ты глупец, и меня считаешь глупцом, а на самом деле страдает только мое тело. Увы! Если бы ты просто перерезал нить».

«Нить? Какую нить? Вы едва не погибли».

«Погиб! Да я был живее, чем ты сейчас, и в доказательство этому я скажу, что видел, как ты восходишь на Тилтис по правой стороне, тогда как ты обещал мне идти слева».

Мужчина заколебался, а потом ответил: «Но ведь снег был мягкий, и мы не могли поскользнуться».

«Ты говоришь так, потому что ты думал, что я далеко. Ты пошел по правому склону и позволил двум ребятам бросить веревку. Кто из нас глупец? Ты — не я. А теперь покажи мне мою бутылку с мадерой, и мы посмотрим, сколько в ней осталось».

Это явилось для него такой неожиданностью, что он отпустил меня, повалившись навзничь и разговаривая сам с собой: «Неужели он следил за нами? Да нет, мы бы его увидели. А не может ли он видеть через горы? Получается, его тело умерло, а дух упрекает меня за то, что я сделал?»

«Кстати, — добавил я безжалостно, — ты можешь лежать и смотреть на меня снизу вверх сколько

тебе угодно, и лепетать свои жалкие объяснения, но ты не сможешь доказать, что у моей курицы две ноги, потому что ты украл одну».

Для малого это оказалось чересчур. Он поднялся на ноги, вытряхнул все из своего рюкзака, пробормотал нечто похожее на извинения, и бросился прочь».

Тот факт, что преподобный Бертран видел, как его жена отправилась в Люцерну на день раньше срока, тоже получил свое подтверждение.

В этом случае у нас есть не только подтверждающие показания других людей, но также и явно «невозможное» знание преподобным Бертраном того, чем занимался проводник, повернувшись к нему спиной. Если Бертран ошибочно посчитал себя мертвым, тогда его, без сомнения, посетило некое странное экстрасенсорное озарение.

Есть несколько деталей, на которых стоит остановиться подробнее. Одна из них — эта «нить», которую Бертран все время хотел перерезать. Он не объясняет, что он имел в виду под словом «нить», но, как мы вскоре убедимся, упоминания о ней постоянно встречаются в описании так называемого «существования вне телесной оболочки» (сокращенно СВТ), во время которого люди «выплывали» из своих тел и как будто глядели на оставленную оболочку сверху вниз, связанные с ней некой сверкающей нитью. Еще одна странность — это способность Бертрانا узнавать о том, что происходило в других местах: что делал проводник, как его жена собралась в Люцерну, и так далее. Необходимо отметить, что о подобном феномене рассказывали многие, утверждавшие, что какое-то время они существовали вне своих тел. Обратите внимание, что

Бертран испытал облегчение, вырвавшись из объятий своего тела, а потом разочарование — негодование и ярость, если точнее — когда его заставили в него вернуться. Это еще одна общая черта в подобных рассказах.

И в этом, собственно, и заключается основное отличие рассказа преподобного Бертрана от истории, выдуманной Альфредом Сутро. Если судить по тысячам записей в анналах ОИОП, то «настоящие» привидения не рассказываются по берегам рек, в двух шагах от своих утонувших тел, всхлипывая так громко, что их можно услышать даже сквозь шум мотора. Они не могут позволить себе, чтобы их подбিরали, или указывать на свое жилище. Если на то пошло, то они и не разгуливают с головой под мышкой, стелая и гремя кандалами. Типичное привидение, как явствует из многих отчетов, очень похоже на нормального человека.

Одна леди сидела и читала, когда в комнату вошел высокий, худощавый старик; присмотревшись, она узнала в нем своего двоюродного дядю. Он выглядел взволнованным, а в руках держал свернутый в трубку лист бумаги. Он ничего не ответил, когда она с ним заговорила, а просто вышел через полуоткрытую дверь. Женищина несколько не встревожилась, поскольку сделала вполне естественный вывод, что двоюродный дядя просто приехал навестить ее. Но со следующей почтой она получила письмо от отца, в котором тот просил ее приехать к двоюродному дяде, поскольку тот серьезно заболел. Она поехала, но обнаружила, что дядя уже умер вчера днем и именно в то время, когда она его видела. Свиток бумаги нашли у покойного под подушкой, и племянница заключила, что дядя хотел изменить свое завещание в пользу ее отца, но смерть помешала ему сделать это. Эта история почерпнута в одном

из классических трудов, где приведены результаты ранних исследований основателей ОИОП: «Phantasms of the Living» («Живые призраки»), авторов Гурнье, Майерса и Подмора (том 1, стр. 559). В книге описывается череда событий, аналогичных сотням подобных отчетов. (Кстати, книга насчитывает более тысячи страниц.) И в истории, которую поведал преподобный Бертран, события следуют тем же порядком, что и в сотнях подобных рассказов о предсмертных или посмертных состояниях.

Впрочем, в любом таком рассказе всегда можно найти несообразности. Например, историю о двоюродном дяде передал в ОИОП некий майор Тейлор, объяснивший, что леди, которая рассказала ее, «мисс Л.», хотела бы сохранить инкогнито из уважения к чувствам ближайшего родственника. История могла быть выдумана мисс Л., или майором Тейлором, или, уж если на то пошло, авторами книги. Но следует помнить, что в «Живых призраках» описываются сотни случаев, и в большинстве из них прослеживаются сходные ситуации; невероятно, чтобы все они были выдуманы.

В этом, собственно, и заключается основной аргумент в пользу жизни после смерти (загробной жизни), выдвинутый Сведенборгом: наличие великого множества сходных доказательств. Известны сотни сообщений о жизни после смерти, в которых события укладываются в достаточно стройную, повторяющуюся систему. Система заключается в следующем. После наступления смерти, которая может сопровождаться ощущениями боли, человека внезапно охватывает чувство свободы. Зачастую ему кажется, что он идет по длинному тоннелю, в конце которого виден свет. После этого он смотрит на свое тело. При этом люди обычно

испытывают чувство глубокого умиротворения и облегчения от того, что они покончили с физическим существованием. Иногда случается, что человеку трудно смириться с мыслью о собственной смерти, и он пытается заговорить с другими людьми, но его попросту не замечают, хотя животные зачастую реагируют на его присутствие. Он пробует прикоснуться к ним, но его рука проходит сквозь них. Во многих отчетах говорится, что «мертвеца» встречают ранее умершие родственники; это происходит только в том случае, если человек признает себя умершим. Часто упоминается и о том, что умерший человек испытывает замешательство и недоумение, и никак не может осознать, что он уже мертв. В этом случае человек может остаться заключенным на земле навсегда — т.е. стать «земным» духом.

Единственным возражением против правдивости случая с преподобным Бертраном, то есть аргументом против существования загробной жизни, является отсутствие каких-либо реальных доказательств того, что он действительно умирал. Он ведь мог просто грезить наяву. Даже то, что он точно знал, что натворил его проводник, не может служить доказательством его смерти; это могло быть чем-то типа «предвидения во сне». Впрочем, есть свидетельства того, как медиумы передавали сообщения, исходившие, по их утверждению, от умерших, описывающих процесс расставания с жизнью достаточно подробно. В качестве примера возьмем типичный случай, о котором рассказал наш современник, естествоиспытатель доктор Роберт Круколл. Речь идет о смерти доктора Карла Новотны, ученика психолога Альфреда Адлера. Новотны приснился своей знакомой Грете Шредер за два дня до его смерти, а умер он на Пасху в 1965 году, и

в этом сне он сообщил ей о своей предстоящей гибели. То, что сон сбывся, произвело на Грету настолько сильное впечатление, что она обратилась к медиуму, хотя раньше подобные вещи ее абсолютно не интересовали. Медиум принял сообщение о смерти Новотны с помощью метода самопроизвольного написания, причем, по утверждению Греты, записано оно было почерком Новотны.

«Новотны» рассказал, как он, находясь в своем загородном доме и собираясь встретить там Пасху, согласился пойти на прогулку с друзьями. Он уже некоторое время чувствовал себя больным и даже колебался, стоит ли ему отправляться вместе с ними.

«Как бы там ни было, я заставил себя пойти с ними. Во время прогулки я почувствовал себя легко и свободно. Я пошел вперед, полной грудью вдыхая свежий вечерний воздух, и чувствовал себя самым счастливым человеком на земле. Я изумлялся своему хорошему самочувствию, тому, что я не испытывал усталости и одышки.

Я повернулся спиной к своим спутникам и вдруг понял, что смотрю на свое собственное тело, лежащее на земле. Мои друзья были в отчаянии, звали врача и пытались найти машину, чтобы отвезти меня домой. Однако я чувствовал себя прекрасно, совсем не испытывал боли, и просто не мог понять, что случилось. Я наклонился и пощупал пульс у лежащего на земле тела. Да, сердце его не билось, значит, я умер. Но ведь я был все еще жив! Я заговорил с друзьями, но они не замечали меня и не отвечали мне. Я так разозлился на них, что ушел...

И тут я наткнулся на свою собаку, которая жалобно скулила, не в силах разобраться, к какому из двух «я» ей надо бежать, потому что она видела меня в двух местах одновременно, стоящим и лежащим на земле.

Когда все формальности были совершены, а тело мое уложили в гроб, до меня дошло, что ведь я умер! Но я не хотел признать этого; как и мой учитель, Альфред Адлер, я не верил в загробную жизнь... Я поднялся по склону к дому Греты. Она была одна, и выглядела очень несчастной. Но, похоже, и она не слышала меня.

Мне пришлось признать, что все мои усилия были напрасными. Стоило мне смириться с этим, как я увидел свою матушку, которая шла ко мне, простирая руки; она сообщила мне, что я перенесся в потусторонний мир — сообщила не словами, разумеется, поскольку слова остались на земле. Но и теперь ее утверждение казалось мне невероятным, и мне пришло в голову, что я, должно быть, сплю, и мне снится сон. Я долго убеждал себя в этом, не признавая правды, и чувствовал себя очень несчастным...»¹

Легко понять, почему Бертран Рассел не верил таким «свидетельствам». Это очень похоже на принятие желаемого за действительное. Эти свидетельства, судя по всему, также противоречат здравому смыслу. Например, Навотны описывает, как вдыхал вечерний воздух. Получается, мертвые дышат так же, как и живые, преобразуя кислород в двуокись углерода? Можно предположить, что он стоял рядом со своим телом полностью одетым — если бы он вдруг за-

¹ Robert Crookall, *What Happens When You Die*, p. 63).

метил, что лишился одежды, то значительно раньше забеспокоился бы и понял, что происходит что-то необычное. Означает ли это, что и наша одежда переживает смерть вместе с нами? А ведь отчет изобилует фактическим материалом. Если бы Навотны упомянул о вихре разноцветных огней или о том, что он ощутил нечто волшебное и неземное, мы бы, может, поверили ему больше. А заурядное описание поиска пульса у самого себя и обиды на своих друзей характеризуют человека скорее живого, чем умершего.

Объективности ради стоит отметить, что существует множество сообщений, в которых процесс умирания описывается примерно так же. Когда пропавший без вести моряк рассказывает, что его корабль потерпел крушение у берегов острова, на котором живут аборигены с зелеными волосами и длинными хвостами, мы бы, вероятно, предположили, что он или неистовый фантазер, или страдает белой горячкой. А вот если бы сотни моряков рассказывали аналогичные истории на протяжении многих лет, было бы глупо к ним не прислушаться. Дыма без огня не бывает, даже если это просто тайный сговор моряков. Точно так же, когда один рассказчик за другим, из тех, кто пережил смертельную опасность, произносит фразу «передо мной промелькнула вся моя жизнь», то вполне разумным и вероятным будет предположение, что в мозгу имеется некий любопытный механизм «обратного воспроизведения», который включается в момент опасности для жизни. Те, кто верит в загробную жизнь, могут заявить, что этот механизм предназначен для того, чтобы «напомнить» человеку, кто он такой, чтобы он не оказался в «потустороннем мире» в полном неведении и растерянности. Скептики могут счесть это очередной загад-

кой природы, вызванной притоком адреналина или неким энергетическим выбросом, происходящим в крайних ситуациях. Но, учитывая количество рассказов об этом ощущении, непростительной глупостью было бы просто отмахнуться от них, сочтя их бабушкиными сказками.

Означает ли это, что Бертран Рассел сознательно вводит себя в заблуждение, когда говорит, что «веру в будущую жизнь пробуждают не разумные доводы, а чувства и эмоции»? Совсем необязательно. Следует признать, что в окружающем нас мире бездна интересного, и каждый волен выбирать себе загадки по вкусу. Рассел посвятил свою жизнь попыткам установить основные «закономерности» логики и математики, и нельзя винить его в том, что он уверен: «Если ты умер, то это навсегда».

В чем можно упрекнуть Рассела, так это в ограниченности его предположений о том, почему люди верят в загробную жизнь. Он считает само собой разумеющимся, что веских научных доказательств существования загробной жизни попросту не существует, так что все это лишь выдавание желаемого за действительное. На упрек в том, что он отвергает очевидное, Рассел мог бы возразить, что у него нет времени на ерунду, но вот если бы кто-то предоставил ему действительно надежное и веское доказательство существования загробной жизни, то он, может быть, с готовностью позволил бы себя убедить.

Все дело в том, что это не тот путь, благодаря которому мы приобретаем свои убеждения. Мы не потому считаем человека надежным, что у нас есть тому убедительные, неопровержимые доказательства. Мы приходим к такому выводу после неоднократных столкновений с этим человеком, которые, в конце концов, складываются в мо-

заик, давая нам общее представление о его характере. Это можно сравнить с газетной фотографией — сквозь увеличительное стекло замечаешь, что она состоит из множества черных и серых точек. Глядя на эти отдельные точки, невозможно поверить в то, что они образуют знакомое лицо. Странность заключается в том, что если смотреть на фотографию издалека, точки исчезают, и видишь не только само лицо, но и выражение глаз. А если взглянуть в те же глаза сквозь увеличительное стекло, то совершенно невозможно рассмотреть, как точки складываются в «выражение».

То же самое происходит и при изучении паранормальных явлений. Я сам столкнулся с этой проблемой несколько лет назад, когда писал книгу о полтергейсте — «шумном привидении», сведения о котором передаются из поколения в поколение.¹

Однажды мне позвонил мой бывший издатель и поинтересовался, над чем я сейчас работаю. Я только что возвратился из Понтефракта, где занимался расследованием дела, в котором фигурировал чрезвычайно активный призрак черного монаха, и я стал рассказывать ему об этом. «Не может быть, чтобы ты серьезно верил в эту ерунду», — заявил мне он, и начал выдвигать обычные возражения: неточное описание, озорные дети, сейсмические возмущения, свидетели, которые лгут. На каждое его возражение я приводил ему новый случай, опровергающий его доводы, но он тут же выдвигал новые. Примерно через полчаса такой дискуссии я понял, что ничто

¹ См. мою книгу «Poltergeist, A Study in Destructive Haunting» (1981).

из того, что я мог бы ему сказать, не изменит его мнения. Он был твердо убежден, что духи, привидения и полтергейсты представляют собой лишь достойный сожаления предрассудок, и все тут. Каждый случай, о котором я ему рассказывал, был для него лишь точкой на фотографии. Глядя на нее сквозь увеличительное стекло, он видел, что она ничего не доказывает.

Я провел долгие месяцы за изучением описаний сотен известных случаев: в древнем Риме и сегодняшнем Лондоне, в средневековой Франции и современной Бразилии. Мне удалось вычленить основные признаки и характерные черты полтергейста, и я вынужден был признать, что они типичны. Иными словами, они образуют систему. До тех пор, пока моего приятеля не удастся убедить потратить несколько недель на изучение тех же самых случаев, он будет считать, что каждый из них можно объяснить жульничеством или обманом. Если бы я только заикнулся об этом, он бы счел, что я веду себя покровительственно и снисходительно. Он считал — и вполне справедливо, — что его способности к логическому мышлению ничуть не хуже моих. Но он не понимал того, что для их эффективного использования необходим обширный фактический материал. Без фактов, на которые можно опереться, самый блестящий ум, обладающий выдающимися дедуктивными способностями, окажется бессилён.

Эта книга отнюдь не ставит целью убедить кого-либо в реальности загробной жизни. Перед вами лишь попытка систематического изложения имеющихся фактов, а выводы читатель волен сделать самостоятельно.

Глава вторая

Мир ясновидящих

Когда я по утрам открываю глаза, мне и в голову не приходит усомниться в том, что мир, который я вижу, отличается от того, который окружает вас. Наверное, это разумное предположение, но оно может помешать мне увидеть некоторые важные различия между мной и моими собратьями-людьми.

Когда Чарльз Дарвин прибыл в Тьерра-дель-Фуэго на фрегате «Бигль» в декабре 1832 года, его поразили блестящие способности местных жителей к подражанию. Не зная ни единого слова по-английски, они с легкостью воспроизводили целые предложения, причем с хорошим британским акцентом. Более того, они с удовольствием распевали матросские песни, сидя у костра с экипажем «Бигля», подхватывая каждое слово за моряками. (Дарвин выразился по этому поводу так: «Они постоянно запаздывали, и это выглядело очень курьезно, смешно и немного нелепо».) Дарвин был озадачен. «Чем можно объяснить такую способность? — вопрошал он. — Не является ли она следствием развитой и острой проницательности, которой отличаются все примитивные народы в сравнении с цивилизованными?»

Дарвин был на правильном пути; но его типично английская манера мышления не позволила ему проникнуть в самую суть происходящего. Позднее это удалось зоологу Лайаллу Уотсону:

«Пигмей из непроходимых лесов Итури, где взгляд уже на расстоянии вытянутой руки упирается в зеленый массив, попав в первый раз в саванну, приходит в неопишуемое изумление, увидев вдалеке крошечную антилопу. В вечном сумраке, царящем под кронами деревьев, слух становится более важным, чем зрение, поэтому жизненный опыт пигмеев складывается из другого восприятия мира. Они живут в замкнутой, отдельной реальности».

Другими словами, культура пигмеев является слуховой, а не визуальной. Для нашей культуры более важно зрение, а не слух. Житель большого города едва замечает постоянный шум, который прибоем грохочет у него в ушах, но вынужден обращать особое внимание на автобусы и автомобили, поскольку они могут сбить его. Первобытные люди в той же степени должны обращать внимание на звуки, поскольку они могут указывать на присутствие опасного дикого животного или врага. Если бы Дарвин смог проникнуть в голову обитателя Тьеррадель-Фуэго, он, вероятно, растерялся бы не меньше, как если бы смотрел на наш мир глазами марсианина.

Об этом же говорит и психолог Уильям Джеймс в своей основополагающей работе «On a Certain Blindness in Human Beings» («В отношении определенной слепоты человеческой расы»). Он утверждает, что мы не замечаем вещей, которые нас не интересуют; они попросту «от-

сутствуют» для нас. А поскольку каждого из нас интересуют разные вещи, то и окружающий мир мы видим по-разному. Человек, едущий на автобусе или в метро, полагает, что его окружают представители того же самого вида; на самом деле, он находится в компании троглодитов, марсиан, венерианцев, жителей Тьерра-дель-Фуэго, Патагонии, и других чужеземных племен.

Среди цивилизованных человеческих созданий есть такие экземпляры, которые выглядят так же странно и «по-другому», как и обитатели Тьерра-дель-Фуэго. Их называют медиумами или ясновидящими, и они встречаются гораздо чаще, чем нам представляется. Поэтому, когда медиум описывает какое-то событие, которое ему кажется совершенно естественным, мы запросто можем счесть его сумасшедшим.

Розалинда Хейвуд описывает один из таких случаев. В нем оказались задействованы она сама и ее муж, когда они пошли полюбоваться закатом на Оксхэмптон.

«Внезапно, безо всякого предупреждения, невероятная красота перенесла меня через барьер. Не я смотрела на Вселенную, а Вселенная глядела на меня. И ей не понравилось то, что она увидела... бесчисленные безобидные создания пятились прочь, оскорбленные нашим вторжением... как по команде, они повернулись, чтобы получше рассмотреть нас, и мне показалось, что я буквально услышала вздох облегчения, который вырвался у них, когда они пришли к общему решению. Мы не были опасными или жестокими. Наши извинения были приняты. Мы могли продолжать идти — внутрь».

Несколько дней спустя она дописала послесловие.

«А потом и я, в свою очередь, почувствовала вторжение. Это было незабываемое ощущение. Оно походило на то, что бывает, когда возбужденная стайка детишек атакует окно, чтобы крикнуть «привет!» и пригласить меня поиграть вместе с ними. Какое-то мгновение их визит казался мне совершенно нормальным, но потом включилось мое аналитическое мышление, и они сразу же перестали для меня существовать».

Если после прочтения этого отчета у вас возникло ощущение, что сама автор — человек со странностями и немножко «медиум», то, должен сказать, оно совершенно неправильное. Автор, Розалинда Хейвуд, была пожизненным членом Общества исследований в области психики, обладала развитым интеллектом, и ее способы и методы проведения исследований и изысканий отличались той же тщательностью и полнотой, что и у самых отъявленных скептиков. Собственно говоря, ее отношение к тому, что ей пришлось пережить, представляет любопытную смесь недоверия и подозрительности. Описывая методики психических исследований, — например, в своей книге «The Sixth Sense» («Шестое чувство»), — она старается непредвзято говорить о происходящих событиях, чем очень напоминает Бертрана Рассела. В своей автобиографии, «The Infinite Hive» («Муравейник без границ»), она, впрочем, привносит личностное отношение в описание своих собственных впечатлений и ощущений, в результате чего получается одно из самых убедительных свидетельств проникновения в необычный и странный мир ясновидящих.

Следует отметить один из ее комментариев: «...потом включилось мое аналитическое мышление, и они сразу же перестали для меня существовать». Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с различием между разумом и интуицией — то есть, левого полушария с правым. Это, в свою очередь, позволяет высказать предположение, что медиум очень похож на гения от искусства, например Моцарта, в голову которого мелодии приходили в законченном виде и спонтанно. (Композитор Сен-Санс тоже как-то признался, что для того, чтобы сочинить музыку, ему надо просто прислушаться.) В цивилизованном человеческом обществе левое полушарие продолжало развиваться в ходе эволюции до тех пор, пока не стало полностью доминировать над правым. А медиумы вроде Розалинды Хейвуд стали ближе к нашим предкам, жившим примерно десять тысяч лет назад (или намного раньше, если прав Джулиан Джейнс).

Безусловно, следует присмотреться повнимательнее к развитию паранормальных возможностей Розалинды Хейвуд, поскольку это позволит понять, что она не так уж сильно отличается ото всех нас и, вероятно, подобная же способность у всех остальных просто остается латентной, скрытой.

Она родилась в поместье, которое можно с полным правом назвать выставочным образцом поздней викторианской эпохи, и не подозревала о своих необычных психических возможностях, пока не стала взрослой. До этого она была склонна приписывать все странности своему воображению. Например, в тринадцатилетнем возрасте она записала, что «отдает себе отчет в существовании низших сущностей».

«Однажды это случилось в моей спальне в доме бабушки... вместе со мной там находилось таинствен-

ное невидимое Нечто... Если бы об этом Нечто можно было поговорить со взрослыми, я бы, может, узнала, что моя мама и моя тетя, независимо друг от друга, обе по отдельности, видели призрак пожилой женщины, стоявшей в ногах моей кровати...»

Но едва она начала отдавать себе отчет в том, что у нее развиваются паранормальные способности, как ее постигло ужасное потрясение: она купила в киоске на вокзале книгу Эрнста Хеккеля «The Riddle of the Universe» («Загадка Вселенной»). Хеккель — философ-материалист, и его «Загадка Вселенной», ставшая бестселлером в начале двадцатого века, представляет собой блестящую попытку популяризации открытий современной науки. Он рассматривает эволюцию тела, разума и Вселенной в свете современных достижений биологии и астрономии, и заявляет, что личного Бога для каждого не существует, что свободная воля — это иллюзия, и что жизнь после смерти — величайший религиозный предрассудок и суеверие. Розалинда Хейвуд была уничтожена.

«Бедная моя мама! Никакой взрыв бомбы не смог бы столь эффективно разрушить те устои, на которых она тщательно строила жизнь своей дочери. Наконец, правда стала известна всем. Бога нет... Прощай, надежда найти Высшее Нечто, и — какой ужас! — оказалось, что мои такие всезнающие родители жили в выдуманном мире».

Вскоре после этого, в 1914 году, началась война, и Розалинда Хейвуд стала сестрой милосердия. Впервые она заподозрила у себя способности к экстрасенсорному

восприятию, дежуря у постели женщины, которая была без сознания, и читая «Братьев Карамазовых». Углубившись в главу, в которой Иван беседует с дьяволом, она заметила, как больная села на кровати, показала пальцем на изножье кровати и вступила в разговор с чертом. Конечно, это могло оказаться совпадением, но странным образом все это напоминало телепатию.

Спустя несколько недель она сидела у кровати тяжело больного мужчины, который бредил. Он, по-видимому, не замечал ее присутствия. Внезапно Розалинда почувствовала, как чей-то голос сказал ей: «Прикажи ему успокоиться». Вспомнив свое предыдущее столкновение с телепатией, она рискнула, и буквально сразу же мужчина погрузился в спокойный сон. Когда позже дежурная сестра разбудила его, отодвигая ширму, Розалинда снова мысленно «усыпила» его. Когда же сестра в палате разбудила его в третий раз, попытка усыпить больного уже не удалась. Вдруг мужчина прекратил метаться и спокойно произнес: «Не стоит так напрягаться, сестра. Я больше не засну». После этого бред у него возобновился, и он начал радостно вскрикивать: «Это Анни! И Джон! О, Свет!».

То, что рассказала Розалинда Хейвуд, может служить типичным примером паранормального восприятия на смертном ложе. В 1960 году доктор Карлис Осис из Нью-Йоркского Фонда Проблем Парапсихологии разослал десять тысяч анкет для сиделок и медицинских сестер, в которых просил их описать ощущения и видения, которые испытывали их пациенты на смертном одре. Во многих случаях умирающие были уверены, что перед смертью они видят кого-то из своих умерших родственников. Сэр Уильям Баррет, основатель Общества иссле-

дований в области психики, сделал аналогичное открытие, когда собирал материал для своей книги «Death-bed Visions» («Видения на смертном одре»).

Странно, но все это никоим образом не повлияло на скептицизм Розалинды Хейвуд, которым она была обязана «Загадке Вселенной» Хеккеля. Не поколебали ее и последующие многочисленные «голоса», из-за которых она иногда принимала явно нерациональные решения. Когда один солдат умирал от гемоглобинурийной лихорадки, и врачи уже поставили на нем крест, «голос» распорядился, чтобы она спросила у него, чего он хочет больше всего на свете. Солдат ответил: «Красную розу, сестра». Розалинда услышала свой голос, пообещавший выполнить его просьбу завтра. Это была самая невероятная вещь, которую можно было найти в госпитале в Македонии, но на следующий день она попросила курьера передать просьбу найти красную розу в службу снабжения. Оттуда доставили целую охапку пунцовых роз, переданных каким-то греческим магнатом. Умиравший солдат выздоровел. Когда тяжелораненые не могли заснуть, «голоса» приказывали ей составить свое собственное успокоительное, причем оно обязательно должно было быть отвратительным на вкус; она смешивала взятые наобум лекарства, и для полноты ощущений добавляла чайную ложку соли. Лекарство срабатывало просто великолепно; после этого раненые засыпали без труда. Когда один наркоман отказался принимать пищу, «голос» приказал Розалинде: «Изводи его! Придирайся к нему! ПРИДИРАЙСЯ!». Все ее существо восставало против этого, но она подчинилась; наступил такой момент, когда наркоман со стоном произнес: «Я съем все, что угодно, только уйди от меня», и вскоре он начал есть нормально.

Большинство описанных случаев можно, разумеется, легко списать на проявление подсознания, но в книге Розалинды Хейвуд есть и другие свидетельства, для которых такое объяснение не подходит. Она вспоминает, как однажды, в середине лета, когда она уже собиралась запереть дом и отправиться на месяц в отпуск, «голос» посоветовал ей отключить воду, поскольку водопроводная труба могла лопнуть. Но стоило ей поделиться этим с мужем, как тот привел ей тысячу самых разнообразных причин, почему трубы не лопаются в разгар лета. Вместо того, чтобы попытаться переубедить его, Розалинда решила оставить запасной ключ подрядчику-строителю, чтобы тот смог попасть в дом, если труба все же лопнет. Он также пустился объяснять, почему трубы не лопаются в июле. Труба все-таки лопнула, и подрядчик воспользовался ключом, чтобы добраться до нее и починить. В этом случае объяснить вмешательство «голосов» проявлениями подсознания намного труднее, особенно если учесть, что, по словам Розалинды, водопроводные трубы и все с ними связанное — для нее тайна за семью печатями.

Описания схожих случаев, приведенные в «Муравейнике без границ», позволяют с большой вероятностью предположить, что у Розалинды развивалась способность к «предвидению», то есть способности видеть будущее. Очевидно, это такое качество, которое не может существовать по определению. Для большинства других так называемых паранормальных способностей — телепатии, ясновидения, способности общаться с духами, психокинеза — мы можем найти более-менее приемлемые научные объяснения. Но вот для предвидения будущего объяснения не существует; оно нелогично и абсурдно само по

себе — попросту невозможно, — поскольку будущее еще не наступило! И, тем не менее, в книге Розалинды Хейвуд содержатся несколько примеров предвидения будущего, и к большинству из них любое рациональное объяснение не применимо. Например, она рассказывает о том, как ее муж встретился с изобретателем, который никак не мог продвинуть свое изобретение; ее муж, который как раз и занимался подобными вещами, предложил тому свою помощь. Когда он рассказал об этом Розалинде, она пришла в восторг — пока ее супруг не упомянул имени изобретателя. И вот тут на нее нахлынула «волна ужаса и отвращения»: «Пожалуйста, очень тебя прошу, не связывайся с этим человеком». Ее муж настаивал, что уже слишком поздно идти на попятную. Итак, он заключил с изобретателем сделку, и вскоре этот человек обманул их, был арестован и покончил собой после того, как его отпустили под залог.

Ее собственное объяснение заключается в том, что подсознательно ее муж отдавал себе отчет, что изобретатель был мошенником, а она узнала об этом с помощью телепатии. Поскольку она неоднократно ссылается на развитые психические способности своего супруга, кажется довольно странным, что он отверг ее мольбы и настоял на заключении делового соглашения с мошенником.

Розалинда приводит пример проявления психических способностей своего мужа. Когда их автомобиль столкнулся с лимузином, ее муж спокойно заметил, что прошлой ночью эта авария приснилась ему, поэтому он «знал», что все обойдется заменой всего лишь одного колеса. Когда он вылез из машины и осмотрел ее, то произнес: «Ну вот, все так, как я и думал», и сменил колесо.

Здравый смысл подсказывает нам, что это могло быть простым совпадением, но как быть с проявлениями тех же способностей у ее младшего сына, на которые ссылается Розалинда? Когда он вернулся из Англии в Америку, чтобы провести летние каникулы с родителями, то сказал матери, что уже знает ту деревушку, в которой они остановились, потому что видел ее во сне. «Если это так, — ответила ему мать, — тогда покажи нам, как пройти к морю». Он показал им дорогу на пляж, а затем среди сотен пляжных зонтов безошибочно привел их к тому, который принадлежал им. «Как ты узнал, что это наш?» — спросила Розалинда. «Я видел во сне рисунок на нем». Розалинда Хейвуд согласна с тем, что это было проявлением телепатии. Следующий случай произошел, когда сын нашел название какой-то улицы на карте Лондона. Оно ему было нужно, как он позже объяснил матери, потому что он знал, что его спросят об этом.

Итак, если мы отвергаем теорию о совпадении или об установлении сложной телепатической связи с незнакомцем, единственным объяснением остается то, что сын Розалинды «предвидел» событие, то есть «просто» «вспомнил будущее». А плохое предчувствие Розалинды Хейвуд, когда ее муж упомянул имя мошенника, было вызвано тем, что распознала в нем человека, который уже обманул их.

Совершенно очевидно, что это полностью противоречит представлениям о том, что время течет в одном направлении, а те события, которые происходили с людьми, обладающими паранормальными способностями, также опровергают и общие представления о пространстве. Один из основных законов нашего мира состоит в том, что никто не может одновременно находиться в двух различных ме-

стах. Опыт Розалинды Хейвуд опровергает это. Когда однажды ночью ей не спалось, она подумала о том, что неплохо было бы разбудить мужа и заняться с ним любовью.

«Прежде чем я смогла осуществить это крайне эгоистичное желание, случилось нечто странное: я раздвоилась. Одна «я» в розовой ночной рубашке продолжала ворочаться в постели... а другая, облаченная в длинное, очень белое одеяние с капюшоном, спокойно, неподвижно и отстраненно стояла теперь в ногах кровати. Эта «Белая я» казалась такой же настоящей, как и «Розовая я», и я совершенно отчетливо осознавала свое присутствие в двух местах одновременно».

«Розовая я» и «Белая я» стали спорить, стоит ли ей будить своего мужа.

«Розовая я» оказалась совершенной эгоисткой, маленьким животным, состоящим исключительно из «потребностей»... «Я сделаю так, как мне хочется, — в гневе выпалила она, — и тебе меня не остановить, ханжеская белая свинья!» Особенную ярость у нее вызывало то, что она прекрасно знала, что «Белая я» сильнее и могла попросту остановить ее.

Мгновением позже — причем я не ощутила никакого перехода — «Белая я» снова оказалась заключенной в одном теле с «Розовой я», и с тех пор они сосуществуют в нем, как прилив и отлив. Только некоторое время спустя я смогла сознательно отождествлять себя с «Белой я», не чувствуя тех желаний и отвращения, которые неизменно раздирали на части «Розовую я».

Из опасения, что читатель отнесется к ее рассказу как к символической выдумке, Розалинда приводит в пример одну женщину, которая «раздвоилась» после рождения ребенка. Одна ее часть продолжала лежать в кровати, а другая стояла рядом. Когда ее спросили, как эти две «части» относились друг к другу, она ответила: «Та «я», что стояла у кровати, разглядывала «Меня» в кровати с совершеннейшим презрением, лишенным каких бы то ни было родственных чувств».

Впрочем, подобные случаи совершенно не поколебали агностицизм, почерпнутый Розалиндой Хейвуд у Хеккеля; собственно говоря, а почему это должно было случиться? Существование телепатии и ясновидения само по себе не противоречит «материалистическому» взгляду на мир. Даже случаи предвидения не бросают вызов материализму. Может статься, что наше представление о времени как об улице с односторонним движением в чем-то ошибочно, но правда о времени может оказаться столь же логичной и научной, как и наши нынешние взгляды на это понятие.

Что наконец подорвало агностицизм Розалинды Хейвуд, так это два случая явных контактов с умершими. Первый из них произошел в Вашингтоне в 1930 году. Муж Розалинды Франк находился в то время на дипломатической службе. На вечеринках и светских раутах они часто встречали привлекательную женщину по имени Джулия. Однажды она попросила Розалинду прочесть ее будущее по ладони (она увлекалась хиромантией). Но едва Розалинда взяла в свои руки ладонь Джулии, как услышала свой собственный торжественный и утрюмый голос: «Вам никогда не найти того, что вы ищете в этом мире не так ли?». Джулия ответила, столь же утрюмо: «Да».

Спустя несколько недель Джулия подарила Розалинде Хейвуд свою фотографию; она должна была вот-вот отправиться в Перу. «Голос» сказал Розалинде, что фотография имеет большое значение, поэтому она взяла ее. Во время перелета в Перу самолет разбился в Андах, и все находившиеся на его борту погибли.

Розалинда заметила, что в голове у нее все время вертится имя Джулии. Два дня спустя она написала письмо с соболезнованиями матери Джулии, а потом прилегла на кушетку отдохнуть. Внезапно со стены сорвалась и упала на пол венская гравюра по дереву. Гравюра не пострадала; веревка была цела, и с гвоздем в стене все было в порядке. «Я стояла у своего письменного стола, пытаюсь решить эту загадку, когда на глаза мне попало письмо, написанное мною матери Джулии, и в этот момент я услышала голос Джулии». «Не отправляйте ей это дурацкое письмо, — сказала та. — Поезжайте сейчас к моей матери и скажите ей, чтобы она немедленно прекратила оплакивать меня. Я очень счастлива, а ее поведение меня сильно раздражает».

Розалинда колебалась, что вполне понятно; если, будучи супругой британского дипломата, она начнет разносить послания от умерших, то очень легко может заработать репутацию эксцентричной особы. «Чем больше я раздумывала, тем настойчивее становилась Джулия». В конце концов, она отправилась в Америку, чтобы навестить мать Джулии, чувствуя себя крайне неловко и терзаясь предчувствиями того, как ее примут; потребовать от матери, чтобы она прекратила оплакивать дочь, казалось ей верхом грубости. Когда Розалинда подъехала к нужному дому, в нем оказалось много скорбящих, кото-

рые не допускали ее к матери Джулии. Розалинда стала настаивать, и тогда ее провели в спальню, где она обнаружила женщину «в совершенном одиночестве лежащую в своей кровати в темноте». Розалинда повторила слова Джулии, ожидая, что женщина сочтет ее сумасшедшей:

«Но лицо ее просветлело. «Я знала, — воскликнула она, — я знала, что ей это не понравится, и не хотела этого делать. Я сейчас встану и прекращу все это оплакивание!»

После этого Розалинда перестала ощущать присутствие Джулии.

Второй раз Розалинде Хейвуд пришлось пообщаться с мертвыми лет через двадцать, в Лондоне. После долгой болезни умер ее давний друг, Вивьен Асборн. Когда конец был уже близок, он как-то с горечью заметил, что смерть гасит человека, как свечу, не оставляя ничего после себя. Когда она пришла, чтобы забрать картину, которую он ей завещал, то

«...вдруг столкнулась с самим «Вивьеном», который оказался жив... потом последовало ощущение, описать которое очень трудно... Я почувствовала, как голос «Вивьена» звучит у меня в голове... он совершенно ошибочно полагал, что исчезнет после смерти. Наоборот, теперь он обрел способности и свободу делать то, что превзошло его самые смелые ожидания.

Несколько мгновений я стояла неподвижно, остро ощущая разительный контраст между запахом смерти и бьющей из «Вивьена» жизненной силой... потом я вспомнила, что должна сделать, и «сказала»

ему: «Все это прекрасно, но где же доказательства? Что мне рассказать в ОИОП?»

Вивьен мгновенно и горячо ответил на мой вопрос. «Я не могу представить тебе доказательства. Ты не поймешь, о чем я говорю. Но я постараюсь выразить это в стихах».

Розалинда добавляет, что она еще несколько раз имела контакты с умершими, но все они были более скоротечными, чем «встречи» с Джулией и Вивьеном, и что описывать их нет нужды, поскольку все они одинаковы. Во всех этих столкновениях умершие или преследовали какую-то цель, или побуждали ее к действию. В этом, по ее словам, и заключается их отличие от «вселения» и «обладания».

Другими словами, эти случаи общения с недавно умершими людьми возникали благодаря желанию покойных «пообщаться». Просто Розалинда Хейвуд оказалась для этого достаточно «открытой».

Я тщательно проанализировал то, что ей пришлось испытать, потому что очень важно понять, что впечатления и образы, посещающие ясновидящего, — это не просто странные случайности, которые нарушают нормальное течение повседневной жизни, но они как раз и являются частью этой самой жизни. В сущности, как медиум Розалинда Хейвуд не представляет собой ничего выдающегося. Ее смешно даже сравнивать с Дэниэлом Дунгласом Хоумом или Евсипией Палладино — или хотя бы с Джерардом Круазе или Робертом Крэкнеллом. Ее можно охарактеризовать как «среднего» по способностям медиума, и именно поэтому она представляет собой замечательный объект исследования. Она — обычная

жена и домохозяйка, типичная представительница верхних слоев среднего класса, которая разделяет большинство взглядов и убеждений этого класса и которая считает, что быть медиумом — это чересчур экстравагантно. Вот почему она все время пытается найти другое объяснение тому, что с ней происходит — например, когда она испытывает дурные предчувствия, услышав фамилию мошенника, она склонна полагать, что это какая-то форма телепатической связи между ней и ее мужем. Она даже размышляет о том, не могло ли имя мошенника, как полагали первобытные люди, установить телепатическую связь между нею и мошенником — а затем с сожалением признает, что такое невозможно, поскольку это имя оказалось вымышленным. Она с неохотой принимает очевидное, хотя и кажущееся ей абсурдным, объяснение, суть которого состоит в том, что имя мошенника показалось ей знакомым потому, что, в некотором смысле, махинация «уже имела место быть». Таким образом, ее опыт служит примером того, что профессор Джад однажды назвал «несомненной странностью бытия». Несмотря на свой собственный обширный опыт ясновидения, Розалинда Хейвуд представляла собой тот тип человека, который крайне неохотно верит в «несомненную странность» чего-либо. Она разделяла стойкую викторианскую приверженность к порядку и опрятности.

Разумеется, есть и еще одно возможное объяснение ее предвидений, — которое она также не желает признавать, — что информация попадала к ней от духов. Но вот она сама рассказывает анекдот, который вплотную подвел ее к признанию такой возможности. В самом начале Второй мировой войны она пользовалась доской для

гадания со стрелкой-указателем, на которую задающий вопросы клал руку, и расположенными полукругом картами с буквами алфавита. Однажды знакомый врач попросил показать ему, как работает доска. Она решила исключить возможность вмешательства ее подсознания в диктовку сообщения, и села на пол под столом, положив руку на указатель у себя над головой. Врач записал послание и рассказал ей, что некто по имени «Джордж» предупредил Фрэнка, что тому надо ездить с особой осторожностью в течение двух следующих дней. Фрэнк был супругом Розалинды Хейвуд, а его брата Джорджа убили незадолго до этого. А доктор даже не знал о том, что Фрэнк — муж его гостеприимной хозяйки. В то время она была настроена крайне скептически к вопросам продолжения жизни после смерти и даже подумывала о том, не сыграло ли с ней злую шутку ее подсознание. И это несмотря на свою «встречу» в Вашингтоне с Джулией; еще один пример того, как она не хотела вступать в ряды «верующих»! Чувствуя себя не в своей тарелке, она все-таки передала послание своему мужу. На следующий день он сказал ей: «Если бы я не был крайне осторожен, как ты меня просила, то мог бы попасть сегодня минимум в три аварии».

Хотя версия о «духах» может оказаться приемлемой альтернативой предвидению в случае с мошенником — а вдруг какой-то добрый дух знал, что тот мужчина был мошенником? — она, тем не менее, не объясняет, как брат Джордж знал заранее, что Фрэнк подвергался опасности попасть в три автомобильные аварии на протяжении последующих сорока восьми часов. Здесь, как и в случае с младшим сыном Розалинды, который заранее знал

о том, что его попросят показать некую улицу, мы вынуждены вернуться к «несомненной странности бытия», как выразился профессор Джад.

Интересно, можно ли, с учетом всего опыта Розалинды Хейвуд, выделить некую закономерность, которая могла бы лечь в основу приемлемого объяснения?

Она сама дает нам одну интересную зацепку. Она, вероятно, обладает необычайно выраженной способностью замечать прекрасное. Будучи ребенком, она некоторое время провела в Индии. Она вспоминает, как однажды ее отец указал на снежные шапки, покрывающие вершины гор.

«Мы долго вообще не видели их. Мы просто не задирали головы так высоко. Но потом, наконец, на фоне зеленовато-синего неба проступил силуэт Канченджунги, белой, сверкающей, величественной, второй по высоте вершины в мире. Я не могла — и до сих пор не могу — выразить словами, что произвело на меня такое неизгладимое впечатление в гималайских горах. Как будто дуновение призраков коснулось маленькой девочки, совсем еще ребенка, и разбудило в ней нечто, отчего она перестала быть ребенком...»

Вернувшись домой, в Англию, она частенько плакала, вспоминая Гималаи. Много лет спустя, на одном из приемов, она оказалась за столом рядом с исследователем Тибета, и попыталась объяснить ему, что значили для нее горы: «После паузы он произнес те самые слова, которые я так хотела услышать. Он сказал: «это сущности».

Именно после своего возвращения из Индии она впервые столкнулась с «младшими сущностями» (помните старуху в спальне ее деда?).

Она рассказывает о нескольких случаях ощущения потрясающей красоты, и ее искренность при этом позволяет избежать упреков в «эстетстве». Например, после блестящего исполнения инструментальной пьесы Шопена ее посетило видение «огромного, отделанного мрамором холла, стены которого были покрыты рисунками, а восточная часть его открыта ночному небу и звездам». А когда муж легонько тронул ее за плечо, его нежное прикосновение так резко вернуло ее к действительности, как будто ее ударили.

Рассказы о столкновениях с паранормальными явлениями заставляют вспомнить событие, происшедшее в детстве с современным индуистским святым Рамакришной. Однажды, будучи еще ребенком, Рамакришна шел через рисовую плантацию, держа в руках большую миску с рисом, и вдруг увидел, как на фоне черной грозовой тучи пролетела стая белых журавлей; ощущение красоты оказалось настолько пронзительным, что он лишился чувств, и рис рассыпался вокруг. Позже, уже в зрелом возрасте, Рамакришна подпадал под влияние чувств «упоения Господом» — самадхи, — которые вызывали у него такие экстатические ощущения, что он терял сознание.

Так и тянет прокомментировать такие события следующим образом: было бы чертовски неприятно, если бы это случилось посреди площади Пиккадилли. И мы снова возвращаемся к теории Джулиана Джейнса о «двухпалатном мозге». Джейнс полагает, что человек цивилизованный вынужден был перестать быть двухпалатным — слышать го-

лоса богов, — потому что жизнь стала настолько сложной и опасной, что его главная забота заключается в необходимости все время быть начеку, не сходя при этом с ума. По мнению Джейнса, это произошло в 1200 году до нашей эры, после серии катастроф в Средиземноморье, таких, как извержение вулкана Санторини, которое практически уничтожило цивилизацию древних греков, или вторжение племен варваров, известных как люди моря. Существуют доказательства, свидетельствующие в пользу предположения Джейнса о том, что только после этого периода жестокость впервые появилась и проявилась в истории человечества.¹

Может быть, нам будет трудно смириться с верой Джейнса в то, что люди, построившие Стоунхендж и пирамиды, были начисто лишены «самосознания». Но он совершенно прав в своем убеждении, что в какой-то момент развития цивилизации человек был вынужден выработать в себе безжалостную «деловитость», намеренно отказавшись от теплого, нежного сознания, свойственного животным и детям. С тех пор он сделался «человеком левого полушария». Можно сказать, что древние смотрели на вселенную в телескоп, который показывал им отдаленные миры и дальние горизонты. А уже потом нарастающие проблемы выживания заставили их изобрести прибор, нечто вроде микроскопа, или смотрового стекла-окуляра часовщика, которое дало им возможность сосредоточиться на мелких подробностях. В результате человек стал близоруким.

Справедливости ради следует заметить, что человек все-таки сохранил свой широкий кругозор — вот только способность эта проявляется в определенные моменты

¹ См. мою «Criminal History of Mankind», глава вторая.

глубокой релаксации. Когда это происходит, правое и левое полушария мозга сливаются в единое целое, и человек испытывает чувство покоя и безмятежности, ощущение, что «все хорошо». Но современный человек вынужден начинать с осведомленности левого полушария — нашего узкого эго-сознания. Наши далекие предки, вероятно, могли погружаться непосредственно в «космическое сознание» посредством простого расслабления.

В результате эволюции у современного человека развился высокий «порог красоты». «Порог» — это психологический термин, означающий, какими должны быть возбудители и как они должны действовать, чтобы человек стал отдавать себе отчет в том, что происходит вокруг. Например, человек с высоким шумовым порогом не обращает внимания на шум, который сводит с ума более чувствительную личность. Человеку с высоким болевым порогом можно пломбировать зубы без анестезии. Низкий порог красоты у Рамакришны означал, что красота любого рода была способна погружать его в экстатический транс. Для жителя современного мегаполиса эта черта столь же нежеланна, как постоянное расстройство желудка.

Взрослая Розалинда Хейвуд была истинным продуктом британской системы ценностей: чопорно сжатые губы, неприятие эмоций, железное самообладание. Такие черты характера обычно подразумевают высокий порог красоты — англичане гордятся своей художественной нечувствительностью. В ее случае мы видим, что все было наоборот, и что ее первый опыт паранормального ассоциировался у Розалинды с «дуновением призраков», которое «коснулось маленькой девочки» в Канченджунги, и «пробудило в ней нечто необычное».

Следует учесть и то, что когда ее муж тихонько коснулся ее плеча — после того, как она прослушала пьесу Шопена — она испытала шок, никак не соизмеримый с раздражителем. Большинство людей испытают, вероятно, нечто подобное, если их разбудить в тот момент, когда они должны вот-вот заснуть. В этом пограничном состоянии между сном и пробуждением — состоянии, в котором мы испытываем гипнотические галлюцинации, — малейший звук, легкий скрип закрывающейся двери подобны вспышке молнии в мозгу, сопровождающейся громовым раскатом.

Розалинда Хейвуд также вспоминает, как однажды утром она попыталась прочесть мысли другого человека в доме, войдя в состояние глубокой релаксации (расслабления). Она называет это ощущение «приукрашенным вариантом нахождения под наркозом». Но затем это состояние покоя было напрочь разрушено «мучительными громopodobными ударами, которые буквально разнесли меня на части». Эти сокрушительные удары продолжались, и она почувствовала, что возвращается в окружающую реальность. Оказалось, что это ее муж стучал в дверь, чтобы сказать ей, что завтрак готов. Когда она раздраженно поинтересовалась у него, зачем ему понадобилось так барабанить в дверь, как будто он собирался разнести дом на кусочки, он обиженно ответил, что стучал по двери очень тихо, кончиками пальцев. Со своим пониженным порогом чувствительности она воспринимала любой едва слышный звук как разрыв бомбы. Далее Розалинда пускается в рассуждения, не потому ли так опасно резко выводить медиума из транса: известны случаи, когда у человека останавливалось сердце.

Испытав впервые состояние самадхи или «божественный экстаз», Рамакришна научился вызывать его по своему желанию; ему достаточно было услышать имя «Кришна» или «Кали», чтобы впасть в «божественный транс». Мы с вами чувствуем нечто подобное, когда на нас производит сильное впечатление музыка; при начальных звуках серенады из «Тристана» или увертюры к симфонии Брукнера по коже головы у нас бегут мурашки, а потом охватывает неумеренный восторг. С точки зрения физиологии это всего лишь условный рефлекс, подобно слюноотделению у собак Павлова после звонка. Интересно другое: стоит мозгу усвоить «фокус» — как достичь экстаза, например — он способен повторять его по своему желанию. При этом необходимо некоторое мысленное усилие — специальная концентрация на источнике удовольствия. Если вы слушаете музыку, читая газету или размышляя о чем-то, то это не срабатывает, или же полученный эффект бывает намного меньше ожидаемого. Но когда мозг и раздражитель взаимодействуют, происходит мгновенная релаксация, за которой следует контакт с внутренним источником удовольствия.

Итак, перед нами начинают вырисовываться контуры теории о психической чувствительности. Ее основной принцип выглядит следующим образом. Когда я полностью расслабляюсь, то это похоже на то, как если бы кто-то убрал перегородку между двумя отделами моего мозга, и объединились в единое целое. Я ощущаю чувство ментальной свободы, как если бы я вдруг научился дышать глубже, и чувство непосредственного соприкосновения с вещами и предметами. Каждый из нас помнит, что мы испытываем в состоянии возбуждения или спешки, не замечая, что наставили себе синяков — пока воз-

буждение не спадет и боль не заявит о себе. Спешка и напряжение повышают порог нашей чувствительности и, одновременно, воздвигают стеклянную стену между нами и окружающей действительностью. В «однопалатном» состоянии эта стена исчезает, и все воспринимается так, как оно есть на самом деле.

Не вызывает сомнения, что кошки и собаки почти постоянно находятся в этом состоянии; они не способны к длительной мысленной концентрации. Вполне вероятно, что наши пещерные предки лет этак сорок тысяч назад тоже проводили большую часть времени в этом состоянии. Когда в пещерах кроманьонцев впервые обнаружили наскальные рисунки животных, ученые пришли к выводу, что наши предки коротали зимние вечера при свете очага, держа под рукой горшок с красной охрой. Постепенно стало ясно, что эти рисунки — не просто ранний пример «искусства ради искусства». Выяснилось, что это было искусство ради магии и волшебства. Именно шаманы рисовали бизонов и северных оленей, потому что на следующий день предстояла охота на них; рисунки предназначались для того, чтобы установить связь между умами охотников и их жертв. Нам, с нашими ненормально высокими порогами чувствительности, сама эта идея кажется абсурдной; для первобытных людей она была вполне здоровой, как, например, поиски воды с помощью ивового прута. Существуют доказательства того, что такая «магия» работала. Сэр Артур Гримбл, торговый уполномоченный Британии на островах Гилберта, рассказывал, как потомственный заклинатель морских свиней установил с ними мысленную связь, и животные буквально выбрасывались на берег в каком-то трансе, так что абориге-

нам оставалось только войти по колено в воду и оглушать их ударами дубинок.¹

Мануэль Кордоба-Риос, перуанец, похищенный амазонскими индейцами в 1902 году и проживший среди них несколько лет, приводит описания охотничьих магических заклинаний, из которых недвусмысленно вытекает, что они срабатывали.²

Продолжалась эволюция, сложнее становился окружающий мир, мозг человека усложнялся и развивался. Однокамерный мозг сменил нынешний, с двумя отделами — в котором главная «комната», «гостиная», расположена слева. Тем не менее, было бы неправильным полагать, что единство полушарий утеряно безвозвратно. Мы можем, если захотим, сознательно понизить порог своей чувствительности. Охотник на тигров Джим Корбетт, перу которого принадлежит книга «Man Eaters of Kumaon» («Людоеды Кумаона»), описывает, как он развил в себе то, что он называет «чувствительностью к джунглям», инстинктивно угадывая, где притаился поджидающий его тигр. (Он мог применять те же способности и когда сам охотился на тигров). Инстинкт самосохранения заставил его понизить порог собственной чувствительности, и правое полушарие мозга стало предупреждать его об опасности. Мы видели, что у Розалинды Хейвуд такая же способность развилась случайно, благодаря ее чувствительности к присутствию «сущностей» в Гималаях. Она также предполагает, что у нее развилась телепатическая связь со своим мужем, по-

¹ Gribble, Pattern of island, глава 6.

² F. Bruce Lamb, Wizard of the Upper Amazon (1971).

тому что тот не отличался разговорчивостью, а она страдала «от извечной тяги к общению».

В самой занимательной главе ее книги «Муравейник без границ», названной «The Singing» («Пение»), приводятся интересные доказательства в пользу теории, что правое полушарие первобытных людей отвечало за их магические паранормальные способности. «Пение» — так она называет чувство, которое она ощущает практически постоянно (оно бывает то сильнее, то слабее), и она описывает его, как

«...нечто сродни постоянному внутреннему квази-звуку; наиболее близкой аналогией можно считать звук, который слышишь, прижав к уху морскую раковину, или, может быть, шум работающей вдалеке динамо-машины... Подобно свету, он пронизывает всю атмосферу своим присутствием...»

Оно, это чувство, напоминает скорее шум, производимый — по мнению композитора Джона Кейджа — нервной системой, и его можно расслышать во время абсолютной, мертвой тишины и мрака, какие бывают, например, в шахте на большой глубине, когда органам чувств не за что зацепиться. Но и в таком случае оно всегда проявляется практически одинаково. А вот Розалинда Хейвуд утверждает, что это не так. Лишь однажды ей не удалось услышать его, это произошло на платформе метро в Хемпстеде, где она ожидала электрички (это одна из самых глубоких станций метро в Лондоне, где, если теория о нервном шуме верна, его можно было бы расслышать с большей вероятностью). По ее словам, лучше всего этот шум различим в тихих местах — в лесу или в горах, в церкви или библиотеке, где «веками правят бал мысль, молитва и преданность».

Розалинда считает нужным добавить: «Хотя Пение и различается по происхождению, я затрудняюсь объяснить, в чем эта разница выражается. Я могу сказать только, что Пение в горах содержит в себе атмосферу, отличную от Пения в церкви, точно так же как гобой передает «другую» атмосферу по сравнению с трубой...» Далее она продолжает рассуждать о церковном Пении. «Я слушала Пение в нескольких почти пустых церквях, и должна заметить, что в некоторых из них мои ощущения были намного сильнее, как будто — повторяю, как будто — от алтаря исходила какая-то внутренняя сила».

Молодой инженер, которому она рассказала о Пении (в надежде шокировать его) буднично ответил: «А, да, я тоже слышал его, в местах, где бушевали эмоции». В этом замечании содержится немаловажный намек на разгадку.

Еще в 1908 году сэр Оливер Лодж, один из наиболее выдающихся членов Общества исследований в области психики, высказал интересное предположение о том, что привидения могут представлять собой записанные кем-то образы — «как если бы сильные эмоции бессознательно записывались материей». В качестве примера он приводит историю о доме с привидениями, в одной из комнат которого много лет назад разыгралась страшная трагедия.

«...трагедия отражается в комнате в виде привидений. С точки зрения психометрии¹ страшное собы-

¹ Психометрия — это способность «считывать» историю предмета, прикоснувшись к нему или подержав его в руке — или, как в случае с комнатой, ощущая некое событие, которое в ней произошло. См. мою книгу «The Psychic Detective» («Паранормальный детектив») (1984).

тие в буквальном смысле запечатлелось в окружающей обстановке по причине исключительно сильных эмоций, которые испытывали ее участники; и с того времени у некоторых людей, посещавших эту комнату, наблюдаются галлюцинаторные эффекты, соответствующие «сюжету» происшедшего...»

Лодж утверждает, что его теория объясняет, почему у некоторых людей возникает «ощущение чужого присутствия» в определенных местах.¹

Во второй половине двадцатого века данная теория о природе привидений получила самое широкое распространение. Покойный Т. С. Летбридж, о вкладе которого я подробно рассказываю в своей книге «Mysteries» («Таинства» (1978)), главы 1-4, пришел к заключению, потусторонние ощущения «мурашек по коже», описанные Лоджем — это эмоции, «записанные» в некоем электрическом поле. Он даже убежден, что лесистой местности, горам, открытым пространствам соответствуют различные поля, то есть в точности так, как подметила Розалинда Хейвуд в отношении Пеня.

Если в этой теории что-то есть, и чувства или ментальные состояния можно записывать на материю (или ее поля), то это объясняет, почему Розалинда Хейвуд наблюдала различные виды Пеня в университетской библиотеке или в церкви; «вибрация» должна была быть разной. Особенно интересно то, что она обнаружила «внутреннюю силу», исходящую от церковного алтаря. Христианские церкви часто строились на месте язычес-

¹ Lodge, Man and Universe («Человек и Вселенная», 1908).

ких капищ; собственно, в Средние века Ватикан издал указ, что церкви следует строить именно в таких местах. Любой лозоходец подтвердит, что «поле» вокруг этих древних участков — например, стоящие камни Стоунхенджа и Карнака — необычайно мощное. Христианские церкви, как и религиозные языческие капища, как правило, обращены на восток, алтарь располагается в восточной стороне. То, что Розалинда Хейвуд почувствовала исходящую от алтаря энергию, как раз и могло быть причиной, почему это место было изначально выбрано древними.

Согласно этой теории, «младшая сущность», присутствие которой Розалинда Хейвуд уловила в доме деда, на самом деле была не старухой, а магнитной записью некоего прошлого события. (Летбридж уверен, что эту запись можно как видеть, так и чувствовать — особенно в случае с хорошими лозоходцами).

Хотя здесь и содержится некая наукообразная изюминка, она все-таки не объясняет многие из случаев, происшедшие с Розалиндой Хейвуд. Совершенно очевидно, что, когда она столкнулась с Джулией и Вивьеном, у нее не возникло ощущения, что она проигрывает запись, и в Дартмуре они с мужем и вправду встретили невидимые природные сущности, а не какие-то электрические поля. Кроме того, как может теория о пороге чувствительности ясновидения объяснить любопытный эпизод с «раздвоением»?

Что касается последнего, то мы можем обратиться за помощью к хорошему знакомому Розалинды Хейвуд Г. Н. М. Тирреллу, чья книга «The Personality of Man» («Человек и личность») стала классикой исследований

в области психики. (Собственно говоря, эта книга была написана в ее доме; она рассказывает, что, когда во время войны она осталась в доме одна, «голос» посоветовал ей написать Тирреллу и попросить его переехать в Лондон, и, против ожидания, тот с радостью согласился). Тиррелл также ссылается на ее рассказ о «раздвоении» (хотя и не упоминает при этом ее имени), а затем переходит к другим аналогичным случаям. Была, например, некая миссис Уиллет (псевдоним Уинифред Кумб-Теннант), медиум, специализирующийся на автоматической записи посланий, которая в августе 1913 года получила письмо от сэра Оливера Лоджа с кое-какими вложениями. Уже собираясь развернуть эти приложенные материалы, она вдруг ощутила «внезапно снизошедшую на нее, подобно удару грома, уверенность, что она не должна этого делать». Ее охватили сомнения: стоит или нет обращать внимание на это предчувствие, и тут же вдруг почувствовала, что раздваивается. «Номер 1 заставила мое тело встать и пройти через комнату к двери... Но Номер 2 (то есть «я», как я себя ощущала) не могла понять, зачем я это сделала». Затем Номер 1 заставила ее положить письмо обратно в конверт, пройти в комнату мужа и вручить пакет ему. (Чтобы получить убедительные доказательства, было необходимо, чтобы она не читала приложений).

Тиррелл также рассказывает и о происшествии с одним солдатом во время Второй мировой войны, который, сидя в окопе и промерзнув до костей, внезапно раздвоился и обнаружил себя вне своего «земного, брэнного тела». Оставленное им тело продолжало разговаривать с соседом, который впоследствии вспоминал, что беседа

вышла очень остроумной и искрилась юмором, как если бы они сидели в уютных креслах перед камином.

Третий из упомянутых им случаев касается сэра Окленда Геддеса, профессора анатомии в дублинском университете, и это очень напоминает происшествие с преподающим Бертраном, о котором мы говорили в первой главе. Геддес вспоминает, как ему стало плохо после острого приступа гастроэнтерита, и, когда он попытался дотянуться до звонка, чтобы позвать на помощь, то обнаружил, что не может пошевелиться. Сидя в неподвижности, он осознал, что одно его сознание отделилось от другого, которое тоже было им. Он называет их «сознание А» и «сознание Б», и добавляет, что «сознание Б» осталось прикованным к его телу, сидящему в кресле, тогда как «сознание А» было привязано к его эго, т.е. мыслящей личности. (Обратите внимание, что он говорит «привязано» к его эго, а не идентично или тождественно ему).

«Мне становилось все хуже, сердце скорее трепыхалось, чем билось, и тут я понял, что «сознание Б», принадлежащее телу, начало проявлять признаки того, что оно состоит из нескольких частей, то есть включает «сознание» мозга, сердца и внутренностей. Эти составные части обретали все большую индивидуальность, и «сознание Б» начало распадаться, в то время как «сознание А», которое теперь было мной, похоже, полностью отделилось от моего тела...»

Внезапно он заметил, что теперь способен видеть не только комнату, в которой находился, но и весь дом с садом, а затем и Лондон, и всю Англию. По этому поводу

он отпускает странное замечание, будто он почувствовал «независимость от пространства во временном измерении, в котором «сейчас» каким-то образом означало «здесь» в обычном трехмерном пространстве повседневной жизни». Другими словами, он оказался в мире, на порядок выше привычного физического — наблюдение, которое способно объяснить «предвидение» Алана Возна, когда он «покинул» свое тело, о чем мы говорили в первой главе.

Через несколько минут Геддеса обнаружили и ввели ему большую дозу камфары, которая заставила его сердце биться нормально. Как и преподобный Бертран, он был «чертовски недоволен» тем, что его заставили вернуться в свое тело, потому что он почувствовал, что наконец-то начал понимать природу вещей. (Когда Геддес описывал то, что с ним произошло, во время лекции в Королевском медицинском обществе, он сказал, что все это случилось с его другом, которому он доверяет безоговорочно, и только позже сознался, что это произошло с ним самим). Он особенно подчеркивал, что когда «раздвоение» закончилось, воспоминание о нем не исчезло из его памяти, как дурной сон.

Впрочем, есть одно существенное различие между случаями с Геддесом и преподобным Бертраном на Титлисе. Когда «раздваивался» Бертран, его мыслящая сущность смотрела вниз на бездыханное тело. Именно это происходит в большинстве случаев отделения от тела. Геддес, как и Розалинда Хейвуд, испытал раздвоение сознания; он стал двумя людьми, и оба они находились в сознании. Это как раз то, чего мы не в состоянии были предвидеть; мы способны всего лишь представить, что

сознание может находиться лишь в одном месте в определенный момент времени. Но ведь Розалинда Хейвуд сказал Тирреллу: «Я совершенно определенно была двумя моими «я», и сохраняла сознание в двух местах одновременно. У меня не было ощущения третьего «я», которое соединяло бы первые два».

Это различие становится еще более очевидным в очередном происшествии, на которое ссылается Тиррелл — более типичном примере существования вне тела. Во время англо-бурской войны сэр Александр Огстон был направлен в госпиталь Блумфонтейна с диагнозом брюшной тиф, и в бреду он чувствовал, что «...разум и тело как будто существуют отдельно... я осознавал свое тело как инертную, бесформенную массу возле двери; она принадлежала мне, но это был не я». Далее он уверяет, что его «мыслящая сущность» покинула тело и отправилась бродить вокруг «в поисках других теней-призраков, беззвучно скользящих мимо», пока вдруг его быстро не затянуло обратно в тело. Вы скажете, что все это легко можно объяснить его бредовым состоянием. Но такое объяснение неприменимо для следующего случая:

«Я отчетливо увидел... как бедняге-хирургу, о чьем существовании я даже не подозревал, и который явно находился в другой части госпиталя, стало очень плохо, как он вскрикивал в агонии и как он умер. Я видел, как они накрыли его тело и вынесли вон, мягко ступая босыми ногами... Впоследствии, когда я рассказал об этом (медицинским) сестрам, они подтвердили, что все так и было на самом деле...»

У Огстона не произошло раздвоения сознания, как у Розалинды Хейвуд и Геддеса. «Он» расхаживал по госпиталю, но тело его неподвижно лежало на кровати. Это относится к большинству известных случаев. Доктор Селия Грин, руководитель оксфордского Института психофизических исследований, в 1966 году обратилась к широкой общественности с призывом сообщать о случаях существования вне тела, и получила более четырех сотен откликов. Результаты своих статистических исследований она опубликовала в сборнике «Out-of-the-body Experiences» («Существование вне тела») в 1968 году. В большинстве случаев человек обнаруживал себя вне своего физического тела, обычно глядя на него откуда-то сверху. Как правило, это сопровождалось чувством полной отчужденности и отстраненности, как будто его тело принадлежало кому-то другому.

Описание уже первого случая в книге предполагает, что речь идет о чем-то большем, чем простое отделение души от тела. Официантка, возвращавшаяся домой после двенадцатичасовой смены, смертельно устав, внезапно обнаружила, что смотрит вниз на свое тело, по-прежнему идя по улице, и думает: «Так вот как я выгляжу в глазах других людей!» По-видимому, ее физическое тело имело собственное независимое сознание. Еще один человек, испытавший «отделение» во время болезни, сообщил, что «его верхнее «я» чувствовало себя прекрасно, не замечая страданий другого «я». Это явно предполагает наличие двойного сознания.

Даже поверхностный анализ описанных случаев выявляет общие закономерности в существовании вне тела. Напрашивается общий вывод о том, что при таком суще-

ствовании происходит разделение физического тела и образование так называемого «астрального тела». С. Нельсон Стюарт пишет следующее:

«Веками люди верили, что человек состоит из двух частей — души, или духа, которая дается Господом, и материального тела из плоти и крови. Однако некоторые философы и теоретики оккультизма предположили, что в человеке есть и третья составляющая, астральное тело, что в буквальном смысле означает «звездное тело», и которое иногда называют «телом света». Это астральное тело является точной копией тела физического, из плоти и крови, хотя и состоит из другого, более высокоорганизованного материала...»

Многие ортодоксальные исследователи, подобно Энтони Флу и Д. Дж. Уэсту, относятся к понятию астрального тела как к досужей выдумке. Другие, например, профессор Жан Лермит, сотрудник парижского медицинского факультета, готовы поверить в действительность существования вне тела, но считают его чем-то вроде галлюцинаций, или шуткой, которую подсознание играет с нашими органами чувств. Но, в таком случае, исходя из опыта сэра Александра Огстона, можно задать вопрос — каким образом человек, страдающий галлюцинациями, мог получить точные сведения о том, что происходило в другом месте — например, о том, что в другом крыле госпиталя умирает пациент. Всякий, кто даст себе труд изучить собранные доказательства, вероятно, в конце концов согласится — как сделала это Селия Грин, — что существование вне тела — это не

просто галлюцинация, и, следовательно, астральное тело должно существовать на самом деле.

Проблема, соответственно, заключается в том, чтобы разработать теорию, объясняющую, каким образом Розалинда Хейвуд или сэр Окленд Геддес смогли ощутить раздвоение сознания, и как солдат, о котором рассказывал Тиррелл, мог продолжать беседу со своим товарищем, в то время как его мыслящая сущность смотрела на него сверху. Даже энциклопедии по оккультизму и паранормальным явлениям не могут предложить приемлемого объяснения.

Одним из немногих оккультистов, которые могут предоставить удовлетворительную теорию, является Рудольф Штайнер, основатель Движения антропософистов, о взглядах которого мы поговорим ниже. Штайнер, собственно, возразил бы, назови мы его оккультистом, поскольку считал себя ученым, получившим образование в области естествознания и математики.

Штайнер утверждал, что человек состоит из четырех компонентов: тело, нематериальное тело, астральное тело и мыслящее тело. Когда человек засыпает, то он раздваивается, и астральное тело с телом мыслящим отделяются от физического и нематериального тел.

Пожалуй, стоит остановиться на его взглядах поподробнее. По мнению Штайнера, нематериальное тело (которое иногда называют «аурой») взаимопроникает в тело физическое, и его можно назвать архитектором последнего. Он говорит: «Все физические органы поддерживаются в своем виде и состоянии токами и движениями тела нематериального».

В слове «токи» содержится интересный подтекст. Уже в восемнадцатом веке, когда Гальвани обнаружил, что лап-

ка мертвой лягушки подергивается, если через нее пропустить электрический ток, было известно, что, в некотором смысле, человека можно считать электрической машиной. Как только мы начинаем думать, мозг излучает электрические волны (токи).

Одной из самых больших загадок живой материи является вопрос: что же поддерживает в ней жизнь? В конце девятнадцатого века на это обратил особое внимание молодой биолог по имени Ганс Дриш. Дриш подождал, пока оплодотворенная яйцеклетка морского ежа не разделась, а потом умертвил одну ее половинку скальпелем. Он ожидал, что вторая половинка разовьется в половину морского ежа. К его удивлению, из нее вырос нормальный, но вполовину меньший по размерам морской еж. Он попробовал соединить две яйцеклетки вместе; в результате получился в два раза больший морской еж. Очевидно, какая-то неведомая сила в буквальном смысле формировала животное. До того времени бытовало мнение, что в эмбрионе содержится великое множество составляющих, нечто вроде предметов мебели, которые надо собрать самостоятельно. Из экспериментов Дриша вырисовывалась новая картина — как будто к комплекту с набором «сделай сам» прилагался невидимый столяр, в чью задачу и входила сборка.

По ту сторону Атлантики экспериментами Дриша заинтересовался Гарольд Сэкстон Бурр, профессор анатомии. Особенно его привлекла мысль о некоем «сборочном цехе», или калке. Бурр открыл, что если эмбрион саламандры поместить в щелочной раствор, клетки, его составляющие, дезагрегируют (разъединятся), образуя нечто

вроде сумки, полной камешков. Но вот если их поместить в слабокислотный раствор, то они соединятся, вновь образуя эмбрион. Бурр сравнил это с тем, что происходит, когда магнит помещают под лист бумаги, на котором рассыпаны железные стружки, — под действием магнитного поля они образуют на бумаге сложный узор, соответствующий векторам напряженности поля. Бурр и его коллега Ф. С. С. Нортроп устанавливали чувствительные вольтметры на деревьях, в эмбрионах, других формах живой материи, и им удалось доказать, что смена сезонов сопровождается изменениями в слабых электрических полях. Такое электрическое поле присутствует у всех живых существ. Это и есть формирующая сила жизни, столяр, который прилагается к набору «сделай сам». Итак, оказалось, что предположение Штайнера о нематериальном теле, которое является архитектором тела физического, или материального, поддерживающего и сохраняющего форму органов с помощью токов — это точная и развитая научная теория. Поскольку Штайнер написал это в 1910 году (в работе «An Outline of occult Science» («Общее описание оккультизма как науки»)) — за четверть века до того, как Бурр и Нортроп начали свои эксперименты в Йеле — можно сказать, что он продемонстрировал выдающийся дар научного предвидения.

Но, согласно тому же Штайнеру, человеческое существо, состоящее только из физического тела, жизнедеятельность которого обеспечивается телом нематериальным, в буквальном смысле представляет собой растение. Собственно, во время сна человек действительно напоминает растение. Когда он просыпается, в дело вступает сознание, или мыслящая сущность, которая, по мнению

Штайнера, и является астральным телом — или, по крайней мере, его наиболее важным проявлением. Астральное тело присуще также и животным.

Но человек, заявляет Штайнер, отличается от животных и растений одной важной особенностью. Поведение животного диктуют его ощущения: жара и холод, голод и жажда, наслаждение и боль. Человек способен развить в себе желания и стремления, которые выходят за пределы чувственных ощущений. Наиболее ярким примером может служить интерес человека к математике, который не имеет явной связи с удовлетворением его плотских желаний. (В течение всей своей жизни Штайнер сохранил интерес к математике). Это высшее проявление человек называет своей мыслящей личностью, своим «я», своим эго. Это самое эго, говорит Штайнер, олицетворяет собой принцип последовательности и непрерывности. Животное забывает прошлое легко и быстро (общеизвестно, например, как легко мы забываем ощущения физической боли или болезни). А вот как раз эго пытается внести некий долговременный элемент в жизнь человека.

Такие выводы проливают бальзам на душу любого разумного человека. Ницше как-то заметил, что было бы неплохо узнать у коров секрет их счастья, но спрашивать их об этом бесполезно, потому что они забыли бы вопрос раньше, чем сумели бы на него ответить. Их мозг не способен мыслить последовательными логическими категориями. Об этом же говорил и Г. Дж. Уэллс в своем «Experiment in Autobiography» («Автобиографическом эксперименте»): с начала времен большинство живых существ были «лишены эго», так что их жизнь состояла,

главным образом, из борьбы с обстоятельствами. Теперь, заявляет Уэллс, впервые в истории человеку можно сказать: да, ты зарабатываешь себе на жизнь, ты содержишь семью, ты любишь и ненавидишь, но — чем ты занимаешься? Это относится ко всем людям без исключения, от ученых до художников, от математиков до религиозных мыслителей. Отнимите у них главное занятие жизни, обреките их на простую «жизнь», и они покончат собой.

Итак, разделение Штайнером человека на четыре составляющие имеет практический смысл для, по крайней мере, трех уровней: физический (что очевидно), нематериальный уровень и мыслящий уровень. Если принять на веру доказательства существования вне тела, то получается, что это разделение соответствует здравому смыслу.

Еще одной оккультной системой, очень похожей на взгляды Штайнера, является учение Кахунас с Гавайев в описании антрополога Макса Фридома Лонга (например, в его работе «The Huna Code in religion» («Кодекс Хуна в религии»)). Кахунас, жрецы религии Хуна, тоже верят в то, что человек состоит из физического тела и трех «духовных» начал: «младшего я», то есть инстинктов, «среднего я» — сознательной мыслящей сущности, и «верхнего я» — сверхсознания, которое обладает большей силой, чем две предыдущие составляющие. «Среднее», или «ежедневное» «я», не подозревает о существовании двух других партнеров. Оно неспособно признать существование «верхнего я», поскольку последнее настолько же превосходит обычный уровень сознания, насколько подсознание располагается ниже его. Более того, «младшее я» и «среднее я» тесно переплетаются, так что человек воспринимает их как единое целое.

Вот это «младшее я» очень напоминает нематериальное тело Штайнера. Оно взаимопроникает в каждую клетку и каждую ткань тела, и именно оно является жизненной силой. Оно также служитместилищем таких эмоций и чувств, как любовь, ненависть, страх и желание. Его центром тяжести, по учению Кахунаса, является солнечное сплетение. По природе своей оно несдержанное и эмоциональное, как испорченный ребенок. «Среднее я» должно стремиться к тому, чтобы дисциплинировать его и поднимать его до своего уровня; достойно сожаления, что многие люди потакают требованиям «младшего я» и опускаются до его уровня.

Все это может помочь найти ответ на вопрос, почему Розалинда Хейвуд могла ощущать себя одновременно и «Розовой я», и «Белой я», причем «Белая я» испытывала некоторое презрение к «Розовой я» и ее эгоистичным желаниям. Говоря языком Штайнера, мыслящая сущность смотрела на нематериальное тело сверху вниз; согласно учению Кахунаса, «младшее я» соответствовало «Розовой я», а «верхнее я» было «Белой я». Подтверждением такого допущения можно считать слова Розалинды Хейвуд о том, что «Розовая я» и «Белая я» сосуществуют в ней, как прилив и отлив. Она отождествляет себя с «Белой я», способной наблюдать за своими желаниями, не испытывая при этом отвращения.

Хейвуд добавляет интересное замечание: «Если Фрейд когда-либо сталкивался с такими случаями, то именно они, вероятно, способствовали разработке им концепций «личности» и «высшего сознания». По Фрейду «высшее сознание» — это, разумеется, лишь очередное название сознания, а вовсе не какой-то выс-

шей мыслящей личности, как предполагает Розалинда Хейвуд. Но ее собственный анализ ситуации полностью совпадает со взглядами Кахунас на «младшее я» и «верхнее я».

Теперь нам должно быть ясно, что Розалинда Хейвуд вовсе не является, как мы предполагали сначала, эгоистичной особой, которая выдумала массу паранормальных явлений, чтобы возбудить к себе интерес. Она просто описывает мир таким, каким он видится глазами обычной ясновидящей. Этот мир совершенно определенно отличается от того мира, который предлагает нам мировая наука; но, тем не менее, у него имеется своя собственная внутренняя логика. Если теория о порогах чувствительности верна, то она никоим образом не противоречит современной науке. В сущности, как мы с вами убедились, многое из того, что испытала Розалинда Хейвуд, можно объяснить различиями между правым и левым полушариями головного мозга.

Итак, сделав такое допущение, необходимо признать, что она зачастую высказывает мысли и взгляды, которые большинство ученых сочли бы неприемлемыми — например, ее общение с Джулией и Вивьеном — причем встреча с последним наконец-то убедила ее в действительном существовании загробной жизни. Какой же вывод мы тогда должны сделать из ее ощущений на окраине Дартмура, где, по ее словам, она почувствовала присутствие нечеловеческих существ, многие из которых пришли навестить ее («стая маленьких невидимок»), когда она на следующий день сидела за письменным столом?

Здесь можно лишь повторить, что подобные «происшествия» были не в диковинку для Розалинды Хейвуд.

Существа, которых она описывает, достаточно широко известны как духи природы или стихии, и большинство «чувствующих» утверждают, что видели их воочию. Штайнер упоминает о них мимоходом:

«Мы можем покорить природу, исходя из соображений, предполагающих монистическую (т.е. материальную) природу вещей, поскольку органы чувств, как правило, позволяют нам воспринимать природу настолько глубоко, насколько она соответствует этим соображениям. Все противоречивое отбрасывается, и природа представляется нам под личиной монистической системы».

Он продолжает:

«В стихийном мире природы мы видим духов земли (гномов), духов воды (русалок), духов воздуха (сильфов) и духов огня (саламандр)...»

У. Й. Эванс Венц, специалист по религиозным течениям Востока, в своей классической работе «The Fairy Faith in Celtic Countries» («Вера в сказочное волшебство в кельтских странах») пишет: «Мы можем сделать научно-теоретическое предположение о том, что... невидимый разум в виде богов, джиннов, демонов, всевозможных фей и волшебниц ... действительно существует». Он пришел к такому заключению после многолетних исследований верований о феях и волшебницах и сбора сотен письменных свидетельств.

На мой взгляд, самой невероятной историей, изложенной в книге Адама Кребтри «Человек многоликий», является та, в которой речь идет о явно нечеловеческом со-

здании. Кребтри признается, что он долго колебался перед тем, как включить ее в свою книгу, потому что она кажется совершенно абсурдной, но затем добавляет: «Факт остается фактом, и я описал ее так, как она произошла на самом деле (если не считать того, что я несколько смягчил самые драматические ее моменты)». Речь идет о человеке по имени Мариус, который преподавал историю в университете и занимал значительную должность в федеральном отделе здравоохранения. Его брак был вполне счастливым до тех пор, пока по неведомой и непонятной ему самому причине он не начал испытывать приступы страстного желания убить свою супругу. Ему казалось, что его подталкивала к действию «какая-то безжалостная, неослабевающая внутренняя потребность пролить кровь». Эти приступы были настолько сильными, что он решил, что когда-нибудь он все-таки потеряет контроль над собой и убьет свою жену.

Подсказка нашлась в его снах: ему снилось, что он живет среди первобытных людей, одетых в шкуры, и сидит на корточках в примитивной хижине, где было развешено мясо для сушки. Ему также снилось, что он встретил огромного, мускулистого первобытного человека, который поднимался из погреба. Вскоре после этого он, перебирая свою коллекцию монет, обнаружил, что одна монета лежит не на своем месте. Он не помнил, чтобы сам перекладывал ее. Оконная противомоскитная сетка, которую он вроде бы починил, оказалась порванной, и снова он не мог найти этому объяснения. Именно после этого случая он начал слышать голос у себя в голове. Тот сказал ему, что он — голос — это тот самый человек, которого он видел во сне, и что он постоянно находится

внутри Мариуса. Чтобы подтвердить свои слова, он дважды вселялся в него, переложив монету и разорвав сетку. По его словам, он мог снова вселиться в Мариуса в любую минуту.

Похоже, и сам Мариус считал, что в нем живет некое любопытное существо, которое он называл «Медведем». У него были и свои собственные соображения о том, как изгнать его. Он чувствовал, что ему нужно улечься перед большим костром, чтобы впитать его тепло, и что после этого он наберется достаточно сил, чтобы позволить Медведю обнаружить себя.

Собираясь провести сеанс лечения, Кребтри и его пациент отправились в уединенное место за городом. Вместе с ними поехали пятеро здоровых мужчин на случай, если Мариус начнет буйствовать. В камине развели сильный огонь, и Мариус лег перед ним, обнаженный по пояс. Спустя полчаса он начал завывать и царапать пол ногтями. Когда наваждение закончилось, он пришел в себя и рассказал спутникам, что теперь узнал все о Медведе. Это был огромный медведь, которого поймали в ловушку охотники, а потом медленно убили — без сомнения, следуя какому-то ритуалу. Его дух вселился в одного из охотников, и передавался из поколения в поколение, от отца к сыну, пока не попал, наконец, в Мариуса. И вот теперь он ушел.

Но существо, которое заставляло Мариуса буйствовать, все еще было внутри него. По словам самого Мариуса, это была «круглая дыра в пространстве», которая поглощала насилие. В снах Мариуса медведь воплотился в огромного первобытного человека, поднимающегося из погребя (здесь налицо символизм).

На другой день, когда Мариус погрузился в состояние глубокого расслабления, существо начало говорить его устами. После целой кучи вопросов и злобной перебранки оно все-таки призналось, что его зовут Морлак, и что в далеком прошлом его обожествляли в качестве козла и самца. «Оно кормилось за счет жизненной силы и энергии тех, кто поклонялся ему». Тысячелетиями оно служило предметом поклонения в различных формах; «оно ненавидело любовь и привязанность, но процветало в атмосфере насилия и страха». Себя оно сравнивало с неким «мерцанием» в пространстве, с чем-то вроде воронки, абсолютно черной, имеющей «обод». Оно яростно ненавидело чувства заботы и доброжелательности, которым Кребтри и его сотоварищи окружили Мариуса.

Когда Мариус уставал — а это случалось довольно часто во время общения с существом — они делали перерыв до следующего дня. Мариус не помнил, что происходило во время этих сессий.

Когда они возвратились в Торонто, их странные беседы с существом продолжились; оно оставалось исполненным презрения, но шло на контакт уже гораздо охотнее. Состоялось еще несколько сеансов, и существо начало вспоминать прошлое. «Оно осознало, что пришло из какого-то другого места, и у него была история до того, как оно попало на землю, хотя вспомнить эту историю оно не могло».

Из нижеприведенного отрывка становится ясно, почему Кребтри оказался в таком замешательстве, описывая именно этот случай.

«В один прекрасный день существо поняло кое-что о себе самом: что оно было не совсем черным,

как оно всегда полагало; в сущности, на его «ободе» виднелись проблески света. Начиная с этого момента, события понеслись вихрем. Существо осознало, что ему не нужно бояться «белого света», что когда-то давно в каком-то другом месте оно жило «на свету». Затем пришло понимание того, что ему необходимо оставить хозяина, в которого оно вселилось. Сначала существо опасалось, что погибнет, если лишится жертвы, за счет которой оно кормилось, но когда оно сообразило, что «свет» будет кормить его, то просто взяло и ушло».

Кребтри сообщает, что за восемнадцать месяцев, прошедших с этого момента, у Мариуса не было рецидивов «вселения», и его семейная жизнь вошла в нормальное русло.

Как обычно бывает со всеми случаями у Кребтри, в этой истории нет ничего, чего нельзя было бы объяснить умственным расстройством. Но теперь необходимо добавить и то, что все медиумы, от Сведенборга до Розалинды Хейвуд, предложили бы еще одно возможное объяснение: что есть существа, живущие вне тела, и что некоторые из них злы и опасны.

И в завершение этой главы можно привести случай, когда сама Розалинда Хейвуд столкнулась с таким существом. Это произошло в 1927 году, в поместье в Суссексе, которое было перестроено из старых амбаров. Они с мужем приехали туда поздней ночью, привезли с собой мебель, и, едва успев разобрать две кровати, свалились, усталые, и проспали до самого утра. Стоило им открыть глаза, как обоих посетила одна и та же мысль: «Не могли

же мы привезти это с собой!» «Мы всей кожей чувствовали ненависть. Эти невидимые враждебные нечеловеческие существа считали это место своим и отчаянно хотели от нас избавиться».

Они уже подписали договор об аренде, поэтому не могли позволить себе подыскать что-нибудь другое. Ее муж решил, что, может быть, им стоит пригласить экзорциста, человека, способного изгнать нечистую силу. Он вернулся со священником, который попросил дать ему соли и воды. Розалинда вошла в кухню и была шокирована усвоими ощущениями:

«Это была адская кухня, кипящий котел ненависти, смятения и паники, которая чувствовалась сильнее всего... Хотя в то время у меня было смутное представление о системном анализе в исследованиях, инстинктивное стремление познать неведомое оказалось слишком сильным...»

Она специально вернулась без соли и попросила своего мужа пойти и принести ее. Тот возвратился со словами: «Господи Всемогуший, вот это кухня!»

Ритуал изгнания духов оказался вполне действенным, и, когда она уселась в кухне, выключив свет, то ощутила, что «ярость и ненависть ушли, ужас исчез, и на их месте воцарилось искрящееся тихое спокойствие».

Со свойственным ей прямодушием Розалинда Хейвуд готова признать, что все это просто могло быть ее предубеждением. Спустя несколько лет они сдали поместье в аренду ее сестре, которая буквально не могла войти в кухню ночью, потому что у нее волосы вставали дыбом от страха и ужаса. Но ни Розалинда Хейвуд, ни ее

муж больше не ощущали присутствия враждебных нечеловеческих существ.

Эту историю, как и многие другие, о которых мы говорили в этой главе, можно с легкостью отнести к разряду средневековых суеверий. Собственно говоря, она прекрасно вписывается в рамки открытия, которое начало обретать реальные черты за прошедшие полтора столетия и которое мы теперь просто обязаны рассмотреть в исторической перспективе.

Глава третья

Вторжение привидений

Литературной сенсацией 1848 года стала книга «The Night Side of Nature» («Ночная сторона природы»), принадлежавшая перу Кэтрин Кроу, домохозяйки из Эдинбурга. До сих пор ее писательский успех был довольно скромным и ограничивался двумя любовными романами — «Сюзен Хопли» и «Лили Доусон». «Ночная сторона природы» с подзаголовком «Ghosts and Ghost Seers» («Привидения и те, кто их видел») сделала автора знаменитостью, книга стала одним из самых известных бестселлеров девятнадцатого века, оказавших большое влияние на умы обывателей.

К сожалению, Кэтрин Кроу недолго наслаждалась выпавшей на ее долю славой. В 1859 году она написала трактат «Spiritualism and the Age We Live In» («Спиритуализм и век, в котором мы живем»). По мнению Национального биографического справочника, в этой работе ясно чувствовалось, что писательница находится в «мрачном и угнетенном состоянии духа», и вскоре после этого она едва не повредила рассудком: участь, которую, как считали ее современники, она накликала на

себя, заинтересовавшись такими жуткими и страшными вещами. Кэтрин Кроу, к счастью, выздоровела, но до самой смерти в 1876 году из-под ее пера больше не вышло ничего значительного. «Ночная сторона природы» не утратила популярности и, к началу нового века ее по-прежнему можно было встретить на прилавках книжных киосков (по цене два шиллинга).

Автор коротенькой статейки в Национальном биографическом справочнике, судя по всему, не верил в привидений и в то, что кто-то их действительно видел. Он критикует миссис Кроу за «крайнюю доверчивость», но при этом называет книгу «одним из лучших сборников рассказов о сверхъестественном на родном языке». Однако упрек несправедлив. Книга не приобрела бы такого влияния, если бы была простым собранием рассказов о духах и привидениях. Викторианцам импонировало в ней очевидное здравомыслие и попытка отнестись к описываемым явлениям непредвзято. Только тридцать лет спустя ученые сумели приблизиться к проблеме сверхъестественного с помощью метода системных исследований и анализа. Так что миссис Кроу потрудились на славу, цитируя выдержки из писем, приводя фамилии свидетелей и даты случившегося.

Книга, которая вдохновила ее на написание «Ночной стороны природы» — это еще один шедевр литературы девятнадцатого века под названием «The Seeress of Prevorst», созданный Юстином Кернером. Кэтрин Кроу опубликовала свой перевод немецкого оригинала всего тремя годами ранее. Это было первое полномасштабное исследование феномена ясновидения в истории литературы. Женщиной, которая видела Prevorst, оказалась простая крестьянка по имени Фридерика Хауффе. С дет-

ства ее посещали странные видения, и она разговаривала с невидимыми духами. В возрасте девятнадцати лет Фридерика вышла замуж за дальнего родственника и родила дочь; после этого у нее развилась послеродовая депрессия и начались истерические припадки. Каждый вечер она впадала в транс и видела духов умерших людей. К ней вызвали Кернера, преуспевающего врача и начинающего поэта и попросили ее осмотреть.

Вполне понятно, что он отнесся к ее видениям как к психическому расстройству, некоей мании. Но он был до глубины души поражен одним из ее утверждений, которое впоследствии оказалось правдой. Фридерика могла читать животом. Она ложилась в постель, и на ее обнаженный живот клали раскрытую книгу обложкой вверх. Закрыв глаза, женщина начинала читать ее с такой же легкостью, как будто держала текст перед собой. Кроме того, она утверждала, что может заглядывать внутрь человеческого тела, и обладала такими познаниями о нервной системе, которые казались немыслимыми для простой крестьянки.

После одного странного случая Кернер был вынужден переменить свое мнение о ее видениях. Как-то она пожаловалась ему, что ее преследует мужчина, страдающий косяглазием, и по описанию Кернер узнал в нем человека, умершего несколько лет назад. Покойника, как утверждала Фридерика, мучила совесть, потому что он присвоил и растратил чужие деньги, в чем позже был обвинен другой человек. Теперь растратчик хотел восстановить доброе имя несправедливо обвиненного ради его вдовы. По его словам, доказательства находились среди бумаг, хранившихся в нескораемом шкафу в кабинете некоего чиновника. «Привидение» показало ей чиновника, сидевшего за сто-

лом с разложенными на нем теми самыми бумагами. Описание Фридерики было настолько точным, что Кернер узнал в нем судью по имени Гейд. Судья вынужден был признать, что Фридерика описала его кабинет до мельчайших подробностей, и они с Кернером были потрясены, когда документ нашелся именно там, где она и предсказывала — она даже знала, что он лежал не в своей папке.

С этого момента Кернер начал воспринимать Фридерiku со всей серьезностью, и даже стал вкратце записывать ее рассказы. Она поведала ему, что мы живем в окружении невидимых духов, и, чтобы доказать это, по ее просьбе духи стучали, швыряли камешки и поднимали с пола табуретки. Книга открывалась сама собой, свечу гасила невидимая рука, и нечто развязывало шнурки башмаков Фридерики, когда та лежала на кровати. Кернер сам увидел «духа», который в его описании походил на столб тумана, увенчанный головой.

Фридерика могла разговаривать на странном, неизвестном языке, который, как она утверждала, был древним языком ее внутренней жизни — впоследствии филологи установили, что он родственен коптскому. Она говорила о многочисленных сложных циклах человеческого существования — солнечных и жизненных, а также уверяла, что человек состоит из четырех «компонентов»: тела, нервной ауры, души и духа. Нервная аура — это «нематериальное тело», которое осуществляет жизненно важные процессы, когда мы спим или находимся в трансе. Все это в точности совпадает со взглядами Штайнера, о которых мы говорили во второй главе.

Демонстрации существования духов не пошли на пользу ее здоровью, и в 1829 году, в том самом году, ког-

да Кернер опубликовал свою книгу «The Seeress of Prevorst», в возрасте двадцати девяти лет она умерла. Книга же стала сенсацией. Кернер пользовался репутацией уважаемого писателя, друга поэтов и философов, известного врача, поэтому уже нельзя было относиться к изложенным фактам как к пустым выдумкам и фантазиям. Известный теолог Дэвид Штраусс сам был свидетелем многого из того, о чем шла речь в книге, поэтому он высказался в ее поддержку. «Разрушительная» книга самого Штраусса «Life of Jesus» («Жизнь Христа») вскоре стала причиной национального скандала, но он не шел ни в какое сравнение с тем фурором, который произвела в Европе «The Seeress of Prevorst». Деятнадцатое столетие было временем воинствующего рационализма. Ученые еще могли примириться со скептицизмом Дэвида Штраусса — но только не с невидимыми духами Фридрики. Врачи в Париже и Вене погубили карьеру доктора Франца Месмера, объявив «месмеризм» и гипноз мошенничеством. Они наотрез отказывались принимать к рассмотрению доказательства существования телепатии или ясновидения. Проще было поверить в то, что «The Seeress of Prevorst» — ложь и мистификация, чем попытаться разобраться в том, о чем она рассказывала. Колоссальный успех, который книга имела у публики, только укрепил ученых в убеждении, что они имеют дело с грандиозным обманом.

Не мудрено, что только спустя двадцать лет книга Кернера появилась в Англии. В конце концов, Британия не зря считалась колыбелью скептицизма. Дэвид Хьюм попросту отмахнулся от возможности того, что чудеса все-таки случаются, задав вопрос, что более вероятно: то, что

свидетели лгут, или что законы природы можно нарушить? Англичане гордились смелостью своего мышления; они любили подчеркивать, что, в отличие от французов, итальянцев и баварцев, им нечего бояться, что их сожгут на костре, если они назовут Папу римского лжецом. Британская ассоциация врачей единодушно одобрила решение французских коллег объявить Месмера шарлатаном. Когда врач-нонконформист Джон Эллиотсон заявил, что воспринимает месмеризм как науку, выдающийся хирург сэр Бенджамин Броди выступил в печати и назвал теорию Месмера «достойным сожаления предрассудком, жалким сочетанием веры и страха».

Кэтрин Кроу опубликовала свой перевод «The Seeress of Prevorst» в 1845 году и при этом не пострадала — в конце концов, она была женщиной, да еще и писательницей. Книга вызвала в Британии такой же интерес, как и в Германии. Она убедила саму Кэтрин в реальности сверхъестественных сил. До той поры она полагала себя приверженкой знаменитого врача из Эдинбурга Джорджа Комба, самого известного в Британии последователя френологии — доктрины, провозгласившей, что характер человека можно прочесть по выпуклостям и впадинам на его черепе — и Комб представал ярким скептиком в отношении привидений и тому подобного. Благодаря Кернеру и Фридерике Кэтрин Кроу стала новообращенной. Для нее вдруг явилось откровением, что «научный дух» зашел слишком далеко. «Из-за того, что в 17 веке легкоеверие преобладало над разумом и благоразумием, век 18-ый, что вполне естественно, ударился в противоположную крайность». В девятнадцатом веке все это дошло до абсурда и превратилось в очередной предрассудок,

когда наука отказывалась признавать факты, которые противоречили ее догмам.

Кэтрин Кроу вовсе не была легковёрной. Она начала собственное расследование и скоро поняла, что обнаруженные ею факты укладываются в некие логические рамки. Почти все, о чем она писала, позже подвергнется систематическому анализу со стороны парапсихологов и будет подробно задокументировано в научных архивах: предвидения будущего, видения на смертном одре, предчувствия несчастий, призраки живых и мертвых, полтергейсты, спонтанный психокинез, даже «вселение». Она упрекает современных ученых в их настойчивой приверженности той точке зрения, что сверхъестественные явления можно объяснить истерией или нервным расстройством, и справедливо замечает, что они «подгоняют факты под свою теорию, а не наоборот». Все, что нам нужно сейчас, говорит она, это расследование. «Под расследованием я имею в виду не поспешное, излишне предвзятое, сердитое признание неприятного факта... а медленное, сдержанное, тщательное и придирчивое изучение, которое будет зависеть от природы и смиренно примет все открытия и откровения, вне зависимости от того, насколько они будут противоречить ожиданиям или нанесут урон человеческой гордости». Кажется, что здесь она вторит знаменитому высказыванию Томаса Генри Хаксли о долге ученого: «Опуститесь перед фактом на колени, будьте готовы расстаться с любой заранее придуманной теорией, смиренно следуйте за природой, в какой бы тупик она ни вела, или вы не узнаете ничего». Интересно то, что Хаксли написал эти слова в 1860 году, когда с момента публикации «Ночной стороны природы» прошло более десяти лет; собственно, это Хаксли вторит миссис Кроу.

Задачей Кэтрин Кроу, как она сама с готовностью признает, было найти доказательства того, что какая-то часть человека продолжает жить после его смерти. Первым шагом в этом направлении — которым позже пошли ее самые знаменитые сторонники Майерс и Тиррелл — была попытка доказать, что человек обладает способностями, которые нельзя объяснить с точки зрения существующей науки. В нескольких главах она описывает сновидения и предвидения будущего, а также приводит сведения о паранормальных явлениях, которыми поделились с ней ее друзья.

«Одному из моих друзей недавно, в ночь на четверг, приснился сон о том, что его знакомого сбросила лошадь, и тот лежал на земле, а по лицу его струилась кровь; лицо при этом сильно пострадало. Утром он рассказал о своем сне и, совершенно не веря в такие штуки, не придавал значения тому, что сон мог надолго запечатлеться у него в голове. Но впечатление оказалось настолько сильным, что он не выдержал и в субботу позвонил своему приятелю. Ему сказали, что приятель прикован к постели, поскольку днем раньше он упал с лошади и сильно разбил себе лицо».

Если бы миссис Кроу прожила достаточно долго, чтобы стать членом Общества исследований в области психики, она бы непременно постаралась получить письменное свидетельство своего знакомого, пострадавшего, а также того человека, которому он рассказал сон наутро. Будучи первооткрывателем в этой области, она считала ненужным сбор свидетельств. Если не считать этой оплошности, в остальном ее метод безупречен.

Подобно любому автору, который пишет о паранормальных явлениях, Кэтрин Кроу выказывает особенный интерес к случаям существования вне тела, поскольку она справедливо полагает, что это как раз и есть потенциальное доказательство того, что в человеке есть нечто, продолжающее существование после его смерти. И снова она прилагает все силы, чтобы предоставить нам факты, которые можно проверить:

«Г-н Холлоуэй, сотрудник «Бэнк ов Ингленд» вспоминает, как однажды ночью он лежал в постели рядом с супругой, безуспешно пытаясь заснуть. Заметив в окне яркую красивую звезду, он с необычайной сосредоточенностью принялся ее рассматривать. И вдруг обнаружил, что его душа отделилась от тела и воспарила ввысь. Но он тут же представил себе, как будет страдать его жена, найдя поутру его мертвое тело рядом с собой, и вернулся, хотя и с трудом, в свою физическую оболочку... По его словам, по возвращении он как будто окунулся во мрак; а когда его душа была свободной, то он поочередно переходил из света в тень, так как мысли его возвращались то к жене, то к звезде. Он заявил, что впоследствии сделал все, чтобы избежать повторения этого случая, который произвел на него уж очень гнетущее впечатление».

Главная трудность для миссис Кроу заключалась в том, что ей большей частью приходилось записывать рассказы с чужих слов, и, следовательно, ей было очень трудно отличить правду от лжи. Типичным примером может служить случай, о котором ей рассказал Генрих Юнг-Штилинг. Сегодня Юнг-Штилинг — признанный исследо-

ватель паранормального, профессор экономики в университете Марбурга и последователь доктрин Месмера. То есть он-то вполне заслуживал доверия. История, которую он рассказал, может служить наглядной иллюстрацией явления, которое позже окрестили материализацией «живого призрака» (т.е. призрака живущего человека). В Филадельфии, году этак в 1740, говорит Штилинг, к ясновидящему обратилась супруга капитана дальнего плавания, которая волновалась из-за того, что давно не получала известий от своего мужа. Ясновидящий вышел в другую комнату, попросив женщину подождать. Через некоторое время она потеряла терпение, встала, подошла к двери и стала подглядывать в щелку; ясновидящий лежал на диване и как будто спал. Вернувшись в комнату, он сказал женщине, что ее муж жив и здоров, но по ряду причин не мог написать ей. Объяснив ей эти причины, ясновидящий добавил, что в данный момент капитан сидит в одной кофейне в Лондоне, и скоро вернется домой.

Спустя какое-то время капитан действительно вернулся и подтвердил те причины, по которым, как и утверждал ясновидящий, он действительно не мог написать жене. Когда его представили провидцу, то он узнал в нем человека, встретившегося ему в кофейне накануне отплытия в Америку. Капитан заявил, что тот заговорил с ним, поинтересовался, почему он не пишет своей жене, после чего затерялся в толпе.

Способность ясновидящего «проецировать» себя по другую сторону Атлантики напоминает случаи передачи посланий от умерших к живым, описанные Сведенборгом. Появление «призрака» в лондонской кофейне имеет добрый десяток аналогий в «Phantasms of the Living»

- («Живых призраках»), сборнике, составленном в 1880 году членами Общества исследований в области психики. Но что совершенно выпадает из общей канвы, так это рассказ о том, что капитан разговаривал с «призраком» и объяснял ему, почему он не писал своей жене.

Если принять во внимание, что эти события предположительно произошли в 1740 году — году, когда родился Юнг-Штилинг — становится очевидным, что, даже если история в основе своей и правдива, она все-таки была явно приукрашена за столько лет. Миссис Кроу не могла знать, что рассказ не соответствует основным закономерностям поведения «призраков живых людей», поскольку в ее время аналитических исследований еще не проводилось.

С учетом вышесказанного, госпожа Кроу проделала блестящую работу, и ее книга вполне заслужила свою высокую репутацию. Большинство ее гипотез и предположений сделали бы честь современному естествоиспытателю. Например, в главе «Полтергейст по-немецки» она рассказывает о происшествии с француженкой Анжеликой Коттен, которая в 1846 году работала в цехе по выпуску шелковых перчаток, и вдруг ее станок буквально пришел в неистовство. Анжелика, которой в то время исполнилось четырнадцать, превратилась, очевидно, в одушевленный магнит, и предметы, находившиеся возле нее, срывались со своих мест и прилипали к ней. Как ни странно, металлические предметы оставались к ней «равнодушными»; но здесь явно было замешано электричество, потому что людей, прикасавшихся к ней, било током. Прекратить это удалось только после того, как она встала на толстую пробковую пластину. Кэтрин Кроу делает разумное предположение, что феномен полтергейста мо-

жет иметь электрическую природу — изумительно про-
ницательный вывод, особенно если вспомнить, что боль-
шинство писателей в то время полагали, что полтер-
гейст — это чьи-то злые фокусы и проделки.

Другими словами, ее «доверчивость» зачастую опе-
режала свое время. Она ссылается еще на один случай,
записанный со слов другого естествоиспытателя, Джо-
зефа Эннемозера:

«Похоже, после того, как Ван Хельмонт высказал
убеждение, что человек способен лишить животное
жизни, просто взглянув на него, Руссо, очередной ес-
тествоиспытатель, пытался проделывать это на Восто-
ке, и даже убил таким манером нескольких жаб. Но
когда он решил повторить эксперимент в Лионе, то
животное, видимо, обнаружив, что ему некуда девать-
ся, само пристально уставилось в глаза Руссо, так что
тот лишился чувств и его едва не сочли мертвым...»

Такие вот рассказы заставляют нас саркастически ус-
мехаться; мы-то знаем, что истории о гипнотическом
взгляде змей и других созданий ни что иное, как бабуш-
кины сказки. Тем не менее, современный ученый-иссле-
дователь, доктор Ференц Андраш Волгеши посвятил
долгие годы изучению явления гипноза у людей и живот-
ных, и сделал несколько интересных открытий. Он на-
блюдал — и сфотографировал — несколько десятков
случаев, когда змеи «зачаровывали взглядом» кроликов
или крыс, а затем поедали их. Он также был неоднократ-
ным свидетелем того, как сталкивались воля змеи с во-
лей ее потенциальной жертвы — в его книге есть фото-
графии, на которых гигантская анаконда зачаровывает

крысу, а питон гипнотизирует зайца. На других фотографиях запечатлена борьба воль птицы, *cucullus senegalensis*, и гремучей змеи. Волгеши заявляет: «Борьба, которая начинается с перекрестных взглядов, обычно заканчивается победой птицы». На очередном снимке видно, как жаба выигрывает состязание в силе воли с коброй. Волгеши описывает и поединок между двумя ящерицами — они неподвижно стояли добрых десять минут, поедая друг друга взглядами (как выражается миссис Кроу, *oculis intentis*), а потом одна из них медленно сожрала другую, которая так и осталась недвижимой.¹

Россказни Ван Хельмонта о том, что животное погибает под устремленным на него взглядом, можно считать и сказками, но они основываются на реальных наблюдениях.

В литературе по гипнозу можно найти много подтверждений в пользу мнения миссис Кроу о том, что гипноз подразумевает намеренное использование некоей ментальной силы. В 1885' году французский психолог Пьер Жане наблюдал за ходом экспериментов врача по фамилии Жильбер, который вводил пациентку по имени Леони в гипнотический транс, просто подумав о ней, а потом будил ее тем же способом. Находясь при этом с другой стороны Гавра. В середине 1890-х годов доктор Поль Жуар заставлял загипнотизированных пациентов выполнять его мысленные приказы с завязанными глазами, а в 1920-е годы аналогичные эксперименты проводил русский ученый Л. Л. Васильев, подробно описавший их в книге под названием «Experiments in Distant Influence»

¹ Ferenc Andras Volgyesi, «Menschen und Tierhypnose» («Гипноз у человека и животных») Лондон, 1966.

(«Эксперименты по влиянию на расстоянии»). Все это не оставляет ни малейших сомнений, что некий вид энергии мысли и воли можно реализовывать на расстоянии.

Что привело Кэтрин Кроу в особенный восторг, так это ясное свидетельство силы человеческого разума, превосходящей все наши ожидания. Если люди способны оставлять свои тела и наблюдать за происходящим в другом месте, если девушка может превращаться в живой магнит, а мужчина — ясно предвидеть будущее в своих снах, это значит, что материалистическая наука коренным образом ошибается в оценке возможностей и способностей человека. Кернер описывает — а госпожа Кроу цитирует в «Ночной стороне природы» — как однажды ночью Фридерика проснулась с плачем «О, Господи!», и как врач, сидевший подле тела умершего ее отца, за много миль от нее, явственно расслышал это восклицание и вбежал в комнату, чтобы убедиться, что труп вдруг не ожил. Духи здесь были ни при чем. Дело было в некоей необычной силе и способностях, которыми обладала Фридерика. И хотя кажется, что, люди, обладающие такими способностями, не в силах ими управлять, миссис Кроу не видела причины, почему дело всегда должно обстоять именно так. Может, поэтому ее книга так понравилась твердолобым викторианцам. Их первооткрыватели проникали вглубь новых континентов, их железные дороги протянули свои рельсы на край земли, их промышленность штамповала благополучие, их наука открывала секреты Вселенной. Если госпожа Кроу была права, то новая наука о сверхъестественном должна была продемонстрировать, что человек — это намного более уникальное и необычное создание, чем кто-либо когда-либо

мог предположить. Ее книга вовсе не была жуткой коллекцией страшных историй, от которых мурашки ползли по коже, а творением, исполненным жизнеутверждающего оптимизма о человеческих возможностях.

К несчастью, женщина-романист викторианской эпохи вряд ли была тем субъектом, который мог убедить ученых мужей, что очень важный аспект прошел мимо их внимания. Викторианцы упорно боролись за свою интеллектуальную свободу. В 90-х годах семнадцатого века ведьм все еще сжигали на костре; уже в 1750 году церковь принудила великого естествоиспытателя Буффона отречься от своего предположения о том, что Земля представляет собой осколок Солнца, и что ископаемые и окаменелости действительно были останками наших первобытных предков. К началу девятнадцатого века мыслящие люди уже не могли мириться с той властью, которую насаждала церковь на протяжении веков. Они страстно желали падения этих духовных мучителей и душителей. Поэтому каждый раз, когда кто-либо осмеливался бросить вызов интеллектуальному господству церкви, хор приветственных голосов прокатывался по всей Европе. В 1830 году, через два года после выхода в свет «Ночной стороны природы», немецкий теолог Людвиг Фейербах выпустил книгу «Thoughts on Death and Immortality» («Размышления о смерти и бессмертии»). В ней он отверг саму идею существования персонального Бога для каждого, издевательски называя стремление к бессмертию «обывательской глупостью». Фейербаха преследовала полиция, и его вынудили оставить свой пост в университете. Десятью годами позже Фейербах опубликовал намного более радикальную книгу, «The Essence of Christianity» («О сути христианства»), выход которой оказался подобен

разрыву бомбы. Она ошеломила даже свободомыслящих людей, так как он заявил, что Бог и бессмертие — это опасные заблуждения, и человеку следует научиться жить настоящим, вместо того, чтобы тратить время на мечтания о несуществующем рае. Книга оказала огромное влияние на Карла Маркса. Ее главную мысль он выразил одной фразой: «Религия есть опиум для народа». В своей новелле «Green Heinrich» («Зеленый Генрих») швейцарский поэт Готфрид Келлер назвал Фейербаха «волшебником в птичьем оперении, который своим пением исторг Бога из тысяч душ». В той же самой книге рассказывается о школьном учителе, который потерял работу из-за того, что был атеистом, и который разъезжал по Германии, восклицая: «Разве это не замечательно — быть живым?», и «бесконечно изумлялся блаженному ощущению свободы от бремени Господнего».

Вот почему ученые и философы старательно игнорировали доказательства существования сверхъестественного. Они были довольны уже тем, что церковь создавала себе плохую репутацию, и не намеревались впускать религию обратно через заднюю дверь. Поэтому, когда Кэтрин Кроу начала свою книгу с признания в том, что она стремится доказать бессмертие человеческой души, они не стали читать дальше. Намеренно или неумышленно, но госпожа Кроу лила воду на мельницу противника.

Наибольший интерес и значение в «Ночной стороне природы» представляют страницы, посвященные дому с привидениями, принадлежавшему промышленнику по имени Джошуа Проктор. Эта история в изложении Кэтрин Кроу предстает перед нами в виде тщательно задокументированного отчета, изучением которого впоследствии займутся

представители Общества исследований в области психики, так как она представляет собой подлинный материал для глубокого психологического анализа. Кроу предваряет отчет письмом Джошуа Проктора к самой себе, ручаясь за точность и правдивость подробностей, изложенных ниже.

Дом с привидениями был построен на мельнице в 1800 году. Над ним проходила железная дорога между Нью-каслем и Шилдсом. В июне 1840 года появились сообщения о том, что покой семейства Прокторов — квакеров по вероисповеданию — был потревожен каким-то странным стуком и неприятными видениями. Хирург по имени Эдвард Друри, имевший практику в Сандерленде, услышал о доме с привидениями от местного фермера. Доктор Друри скептически относился к таким вещам. Тем не менее, история о проделках знаменитого полтергейста в Эпворте, приходе преподобного Сэмюэля Уэсли, дедушки основателя методистской церкви, не оставила его равнодушным. Это привидение, известное как «старина Джеффри», гремело, стучало и стонало в доме приходского священника целых два месяца в 1716 году. Слышались звуки тяжелого дыхания, бьющегося стекла, шорох шагов и множество не поддающихся описанию иных шумов. Преподобный Сэмюэль Уэсли заметил, что эти звуки каким-то образом связаны с его девятнадцатилетней дочерью Хетти, которая начинала дрожать во сне перед тем, как начинались эти безобразия. Дело занялся ученый Джозеф Пристли, который решил, что все это сплошной обман и мистификация. Доктор Друри был склонен согласиться с ним; поэтому, когда он услышал о привидениях в Уиллингтон Милл, то написал его владельцу, Джошуа Проктору, и предложил свою помощь

в «раскрытии этой тайны» (то есть разоблачении мошенника). Господин Проктор вежливо ответил, что в день, предложенный господином Друри для встречи, он и его семья будут отсутствовать, но один из его служащих будет присматривать за поместьем. Тем не менее, если он захочет приехать и остаться на ночлег, ему будут рады.

Доктор Друри решил взять с собой за компанию приятеля, для моральной поддержки, а также прихватить и пару пистолетов, чтобы позволить одному из них как бы случайно вывалиться на пол и тем самым напугать возможного шутника. Прибыв на место, он обнаружил там Джошуа Проктора, в одиночестве вернувшегося после своей отлучки. Проктор настолько очевидно был честным человеком, что Друри сразу отказался от мысли «случайно» пугать его оружием.

То, что произошло с Эдвардом Друри той же ночью, полностью убедило его в реальности сверхъестественного. Кроме того, он пережил столь сильное потрясение, что оглох на одно ухо, и здоровье его временно пошатнулось. Он находился в слишком расстроенных чувствах, чтобы сразу же после происшедшего рассказать о том, чему он стал свидетелем, но он пообещал Джошуа Проктору прислать ему подробный письменный отчет. И такой отчет был им написан 13 июля 1840 года, спустя десять дней после ночи, проведенной в доме с привидениями.

Доктор Друри прибыл вместе со своим приятелем, Т. Хадсоном. Их встретил Проктор, который показал им дом. В одиннадцать часов Друри и Хадсон расположились на площадке второго этажа перед комнатой, в которой появлялись привидения. (Хотя он и уверял, что «собирался отнестись к любым звукам, которые ему

послышатся, с философским спокойствием», но, видимо, все-таки решил избежать ненужного риска). Примерно час спустя они слышали легкий топот, «как будто много людей маршировали босиком». Затем из-под половиц под их ногами раздался звук, будто кто-то стучал по ним костяшками пальцев. После этого из комнаты, где появлялись привидения, до них донесся глухой кашель, но они решили не входить внутрь. Вслед за этим они слышали легкий шорох, как будто кто-то поднимался по лестнице.

Без четверти час, замерзнув, доктор Друри решил отправиться спать; Хадсон же сказал, что намерен бодрствовать до рассвета. Доктор Друри взглянул на часы и засек время. Подняв голову, он увидел, что дверь чулана открылась, и ему навстречу движется женщина, облаченная в серое, склонив голову и прижав руку к груди, как будто она стараясь унять боль». Хадсон уже благополучно спал, когда его разбудил «дикий вопль» доктора Друри. Друри бросился к женщине, «но, вместо того чтобы схватить ее, повалился на своего приятеля. После этого в течение трех часов я не мог вспомнить абсолютно ничего. Только потом я узнал, что меня снесли вниз, совершенно обезумевшего от страха и ужаса».

Кэтрин Кроу публикует не только всю переписку между доктором Друри и Джошуа Проктором, но и отчет местного историка, свидетельство владельца местного журнала и показания четырех человек, которые видели привидение. В общем-то, привидений было несколько; также видели и мужчину в стихаре, который скользил по комнате на третьем этаже в нескольких футах от пола. В своем отчете местный историк отметил, что недавно Проктор обнаружил старинную книгу, из которой явствовало, что

и в старом доме, который стоял на месте нынешнего двести лет назад, также появлялись те же самые привидения. Миссис Кроу завершает свой отчет упоминанием о том, что Проктор решил вскоре покинуть дом и превратить его в «общежитие» для своих работников.

Самое интересное в этом отчете то, что он имеет много общего с историями появления привидений в городке Хайдесвилле, штат Нью-Йорк, происходившими восемь лет спустя, что дало толчок развитию спиритуализма в девятнадцатом веке. В Уиллингтоне, как и в Хайдесвилле, полтергейст сопровождали обычные привидения. Если бы доктор Друри обнаружил такое же присутствие духа и любопытство, как и миссис Маргарет Фокс в Хайдесвилле, то движение спиритуалистов родилось бы десятью годами ранее в Англии.

Странности в Хайдесвилле начались 31 марта 1838 года, в деревянном каркасном доме, где жила методистская фермерская семья — фермер Джеймс Д. Фокс, его жена Маргарет и две их дочери — Маргарита, четырнадцать лет, и Кейт, двенадцати. Хайдесвилль — небольшое городишко неподалеку от Рочестера в штате Нью-Йорк. Джеймс Фокс переехал туда в декабре. Предыдущего жильца, Майкла Уикмена, постоянно тревожил громкий стук, причину которого он не мог найти.

В последние дни марта 1848 года семейству Фоксов не давали спать громкие звуки ударов, но, поскольку месяц был ветреным, они не сочли их чем-то необычным. В пятницу, 31 марта, они решили лечь пораньше и выспаться. Глава семьи стал обходить дом, чтобы проверить, надежно ли закрыты рамы и ставни. Дети обратили внимание, что когда он пробовал рамы рукой, ему эхом вторило какое-то хлопанье.

Вся семья спала на двух кроватях в одной комнате. Родители еще не успели улечься, как снова раздались резкие удары. Кейт храбро воскликнула: «Мистер Сплитфут, делайте, как я», — и начала щелкать пальцами. К изумлению девочек, звуки начали вторить ей. Тут вмешалась Маргарита: «Делайте, как я», — и начала хлопать в ладоши. И снова звуки подражали ей эхом. Следующий день был первым апреля, и дети решили, что кто-то решил подшутить над ними. Позже, в своих показаниях о происшедшем, миссис Фокс написала:

«Тогда я решила задать вопрос, на который никто посторонний не смог бы ответить. Я попросила «шум» отстучать возраст моих детей. Мгновенно последовал правильный ответ, причем пауза между сериями была достаточно длительной, чтобы разобраться, о ком из них шла «речь». Так продолжалось вплоть до нашего седьмого ребенка, после чего пауза была длиннее, и за ней последовали три быстрых удара, соответствующие возрасту нашего умершего мальчика...»

Изрядно испугавшись — было уже не до шуток — миссис Фокс спросила, человек ли производил все эти стуки; ответа не последовало. «Дух ли это? Если да, стукни два раза». Последовали два громopodobных удара, такие громкие, что дом задрожал. Затем она поинтересовалась, не был ли это «раненый дух», и снова удары сотрясли дом. Дальнейшие расспросы показали, что стучал человек, умерший в возрасте тридцати одного года, что его убили в этом доме, и что у него была жена и пятеро детей. Миссис Фокс спросила у духа, не будет ли он возражать, если она позовет соседей; стук ответил: «Нет».

Фоксы привели четырнадцать соседских жителей. Одним из них был мужчина, которого звали Уильям Дузлер, который уверял свою жену, что все это — совершеннейшая чепуха, и что не может быть ничего таинственного в этих стуках. Когда он подошел к дому, собравшиеся соседи боялись входить в спальню, но Дузлер сохранял спокойствие, когда в ответ на вопрос миссис Фокс последовал стук, от которого затряслась кровать. (Впоследствии досужие писаки настаивали, что эти звуки воспроизводили двое детей, щелкая суставами, однако, трудно себе представить, как от щелканья суставов мог содрогаться дом и шататься кровать).

Дузлер принялся расспрашивать «духа». Тот выстукивал ответы определенным образом, и удалось установить, что существо было человеком, мелким торговцем по имени Чарльз Б. Розма, убитым в этом доме. На него было совершено разбойное нападение из-за 500 долларов, которые он носил с собой. Убийство произошло пятью годами ранее, и совершил его человек, проживавший в то время в доме, некий мистер Белл. Служанка по имени Лукреция Пульвер позднее подтвердила, что торговец провел ночь в доме, а ее отослал оттуда; когда она возвратилась на следующий день, торговца уже не было.

Когда по округе пошли слухи об этих удивительных событиях, к дому потянулись сотни людей. В воскресенье, 2 апреля, Дузлер узнал от призрака, что тело его погребено в подвале. Единственный способ подтвердить его рассказ напрашивался сам собой, и Дузлер с соседями, вооружившись лопатами, спустились в подвал (пол в нем был земляным) и начали копать. На глубине трех футов они встретили воду и оставили свои попытки. Но в июле,

когда вода ушла, они продолжили раскопки и, на глубине пяти футов, наткнулись на доски; под ними, в негашеной извести, лежали останки волос и кости.

Мистер Белл, которому сказали, что его обвиняет в убийстве привидение, с негодованием все отрицал, и предоставил алиби — показания своих соседей в городке Лион, штат Нью-Йорк. Привидение же заранее предсказало, что убийца никогда не будет привлечен к ответственности.

В своем отчете об этом деле в журнале «Modern Spiritualism» («Современный спиритуализм») скептически настроенный Фрэнк Подмор пишет: «Никогда не было получено и предъявлено никаких убедительных доказательств того, что было совершено предумышленное убийство, или того, что человек, которого предположительно убили, когда-либо вообще существовал». Написано это было в 1902 году. Двумя годами позже, в ноябре 1904, стена в подвале дома Фоксов обвалилась, и за ней обнаружилась еще одна. Раскопки в простенке позволили обнаружить скелет и жестяную коробку. Все выглядело так, будто кто-то выкопал тело из его первоначального захоронения и перезахоронил его в стене, а затем возвел другую стенку, чтобы сбить следствие со следа.

Тогда, сразу же после этих находок, был немедленно создан комитет, в задачу которого входил сбор свидетельских показаний. Отнюдь не все следователи были убеждены, что звуки имели сверхъестественное происхождение; но никому и в голову не пришло предположить, что все это проделки семьи Фоксов. Ведь вся семья находилась в сборе, в одной комнате, и было совершенно невероятно, чтобы дети или родители могли производить эти удары.

Зато все обратили внимание на то, что в доме ничего не происходило, пока там не появлялись дети — а именно, Кейт. Комитет, состоящий исключительно из скептиков города Рочестера, явился в дом провести дознание; было установлено, что Маргарита здесь совершенно ни при чем. И второе, и третье дознания завершились с тем же результатом. Детей заставили раздеться и обыскали на предмет какого-либо механического устройства, способного производить звуки; ничего найти не удалось. Их посадили на подушки и связали лодыжки; стуки продолжались.

Детей разделили; Кейт отослали к ее старшей сестре Лие в Рочестер, а Маргариту — к ее брату Дэвиду в Обурн. «Духи» последовали за ними обоими. Стук продолжался, и люди чувствовали, как их касаются невидимые руки. В доме Лии жилец по имени Кельвин Браун принялся беззлобно подтрунивать над привидением, и оно начало преследовать и донимать его, бросаясь в него всевозможными предметами. С миссис Фокс сорвали чепец и вытащили заколку из волос. Когда члены семейства преклонили колени в молитве, им подложили кнопки. Было ясно, что убитый торговец не имел к этому никакого отношения — он остался в доме в Хайдесвилле, издавая жуткие булькающие звуки и изображая мертвое тело, которое волоком тащили по полу. Миссис Фокс поседела. Одно из привидений, которое общалось с Кейт, заявило, что оно — ее мертвый родственник по имени Джейкоб Смит. Сестра Лия Фиш вдруг обнаружила, что тоже может вступать в контакт с духами, и стала передавать от них сообщения. Шестнадцатилетняя девушка Гарриет Бэби, которая гостила в доме в Обурне и слышала при этом легкий стук, вернулась к себе домой, а жила она

в двадцати милях от Фоксов, и обнаружила, что звуки последовали за ней и туда.

Фоксы переехали в Рочестер, но привидения не оставляли их в покое. Иногда звуки ударов и шум были такими громкими, что слышались за много миль. Очевидно, полтергейсты пришли на смену первому «раненому духу». Однажды посетитель, которого звали Исаак Рост, стал задавать духу вопросы, ответом на которые стал громopodobный стук. Затем, воспользовавшись азбукой Морзе, дух передал сообщение: «Дорогие друзья, вы должны объявить эту правду всему миру. Наступил рассвет новой эры; вам больше не следует пытаться утаивать это. Бог хранит вас, и добрые духи будут присматривать за вами». После этого последовала череда событий, типичных для проявления «спиритуализма». Столы двигались и стучали ножками; на музыкальных инструментах играли невидимые пальцы, предметы водили хоровод в комнате. Духи намекнули, что они предпочли бы появляться в темноте — что только укрепило скептиков в их подозрениях. Те же, кто верил в сверхъестественное, решили, что пришло время претворить в жизнь полученную ими директиву и «явить правду всему миру». 14 ноября 1849 года в Коринфском зале в Рочестере состоялось первое собрание спиритуалистов.

В своем отчете о появлении духов и привидений в Уиллингтон Милл местный историк М. А. Ричардсон отмечает:

«Если мы должны сделать выводы из большого числа сообщений о появлении существ из невидимого мира, что в последнее время стало достоянием широ-

кой публики, то нелишне предположить, что вернулись времена, когда сверхъестественные силы вмешивались в нашу жизнь, и привидения и домовые снова приобретают власть над человечеством».

Для 1840 года это было на удивление проницательное замечание. Даже если оно объяснялось улучшением средств связи и ростом количества газет, было очевидно, тем не менее, что число случаев явления духов и привидений действительно увеличилось в этот период. Разумеется, такое случалось и раньше — астролог королевы Елизаветы Джон Ди посвятил толстенную книгу своему общению с духами через магический кристалл и «проводника» (или, как их стали называть позже, медиума) по имени Эдвард Келли. Явления эпвортского полтергейста, стокуэллского полтергейста, привидения из Кок-Лейн, а также призрак барабанщика из Тедуорта¹ вызвали большой резонанс и даже стали предметом памфлетов того времени.

В 1847 году молодого американского сапожника Эндрю Джексона Дэвиса погрузили в гипнотический транс, и под воздействием гипноза он написал исключительную, поражающую глубиной знаний работу, названную «The Principles of Nature» («Законы природы»), произведшую фурор в литературном мире. В этой поистине замечательной книге Дэвис предрекает, что «правда о духах и привидениях уже долго является нам в виде живых демонстраций, и вскоре мир будет радостно приветствовать приход новой эры, открывающей секреты внутреннего

¹ Подробное описание этих случаев см. в моей книге «Poltergeist» («Полтергейст») (1981).

мира человека». За четыре года с момента публикации этой книги спиритуализм завоевал Америку и начал распространяться по Европе.

Как бы то ни было, именно сестры Фокс дали толчок возникновению и развитию этого течения. Люди поняли, что все, что им нужно сделать, это сесть в темной комнате, желательно в компании медиума, уже имеющего опыт общения с духами, — и привидения не заставят себя долго ждать. Не требовалось никаких сложных приспособлений и механизмов, разве что какой-нибудь музыкальный инструмент. В окрестностях Рочестера за один только 1850 год объявилось более сотни медиумов. В городе Буффало, штат Нью-Йорк, два брата и сестра Дэвенпорт посетили сеанс общения с духами, который устраивали сестры Фокс, а потом решили повторить его самостоятельно — собственно, необъяснимые стуки и шумы раздавались в их доме еще в 1846 году, за два года до происшествия в Хайдесвилле. Когда Ирвин, Уильям и Элизабет Дэвенпорт уселись в темной комнате, положив руки на стол, тот вдруг начал двигаться, легкий стук раздался из всех углов комнаты, и, когда Ирвин взял в руки карандаш, тот стал самопроизвольно писать слова. Через несколько дней, вечером, во время очередного сеанса, когда в комнате присутствовали посторонние, дети начали левитировать (т.е. поднялись в воздух и стали парить). На своем пятом сеансе Ирвин получил указание — посредством перестука — выстрелить из револьвера в угол комнаты. Едва выстрел прозвучал, револьвер вырвался у него из рук, и при свете вспышки стала видна фигура мужчины, державшего револьвер. Спустя мгновение он исчез, а револьвер упал на пол. Мужчина представился — опять же перестуком —

как «Джон Кинг»; он стал одним из первых «контролеров» (или распорядителей церемонии), которые выступали в роли посредников между медиумом и духами. Джон Кинг вскоре завладел братьями и разговаривал уже их устами. Так что братья Дэвенпорт приобрели даже большую известность, чем сестры Фокс.

В местечке Доувер, штат Огайо, состоятельный фермер Джонатан Кунс обнаружил в себе таланты медиума, посидев в темной комнате и войдя в транс. Духи, которые говорили его устами, сообщили ему, что все его восемь детей — одаренные медиумы. Они распорядились, чтобы он выстроил специальный бревенчатый дом, размером шестнадцать на двенадцать футов, предназначенный исключительно для спиритуалистической деятельности. В нем хранилось множество музыкальных инструментов: барабаны, треугольники, тамбурины, банджо, аккордеон, арфа, гитара и тому подобное. Когда медиумы — обычно Кунс и его восемнадцатилетний сын Наум — устраивались за маленьким столиком, а зрители рассаживались на скамьях вдоль стен, Кунс начинал наигрывать на скрипке, и вскоре к нему присоединялись призраки, создавая эффект симфонического оркестра. Свидетели иногда слышали и хоровое пение. Картина получалась весьма впечатляющая, и шум от нее был слышен далеко в округе. Затем голос, используя рупор, читал проповедь, которая буквально плыла над головами слушателей. Кисть руки привидения парила в воздухе, пожимая руки присутствующим и дотрагиваясь до них. Посмотреть на эти чудеса съезжались люди со всей страны, и духи обычно производили неизгладимое впечатление, рассказывая о вновь прибывших такие вещи, которые никто из присутствующих знать не мог.

Собственно, это и было самым убедительным доказательством существования духов. Казалось, они имели доступ к любой информации. В Бостоне, например, супруга редактора газеты, миссис У.Р. Хейден, насмерть перепугала жену математика из Англии, Аугусту де Морган, передав ей пространные сообщения от умерших знакомых, о которых она и знать-то не могла. В результате госпожа де Морган пригласила ее в Англию, где та проводила «пробные» сеансы в доме де Морганов. Над Хейден во весь голос потешались английские газеты, уверенные в том, что эта последняя сумасшедшая мода из-за океана — сплошной обман и надувательство (британцы слишком чувствительно относились к таким вещам), но большинство тех, кто присутствовал на сеансах, она все-таки сумела убедить. Уважаемые представители среднего класса Британии, которые развлекались «стоверчением», чтобы убить долгие вечера, с удивлением обнаруживали, что оно-таки работает. Какой-то журналист написал несколько лет спустя: «В то время вас приглашали на «чай и стоверчение» в качестве нового развлечения, и заставляли водить сумасшедший хоровод вокруг предметов мебели». Даже королева Виктория и принц Альберт поддались этому модному поветрию в своей резиденции в Осборне, и стол вращался так убедительно, что ее величеству и в голову не могло прийти, что ее обманывают — она решила, что здесь замешаны электричество и магнетизм.

Французы же просто сгорали от нетерпения получить новую игрушку, особенно с учетом того, что не утихающие последние пятьдесят лет споры по поводу открытия Месмера — а тот учил, что целительство, ясновидение и тому подобные таинства объяснялись воздействием не-

кого «животного магнетизма» — подготовили почву для столь странного увлечения. К 1851 году столоверчение стало последним криком моды. Вскоре духи обзавелись очень влиятельным неопитом (новообращенным сторонником, приверженцем). Им стал пятидесятилетний просветитель по имени Денизар-Ипполит-Леон Ривайль, позже приобретший известность под псевдонимом Аллан Кардес. Ривайль был учеником прославленного просветителя Песталоцци, и в возрасте двадцати четырех лет открыл свою собственную школу. Он выпустил несколько популярных изданий по грамматике, арифметике, орфографии, вычислению в уме и реформе образования и организовал пользовавшиеся огромным успехом курсы по астрономии, химии, физике и анатомии. Он также с большим рвением изучал френологию и животный магнетизм.

И вот, в мае 1855 года, Ривайль присутствовал на сеансе гипноза некоей мадам Роже, которую ввел в состояние транса ее «магнетизер», М. Фортье, и которая потом смогла читать мысли и выполнять другие удивительные штуки. Там Ривайль встретился с мадам Пленмезон, которая рассказала ему, что в ее доме на улице Гранд-Бателлер происходят вещи намного более удивительные. Ривайль согласился прийти и был поражен увиденным. Столы не просто «вертелись»; они подпрыгивали и бегали по комнате. Ученик Месмера почувствовал, что эти явления бросают вызов его интеллекту и решил досконально разобраться в происходящем. В доме мадам Пленмезон он познакомился с человеком по фамилии Боден, который рассказал ему о двух своих дочерях, которые увлекались самопроизвольным писанием. Молодые девушки, похоже, обнаружили в себе такой талант совершенно случайно, раз-

влекая друзей и знакомых столоверчением; по словам одного из гостей, их манеры были «чрезвычайно общительными и фривольными». Это не остановило Ривайля, задававшего серьезные вопросы философского характера. Когда был задан вопрос о том, поймет ли когда-нибудь человечество первый закон природы, прозвучал ответ: «Нет. Есть вещи, понять которые человек в этом мире не способен». Ривайль поинтересовался, существовала ли материя всегда, и стол «ответил» ему: «Это одному Богу известно».

Ривайлю стало ясно, что существа, с которыми он «разговаривал», были самыми настоящими духами, к которым подсознание молодых девушек не имело никакого отношения. (Даже в то время было принято понятие «подсознание»). В сущности, коммуникаторы отождествляли себя с «духами гениев», и даже утверждали, что некоторые из них (хотя и не все) были призраками людей, некогда действительно живших на земле.

С восторгом Ривайль осознал, что в этом материале присутствовала внутренняя логика, позволяющая предложить философскую концепцию, которая распространялась бы на все мироздание. Некоторые из его друзей, коллекционировавшие образчики «самопроизвольного писания» — включая и драматурга Сардо — передали их Ривайлю; в общей сложности, набралось более пятидесяти тетрадей. Духи сказали Ривайлю, что он должен составить из этих материалов книгу, назвать которую необходимо «The Spirits' Book» («Книгой духов»). Они даже подсказали Ривайлю псевдоним, под которым он должен издать эту книгу: Аллан Кардес. Оба эти имени — по словам духов — он носил в своих предыдущих

воплощениях. Увидев свет в 1856 году, «Книга духов» мгновенно приобрела огромную популярность и стала классикой спиритуализма (или спиритизма, как предпочитал именовать его Кардес).

Основную идею «Книги духов» сформулировать легко и просто. Человек — это существо, состоящее из четырех частей: телесная оболочка, «жизненный принцип» (аура), разумная душа и «духовная» душа — мы уже встречали это деление в «The Seeress of Prevorst» и у Штайнера. Духи — это разумные существа, которые и составляют «население Вселенной». Человек — это дух, заключенный в физическое тело. Предназначение духов состоит в том, чтобы стремиться к совершенству. Духи делятся на три основные категории: «низшие духи», заключенные в материальном мире, «духи второй ступени», мораль которых достигла таких высот, что они помышляют только о свершении добрых дел, и «духи совершенства», которые достигли пика своего развития. Низшие духи представлены как злыми духами, которые питаются по-настоящему злыми умыслами, так и «неистовыми духами», которым просто нравится озорничать. Последних мы называем полтергейстами. После смерти человека дух проводит некоторое время в духовном мире, мире духов, после чего происходит его реинкарнация на землю или в любой другой мир. Цель земной жизни заключается в том, чтобы дух получил возможность развиваться. В некоторой степени духу предоставлена возможность самому выбрать себе испытания, которые предстоят ему в его следующей жизни. (Помимо всего прочего, это означает, что бессмысленно убиваться над своей несчастливой судьбой, поскольку мы выбираем ее сами).

Во всем, кроме одного аспекта, «духовное учение» Кардеса совпадает с принципами большинства других спиритуалистов, начиная со Сведенборга; но как раз этот аспект, реинкарнация, и стал яблоком раздора для французского движения спиритуалистов. Дело в том, что «Книгу духов» предвосхитило появление работы «*Arcanes de la vie future dévoilée*» («Развенчанные тайны будущей жизни»), написанной Альфонсом Кааньи и опубликованной в 1848 году (второй и третий том вышли в свет позже). Кааньи был столяром-краснодеревщиком, которого очаровало и покорило учение о «сомнамбулизме» (гипнотизме) в середине тридцатых годов; он вводил в гипнотический транс многих своих пациентов, самой известной среди которых стала Адель Мажино, и записывал их рассказы о жизни после смерти. Исключительность Адели состояла в том, что полученные ею послания от умерших — а иногда и живых людей, которые пропали без вести — содержали массу убедительных доказательств. Кааньи основал журнал «*The Spiritualist Magnetiser*» («Медиум»), который позже стал выходить под редакцией Ж. Пьерара и под другим именем — «*The Spiritualist Revue*» («Спиритуалистическое ревю»). Кааньи, будучи последователем Сведенборга, не верил в реинкарнацию, и вскоре французское движение спиритуалистов раскололось на два непримиримых лагеря — последователей Кааньи и сторонников Кардеса. Кардес критически относился к медиумам, общавшимся с духами во время транса — таким, как Адель — потому что они ничего не знали о реинкарнации. В свою очередь, Кааньи и его последователи с подозрением и пренебрежением относились к самопроизвольному писанию. Кардес, у которого было больное сердце, умер в 1869 году, всего

лишь через тринадцать лет после выхода в свет «Книги духов», успев, впрочем, опубликовать множество других книг, которые оказали большое влияние на умы французов, и не только. И поэтому получилось, что, по мере того, как движение набирало силу, версия спиритуализма в изложении Кардеса постепенно теряла сторонников. И только в Бразилии — стране, где врачи часто вызывали духов для оказания магической помощи — спиритуализм по Кардесу пустил глубокие корни и процветает до сих пор, превратившись в одну из главных религиозных конфессий.

И вот сейчас, мне кажется, нужно сделать паузу и задать вопрос: что все это значит? В спиритуализме есть нечто, вызывающее особое раздражение. Одно дело — согласиться с тем, что некоторые люди, подобно Розалинде Хейвуд, обладают некоторыми странными способностями к ясновидению, и совсем другое — молча проглотывать духовные учения, которые напоминают пьяный бред учителя воскресной школы. Дело не в том, что доктрины Сведенборга или Кардеса неприемлемы сами по себе. Учение о том, что человек состоит из физического, или живого, тела, астрального тела и эго, представляется достаточно разумным; посредством самосозерцания и самоанализа можно даже научиться различать низменные побуждения нашей низшей сущности и отстраненные наблюдения высшей, которая иронически взирает на наши страдания и унижения. Но когда Кардес говорит нам, что Бог сначала создал духов, а потом поставил перед ними цель — развиваясь, стремиться к совершенству — мы не воспринимаем эти нудные абстрактные рассуждения. Для чего Господу понадобилось создавать духов изначально? Почему он с самого начала не мог создать их совершенными?

Надо полагать, у духов есть более важные занятия, чем общаться со своими живыми родственниками посредством медиумов и доставлять утешительные сообщения о радостях жизни после смерти и тривиальных проблемах еще здравствующих? В сравнении с открытиями науки или философии, или видениями великих мистиков, откровения спиритуализма кажутся просто банальными.

Теперь становится понятным, почему спиритуализм вызвал мгновенную враждебность у ученых и философов. Спиритуализм походил на вулканическое извержение веры, а ученые ответили на него скептицизмом, своего рода ушатом холодной воды. Столкновение кипящей лавы и холодной воды привело к образованию такого густого тумана, который скрыл все вокруг. Дело не в том, что большинство ученых отвергли предъявленные им доказательства; они попросту отказались их рассматривать. Т. Г. Хаксли выразил общее мнение, когда сказал: «Все это может быть правдой, хотя я и уверен в обратном, но в действительности мне это просто неинтересно».

Такое отношение вряд ли можно назвать подлинно научным. Любому, кто даст себе труд хотя бы взглянуть на них, доказательства покажутся очень убедительными. Существуют сотни — да что там, тысячи — описаний существования вне тела, полтергейстов, появления призраков умерших людей, точного предвидения будущего. Любой здравомыслящий человек должен быть готов принять эти доказательства, а не отмахиваться от них со словами: «в действительности мне это просто неинтересно».

Можем ли мы согласиться с ними, отвергая возможность жизни после смерти или существования духов? Едва ли. Возьмем, к примеру, появление призраков в Уиллинг-

тон Милл. Стоит обратить внимание на факт, что призрак мужчины прошел через комнату в нескольких футах над полом, на уровне подоконника. Смело можно предположить, что он шествовал по полу, которого теперь уже не существовало. Мы знаем, что мельница была построена на месте старого дома. Похоже, что теория сэра Оливера Лоджа о «магнитной записи» как раз и объясняет появление этого конкретного привидения. Мы помним, что дом стоял в самом низком месте долины, рядом с ручьем, поэтому там должно быть сыро. Т. С. Летбридж высказал предположение, что привидения и духи ни что иное как «запись» в электрическом поле воды, и чаще всего они встречаются именно в местах с повышенной влажностью.

Не стоит забывать и комментарий местного историка, что, хотя мельница и была построена в 1800 году, о появлении привидений там ничего не было слышно, пока в доме не поселилась семья мистера Проктора — семья, в которой были дети. Позднее, в девятнадцатом веке, исследователи феномена полтергейста отметили, что обычно он появляется там, где есть дети, и один ребенок становится «фокусом», или центром, развивающихся событий — в самом деле, стоит вспомнить, как преподобный Сэмюэл Уэсли заметил, что его дочь Хетти дрожит во сне перед тем, как «старина Джеффри» начинает бесчинствовать в доме. Физиология расщепленного мозга учит, что у нас в голове «сидят» два человека. Может статься, старина Джеффри как раз и был неким проявлением подсознания или правого полушария мозга Хетти Уэсли?

Вот эта самая вполне правдоподобная теория психических феноменов была изложена в конце девятнадцатого века блестящим редактором одной из газет, Томсоном Джейм

Хадсоном, в книге «The Law of Psychic Phenomena» («Закономерности психических феноменов») (1893). Хадсон увлекался гипнотизмом и теми необычными способностями, которые развивались у людей под влиянием гипноза. Он пришел к убеждению, что человек состоит из двух «я», которые он называл «субъективное я» и «объективное я». Объективное «я» — та часть нашего разума, которая имеет дело с ежедневными проблемами — левое полушарие. Субъективное «я» обращено внутрь; оно контролирует происходящее внутри нас. Обычно субъективное мышление подавляется объективным до такой степени, что оно крайне редко осмеливается выразить свое мнение. Но когда гипнотизер усыпляет объективное «я», субъективное «я» может проявить свои скрытые способности.

В самом конце девятнадцатого века по Америке странствовал гипнотизер по имени Карл Хансен, и его любимый фокус заключался в следующем: мышцы загипнотизированного им человека обретали такую жесткость и твердость, что человека можно было уложить на два стула, как бревно — голова на одном стуле, а ноги на другом, — а Хансен начинал подпрыгивать вверх-вниз у него на животе. Подобные вещи, по словам Хансена, были лишь самым слабым проявлением возможностей субъективного «я» (или, как мы говорим, правого полушария мозга). Субъективное «я» способно творить чудеса — собственно говоря, чудеса Иисуса почти наверняка были проявлением его субъективного «я». Именно субъективное «я», утверждает Хансен, отвечает за такие таинственные явления, как ясновидение и телепатия.

Потом Хансен бращается к спиритизму. Это явление, признает он, бесспорно существует, но своим по-

явлением оно обязано вовсе не призракам умерших людей. Оно вызывается «исключительно человеческим разумом, и не поднимается выше, и не опускается ниже среднего уровня интеллектуального развития человечества». Именно поэтому спиритуализм так скучен и однообразен — потому что он, как говорил Ницше, «слишком человеческий по своей природе... мы уже были свидетелями того, какие замечательные возможности проявляет субъективное «я» в некоторых сферах умственной деятельности, и с какими ограничениями он сталкивается; и мы замечаем, что интеллектуальным фокусам медиумов свойственны черты, характерные для субъективного мышления — те же самые потрясающие возможности и те же самые ограничения».

Эта теория достаточно современна, и звучит убедительно; за годы, прошедшие с момента выхода в свет «Закономерностей психических явлений», не удалось разработать ничего более приемлемого, правдоподобного или «научного». Но действительно ли она объясняет все известные нам факты? Хадсон предлагает следующее решение проблемы духов — «субъективное «я» медиума, испытывающее на себе суггестивное действие внушения, полагает себя духом/призраком любого умершего человека, имя которого ему предлагается». Но такое объяснение неприменимо для случаев — например, с «потайным ящичком» Сведенборга, о чем мы говорили в первой главе, — в котором медиум был способен отыскать сведения, известные только умершему. Кроме того, как мог сэр Александр Огстон (упомянутый во второй главе) узнать о том, что в другом крыле умер военный хирург, если его разум не покинул каким-то образом его тело и не странствовал

по госпиталю? Мы можем предложить для этого случая — и множества ему подобных — объяснение, что здесь замешана телепатия. Может быть, разум Отстона уловил волны агонии, исходящие от хирурга, а Сведенборг, может статься, контактировал с разумом плотника, который сделал письменный стол с потайным ящиком. Но такие объяснения усложняются до бесконечности, нарушая при этом известный философский принцип «лезвия Оккама», который гласит, что, пытаясь решить какую-то проблему, всегда нужно искать самое простое и самое экономичное решение. В целом же в качестве рабочей гипотезы гораздо предпочтительнее принять возможность жизни после смерти — или независимость души от тела.

Еще один довод против спиритуализма — о том, что он как-то «принижает» духовное начало до уровня материального — был выдвинут Дином Инджем, который писал: «Как только нас просят признать научные доказательства духовной правды, эта предположительно духовная правда перестает быть как духовной, так и правдой. Она превращается в событие материального мира».¹

Странно, но с ним соглашается Рудольф Штайнер, говоря: «Спиритуалисты — самые великие материалисты из всех нас». Над этим стоит задуматься, особенно если вспомнить, что Штайнер не только признавал возможность жизни после смерти, но и реинкарнацию.

Правильное объяснение имеет очень большое значение, поскольку именно оно вызывает ту волну враждеб-

¹ «Outspoken Essays» («Размышления вслух»), Vol. 1, p. 269, на которые ссылается Дэвид Лоример в своей работе «Survival?» («Жизнь продолжается?»), стр. 160.

ности, с которой сталкивается спиритуализм. Одна из основных доктрин Штайнера заключается в том, что «сверхчувственный мир предстает перед нами таким, каково наше восприятие этого чувственного мира». А вот что он говорит о Сведенборге:

«Он был тем человеком, который, в пору зарождения естественных наук, привык принимать только чувствительное, только видимое... Поскольку он настаивал на том, что верными являются только те вещи, которые он может просчитать и осязать своими органами чувств... он переместил мир сверхчувственности в нижнюю область под влиянием своих естественнонаучных привычек».¹

С тем, что говорит Штайнер, вскоре соглашаются большинство тех, кто прочел отчеты о видениях и происшествиях на смертном одре. Кто-то обнаружил себя шагающим к божественному граду, кто-то перенесся на цветущие луга, кого-то неведомая сила несла к небесным вратам или водовороту света. Создается впечатление, что каждый интерпретирует происходящее с ним в силу своей фантазии. Штайнер предполагает, что мистики, подобные Сведенборгу, который уловил мимолетный отблеск «сверхчувственного мира», просто обязаны интерпретировать его в соответствии с собственными приобретенными ментальными привычками, чем и объясняется то, что откровения спиритуализма зачастую кажутся нелепыми и смехотворными.

¹ «The History of Spirits» («История духов»), лекция прочитана в Берлине 30 мая 1904 года.

Удивительная вещь — Штайнер полностью поддерживал Кардеса, который собирал материал для своей книги после сеансов самопроизвольного (автоматического) писания. Отсюда вытекает, что Штайнеру очень не нравилась в спиритуализме склонность последнего к демонстрации частностей — плывущих по воздуху труб и аккордеонов, танцующих по комнате столов, и духов, состоящих из эктоплазмы. Его отношение можно сравнить с теориями одного из христианских мистиков, который старался объяснить, что рай — это не скопление ангелов, восседающих на облаках и наигрывающих на арфах.

В то же время, в таком отношении просто обязан присутствовать элемент предвзятости. Многие медиумы, начинавшие с самопроизвольного письма, позже превратились в «звуковых медиумов», а некоторые — даже в «медиумов материализации». Между ними невозможно провести четкую границу. Собственно говоря, Штайнер критикует не сам спиритуализм, он критикует спиритуалистов. Если мы поймем это, то исчезает одна из основных проблем — или, в крайнем случае, она превратится в недоразумение.

Именно благодаря недоразумению первые дни спиритуализма отмечены беспокойством и горечью. Со стороны исследователей, подобных Кэтрин Кроу и Аллану Кардесу, было наивно требовать справедливого слушания дела о сверхъестественном; ученые и интеллектуалы чувствовали себя так, будто их заставляли проглотить чушь и детский лепет. Они раздраженно кивали на церкви спиритуалистов, которые, как грибы после дождя, росли по всей Америке, и гневно вопрошали, как можно серьезно относиться к религии, у исто-

ков которой стояли две глупые девчонки. Их скептицизм, казалось бы, нашел свое подтверждение в апреле 1851 года, когда родственница семейства Фоксов, миссис Норман Кульвер, заявила газете «Нью-Йорк геральд», что Кэйт и Маргарита Фокс показали ей, как они производили шум и стук коленями и пятками. Это могло быть правдой, а могло и не быть. Девочки, вместе со своей матерью, превратились в знаменитостей и много ездили по Восточному побережью (США), демонстрируя свои способности. Судьба уберегла их от скуки провинциальной жизни в маленьком городишке в верхней части штата Нью-Йорк и вознесла на пьедестал известности и славы. Поскольку духи время от времени отказывались «сотрудничать», вполне естественно предположить, что они иногда немножко жульничали. Впрочем, ясно одно: первоначальный феномен — сильные удары, от которых содрогался дом — никак нельзя объяснить щелканьем коленных суставов. Мошенничеством нельзя объяснить и то, что Кэйт и Маргарита отвечали на все вопросы в отношении присутствующих в комнате. Обвинения в подлоге и мошенничестве были всего лишь очередным поводом отказаться от беспристрастного изучения имеющихся доказательств.

Главная же трагедия состояла в том, что туман жаркой полемики поглотил и серьезные исследования паранормального. В 1840-х годах немецкий ученый, барон Карл фон Райхенбах, вновь подтвердил сделанное Месмером открытие о том, что на человека можно воздействовать магнитным полем. Райхенбах обнаружил, что больные люди более чувствительны к его действию по сравнению со здоровыми. Его пациенты наблюдали излучение разных цветов, шедшее от двух полюсов магни-

та: красное — от южного полюса, и голубое — от северного. Они были способны различать аналогичные эманации (излучение) и в кристаллах. Что еще более важно, — они могли видеть его истекающим из пальцев человеческих существ. Райхенбах назвал это излучение «одиллией» или «одической силой», и сообщение о его открытии, впервые сделанное в 1845 году, имело широкий общественный резонанс. Но главным открытием, сделанным Райхенбахом, стало обнаружение «человеческого поля», исследованием которого в 30-х годах девятнадцатого века занимались Гарольд Бурр и Ф. С. С. Нортроп. Но к 1850 году, ввиду всеобщего энтузиазма по отношению к спиритуализму, ученые стали крайне подозрительно относиться к любому сообщению о «невидимой силе»; Райхенбах внезапно понял, что он дискредитировал себя и сделался посмешищем в той же степени, что и Месмер.

Джозеф Роудс Бученен работал профессором медицины в университете штата Кентукки, и его заинтриговал местный епископ рассказом о том, что он способен на ощупь различать медь, даже в темноте — прикоснувшись к ней рукой, у него во рту появлялся горький привкус. Бученен привлек к участию в экспериментах своих студентов и установил, что многие из них могут распознавать химические вещества, даже завернутые в плотную промасленную бумагу. Он сделал вывод, что из кончиков пальцев у нас истекает «нервная аура», которая способна определять предметы на «вкус», подобно языку. Затем он обнаружил, что некоторые из его подопытных, подержав в руках запечатанное письмо, в состоянии определить настроение автора, а кое-кто из них мог даже с большой точностью описать автора!

Все это прекрасно укладывается в теорию магнитной записи духов, выдвинутую сэром Оливером Лоджем — сильные эмоции способны «отпечатываться» на окружающей среде, и что «запись» в состоянии обнаружить люди, обладающие чувствительностью к таким вещам. Объектами исследований у Бученена были, в буквальном смысле, люди-ищейки. Бученен нарек столь странную способность «психометрией», и его книга на эту тему вызвала широкий интерес в 1848 году. Она даже подвигла профессора геологии Уильяма Дентона на постановку аналогичных экспериментов на своих студентах с использованием образцов геологических пород. Результаты были потрясающими.¹

Куски вулканической лавы хранили в себе изображения взрывающихся гор, отпечатки зубов мастодонтов, образы первобытных лесов и метеоритов, странствующих в космическом пространстве. Дентон был твердо уверен, что он обнаружил «оптическую трубу в прошлое», неизвестную способность, с помощью которой человек мог путешествовать обратно во времени. Достойно сожаления, что не привлекли особого внимания ни книга Дентона «The Soul of Things» («Душа вещей»), ни работа Бученена «Manual of Psychometry» («Руководство по психометрии»). Обе они слишком отдавали спиритуализмом, и ученый, который отнесся бы к ним серьезно, рисковал стать посмешищем.

В какой-то мере в подобной враждебности были виноваты и сами спиритуалисты. Они были слишком

¹ Отчеты Райхенбаха, Бученена и Дентона приведены в моей книге «The Psychic Detective: The Story of Psychometry» («Психический детектив: история психометрии», 1984).

доверчивы, слишком склонны принимать любую банальность за сообщение с «той стороны». Сотни медиумов-самозванцев воспользовались их легковерием для неприкрытого обмана, и стоило поймать кого-либо из них за руку, ученые принимались обреченно качать головами и приводить в пример колдовство и занятия черной магией средневековья. Кое-кто из них даже торжествующе ронял при этом: «А что я говорил!» Настоящие медиумы, такие, как братья Девенпорт, только вредили себе, выступая в театрах и совершая потрясающие фокусы, которые сделали бы честь самому Гудини. Они позволяли связывать себя так крепко, что веревки врезались в тело, оставляя синяки и рубцы, но, проведя некоторое время в закрытом ящике или шкафу, они выходили оттуда освобожденными от пут. Профессор Бенджамин Пирс, член комитета по изучению этого феномена, однажды сел между братьями в ящике. Как только крышка захлопнулась, невидимая рука отомкнула замок (оба брата были обмотаны веревками, как мумии) и провела пальцами по лицу профессора, прежде чем распутать братьев. Профессор Лумис из джорджтаунского медицинского колледжа признал, что все фокусы совершала неизвестная ему сила. Но свидетельства такого рода не принимались в расчет, поскольку братья выступали перед публикой в одной программе вместе с фокусниками и акробатами.

Теперь становится понятно, почему самому выдающемуся медиуму девятнадцатого века — а, может, и всех времен — Дэниэлю Дунгласу Хоуму — не удалось добиться значительных успехов на своем поприще. Хоум сохранял и под-

6*

держивал свои способности более четверти века, за исключением одного года, когда духи решили наказать его. При дневном свете он проделывал удивительнейшие вещи. Он заставлял тяжелые предметы мебели воспарять к потолку; он сам выплывал по воздуху в одно окно и возвращался через другое. Он погружал лицо в раскаленные угли. По желанию он мог увеличить свой рост на несколько сантиметров. Его способности добрый десяток раз подвергались тщательной проверке признанными скептиками, и ни одного раза его не смогли упрекнуть в чем-либо, даже отдаленно напоминающем жульничество и обман. Но в памяти последующих поколений он остался, в первую очередь, человеком, которого Диккенс называл «этот негодяй Хоум», и о котором Роберт Браунинг написал оскорбительное стихотворение под названием «Mr. Sludge the Medium» («Мистер Дешевый медиум»).

Прекрасное описание типичного сеанса Хоума оставила нам его личный биограф Джин Бертон. Он состоялся январским вечером 1863 года, в модном в то время доме мадам Жовин Аттанвиль, и среди гостей присутствовала принцесса Меттерних с супругом, а также австрийский посол. Гости — числом пятнадцать человек — уселись за столом в роскошной гостиной, отделанной в духе Второй империи, а Хоум опустился в кресло в трех-четыре ярдах от них. После того как все устроились поудобнее, он откинулся на спинку кресла, побледнел и погрузился в легкий транс. Он спросил: «Брайан, вы здесь?» (Брайан был его духом-проводником). Со стороны стола послышался резкий стук, люстры закачались, и стул по собственной воле проехал по комнате и остановился перед гостями. В то же мгновение принцесса Меттерних

вскрикнула, почувствовав, как невидимая, но сильная рука стиснула ее запястье. Другие тоже почувствовали легкое прикосновение чужой руки. (Все это происходило в комнате, «залитой светом»). Гобелен, покрывающий стол, поднялся в воздух, и под ним обозначилось какое-то движение — будто рука или какое-то небольшое животное зашевелилось под тканью. Для большинства мужчин, настроенных, в основном, скептически, этого оказалось слишком; принц Меттерних нырнул под гобелен и попытался схватить это «создание»; но там ничего не было. Кто-то из мужчин оттащил гобеленовую скатерть в сторону, а остальные ринулись под стол, чтобы найти источник стука; и снова их постигло разочарование. Едва они вылезли из-под стола, последовала настоящая какофония стуков — причем, они «звучали откровенно презрительно». Разъяренный принц Меттерних совершенно уверился в том, что они шли из-под стола, и снова опустился на колени. Стук продолжался, и Меттерних сердито заорал: «Прекратите эти шутки, пожалуйста!» Остальная компания принялась уверять его, что они ни при чем.

Явно находясь в трансе, Хоум указал на букетик фиалок (для украшения корсажа платья), лежавший на фортепиано, и попросил его перенестись к ним. Фиалки заскользили по поверхности фортепиано, рывками поплыли по воздуху через комнату и свалились принцессе на колени. Рванувшись вперед, принц Меттерних схватил их и начал осматривать в поисках нити, которая, по его мнению, должна была быть к ним привязана; он не нашел ничего.

Слабым голосом Хоум потребовал аккордеон, популярный в то время инструмент. Когда его просьба была

выполнена, он попросил принцессу стать одну в центре комнаты и поднять инструмент над головой. И вот, пока она стояла так, подняв руки вверх, по лицу ее пробежало выражение величайшего изумления. Меха аккордеона растянулись, и он начал играть сам по себе! Всех поразило то, что игра была мастерской, и кое у кого из слушателей на глаза навернулись слезы. Теперь больше не могло случиться ничего, столь же впечатляющего, и на этом сеанс закончился. Но, как и следовало ожидать, мужчины начали рассуждать, как такое могло произойти; никто не сомневался, что им показали какой-то фокус; кое-кто начал рассуждать об электробиологии и массовом гипнозе. Принцесса вынуждена была признать, что у нее не было ощущения, что ее загипнотизировали.

Дэниэль Дунглас Хоум (сам он произносил свою фамилию как «Хьюм») родился в окрестностях Эдинбурга в марте 1833 года — его мать принадлежала к горскому клану и пользовалась славой провидицы. Вероятнее всего, он был незаконнорожденным ребенком — он любил прихвастнуть, что его отец — лорд Хоум. Когда ему исполнилось девять, он переехал в Америку со своей теткой, Мэри Кук, и ее мужем. Его мать и «отец», и семь его братьев и сестер, уже были там. Дэниэл болел туберкулезом, и его преследовали обмороки — типичный «больной чувствователь». Его лучшим другом был мальчишка по имени Эдвин, и они отправлялись в долгие прогулки по лесам Коннектикута. Они заключили мальчишеский договор — тот, кто умрет первым, явит себя другому. В 1846 году, когда Дэниэлю исполнилось тринадцать лет, он рассказал своим тете и дяде, что только что видел Эдвина стоящим в ногах его кровати. По его

словам, фигура три раза описала рукой круг в воздухе, и Дэниэл посчитал это знаком того, что Эдвин умер три дня назад. Это оказалось правдой.

Затем, в течение четырех последующих лет, сверхъестественные способности у него не проявлялись. Но однажды Хоуму явилось видение его матери, и он понял, что она умерла. Вскоре после этого, причесываясь как-то, он вдруг заметил в зеркале, что по комнате к нему скользит стул. Он перепугался до смерти и выскочил из дома. Когда он спал, его разбудили три громких удара в изголовье. На следующее утро за завтраком, когда тетка мягко подтрунивала над ним, что он изматывает себя, посещая слишком много молитвенных собраний (Хоум был очень религиозен для молодого человека), стук послышался со всех сторон вокруг стола, и его встревоженная тётка воскликнула: «Ага, теперь ты привел в мой дом дьявола!», и швырнула в него стул. Пригласили баптистского священника, чтобы он изгнал дьявола, но тому едва удалось перекричать громовые удары, чтобы быть услышанным. Не подозревая, что полтергейсты, как правило, никому не причиняют зла, тетка попросила его покинуть дом. Итак, в возрасте семнадцати лет, Хоум оказался предоставлен самому себе.

Хоум обладал врожденным очарованием и имел веселый, жизнерадостный характер, что привлекало к нему людей. Духи оказывали ему полную поддержку. Он легко входил в транс, и в этом состоянии бегло болтал по-французски и по-итальянски — ни одним из этих языков в «нормальном» состоянии он толком не владел. При всем желании он не мог бы выбрать более удачного времени, чтобы предстать перед миром — в США все толь-

ко и говорили о духах. Евангелист доктор Джордж Буш — профессор азиатских языков — убедил его принять учение Сведенборга и попробовать на практике применить свой недюжинный талант проповедника. Хоум согласился, но два дня спустя вернулся к евангелисту и сказал, что его умершая мать категорически запретила ему заниматься этим, поскольку, по ее словам, ему уготована более значительная миссия.

Находясь под опекой духов и добрых знакомых, Хоум разъезжал по Новой Англии. Его принимали с распростертыми объятиями в домах лучших представителей среднего класса; его трогательная бледность и правильные черты лица снискали ему устойчивое расположение дам бальзаковского возраста. В Спрингфилде, штат Массачусетс, он остановился в доме зажиточного горожанина по имени Руфус Элмерс, и согласился, чтобы его обследовала делегация ученых из Гарварда, в состав которой входил и поэт Уильям Каллен Брайант. У них, как и у многих других «делегаций» после, не возникло ни малейших сомнений в подлинности наблюдаемого феномена. Стол не только стучал ножками и парил в воздухе, но и, подобно цирковому скакуну, вставал дыбом, в то время как три члена комитета сидели на нем, стараясь заставить его опуститься. Пол содрогался от ударов, которые по силе напоминали артиллерийскую канонаду. Все это происходило при дневном свете, а члены комитета держали Хоума за руки и ноги, чтобы убедиться, что явления происходили самостоятельно и независимо от медиума. В их отчете, озаглавленном «The Modern Wonder» («Современное чудо»), содержался вывод: «Мы уверены, что не находились под чьим-либо влиянием и нас не

обманывали». Руфус Элмерс настолько впечатлился увиденным, что предложил усыновить Хоума и сделать его своим наследником. Но Хоум, поблагодарив, отказался.

В августе 1852 года, сидя в окружении зрителей, Хоум воспарил к потолку — этот «фокус» стал его своеобразным фирменным трюком. Остальные вещи, которые он проделывал, были почти столь же впечатляющими. Огромные фортепиано поднимались в воздух, колокольчики звенели, гремели литавры, и все это сопровождалось птичьим пением и разнообразными звуками животного происхождения. Как-то раз стол, на котором стояла свеча, встал на дыбы, но пламя свечи не отклонилось ни на дюйм, как будто бы она по-прежнему стояла на горизонтальной поверхности. В другой раз, в доме преподобного С. В. Бриттена, Хоум вошел в транс, и не своим голосом объявил: «Здесь Ханна Бриттен». Хоум начал заламывать руки, и в течение доброго получаса горячо и бессвязно рассказывал о муках ада. Преподобный Бриттен был потрясен, поскольку был уверен, что никто не знал о том, что леди — дальняя родственница — пала жертвой религиозной горячки и умерла в состоянии помешательства, преследуемая видениями вечных мук. (Во время следующего своего «появления» Ханна Бриттен поведала им, что ее нынешняя жизнь была спокойной, мирной и прекрасной, и что адские мучения были всего лишь порождением ее больного мозга).

Большинство представительниц прекрасного пола обожали Хоума, а тот был внимателен и заботлив. Он никогда не забывал послать букет цветов к какой-либо дате. Мужчины же или любили его, или люто ненавидели. У него были женственные манеры, и ходили слухи,

что он — гомосексуалист. (По какой-то причине число последних среди медиумов невероятно велико). Он был, несомненно, тщеславен, и, безусловно, гордился своими правильными чертами лица и шелковистыми, золотисто-каштановыми волосами. Он любил красивую, дорогую одежду, и был потрясающим снобом, находя особое удовольствие в своей неприступности. (Он снисходил до знакомства с людьми только в том случае, если их представляли общие знакомые). Он смертельно обижался, если ему предлагали деньги, и страшно не любил, если с ним обращались как с актером-исполнителем. Он был твердо убежден, что по своему социальному статусу он — ровня всем, с кем он встречался, включая особ королевской крови. В то же время он с удивительной скромностью относился к собственным достижениям, подчеркивая, что сам он не имеет никакого отношения к демонстрируемым феноменам. Все, что от него требовалось — это расслабиться и прийти в нужное расположение духа (обратите внимание на слово «нужное» — в нем, вероятно, ключ ко всему), и все происходило само собой.

К 1855 году чахоточный кашель у Хоума заметно усилился, и его почитатели решили, что ему нужен более здоровый климат. По какой-то непонятной причине он выбрал Англию. Его поклонники оплатили ему проезд и, провожаемый восторженной толпой, он отплыл в марте из Бостона; ему только что исполнилось двадцать два.

По обыкновению, духи приглядывали за Хоумом. В Лондоне он остановился в отеле «Кокс» на Джермин-стрит. Владелец, Уильям Кокс, сам был спиритуалистом, и приветствовал Хоума, «как отец сына». Так что Хоум получил бесплатные апартаменты и был пред-

ставлен лондонскому обществу, регулярно собиравшемуся в о-теле. Он мгновенно свел знакомства с маркизами и баронессами. Он часто навещал романиста лорда Литтона, который описал многие из явлений, происходивших на сеансах Хоума — например, как светящаяся форма растворялась в шаре, рукасовершала манипуляции без туловища, и громкие удары и яркие искры сопровождали выступление медиума, — в своем знаменитом рассказе «The Haunted and the Haunters» («Посещения призраков»). Литтон отказывался верить в то, что это были проделки духов; он полагал, что здесь замешано подсознание Хоума. Он подружился с социалистом Робертом Оуэном, помешанным на спиритуализме, который представил его своему давнему приятелю лорду Генри Брохэму, скептику вольтеровского образца. Брохэм и сэр Дэвид Брюстер имели частную встречу с Хоумом, во время которой стол поднялся в воздух, а колокольчик поплыл по комнате. Брюстер описал происшедшее в своем дневнике и рассказал обо всем своим друзьям, но позже утверждал, что стол всего лишь «казался» воспарившим, и что Хоум перемещал колокольчик с помощью какого-то скрытого механизма. Столь явное противоречие только прибавило Хоуму известности и дало в руки спиритуалистам прекрасное оружие против научного догматизма, поскольку дневники Брюстера оправдывают Хоума.

Элизабет Бэррет Браунинг встретила с Хоумом вместе со своим мужем Робертом. Материализовались призрачные руки, из ниоткуда зазвучала музыка, стол громко затопал ножками, и к ним ласково прикоснулись невидимые руки духов. Элизабет Браунинг была убеждена и по-

корена в мгновение ока; ее супруг — энергичный, коренастый коротышка едва пяти футов росту — сердито хмурил брови и решительно отказывался верить своим глазам. В доме Браунингов имя Хоума стало запретным, и после смерти жены Браунинг написал своего вопиюще несправедливого «Мистера Дешевого медиума». Может быть, у него возникло такое предубеждение после одного эпизода во время очередного сеанса Хоума, когда возникшая из ниоткуда рука подхватила венок цветов и водрузила его на чело поэтессы. Браунинг ревновал свою супругу. Хоум только усугубил положение, рассказывая всем подряд, что Браунинг попытался усесться на пути движения венка, чтобы тот лег на голову ему.

По настоянию общественности Хоум переехал во Флоренцию. Здесь его представления стали еще более впечатляющими. Фортепиано воспарило в воздух и оставалось в таком положении, пока на нем играла графиня; дух любезничал с польской принцессой на ее языке; в монастыре, который посещали привидения, Хоум имел беседу с духом монаха — убийцей — и заставил материализоваться его худые, желтые руки. Когда три года спустя во Флоренцию приехал романист Натаниэль Хоторн, люди все еще говорили о Хоуме, и Хоторн собрал десятки правдивых отчетов о том, что происходило. Хоторн сделал интересное и важное замечание:

«Эти должным образом засвидетельствованные невероятности столь многочисленны, что я забываю девять десятых из них... их истинность подтверждена таким количеством доказательств, которые могли бы убедить нас в существовании любой другой мнимой ре-

альности; но я все равно не могу заставить свой разум заинтересоваться ими».

Вероятно, это одно из самых важных замечаний, когда-либо сделанных о Хоуме и о спиритизме в целом.

К несчастью, успех Хоума вскружил ему голову. Он, в общем-то, никогда не был сильной личностью, и то, что его принимали за посланника богов, выбило бы из равновесия и значительно более независимую натуру. Когда он остановился на вилле знатной англичанки, которая жила отдельно от своего мужа, его бывшие обожатели были шокированы — английское самообладание чувствует нездоровую притягательность в скандалах на сексуальной почве, и он начал ощущать вокруг себя новую, враждебную атмосферу. На обратном пути в отель на него было совершено нападение, но Хоум отделался легкими ушибами — верный признак того, что духам становилось не до него — и 10 февраля 1856 года духи объявили ему, что из-за своего поведения в последнее время он недостоин представлять иной мир, а посему его способности исчезнут примерно на год. В это время польский граф пригласил его посетить Неаполь и Рим. Хоум почувствовал себя обязанным признаться графу в том, что его способности и сила оставили его, но удача все еще была на его стороне; граф настаивал, утверждая, что ничего не изменилось, и Хоум отправился вместе с ним в Неаполь. Несмотря на утрату своих способностей, он по-прежнему оставался знаменитостью. Но его сила вернулась к нему, как и предсказывали духи, через год, день в день, ровно в полночь.

В это время Хоум находился в Париже, и, чтобы подстраховаться от гонений со стороны церкви, предпри-

нял кое-какие меры — принял католичество. Его духовный наставник — рекомендованный самим папой римским — отнесся к возвращению духов, которых он полагал демонами, с гораздо меньшим энтузиазмом, но поделаться с этим ничего не мог. Да и сам Хоум не желал бы этого, поскольку теперь он стал фаворитом императора Наполеона III и императрицы Эжени. Его удачливость стала причиной всеобщей зависти и враждебности, но, после того как духи на целый год покинули его, он больше не страдал звездной болезнью.

Посетив несколько стран северной Европы, он вернулся в Рим, где встретился с очаровательной семнадцатилетней русской княжной Сашей и стал добиваться ее руки. Она ответила согласием, и они отправились в Санкт-Петербург (вместе с писателем-романистом Дюма), где ее родственники организовали блестящую свадьбу. Царский дом России принял Хоума столь же тепло и сердечно, как и Наполеон III. К несчастью, Саша заразилась от мужа туберкулезом и вскоре после рождения сына умерла. Хоум утешался хотя бы тем, что смерть не разлучила их; он мог постоянно общаться с нею.

В 1862 году удача, казалось, снова отвернулась от него. Полицейские власти приказали ему покинуть Рим, обвинив его в колдовстве (духи только усугубили дело, отбив барабанную дробь по столу начальника полиции). В течение следующих четырех лет он скитался по свету. В 1866 году он встретил экспансивную и вульгарную даму в годах, миссис Джейн Лион, изъяснявшуюся, как пьяный мастерской. Дама пожелала усыновить Хоума и завалила его чеками на крупные суммы. Хоум сменил фамилию на Хоум-Лион, но парочка настолько не соот-

ветствовала друг другу, что отношения у них вскоре стали катастрофически ухудшаться. Он находил ее привязанность утомительной, а она обвиняла его в холодности. Здоровье Хоума резко пошатнулось, и он сбежал от нее в вояж по модным водным курортам. Вернувшись в Лондон, Хоум обнаружил, что миссис Лион обратила свою привязанность на особу женского пола, представившуюся медиумом, и ломала голову над тем, как ей вернуть свои деньги. Она хотела получить обратно около тридцати тысяч фунтов — всего лишь половину того, что она дала ему. Старуха обвинила его в вымогательстве, и Хоума арестовали. Во время судебного заседания, которое состоялось в апреле 1868 года, она заявила, что давала Хоуму деньги потому, что такие указания дал ей через посредство Хоума ее покойный муж. В свою очередь, Хоум обвинил ее в сексуальных домогательствах после того, как он стал ее «сыном». Вне всякого сомнения, миссис Лион — по словам Хоума — была мстительной и лживой особой, и большая часть ее вымышленных обвинений была отвергнута судом. Но «медиум духов и призраков» не имел ни единого шанса добиться справедливого и беспристрастного суда. Судья отметил, что если бы всем, кто пожертвовал деньги на религиозную благотворительность, разрешалось требовать их возврата, воспоследовал бы хаос; однако, поскольку спиритуализм представляет собой сплошное мошенничество и обман, в настоящем случае он вправе сделать исключение. Решением суда Хоум был обязан вернуть деньги. Суд нанес репутации Хоума колоссальный ущерб, усилив мнение, созданное «Мистером Дешевкой» Браунинга о том, что он — ловкий обманщик. Впрочем, нет худа без добра:

его выступления с публичными чтениями и лекциями в Англии собрали огромную аудиторию, позволив возместить убытки.

Во время своего «лечения на водах» в Мальверне, Хоум познакомился с молодым аристократом, лордом Эдэром, и в течение следующего года или двух он провел много времени в его обществе. В 1870 году Эдэр опубликовал «Experiences in Spiritualism with Mr. D. D. Home» («Мой опыт в спиритуализме с г-ном Д. Д. Хоумом»), пожалуй, одну из самых необычных и впечатляющих книг всех времен о медиумах. Эдэр был типичным молодым англичанином, которого больше интересовала охота, состязания в стрельбе и рыболовство, чем духи и привидения. Именно Эдэр видел, как Хоум выплывал из одного окна на верхнем этаже здания и возвращался через другое. Он также был свидетелем материализации многих духов, включая Сашу и американскую актрису Аду Менкен, а также всех других случаев, которые Хоум демонстрировал на протяжении этого времени. Он видел, как Хоум помещивал угли в камине, пока они не раскалялись докрасна, а потом набирал их полными пригоршнями и окунал в них лицо — причем ни его лицо, ни волосы не были обожжены. Он наблюдал, как Хоум прислонялся к стене, на которой был тщательно отмечен его рост (пять футов десять дюймов), после чего «удлинял» себя до шести футов четырех дюймов.

В 1871 году Хоум дал согласие на то, чтобы его осмотрел молодой ученый Уильям (позднее — сэр Уильям) Крукс. Антиспиритуалисты злорадно потирали руки; они были уверены, что Крукс окончательно развенчает мошенника. Но получилось с точностью до наоборот —

Крукс был совершенно убежден в подлинности феномена Хоума и даже опубликовал свой отчет об этом деле — к негодованию его собратьев-ученых, которые решили, что он был жестоко обманут. В последовавшей перепалке Крукс раздраженно заметил: «Я не сказал, что это было невозможно — я сказал, что это правда».

На следующий, 1872 год, Хоум решил, что пора уходить на покой. Судебная тяжба на предмет наследования поместья его жены решилась в его пользу, и он стал российским помещиком-землевладельцем. Он прожил еще четырнадцать лет, до пятидесятитрехлетнего возраста, проводя время между Россией и французской Ривьерой. Силы его таяли, подорванные туберкулезом; тем не менее, имея вторую красавицу-жену, неплохой доход, поддержку духов и своих друзей-обожателей, его последние годы трудно назвать несчастливыми.

В статье о Хоуме в Британской энциклопедии его называют «неразрешенной загадкой». Это вполне справедливо, хотя и несколько не в том смысле, который вкладывает в эти слова автор. Что касается личности самого Хоума, то ничего загадочного в нем не было. Он просто унаследовал необычные психические свойства от родственников со стороны матери (и передал их своему сыну Грише), поэтому духи смогли его использовать.

Как мы с вами видели, такой ответ не удовлетворил многих людей, ставших свидетелями его трюков и веривших в их подлинность. Лорд Литтон полагал, что Хоум каким-то образом сам вызывал эти явления. Большинство наших современников-ученых согласились бы с ним, поскольку они крайне неохотно верят в гипотезу о существовании духов и призраков. Тем не менее, любой, кто даст

себе труд прочесть описание проделок Хоума — по свидетельствам лорда Эдэра или сэра Уильяма Крукса, — сразу заметит очевидное, а именно то, что существование духов — это не только самое простое объяснение, но, во многих случаях, и единственно возможное. Большая часть увиденного поддается объяснению только в том случае, если мы признаем существование бестелесного разума. Здесь необходимо заметить, что, раньше или позже, большинство исследователей паранормального склоняются к убеждению, что духи все-таки существуют. Впрочем, делают они это с крайней неохотой. Было бы намного удобнее, и намного логичнее, если бы мы могли отнести все эти явления на счет непознанных доселе способностей человеческого разума. Если быть абсолютно честным с самим собой, следует признать, что это невозможно, и что нигде это не подтверждается более убедительным и наглядным образом, чем в деле Дэниэля Дунгласа Хоума.

Глава четвертая

Из истории исследований психики

Оглядываясь на историю спиритуализма, трудно отделаться от ощущения, что духи приложили огромные и согласованные усилия, чтобы убедить людей викторианской эпохи в своем существовании. Если так оно и было на самом деле, то становится ясно и то, что духи просчитались. Творцы общественного мнения викторианских времен — политики, интеллектуалы, клерикалы — остались к ним равнодушными. Большинство ученых проявили неприкрытую враждебность. За те десять-двенадцать лет, которые прошли с момента появления сообщений о «стуках в Хайдесвилле», они сделали все, чтобы уничтожить спиритуализм, открыто насмехаясь и издеваясь над ним.

Вряд ли их можно винить за это. Если бы они вели себя по-другому, то не были бы викторианцами. Именно лучшие их качества — восхищение будущими перспективами, восторг по поводу достигнутых и ожидаемых свершений в области науки, техники и гуманитарных социальных реформ — заставили их повернуться спиной

к сверхъестественному. Лучше всех такое отношение удалось выразить Т. Г. Хаксли, когда он разразился гневной тирадой в ответ на предложение посетить спиритический сеанс: «Если бы кто-нибудь когда-нибудь предложил мне обрести способность терпеливо выслушивать болтовню старых досужих кумушек и их духовных наставников в ближайшем кафедральном соборе, я бы отклонил подобную честь, поскольку я могу найти более достойное времяпрепровождение».

А вот когда менее раздражительных исследователей удавалось убедить прийти и послушать «болтовню старых досужих кумушек и их духовных наставников», то они зачастую обнаруживали, что, вопреки их ожиданиям, им становится интересно. Еще в начале своей карьеры школьного учителя Альфред Рассел Уоллес считал себя скептиком и учеником Вольтера; но, прослушав однажды лекцию по месмеризму, он оказался настолько заинтригованным, что решил испытать его на своих учениках. Один из школьников оказался чрезвычайно благодарным объектом исследования. Будучи погружен в транс, он «настраивался» на волну мозга Уоллеса. Когда Уоллес уколол себя булавкой, мальчик вскрикнул от боли и потер то же самое место, что и Уоллес. Если Уоллес начинал сосать сахар, мальчик также совершал сосательные движения. Через пятнадцать лет Уоллес приобрел известность как человек, который вместе с Чарльзом Дарвином открыл явление эволюции путем естественного отбора — и который, более того, добровольно уступил Дарвину пальму первенства. В 1865 году Уоллес посетил сеанс спиритизма в доме приятеля, настроенного скептически, и своими глазами видел, как тяжелый стол

двигался по комнате и вибрировал — при ярком дневном свете, — а из всех углов комнаты неся оглушительный стук. Увиденное убедило и захватило его. Год спустя он встретил здоровенную молодую толстуху по имени Агнес Ничолс, и с невероятным удивлением наблюдал за тем, как ее слоноподобное тело парило в воздухе. Кроме того, Агнес могла производить «аппорты» — предметы, которые падали из воздуха, — и когда Уоллес поинтересовался, не могли бы духи явить ему подсолнечник, то двухметровый цветок с корнями, облепленными комьями земли, вдруг свалился на стол. Духи, работающие с Агнес, никогда ничего не делали наполовину; однажды кто-то из зрителей попросил дать ему цветы, и из ниоткуда на них свалился чуть ли не целый цветочный магазин. Самый известный фокус наблюдался в 1871 году, когда сама Агнес, ставшая к тому времени супругой мужчины по фамилии Гуппи, превратилась в «аппорт». Она сидела за столом в обеденной зале, занимаясь какими-то подсчетами, и вдруг исчезла, как будто земля разверзлась и поглотила ее. В четырех милях оттуда в это время собрались за другим столом ярые спиритуалисты; они сидели с зажмуренными глазами, моля духов явить им какое-нибудь маленькое чудо. Внезапно раздался жуткий грохот, за которым последовали испуганные вскрики, и когда кто-то зажег спичку, на столе объявилась громоздкая туша миссис Гуппи, по-прежнему сжимающая в руках свою бухгалтерскую книгу. Но духи в очередной раз просчитались. История о том, как миссис Гуппи пролетела четыре мили, необыкновенно повеселила публику, но тысячные толпы новообращенных отнюдь не повалили в церкви спиритуалистов.

Уоллес несколько не сомневался, что миссис Гуппи сможет убедить скептиков, посему он пригласил наиболее ярых противников — профессора У. Б. Карпентера, профессора Джона Тиндалла и Г. Г. Левеса, мужа романистки Дж. Эллиотт. Карпентер пришел, молча прослушал всю канонаду стуков и ударов, и так же молча удалился; больше он не приходил. Аналогичным образом повел себя и Тиндалл, обронивший перед уходом: «Покажите нам что-нибудь поинтереснее». Левес же попросту отказался прийти, и так же поступил и Т. Г. Хаксли — именно тогда Хаксли заметил, что «эта тема ему попросту не интересна».

И все-таки, несмотря на нежелание ученых верить своим глазам и ушам, паранормальные явления оставались для мыслителей викторианской эпохи бельмом на глазу. В конце концов, от науки требовалось объяснить таинственное и непонятное, а не игнорировать его. Некоторые ученые, например, Уильям Крукс, открывший химический элемент таллий, чувствовали угрызения совести и решили предпринять собственное расследование. Когда Крукс увидел, как концертина (шестигранная гармоника), помещенная в клетку, наигрывает музыку собственного сочинения, а Дэниэль Дунглас Хоум держит ее за одну ручку, то понял, что столкнулся с доселе неизвестными ему силами. При виде такой «доверчивости» его ученые коллеги только грустно покачивали головами. Позже, когда Крукс решил, что молодая леди по имени Флоренс Кук — чья наставница, Кэти Кинг, материализовалась и прошла по комнате — не была обманщицей, некоторые стали нашептывать, что Флоренс стала любовницей Крукса в благодарность за это сотрудничество.

Математик Чарльз Доджсон — автор «Алисы в стране чудес» — стал еще одним из «сочувствующих», кто полагал, что этот феномен нуждается в объяснении, а не отрицании. В 1882 году он писал своему знакомому:

«Все наблюдаемые явления невозможно объяснить только мошенничеством и ловкостью рук... Я более чем убежден в этом. В то же время, я пока не вижу необходимости верить в то, что к этому как-то причастны бестелесные существа... Все это как будто указывает на существование некоей природной силы, связанной с электричеством нервной энергией, посредством которой один мозг может оказывать влияние на другой. Я думаю, недалек тот день, когда это энергия обретет свое законное место среди известных нам сил природы...»

Это было идеальным решением: выяснить, что же это за неизвестная сила, и навесить на нее ярлык. Истинно викторианский способ не допустить возрождения колдовства! Единственная проблема заключалась в том, что духи частенько переубеждали скептиков, пытавшихся доказать невозможность их существования. Таков, например, странный случай с американским конгрессменом Робертом Дейлом Оуэном, сыном великого реформатора Роберта Оуэна. Последний всю свою жизнь отличался свободомыслием — пока не повстречал американского медиума миссис Хейден. И вот, в возрасте восьмидесяти трех лет, он объявил себя спиритуалистом. Его сын, также сторонник социальных реформ и свободомыслящий человек, пришел в ярость и решил, что старик выжил из ума. В то время он был временным поверенным США в Неаполе.

В 1856 году бразильский посол убедил его посетить спиритический сеанс, который должен был состояться в его апартаментах, и там Оуэн стал свидетелем того, как стол передвигался без вмешательства человека. Он решил, что в данном случае имел место «электрофизиологический феномен», но он захотел узнать, как и почему это происходит, поэтому провел два года за чтением книг по месмеризму и животному магнетизму, посещая сеансы спиритизма. Он встретился с Хоумом, который к тому времени уже лишился своих способностей, но рассказы о фокусах последнего заставили его всерьез отнестись к возможности того, что здесь не обошлось без вмешательства духов. В результате он стал еще одним новообращенным и написал книгу «Footfalls on the Boundary of Another World» («Шаги на границе другого мира»), которая стала столь же популярной, как и книга Кэтрин Кроу «Ночная сторона природы». «Шаги» вполне заслужили свою славу; это была подробная, всеобъемлющая книга с выверенной аргументацией, полной ссылок на последние достижения науки и некоторые весьма впечатляющие случаи ясновидения, предвидения, полтергейста и «живых призраков». Впрочем, весьма сомнительно, что она убедила хотя бы одного-единственного ученого.

Что наконец-то склонило чашу весов в сторону спиритуализма, так это не научные доказательства, а глубинное стремление викторианцев к религиозной определенности. В наше время главной бедой интеллектуалов является беспричинный страх, или беспокойство. В викторианскую эпоху это было Сомнение с большой буквы. Одним из самых знаменитых викторианских бестселлеров стал роман «Robert Ellesmere» («Роберт Эллесмер»), принадлежав-

ший перу миссис Хамфри Уорд, главным героем которого был священник, одолеваемый Сомнением и посчитавший себя обязанным покончить с жизнью. Сама мысль о подобном кажется нам немножко смешной — Ивлин Во посмеялся над нею в своем романе «Decline and Fall» («Упадок и гибель») — но только потому, что мы считаем сомнение чем-то само собой разумеющимся. Едва ли мы можем себе представить, каково это — родиться в благословенной незыблемости и определенности викторианского поместья — уверенности в спасении, во вдохновляющей силе Библии, в истинности тридцати девяти заповедей. Детей в викторианскую эпоху воспитывали в твердом убеждении, что Адам родился именно в 4001 году до нашей эры, и что усомниться, хоть в малейшей степени, в религиозных верованиях столь же неприлично, как быть пьяницей или проституткой. Поэтому, когда сэр Чарльз Лайелл в своей работе «Principles of Geology» («Принципы геологии») (1830 год) предположил, что возраст Земли исчисляется миллионами лет, викторианцы были настолько шокированы, будто посреди Трафальгарской площади вдруг возник действующий вулкан. Пожалуй, именно с этого момента их начали одолевать Сомнения.

Одним из этих несчастных, задающих бесконечные вопросы, был профессор Тринити-колледжа из Кембриджа Генри Сиджвик. Сомнения мучили его всю жизнь, как непроходящая зубная боль. В 1869 году, в возрасте тридцати одного года, он даже почувствовал себя обязанным оставить свою должность в Тринити-колледже, поскольку больше не мог с чистой совестью исповедывать тридцать девять заповедей англиканской церкви. Его ученые коллеги отнеслись к нему с симпатией и пониманием, и, едва

сдача религиозных тестов была отменена, восстановили его в должности и звании. Он пошел дальше и написал знаменитую книгу об этике, которая заканчивалась утверждением, что все попытки человека найти рациональное объяснение человеческому поведению обречены на провал.

Ученики Сиджвика считали его кем-то вроде Сократа. Среди них было много блестящих молодых людей, включая Артура Бальфура, будущего премьер-министра, Эдмунда Гурнея, наследника квакерского богатея, и Фредерика Майерса, сына священника. Майерс, еще один член совета Тринити-колледжа, также посчитал необходимым оставить свой пост из-за охвативших его сомнений.

Как-то декабрьским вечером 1869 года Майерс нанес визит своему старому учителю, и они отправились вдвоем прогуляться под звездами. Это был тот самый год, в который Сиджвик оставил свой пост, и в их беседе неизбежно всплыла тема религии. Хотя никто из них больше не считал себя христианином в полном смысле этого слова, оба все-таки не могли смириться с утверждением, что Вселенная — это гигантский механизм, а человек обязан своим появлением чистой случайности. И тут Майерс с некоторым отчаянием спросил, как велика вероятность того, что, поскольку философия оказалась неспособна разгадать загадку мироздания, ответ состоит в вероятности существования привидений и духов. Никто из них не испытал при этом особого оптимизма, но Сиджвик принялся мрачно развивать эту мысль дальше — в особенности, на следующий год, когда Крукс заявил, что намеревается обследовать Дэниэля Дунгласа Хоума. Нападки на Крукса пробудили в Майерсе и Хоуме присущее им чувство справедливости, и в 1873 году они со-

здали общество (со свободным членством) для изучения спиритуализма и паранормальных явлений. Майерс стал школьным инспектором, что оставляло ему достаточно времени для посещения спиритических сеансов. Сначала работа казалась ему неблагодарной; он начал задаваться вопросом, нет ли в нем самом чего-либо такого, что заставляло бы духов держаться от него подальше. И тут с ним случилось нечто, убедившее его в их существовании. Он посетил сеанс спиритизма, который давал медиум Чарльз Уильямс — именно во время одного из них миссис Гуппи приземлилась на стол — и вдруг из воздуха материализовалась рука. Майерс задержал ее в своей собственной руке, почувствовав, как она стала уменьшаться в размерах, до тех пор, пока не пропала совсем. Это не могло быть мошенничеством. Майерс активно занялся поисками других доказательств. Вместе с Эдмундом Гурнеем, Артуром Бальфуром, Сиджвиком и лордом Райли — ученым, которому принадлежала честь открытия элемента аргона, — Майерс превратился в одержимого исследователя сверхъестественного. К ним присоединился выдающийся религиозный деятель, Стэнтон Мозес, который, помимо всего прочего, был медиумом самопроизвольного писания. Подлинность демонстрируемых им явлений только усилила убежденность Майерса.

Дополнительный стимул придал ему Уильям Баррет, профессор физики из Ирландии, который преподавал в Королевском научном колледже в Дублине. Подобно Альфреду Расселу Уоллесу, Баррет увлекся месмеризмом, и, остановившись у своего знакомого в округе Вестмит, сумел убедить нескольких окрестных фермеров подвергнуться гипнозу. Одна девушка оказалась исключитель-

ным объектом для исследования. Баррет наблюдал явление, с которым Уоллес столкнулся двумя годами ранее — «общность восприятия», в чем-то схожая с «вселением». Когда его друг в ходе сеанса положил ладонь на стекло зажженной лампы, загипнотизированная девушка вдруг отдернула свою руку, как будто боясь обжечься. Когда он положил в рот кусочек сахара, она заулыбалась; когда он попробовал соли, она нахмурилась. Кроме того, она оказалась способной читать мысли Баррета. Скептически настроенный профессор Карпентер объяснил это тем, что у загипнотизированных людей многократно повышается чувствительность, так что они становятся способны различать едва уловимые запахи и звуки. Но это отнюдь не объясняет, каким образом девушка, прижав к голове закрытую книгу, в которую было вложена игральная карта, смогла точно назвать ее.

Баррет написал статью о своих исследованиях и отправил ее в Британскую ассоциацию в Лондоне. На нее, вероятно, не обратили бы никакого внимания, если бы Уоллес не оказался председателем комитета, решавшим, какие статьи подлежат публикации, а какие нет. Он высказался в поддержку Баррета, и, хотя комитет большинством голосов отклонил его предложение, Уоллес сделал все от него зависящее, чтобы Майерс получил эту статью.

К этому времени Баррет наткнулся на еще один случай, который привлек его внимание — речь шла о семействе Крири, проживавшем в местечке Бакстон в графстве Дербшир. Дочери Крири исключительно хорошо играли в любимое развлечение на вечеринках — игру под названием «загадай желание», когда один из игроков выходит из комнаты, а другие решают, что он должен

сделать; когда игрок возвращался, компания пыталась мысленно заставить его выполнить то или иное их желание. В присутствии Баррета четыре дочери Крири играли в эту игру снова и снова, не проиграв ни одного раза.

Баррет встретился с Майерсом и его коллегами-исследователями паранормального в Лондоне и предложил им создать общество для исследования этих таинственных явлений. Майерс и Гурней колебались; они чувствовали, что и без того делают все от них зависящее. Но энтузиазм Баррета оказался воистину заразительным, и в результате на свет появилось Общество исследователей в области психики (ОИОП), члены которого собрались на свое первое заседание в феврале 1882 года. Первоначально в его состав входили члены «кембриджской группы» — Майерс, Гурней, Сиджвик со своей супругой Элеонорой, Бальфур, Баррет, Райли и Уоллес. Вскоре к ним присоединились выдающиеся представители викторианской эпохи Теннисон, Гладстоун, Дж. Дж. Томсон (которому принадлежит открытие электронов), Марк Твен, Уильям Джеймс, Льюис Кэррол (Чарльз Доджсон), Джон Раскин, сэр Оливер Лодж и художники Фредерик Лейтон и Г. Ф. Уоттс.

Общество не имело ничего против скептиков, поскольку поставило своей целью применять научные методы к «нематериальному миру», и попытаться либо раз и навсегда доказать его существование, либо наоборот — навсегда покончить с этой темой. Побочным результатом такого подхода стало то, что Майерс и Гурней с благодарностью приняли услуги скептически настроенного почтового служащего Фрэнка Подмора, чья поначалу безграничная вера в спиритуализм сильно пошатнулась

в 1876 году, после суда над медиумом Генри Слэйдом, «пишущим на грифельной доске».¹

Трехсторонний союз Майерса, Гурнея и Подмора привел к появлению классического труда «Phantasms of the Living» («Живые призраки»), на создание которого ушло целых четыре года. Общество также опубликовало пространный «Сборник галлюцинаций», убеждавший читателя, что каждый десятый житель планеты видел те или иные галлюцинации.

И вот теперь, наконец, у духов появился шанс покорить большую часть британской читающей публики. Мы уже видели, что таким медиумам, как Хоум, миссис Хейден и миссис Гуппи, не составляло ни малейшего труда убедить ученых, если им предоставлялась такая возможность. Собственно говоря, Общество проделало колоссальную работу, доказав реальность существования призраков, телепатии, ясновидения и существования вне тела. Кропотливый труд членов ОИОП нашел свое впечатляющее выражение в подлинном шедевре Майерса «Human Personality and Its Survival of Bodily Death» («Человеческая личность и ее существование после смерти телесной оболочки»), на котором мы остановимся более подробно в следующей главе.

Поразительно, но все это не оказало никакого или почти никакого влияния на общественное мнение. Огромная

¹ Антиспиритуалист сэр Рэй Ланкастер успел схватить грифельную доску до того, как духи успели над ней поработать, и обнаружил, что послание уже было начертано. Несмотря на убедительные доказательства своей невинности, Слэйд все же был осужден по любопытному казуистическому обвинению в том, что писание духов следовало считать нарушением законов природы, и значит, он должен был быть мошенником.

аудитория, которая раскупала «Ночную сторону природы» и «Шаги на границе другого мира», не обеспокоилась прочтением объемистого труда, состоящего из заверенных свидетельских показаний и подробного изучения улик и доказательств. Такие скептики, как Т. Г. Хаксли и сэр Рэй Ланкастер, полагали, что не было никакого смысла читать их, поскольку любого, кто мог поверить такой ерунде, следовало считать клиническим идиотом.

К сожалению, была еще одна причина, по которой общественность не могла принимать ОИОП всерьез. За первые два десятка лет его существования целый ряд «разоблачений» дал в руки скептикам такое оружие, о котором они могли только мечтать. В результате к 1902 году Общество превратилось в посмешище, в нечто похожее на Общество сторонников плоской земли.

Одно из самых скандальных разоблачений произошло в 1880 году, за два года до создания ОИОП. Медиум Флоренс Кук, работающая с Уильямом Круксом, была поймана на обмане сэром Джорджем Ситвеллом — отцом Эдит, Осберта и Сашеверелла. Флоренс была «медиумом материализации». Ее оставляли связанной веревками в будуаре с задернутыми занавесками и тусклым освещением, и через несколько минут оттуда появлялась фигура в белом, которая начинала разговаривать с людьми в комнате. «Дух» называл себя «Мари», утверждая, что она материализовалась с помощью веществ, полученных из тела медиума. Когда она проходила мимо кресла Ситвелла, тот схватил ее за руку и крепко держал до тех пор, пока кто-то не зажег свет. Обнаружилось, что Мари была ни кем иным, как Флоренс Кук в корсете и нижней юбке; ее верхняя одежда была найдена в будуаре.

На этом можно было бы ставить точку, хотя спиритуалисты и приняли объяснение Флоренс, что она находилась в трансе и не имела представления о том, что происходит. Сэр Уильям Крукс немедленно встал на ее защиту. Он заявил, что в 1873 году человек по фамилии Фолькман внезапно вцепился в «духа», когда тот прохаживался по комнате, представляясь женщиной по имени Кэти Кинг. Кто-то из присутствующих утверждал, что «ноги и ступни Кэти попросту растворились, и она вырвалась из захвата Фолькмана, взмыв к потолку». Зрители поспешили к будуару и обнаружили, что медиум по-прежнему находится там, одетая в черное, а все узлы веревки и печати на ней не нарушены. В комнате не было и следа белого платья, в которое была одета Кэти.

Крукс также рассказал о том, как однажды ему было позволено подержать Кэти в объятиях во время сеанса, и он обнаружил, что она весит и выглядит как вполне материальная, нормальная женщина. Исполнившись подозрений, он спросил духа, не может ли он взглянуть на Флоренс в будуаре. Кэти согласилась, и Крукс вошел в комнату и нашел там Флоренс, находящуюся в трансе. Для Крукса этого было достаточно. Что касается скептиков, то для них существовало два объяснения: либо у Флоренс была сообщница — вероятно, ее сестра Кэти, тоже медиум, либо Крукс был обманщиком.

Спустя какое-то время после разоблачения Ситвелла, писательница по имени Флоренс Мэрриэт сидела вместе с Флоренс Кук в будуаре, связанная с ней одной веревкой. «Мари» появилась как обычно и успешно «отработала» сеанс, но репутации мадам Кук уже был нанесен непоправимый ущерб, поэтому она вскоре частично отошла от дел.

А Крукс поплатился за свою доверчивость, будучи обманут привлекательным медиумом — генеральской дочкой Розиной Шауэрс. У него не было причин в чем-то подозревать ее, поскольку та наотрез отказывалась брать деньги за свои сеансы, где появлялась одетая в белое фигура. Крукс придумал, как избежать мошенничества со стороны Флоренс Кук — перед очередным сеансом он заставил ее погрузить руки в красящую жидкость, а потом осмотрел руки Кэти Кинг. Кэти с легкостью выдержала испытание, но у «призрака» Розины, подвергшейся такой же процедуре, руки оказались измазаны краской. Крукс позволил себе не обратить на это внимания. В конце концов, дух материализовался из тела медиума, так что он мог просто позаимствовать и краску. Но Розина не сумела сохранить это в тайне и рассказала американскому медиуму Анни Фэй о том, что смошенничала. Миссис Фэй немедленно передала ее слова Круксу, и он тут же настоял на личной встрече с Розиной. Она созналась в обмане и пообещала больше никогда так не делать. Крукс, в свою очередь, пообещал не выдавать ее. Это обещание стоило ему немалых хлопот и причинило массу неприятностей. Мать Розины каким-то образом узнала о тайной встрече и истолковала ее наихудшим образом. Дав обещание Розине хранить молчание, Круксу пришлось стоически держать слово. Он не «сдался», несмотря на то, что миссис Шауэрс принялась распространять среди своих знакомых скандальные сплетни о ново-явленном Казанове, как она его величала, взявшем за правило соблазнять своих медиумов. К тому же всю муссировались слухи о том, что он спал с Флоренс Кук, «изучая» ее в ее собственном доме. В конце концов, Крукс

решил, что метод физического исследования не стоил всех этих неприятностей, и сдался.

В 1888 году разразился двойной скандал. Четверо девчонок Крيري, игра которых в «угадай желание» произвела столь сильное впечатление на Барретта — и которая заставила его основать ОИОП, — были пойманы на мошенничестве. Они подвергались беспрестанным проверкам с того самого момента, как Барретт обнаружил их, и это им порядком надоело. Они признались, что разработали целую систему несложных сигналов для распознавания карт — глаза вверх — червы, вниз — бубны, и так далее. Они клялись, что начали жульничать совсем недавно, и Майерс с Гурнеем поверили им, убедившись, что в ранее проведенных тестах девочки просто не могли смошенничать. Больше им не поверил никто.

Самое худшее случилось тогда, когда две дамы Фокс, с чьих демонстраций и началось движение спиритуалистов, публично признались в обмане. К 1888 году обеим перевалило за пятьдесят, обе овдовели и пристрастились к спиртному. Общественность потеряла всякий интерес к перестуку духов. С другой стороны, дела у их сестры Лии шли относительно неплохо; она фактически порвала отношения со своими сестрами. В сущности, именно Лия ввела моду на «материализацию», начиная со спиритического сеанса с Робертом Дэйлом Оуэном в 1860 году, когда по комнате прошла фигура в белом под вуалью. Имея поддержку доктора Оуэна, она могла твердо рассчитывать на успех. И наоборот, жизнь обошлась с ее сестрами весьма сурово. Кейт лишилась родительских прав, которые отобрало у нее Общество защиты детей, по обвинению в пьянстве. Маргарита ухитрилась тайком

- переправить их в Англию к настоятелю монастыря, но на обратном пути едва не поддавшись искушению покончить жизнь самоубийством, бросившись за борт. Самым сильным ее желанием стало расквитаться со своей сестрой Лией. Поэтому, возвратившись в Америку, она воспользовалась представившейся возможностью и дала в газеты интервью, в котором заявляла, что все стуки и шумы были обманом чистой воды. 21 октября 1888 года она с Кейт появилась на подмостках Нью-йоркской музыкальной академии и призналась, что производила стук, щелкающая двойным суставом большого пальца на ноге. Она даже продемонстрировала присутствующим серию приглушенных стуков. Они ни в коей мере не походили на громopodobные удары, сотрясавшие спальню в доме в Хайдесвилле, но публика горела желанием дать себя убедить, и Маргарита с Кейт благополучно поделили между собой 1500 долларов. Репортер Рубен Дэвенпорт, который срежиссировал признание, не остановился на этом и написал книгу под названием «The Death Blow to Spiritualism» («Смертельный удар по спиритуализму»). А Маргарита и Кейт большую часть полученной за спектакль суммы истратили на горячительные напитки. Впоследствии Маргарита отреклась от сделанного ранее признания в письме, которое она передала состоятельному спиритуалисту, позволившему ей жить в снятой им квартирке. Но ее алкоголизм привел к тому, что меценату пришлось ее выселить. Она умерла в 1895 году и была похоронена на кладбище для неимущих. Вскоре за сестрой последовала и Кейт. Стоит отметить, что самым важным моментом в «признании» сестер было то, что Кейт молча сидела рядом с Маргаритой на сцене. Она не подтвердила при-

знание и не предложила показать, как обманывала публику стуком на протяжении последних тридцати лет. Скорее всего, Кейт просто согласилась разделить место на подмостках за 750 долларов, но не более.

Очередным препятствием на пути организованных исследований в области психики стала выдающийся итальянский медиум Евсапия Палладино. Она была неграмотной крестьянкой, коренастой, широкой в кости; ее обнаружили в Неаполе, когда ей исполнилось восемнадцать. После Дэниэля Дунгласа Хоума Евсапия стала вторым по могуществу медиумом. Стулья шарахались от нее или мчались к ней наперегонки, стоило ей нахмуриться или поманить их, и повисали в воздухе по мановению ее руки. Она сама могла воспарить в воздух и улечься там, будто на кушетку. Ее осматривал криминалист Чезаре Ломброзо и не усомнился в ее искренности. Но при этом сеньора Палладино обладала крайне неустойчивым характером, была несдержанной, вспыльчивой и коварной. Выходя из транса, она открыто домогалась мужчин, которые ей нравились. Кроме того, она не брезговала обманом. Хуже всего было то, что ее попытки смошенничать были неуклюжими, и любой мало-мальски внимательный наблюдатель без труда замечал это. Сама же Евсапия утверждала, что мошенничество было результатом вмешательства злых духов. Тем не менее, остальные ее демонстрации были столь впечатляющими, что о мошенничестве не могло быть и речи. Французский астроном Камиль Фламмаринон нашел приемлемое объяснение ее попыткам обмана, пронаблюдав за нею в течение определенного времени. Он заметил, что после спиритических сеансов, во время которых происходили настоящие чудеса — например, музыкальные инст-

• рументы порхали по комнате, в то время как Евсапия была привязана к стулу, — ей становилось очень плохо, она мучилась иногда по несколько дней подряд, и ее желудок отказывался принимать любую пищу. Если это было побочное действие подлинных феноменов, то неудивительно, что она пыталась мошенничать. Когда Евсапия в 1895 году приехала в Англию, ОИОП подвергло ее проверке, на которой присутствовал фокусник Маскелайн. Английские хозяева, принимающие медмума, проявили намного меньше терпимости к ее попыткам нагло обмануть их, по сравнению с Ломброзо, и дали ей исключительно нелестную характеристику. Это должно было убедить скептиков, что Общество не заинтересовано в том, чтобы покрывать обманщиков. На самом же деле такое отношение только способствовало укреплению общего мнения, что большинство медиумов — мошенники, и что ни одному здравомыслящему человеку не стоит тратить на них свое время.

Затем Обществу был нанесен следующий удар: умер один из наиболее выдающихся его исследователей, Эдмунд Гурней. В июне 1888 года он отправился в Брайтон по какому-то таинственному делу, а на следующее утро его нашли мертвым в своей постели в отеле. Рядом с кроватью стояла бутылочка с хлороформом, а к лицу его был прижат ватный тампон. Следствие пришло к выводу, что смерть стала результатом несчастного случая, когда Гурней принимал хлороформ, чтобы унять зубную боль. Однако в ОИОП стали распространяться слухи, что на самом деле произошло убийство. Гурней когда-то изучал нескольких молодых людей в Брайтоне на предмет телепатических способностей, и результаты этих исследований произвели на него большое впечатление. Одному из

его «телепатов» пришлось спешно уехать в Южную Африку после скандального развода, и через двадцать лет он опубликовал признание, в котором рассказал, что постоянно обманывал своих зрителей. Ходили слухи, что Гурней узнал об этом, и, если в этом признании была хоть капля правды, то оно могло нанести исследованиям в области психики колоссальный вред. (Trevor N. Hall, «The Strange Case of Edmund Gurney» («Странная история Эдмунда Гурнея» (1964)). В общем, в чем бы там ни было дело, смерть исследователя стала большой утратой для Общества.

Собственно, это был не первый случай, когда Гурней обманули. В то время, когда он дописывал второй том своей книги «Живые призраки» в 1886 году, он получил письмо от кадета военно-морской школы из Портсмута по фамилии Спаркс, в котором тот описывал, как ему удалось загипнотизировать своего приятеля, которого звали Клив. Как-то Кливу захотелось узнать, что сейчас подельшает его подружка в Уондсворте, и Спаркс ввел его в транс, предложив «отправиться» туда и увидеть все своими глазами. По словам Спаркса, после того как Клив вышел из транса, он рассказал, что был в комнате, где девушка сидела со своим младшим братишкой; она пристально посмотрела на него и смертельно побледнела, как будто собираясь упасть в обморок. Через два дня Клив получил письмо от своей девушки, в котором та спрашивала, не случилось ли с ним чего, поскольку она видела его у себя в комнате.

Случай казался чересчур заманчивым, чтобы его проигнорировать, поэтому Гурней постарался получить письменные подтверждения от Клива (которому было восем-

надцать в то время), от его девушки, и от двух других кадетов, которые предположительно присутствовали во время сеанса. Он поместил полный отчет об этом деле в своих «Живых призраках». Через десять лет после его смерти Майерс и Подмор были вынуждены опубликовать заметку в «Протоколах» ОИОП о том, что Клив недавно признался в своем обмане. Это стало для исследователей уроком, что не следует слишком полагаться на «свидетельские» показания. Но, с другой стороны, история укрепила авторитет авторов «Призраков». Ведь обманщики были подростками, тогда как большинство авторов, чьи показания были приведены в «Призраках» — это уважаемые граждане средних лет, у которых не было никаких мотивов для обмана ОИОП.

В 1898 году Майерс сам оказался замешан в скандале, дискредитировавшем ОИОП. В конце 1880-х годов он встретил девушку по имени Ада Гудрич-Фриер, утверждавшую, что она происходит из высшего сословия одного из горских кланов и обладает способностью к ясновидению. Майерс был известен тем, что не пропускал ни одной юбки, и вскоре оба были уверены, что они — родственные души. Майерс убедил ее попробовать свои силы с магическим кристаллом, и первые же результаты, казалось, оправдывали все его надежды. Девушка утверждала, что нашла потерянный ключ и медицинский рецепт, а также получила от кристалла адрес, который она случайно выбросила. Майерс написал об этом деле статью, которая была опубликована в регулярном сборнике научных трудов Общества (там он именовал ее просто «мисс Икс»). У Общества не было причин сомневаться в способностях столь знатной и благовоспитанной моло-

дой леди — зачем ей врать? Но Майерс не знал, что представительница высшего класса мисс Гудрич-Фриер на самом деле была дочерью ветеринара из деревушки Аппингем, и ее фамилия была просто Фриер. Когда она познакомилась с Майерсом, ей было уже тридцать, а не восемнадцать, как она утверждала. «Миссис Икс» оказалась патологической лгуньей. Мотивы ее поведения так и остались невыясненными; вероятно, она просто стремилась привлечь к себе внимание.

ОИОП снарядило мисс Гудрич-Фриер в Шотландию для изучения феномена ясновидения; впоследствии выяснилось, что она попросту позаимствовала рукопись у священника, который увлекался собиранием фольклора, и опубликовала его материалы под собственной фамилией. Будучи командирована в Суррей для изучения дела о привидениях, она сказала владельцам дома, что никого и ничего не видела, а членам ОИОП сообщила, что, переодеваясь к ужину, заметила призрак женской фигуры, закутанной в плащ с капюшоном. Этого было бы достаточно, чтобы у ОИОП возникли подозрения, но как же можно было усомниться в правдивости слов привлекательной и хорошо воспитанной мисс Гудрич-Фриер?

В 1897 году до нее дошли слухи, что в поместье Баллечин-Хаус появились привидения. Она убедила одного из членов ОИОП снять этот дом для нее, якобы для отдыха и охоты в живописных местах. Прибыв на место, она заявила, что стала свидетельницей потусторонних явлений — стуков, ударов, душераздирающих воплей, невидимых шагов и незримого присутствия. Якобы в доме поселился полтергейст, который сбрасывал постельное

белье с кровати, а сама мисс Гудрич-Фриер выследила призрак монахини в близлежащей горной долине. Странность заключалась в том, что гостям, приезжавшим к мисс Гудрич-Фриер, так и не удалось увидеть чего-нибудь столь же впечатляющего, хотя они и слышали зловеющие удары и шаги. Вернувшись в Лондон, она принялась за написание статьи «*Alleged Haunting of Ballechin House*» («Подозрительные привидения в Баллечин-Хаус»), но пришла в ярость, когда один из ее гостей, некто Дж. Кэллендар Росс, выставил ее на посмешище, опубликовав статью в «Таймс» под названием «*On the Trail of a Ghost*» («По следу призрака»). Тон статьи был скептическим, чтобы не сказать иронично-издевательским. Последовала яростная перепалка на страницах «Таймс», в ходе которой выяснилось, что мисс Гудрич-Фриер и ОИОП сняли дом под вымышленным предлогом, отнюдь не для охотничьих забав. Владелец поместья был очень раздосадован тем фактом, что теперь ему будет нелегко найти нового съемщика после той сенсационной известности, которую он так некстати приобрел. Майерс, который посещал Баллечин-Хаус среди прочих, естественно, считал необходимым встать на защиту мисс Гудрич-Фриер. Но когда супруга домовладельца обрушилась на ОИОП с упреками со страниц газет, он поспешил заявить, что давно передумал предавать свои наблюдения гласности. Кто-то из гостей, посетивший Баллечин-Хаус одновременно с ним, выступил с опровержением, утверждая, что Майерс совершенно недвусмысленно выразил намерение написать о доме с привидениями. Что касается мисс Гудрич-Фриер, то она пришла в ярость из-за, как она выразилась, «подлого предательства» Майерса. Кэллендар

Росс высказал общее мнение, заговорив о «подозрительности и отвращении, которые внушает близкое общение с ОИОП». Когда мисс Гудрич-Фриер все-таки опубликовала свою книгу о событиях в Баллечин-Хаус, общественное мнение отнеслось к ней еще более категорично.

Этот скандал вполне мог стать причиной болезни, которая свела Майерса в могилу в 1901 году. Мисс Гудрич-Фриер внезапно ощутила нескрываемую холодность со стороны остальных членов ОИОП, и в своих комментариях на ее книгу о событиях в Баллечин-Хаус Фрэнк Подмор чуть ли не напрямую называет ее лгуньей. Существуют доказательства¹ того, что во время спиритического сеанса в 1901 году ее уличили во лжи, и она решила переехать из Англии в Иерусалим, где вышла замуж за человека на шестнадцать лет моложе себя (причем, ей удалось убедить его, что это она моложе его на два года.) Умерла Ада Фриер в 1931 году в возрасте семидесяти четырех лет, но лгать продолжала до самого конца — ее возраст в свидетельстве о смерти равнялся пятидесяти шести годам.

Эти грязные скандалы — медиумы в нижнем белье и привидения со сдвоенными суставами большого пальца ноги — привели к тому, что ОИОП стали считать сборищем умалишенных. Но, тем не менее, за первые два десятилетия своего существования Общество добилось впечатляющих успехов. Был, наконец, получен недвусмысленный ответ на вопрос: следует ли воспринимать паранормальные явления со всей серьезностью, или все это бабушкины сказ-

¹ John L. Campbell and Trevor Hall, «Strange Things» («Странные вещи») (1968), с. 211.

ки? Явной неожиданностью для первооткрывателей в этой области стало наличие поистине огромной массы свидетельств существования паранормального. Казалось невероятным, что каждого десятого человека посещали галлюцинации, и что так много людей видели призраков своих умирающих родственников или приобретали опыт существования вне тела. Газетные скандалы могли произвести впечатление на публику, тогда как члены ОИОП были поражены тем, насколько велико число настоящих медиумов, и что огромное количество свидетельств жизни после смерти выдерживало самые придирчивые проверки. Когда Кэллендар Росс говорил о «подозрительности и отвращении», внушаемых ОИОП, он выражал чувства наиболее здравомыслящей части публики по отношению к такому грязному и неприятному делу, как исследования в области психики. Неприятное оно было или нет, но отмахнуться от него не удавалось. Свою лепту внесло и Общество, собрав и представив целую гору убедительных доказательств. «Живые призраки» можно считать едва ли не самой скучной из всех написанных книг, но две тысячи случаев, которые в ней описаны, несомненно, поставили читателя перед необходимостью принять правду, какой бы она ему ни казалась.

Раз уж мы уделили столько времени и внимания скандалам и разоблачениям, будет справедливо, если мы подробнее остановимся на тех свидетельствах, которые, собственно, и убедили пионеров-первопроходцев в том, что они имеют дело с реально существующими явлениями.

21 октября 1883 года принц Виктор Дьюлип Сингх, сын магараджи, отправился спать в свой номер в отеле «Берлин», где он остановился вместе с лордом Карнар-

воном. Перед тем как выключить свет, он бросил взгляд на картину, висевшую на противоположной стене. К своему изумлению, он увидел лицо своего отца, который пристально смотрел на него. Ему пришла в голову мысль, что портрет просто имеет сходство с его отцом, поэтому он встал с кровати и подошел поближе. Но на картине была изображена девушка, облокотившаяся на балконные перила и держащая в руке розу. На следующее утро принц Виктор поделился своими впечатлениями с лордом Карнарвоном. Позже, в тот же самый день, он получил телеграмму с извещением о том, что накануне его отец скончался от инсульта. Принц увидел лицо своего отца в то самое время, когда магараджа находился без сознания, за несколько часов до смерти.

В ночь на 16 октября 1902 года супруга путевого сторожа-обходчика проснулась около трех часов утра, чтобы выпить стакан воды. Дома она была одна, поскольку муж ушел на дежурство, и комнату освещала тусклая газовая горелка. Она поглядела на воду и, к своему ужасу, увидела сталкивающиеся вагоны с грузом, причем сумела разглядеть и то, какой именно вагон получил наибольшие повреждения. Она забеспокоилась о своем муже, как бы с ним не случилось несчастья. В девять часов утра муж вернулся домой, и она рассказала ему о своем видении. Он, в свою очередь, рассказал ей, что на линии действительно была авария, и все случилось именно так, как ей привиделось.

Странность истории в том, что муж ее проходил мимо места аварии дважды: первый раз в то самое время, когда его жена увидела сцену аварии в стакане с водой, и второй раз четыре часа спустя, возвращаясь домой на поез-

де. Когда он проходил мимо в первый раз, вокруг было темно, и он ровным счетом ничего не увидел. В семь часов утра уже рассвело, и его глазам предстала картина катастрофы целиком — как ее и увидела его жена. Разумеется, в подсознании обходчика могло запечатлеться намного больше того, о чем он впоследствии смог рассказать. Если это была телепатия, то тогда обходчик умудрился передать своей жене многое из того, что его сознание пропустило.

Следующий случай произошел 9 июля 1904 года. Писателю-романисту Райдеру Хаггарду приснился кошмарный сон, и его супруге пришлось разбудить его. Во сне он увидел черного лабрадора-ретривера своей дочери по кличке Боб, лежащего на траве подле какого-то ручья. Шея собаки изогнулась под неестественным углом, и у писателя возникло ощущение, что пес пытается передать ему, что умирает.

На следующее утро, за завтраком, Хаггард рассказал своей дочери Анжеле о своем сне. Она не заволновалась, поскольку видела Боба прошлым вечером, и с ним все было в порядке. И только к середине дня семья узнала, что Боб пропал. Через четыре дня тело собаки было обнаружено в реке. Боб попал под поезд на мосту той ночью, когда Хаггарду приснился кошмар. Он смог даже определить точное время, когда произошел несчастный случай — за несколько часов до того, как его разбудила жена.

19 марта 1917 года миссис Дороти Спирмен находилась в своем номере в отеле в Калькутте и кормила грудного сынишку. В комнате с ней была и ее маленькая дочь. Женщина почувствовала, что кто-то стоит сзади нее и, обернувшись, увидела своего сводного брата Элдреда Бо-

уэра-Бауэра; он служил офицером в Королевских ВВС. Выглядел он совершенно нормально, и миссис Спирмен предположила, что его перевели в Индию, и что он пришел навестить ее. Она сказала ему, что сейчас уложит ребенка спать, и тогда они смогут обстоятельно поговорить. Но, к тому времени, когда она закончила пеленать малыша, ее сводный брат исчез. Ее дочь вообще ничего не заметила. Впоследствии миссис Спирмен узнала, что ее брата сбили над немецкими окопами примерно в то же время, когда он явился к ней в Калькутте.

7 декабря 1918 года лейтенант Дж. Дж. Ларкин, офицер Королевских ВВС, находился в казарме и писал письма, когда услышал чьи-то шаги по коридору. Затем дверь отворилась, и его приятель лейтенант Дэвид МакКоннел завопил: «Привет, малыш!» Ларкин обернулся и увидел в дверях МакКоннела, державшегося за дверную ручку. Он сказал: «Привет, ты уже вернулся?», на что МакКоннел ответил: «Да, командировка была отличная». Он перегонял самолет на близлежащий аэродром. После этого МакКоннел хлопнул дверью и ушел, громко стуча каблуками.

Когда через несколько часов Ларкин узнал о том, что МакКоннел в тот день разбился, то подумал, что, должно быть, это случилось уже после того, как он виделся с ним. На самом же деле МакКоннел погиб примерно в то самое время, когда Ларкин увидел его стоящим в дверях.

Следующая история тоже стала широко известна, поскольку ее считают одним из самых убедительных доказательств существования жизни после смерти. В июне 1925 года Джеймсу Чейфину из округа Дейви-каунти, штат Северная Каролина, приснился его отец, стоящий

у его кровати в старом черном пальто. Отец сказал ему: «В кармане моего пальто ты найдешь завещание». Отец, Джеймс Л. Чейффин, умер четыре года ранее, завещав ферму своему третьему сыну Маршаллу и оставив жену и трех других сыновей без наследства. Завещание не было опротестовано, поскольку на то не было никаких веских оснований.

На следующее утро Джеймс Чейффин поспешил к своей матушке и спросил у нее, где находится старое черное пальто отца; та ответила, что пальто отдали его брату Джону. Он нашел пальто в доме Джона и тщательно обыскал его. В том месте, которое отец указал ему во сне — то есть зашитым под подкладку внутреннего кармана, — он нашел клочок бумаги, в котором было написано: «Прочтите 27 главу Книги бытия в старой Библии моего батюшки».

Взяв соседа в свидетели, Джеймс Чейффин вернулся в дом своей матери и разыскал старую Библию. В двадцать седьмую главу Книги бытия было вложено другое завещание, — оно было составлено позже того, по которому все отходило Маршаллу. В этом завещании наследство было справедливо разделено между супругой и всеми четырьмя сыновьями. Первой мыслью Маршалла Чейффина было опротестовать завещание как подделку. Но, после того как он осмотрел документ, ему пришлось признать, что он был подлинным. Десяток свидетелей подтвердили, что бумага была написана рукой старого Чейффина, так что имущество перераспределили в соответствии с указаниями во втором завещании.

Первой реакцией читателя, как и Маршалла Чейффина, вероятнее всего, будет возглас: «Надувательство!» Но

один из членов ОИОП, проживавший в Канаде, прослышав об этой истории, нанял адвоката, и подлинность завещания была установлена без всяких сомнений. Значение же двадцать седьмой главы Книги бытия заключается в том, что в ней рассказывается, как Иаков обманным путем получил от своего слепого отца Исаака наследство своего брата Исава. Очевидно, эта мысль пришла в голову старому Чэффину незадолго до смерти, и он составил новое завещание. Вместо того, чтобы засвидетельствовать его должным образом, он вложил его в Библию, рассчитывая, без сомнения, что оно будет найдено после его смерти — вместе с подразумевавшейся критикой в адрес своего сына Маршалла. К несчастью, Библия была старой и изношенной, а, может быть, семья Чэффинов не отличалась особой религиозностью; так что, похоже, спустя четыре года старый фермер решил привлечь внимание к тому, что его точка зрения изменилось.

В книге Кэтрин Кроу «Ночная сторона природы» целая глава посвящена подобным случаям, в которых важные послания и сообщения доставлялись в снах или через призраков. Она рассказывает, например, о мяснике, которому приснилось, что на него нападут и убьют по дороге на рынок двое мужчин, одетых в синее. Он решил отправиться на рынок вместе с соседом, и когда они подошли к месту, где, как ему приснилось, на него должны были напасть, то увидели двух мужчин в синем, ожидающих кого-то. Но все подробности инцидента, которыми ограничилась автор, состоят в том, что мясника звали Боун, и что он жил в Холитауне. Вряд ли это можно считать «прямыми или косвенными уликами». В архивах ОИОП содержится великое множество столь же мелодрамати-

ческих случаев, но его члены постарались собрать письменные показания со всех заинтересованных лиц, и результат получился более чем убедительный. В качестве типичного примера можно привести случай, произошедший в 1869 году, когда супружеская чета — мистер и миссис Н. — лежали в кровати, как вдруг миссис Н. заметила в комнате мужчину, одетого в форму офицера ВМФ. Ее муж задремал, и она, тронув его за плечо, спросила: «Вилли, кто это?» Ее супруг проревел разгневанным тоном: «Какого черта вы здесь делаете, сэр?» Офицер укоризненно произнес: «Вилли!» Пока мистер Н. выбирался из-под одеяла, офицер пересек комнату и исчез в стене. Миссис Н. утверждала, что он выглядел вполне материальным созданием, отнюдь не бестелесным, и, проходя мимо настольной лампы, отбросил тень.

Осознав, что они только что видели привидение, миссис Н. забеспокоилась, не предвещало ли оно несчастья с ее братом, который служил на флоте. Когда она поделилась своими опасениями с мужем, тот ответил: «Нет, это был мой отец». Отец мистера Н. умер несколько лет назад.

После этого визита мистер Н. тяжело болел несколько недель. Поправившись, он рассказал жене, что вот уже долгое время испытывает финансовые затруднения, и что перед самым появлением привидения он уже совсем было решился воспользоваться услугами одного типа, который, как он теперь ясно понял, привел бы его за решетку. Он был уверен, что «призрак» явился предупредить его, чтобы он не делал этого.

Собственно говоря, этот случай сам по себе не более убедителен, чем тот, который произошел с мистером Бо-

уном из Холитауна, но ОИОП получило письменные показания от мистера и миссис Н., а также от двух приятельниц миссис Н., с которыми та не замедлила поделиться этой историей. Конечно, можно списать все на сон или «массовую галлюцинацию», или же просто счесть наглай ложью, но письменные показания под присягой как-то не предполагают подобного легкомыслия.

Особый интерес в этой истории представляет замечание миссис Н. о том, что фигура выглядела достаточно плотной и материальной — как и у большинства духов, — и что она отбрасывала тень. Напрашивается предположение, что призрак состоял из твердого вещества, как и те материализовавшиеся фигуры, что появлялись в комнате для сеансов медиумов.

«Предупреждение», хотя и несколько иного рода, прозвучало и в другом случае, который получил известность под названием «случай красной царапины». В нем фигурировал коммивояжер, скрывавший свое имя под инициалами «Ф. Г.». Он находился в своем номере в отеле в местечке Сент-Джозеф, штат Миссури, в 1876 году, когда вдруг понял, что за столом кто-то сидит. Гостьей оказалась его сестра Анни, умершая от холеры девять лет назад. Она выглядела в точности как живая, если не считать ярко-красной царапины на ее правой щеке. Едва Ф. Г. вскочил на ноги, как его сестра исчезла.

Он был настолько потрясен, что немедленно сел на поезд и поехал к своим родителям в Сент-Луис. Когда он рассказал им о царапине, его матушка упала в обморок. Придя в себя, она поведала им, что случайно поцарапала щеку трупа. Она замазала ее пудрой, и никогда никому ни словом не обмолвилась об этом.

Через несколько недель мать умерла «в счастливой уверенности, что вскоре воссоединится со своей любимой дочерью». Ее же сын уверился в том, что появление призрака имело целью подготовить его матушку к ее собственной смерти. Это, кстати, еще одна довольно-таки часто встречающаяся причина появления призраков, отчеты о которых попали в ОИОП. Впоследствии сэр Уильям Баррет посвятил им целую книгу; она открывается описанием случая, служащего типичным примером вдумчивого и тщательного анализа сбора данных, коим отличались все расследования ОИОП.

Супруга Баррета работала хирургом-гинекологом в родильном доме в Клэптоне, Северный Лондон. У женщины, некоей миссис Б., начались схватки и случилась сердечная недостаточность. Когда леди Баррет взяла ее за руки, она сказала: «У меня темнеет в глазах.» Послали за ее матерью и мужем. Вдруг миссис Б. посмотрела в угол комнаты и произнесла: «О, какая красота!» «О чем это вы?» — спросила леди Баррет. «Какой красивый свет — как все замечательно!» Потом она воскликнула: «Как, и папа здесь!» Когда ей принесли показать ее ребенка, она спросила: «Вы думаете, я должна остаться ради ребенка?» Она перевела взгляд на «отца» и добавила: «Я не могу». Когда в палату вошел ее муж, она посмотрела на него и сказала: «Вот и Вида пришла!» Видой звали ее младшую сестру, которая умерла две недели назад. Миссис Б. не сообщили о смерти сестры, чтобы не расстраивать ее. Вскоре после этого пациентка умерла. Леди Баррет, старшая акушерка, муж роженицы и ее мать — все показали, что миссис Б., по-видимому, воспринимала своих умерших родственников

как живых до самого конца. Со своей обычной тщательностью Баррет получил письменные показания от ее матери. Это был первый случай в ряду описываемых Барретом, когда находящиеся на пороге смерти люди «видели» умерших родственников, о смерти которых им не было известно. Баррет подчеркивает, что до сих пор не известно ни единого случая, когда бы умирающие «видели» все еще живого человека.

Сэр Оливер Лодж, который дважды избирался президентом ОИОП, сам сообщил об одном из самых убедительных случаев «общения с умершими». Он приводит его в своей книге «Raymond» («Рэймонд»).

8 августа 1915 года сэр Оливер Лодж получил послание от медиума из Бостона, Леоноры Пайпер, содержащее туманную ссылку на стихотворение римского поэта Горация, где рассказывалось о дереве, в которое попала молния. Послание было предположительно отправлено Фредериком Майерсом, умершим четырнадцать лет назад. Спустя неделю Лодж узнал, что его самый младший сын Рэймонд погиб в боях под Ипром.

После этого еще несколько медиумов присылали сообщения, приписываемые «Рэймонду», но Лодж сохранял спокойствие — большинство из них в той или иной степени обыгрывали одну и ту же мысль — «как здесь хорошо!» В следующем месяце супругу Лоджа пригласили на спиритический сеанс, устраиваемый выдающимся медиумом, миссис Осборн Леонард. Ни медиум, ни леди Лодж не знали друг друга в лицо, они даже не были представлены друг другу. Тем не менее, миссис Леонард заявила, что у нее есть послание от Рэймонда, утверждающего, что он встретил многих приятелей и друзей отца

после своей смерти. Когда его попросили назвать имя хотя бы одного из них, Рэймонд ответил: «Майерс».

Очередное сообщение от Рэймонда в следующий раз попало к леди Лодж через мужчину-медиума по имени Воут Питерс. В нем Рэймонд упоминает фотографию, запечатлевшую его с группой людей, и обращает внимание на тросточку для прогулок. Лоджи ничего не знали о такой фотографии. Два месяца спустя мать одного из офицеров-сослуживцев Рэймонда написала, что у нее есть фотография с Рэймондом, и предложила прислать копию. Прежде чем получить ее, Лодж сам нанес визит миссис Леонард, и когда ее «посредник» (Феда) объявила о присутствии Рэймонда, он воспользовался возможностью и задал вопрос о фотографии. Рэймонд объяснил, что снимок был сделан на улице, и обронил, что кто-то из присутствовавших хотел опереться на него. Когда через несколько дней фотография, наконец, была доставлена, выяснилось, что на ней запечатлена группа офицеров перед казармой. У Рэймонда, сидящего в первом ряду, на коленях лежала тросточка, а офицер, сидящий позади него, опирался на плечо Рэймонда рукой...

В книге Лоджа содержится еще много примеров, свидетельствующих о том, что Рэймонд «выжил»; но он подчеркивает, что этот случай особенно показателен, поскольку в нем задействованы два медиума, причем оба говорили о фотографии, которой Лодж к тому моменту даже не видел — то есть возможность телепатии исключается.

И, в завершение этой главы, приведем еще один случай типичного проявления феномена, столь обожаемого Кэтрин Кроу и другими ранними писателями о сверхъестественном. Речь идет о полномасштабном явлении привидений.

В феврале 1932 года правнуки трубочиста Сэмюэля Булла отказались ложиться спать. Им показалось, что снаружи коттеджа кто-то есть. (Выздоровливая после гриппа, они спали в комнате на нижнем этаже). Их мать, Мэри Эдвардс, выглянула за дверь, но там никого не было. Вскоре после этого она с детьми увидела Сэмюэля Булла — умершего еще в июне прошлого года, — шагающим по комнате, поднимающимся по лестнице и входящим в двери комнаты, где он умер. (Дверь была заперта). Они вскрикнули от ужаса. Это было первое из многочисленных появлений мертвеца в его коттедже на Оксфорд-стрит, Рэмсбери, Уилтшир. «Призрак» явно знал о присутствии семьи, потому что дважды положил руку на лоб своей жене-инвалиду Джейн, а один раз даже назвал ее по имени. Сэмюэль Булл, умерший от рака, выглядел вполне осязаемо и настолько отчетливо, что дети разглядели даже побелевшие костяшки его пальцев, буквально выпиравшие из-под кожи. Они также обратили внимание, что выражение его лица было грустным. После того первого раза семья больше не испытывала страха — дети скорее благоговели и трепетали, чем боялись. Они предположили, что призраку было грустно из-за тех жалких условий, в которых они жил. В коттедже было сыро, и некоторые комнаты были вообще непригодны для жилья. Во время двух своих последних появлений Сэмюэль Булл уже не казался грустным, и миссис Эдвардс решила, что его настроение улучшилось потому, что семья собралась переезжать в общинный дом.

Переезд был в самом разгаре, когда появились два представителя ОИОП, но к тому времени местный викарый уже побеседовал с семейством и записал их пока-

зания о происшедшем. Ученые из ОИОП были расстроены (что вполне можно понять) тем, что им не сообщили об этом деле раньше, но разговоры со свидетелями и показания викария не оставили у них и тени сомнения, что призрак появлялся на самом деле.

Подобная мешанина сообщений о видениях и призраках лишь подчеркивает то фантастическое разнообразие случаев, что расследовало ОИОП за первые сто лет своего существования. Но ни один из них не является столь же впечатляющим, как те события, о которых рассказывали Юнг-Штилинг, Кэтрин Кроу или Роберт Дейл Оуэн. Одновременно они стали и самыми убедительными, поскольку их расследованием занимались честные и достойные доверия ученые, пришедшие к заключению, что они действительно имеют дело с паранормальными явлениями. Любой человек, проведя несколько часов за чтением архивов «Протоколов» ОИОП поймет, что проявлять скептицизм и дальше — пустая трата времени. Даже если половина случаев окажется выдумкой и ложью, то другая половина просто подавит сомневающегося хотя бы одним своим количеством. Легко понять раздражение профессора Джеймса Гислопа, когда он пишет в «Жизни после смерти»:

«Я полагаю существование дискарнированных призраков научно доказанным фактом, и я больше не считаю, что скептики имеют право высказываться по этому вопросу. Любой человек, не приемлющий существования дискарнированных духов и доказательств этого, является либо полным невежей, либо

моральным трусом. Я быстро с ним покончу, и я не собираюсь спорить с ним, предполагая, что ему ничего неизвестно по интересующему нас вопросу».

Если говорить о скептиках, то он, безусловно, прав. Сэр Джон Бленд Саттон, известный хирург, заметил: «Смерть — это конец всего. Мой опыт свидетельствует, что все, кто глубоко исследовал этот предмет с научной точки зрения, пришли к такому же выводу». В подобном заявлении содержится далеко не вся правда. Известно много скептически настроенных исследователей. Сам Гислоп приобрел печальную известность из-за инерции своего мышления, за что его очень не любили его коллеги по ОИОП, дав ему кличку «Фома неверующий». Но в каждом отдельном случае, где скептики настаивали на тщательном рассмотрении фактов, он всегда оказывался более или менее убежденным в реальности жизни после смерти. Я говорю «более или менее», потому что некоторые исследователи, например, доктор Гарднер Мерфи или Луиза Райн чувствовали, что большую часть «фактов» можно также объяснить и тем, что называют «суперэкстрасенсорным восприятием» — телепатическим ясновидением и т.д.

В конце концов, Гислоп и сам отказался от гипотезы суперэкстрасенсорного восприятия после случая, который получил известность как «дело о красной пижаме». Однажды Гислоп получил сообщение от медиума из Ирландии о том, что дух, который называет себя «Уильям Джеймс», попросил его передать сообщение и спросить у Гислопа, не помнит ли он какую-то красную пижаму. Уильям Джеймс, умерший в 1910 году, «проявился» со-

гласно договору с Гислопом о том, что, кто бы из них ни умер первым, он должен попытаться установить связь со вторым. Однако вопрос о красной пижаме не имел для Гислопа никакого смысла. Но внезапно он вспомнил. Когда они с Джеймсом были еще молодыми, они как-то поехали в Париж и по прибытии обнаружили, что их багаж еще не прибыл. Гислоп отправился на поиски пижамы, но сумел найти только пару ярко-красного цвета. После этого Джеймс долго еще издевался над Гислопом по поводу отсутствия у него вкуса в выборе нижнего белья. Гислоп давным-давно забыл об этом случае. И теперь объяснить сообщение о красной пижаме чем-то другим, кроме как фактом, что именно настоящий Уильям Джеймс «вышел на связь», не было никакой возможности.

Через двадцать шесть лет после смерти Гислопа его слова процитировал в письме психолог Карл Юнг. Юнг рассуждал о личностях духов, передававших свои послания посредством медиумов:

«Как-то мы долгое время обсуждали доказательства личности с другом Уильяма Джеймса, профессором Гислопом в Нью-Йорке. Он признал, что все эти метафизические явления можно гораздо правдоподобнее объяснить гипотезой о существовании духов, чем рассуждениями о качествах и особенностях проявления подсознания. И вот здесь, на основе своего собственного опыта, я должен признать, что он прав. В каждом отдельном случае я, в силу необходимости, могу выступать в роли скептика, но, в конце концов, я вынужден согласиться, что гипоте-

за о существовании духов на практике оказывается наиболее приемлемой по сравнению с остальными».¹

Тем не менее, следует отметить, что ни в одной из своих печатных работ Юнг никогда не признавался ни в чем подобном; наоборот, он продолжал настаивать, что факты, якобы свидетельствующие о паранормальных явлениях, можно объяснить и проявлениями подсознания.²

Что же касается нашего с вами расследования, дорогой читатель, то давайте в качестве отправной точки примем предположение Юнга, что гипотеза о существовании духов объясняет все факты лучше любой другой. Вопрос о том, является ли она единственно верной, пока оставим открытым.

¹ «Collected Letter», Vol. 1, p. 431.

² На этом вопросе я подробно останавливаюсь в своей книге о Юнге, «The Lord of the Underworld» (1984).

Глава пятая

Второе рождение шедевра

Осенью 1863 года с женщиной по имени Сара Холл случился любопытный казус: она увидела собственный призрак. Она сидела за обеденным столом со своим мужем и еще одной парой, когда компания вдруг заметила еще одну миссис Холл, стоявшую рядом с сервантом. Фигура была облачена в какое-то крапчатое одеяние, совершенно не похожее на то, в которое была одета Сара Холл. Ее муж воскликнул: «Смотрите, это же Сара!», и когда все в ошеломлении застыли, фигура исчезла.

Этот случай вызывает досаду, поскольку он не имел продолжения. Сара Холл по-прежнему находилась в добром здравии двадцать лет спустя, когда она решилась написать Гурнею об этом происшествии, так что призрак не был очередным дурным предзнаменованием. Через несколько лет миссис Холл, очевидно, приобрела крапчатое платье, похожее на то, в которое был одет ее «призрак», но и это еще ни о чем не говорит. Единственной зацепкой можно считать мимоходом оброненное миссис

Холл замечание о том, что ранее дом, в котором они жили, использовался как церковное помещение. Мы с вами знаем, что христианские церкви очень часто возводили на месте языческих капищ, как будто сама земля обладала некоей внутренней силой, которую древние полагали священной. Но это по-прежнему не приближает нас к разгадке того, каким образом четверым людям удалось увидеть двойника одного из них.

Если бы этот случай оказался уникальным в своем роде, мы могли бы отмахнуться от него, но ведь в литературе по исследованиям в области психики и паранормальных явлений приводятся сотни сообщений о появлении двойников. Ни кто иной, как поэт Гете собственными глазами видел своего двойника (или «доппельгангера») едущим ему навстречу по тропинке в Эльзасе, куда он удалился отдохнуть от своей возлюбленной. Фигура была облачена в серый с золотом костюм. Восемь лет спустя, направляясь с визитом к той же самой женщине, он проехал мимо того же самого места и вдруг осознал, что на нем сейчас надет серый с золотом костюм. Роберт Дейл Оуэн оставил нам подробное описание происшествия со школьной учительницей Эмили Саже, двойник которой часто появлялся позади нее в классной комнате. Один из учеников обратил внимание на то, что во время появления двойника «настоящая» Эмили выглядела бледной и болезненной, как будто двойник материализовывался из собственного тела Эмили.

Подобные случаи со всей очевидностью свидетельствуют о том, что, хотя у нас и есть несколько более-менее приемлемых гипотез о духах, призраках и тому подобном, все-таки всеобъемлющая теория, которая

объясняла бы все известные нам случаи, в наличии отсутствует. Даже вера в существование духов не приближает нас к объяснению того, что случилось с миссис Холл.

Фредерик Майерс, человек, которому Общество исследований в области психики более всего обязано своим появлением, ясно отдавал себе в этом отчет. С того времени, когда ему исполнилось двадцать шесть и он начал совершать свои знаменитые «прогулки под звездами» с Генри Сиджвиком, он не прекращал попыток увязать все паранормальные явления в единое целое. Результаты этих попыток стали известны через два года после его смерти, после появления работы «Human Personality and Its Survival of Bodily Death» («Личность человека и ее существование после смерти телесной оболочки»). Эта книга стала настоящим шедевром, вероятно, самой всеобъемлющей работой из всех, когда-либо написанных на тему о паранормальном. К несчастью, широкой публике она практически неизвестна, в чем повинно, главным образом, ее обескураживающее заглавие, которое наводит на мысль, что речь в книге идет о спиритических сеансах и сообщениях от мертвецов. Ничего подобного! Перед нами амбициозная попытка проанализировать странные и непривычные способности человеческого мозга; вопрос о жизни после смерти поднимается в ней только в заключительной части.

Поскольку книга эта малоизвестна, а содержащиеся в ней выводы имеют исключительную важность, давайте остановимся на ней поподробнее. Майерс открывает ее обсуждением клиническим случаев, которые мы теперь называем «раздвоение личности». 7 сентября 1824 немец-эпилептик по имени Шоргель убил в лесу старика-дровосека, отрубив ему голову и ноги его собственным

топором. После этого он пил кровь убитого. Вернувшись в город, он, не особенно скрываясь, рассказал о том, что совершил, утверждая, что кровь помогает ему излечиться от эпилепсии. Шоргель уже был известен как человек, страдающий синдромом «Джекилла и Хайда», у которого после припадков развивались преступные наклонности. Спустя неделю, когда он предстал перед магистратом, он вновь вернулся в личность «доктора Джекилла», став тихим и вежливым, и ничего не помнил о совершенном убийстве. Его признали невиновным и отправили в приют для душевнобольных.

Еще один случай, на который ссылается Майерс, предлагает нам интересную зацепку к разгадке тайны раздвоения личности. Луи Виве исполнилось десять лет, когда в 1873 году его отправили в детский дом. Он был тихим и послушным ребенком. Четырьмя годами позже на него напала гадюка, что стало для него настоящим потрясением. После этого у него начались эпилептические припадки и развился истерический паралич обеих ног. Его направили в психиатрическую лечебницу в Бонневале на обследование, и на протяжении следующих двух месяцев он потихоньку портняжил. Затем с ним случился припадок, продолжавшийся два дня, в течение которого его попеременно то трясло в диких конвульсиях, то бросало в экстаз. Когда он пришел в себя, паралич исчез, а он превратился в совершенно другого человека.

Он не помнил ничего о себе до того момента, когда на него напала гадюка. Он стал буйным, лживым и отвратительным типом. Предыдущий Луи был абсолютным трезвенником; новый не только выпивал с превеликим удовольствием, но и воровал вино у других пациентов.

Отслужив на флоте и отсидев срок в тюрьме за воровство, Луи попал в приют для умалишенных в Рочестере, где его случай привлек внимание сразу трех врачей. К тому времени Виве уже страдал правосторонним параличом, и у него развился дефект речи — сильное заикание. Несмотря на это, он болтал без умолку, проповедуя ярый атеизм и насильственную революцию.

В 1880-х годах произошел новый всплеск интереса к доктринам Месмера, в частности, к его уверенности в том, что «жизненные силы» можно вращать вокруг тела человека с помощью магнитов. Лечащие врачи Виве заинтересовались вариацией этой доктрины — тем, что различные металлы способны излечивать паралич. Когда они попытались приложить стальной прут к правому предплечью Виве, то произошло нечто неожиданное и оттого не менее поразительное: паралич перекинулся на левую сторону его тела. Тут же возродился прежний, спокойный Виве. Он совершенно ничего не помнил о том, в кого он превратился после длительного и сильного эпилептического припадка.

Сейчас нам известно то, о чем не знали лечащие врачи Виве — что левое полушарие мозга управляет правой стороной тела, и наоборот. Поэтому, когда правая, «криминальная» сторона тела Виве оказалась парализованной, была затронута и левая доля его мозга, так что личность, представшая перед миром, оказалась правосторонним Виве. Левое полушарие управляет речью — отсюда и заикание. Проблемы Виве начали, в общих чертах, вырисовываться. Его раннее детство было трудным, проведенным в обществе пьяной и буйной матери; он превратился в робкую и забитую личность. Как мы уже знаем, «общественное я»

живет в левом полушарии мозга. У его правой стороны — «интуитивного» Виве — не было возможности проявить свою агрессивность или неудовлетворенность. Шок от столкновения с гадюкой привел к полному отключению «скромной», левой половины, что позволило «другому Виве» проявить себя во всей красе. Начиная с этого момента, Виве превратился в классического представителя раздвоенной личности.

Отчет Майерса об этом деле (складывается впечатление, что он лично беседовал с Луи Виве) заканчивается интересным примечанием. Он упоминает о том, что когда к голове Виве приложили магнит, он мгновенно превратился в «нормального» человека, если не считать того, что он ничего не помнил о времени, предшествовавшем его столкновению с гадюкой. Становится совершенно ясно, что «магнетизм» действительно срабатывал, и что современная наука, вполне возможно, пренебрегает столь интригующим направлением исследований.

Майерс продолжает разговор о других примерах раздвоения личности. Теперь речь идет о знаменитом деле человека по имени Ансель Бурн, который, стоя на углу улицы в Провиденсе, на Род-Айленде, внезапно потерял память. Он «очнулся» в незнакомой комнате, в незнакомой кровати. Это было уже два месяца спустя, и он находился в городке Норристон, штат Пенсильвания. За это время Бурн переехал в Норристон, взял в аренду кондитерскую и продолжил дело под именем А. Дж. Брауна. Никому и в голову не пришло заподозрить его в том, что он страдает амнезией.

Случай с Кларой Фаулер, дошедший до нас благодаря психиатру Мортону Принсу, который называл ее

«Кристиной Бюшам», представляется еще более странным. Пытаясь вылечить Клару от жесточайшей депрессии, Принс ввел ее в состояние гипноза, и на свет появилась совершенно новая личность: умненькая и озорная девчонка, которая называла себя «Салли». Салли могла подчинить себе Клару, стоило ей только захотеть. Она обожала проделывать разные штучки, например, отправиться в долгую прогулку по окрестностям — Салли была вынослива, как лошадь, — а потом «покинуть» тело и заставить измученную Клару самостоятельно добираться до дома. Как-то раз Салли «позаимствовала» телесную оболочку Клары на несколько недель, отправилась в соседний городок, получила там место официантки, а затем покинула тело, оставив Клару в незнакомом месте на произвол судьбы. Подобно второму «я» Луи Виве, «Салли Бюшам» сильно заикалась.

Но странности в деле Клары Фаулер этим не ограничились. Во время сеанса гипноза появилась третья личность, взрослее и уравновешеннее Клары и Салли, вместе взятых. Так что теория «двойного сознания», которая кажется вполне подходящей для случаев с Луи Виве или Анселем Бурном, здесь совершенно неприменима. В главе, посвященной гипнозу, Майерс пытается найти иное объяснение случившемуся. Он описывает эксперименты, проведенные Эдмундом Гурнеем, а впоследствии и миссис Сиджвик, в ходе которых выяснилось, что большинство людей можно загипнотизировать до двух различных «глубин» или уровней, и что даже одного субъекта можно загипнотизировать до девяти различных глубин. Субъект впадает в гипнотический транс и рассказывает что-нибудь — например, что местный отель только что сгорел

дотла. Затем его гипнотизируют до более глубокого уровня, и он выдает новое сообщение о том, что произошла железнодорожная катастрофа. Гипноз продолжается до третьего «уровня», и следует новый факт — что германский кайзер вынужден был прервать свой визит к королеве Виктории из-за смерти близкого родственника. Во время следующих сеансов гипноза субъект вспоминает каждый из сообщенных им фактов при достижении нужного «уровня», но не имеет представления об остальных своих откровениях. Майерс сделал логическое заключение, что это как раз и может объяснять раздвоение личности, или даже множественность личности — что у каждого из нас имеется множество слоев или уровней, и что шок — например, нападение гадюки на Виве — может вызвать эффект, подобный гипнозу, и погрузить пациента на другой уровень личности. Подобная трактовка может быть верной или неверной, но она свидетельствует о намерении Майерса подобрать ключик к тайнам подсознания.

Особенно ярко это проявляется в той главе его книги, где он пишет о гениях. Он говорит: «Гения... следует рассматривать как силу, способную использовать широкий диапазон... способностей, которые в той или иной степени присущи всем нам». Вот что так привлекает Майерса; подобная сила не является капризом или ошибкой природы, а, вероятно, заложена в каждом из нас. В качестве примера он приводит многочисленные истории о невероятных ментальных подвигах. Пятилетний мальчуган, Бенджамин Блит, пошел на прогулку вместе со своим отцом, спросил его, который час; отец ответил, что уже половина седьмого. Через несколько минут ребенок промолвил: «Получается, я живу уже...» и назвал точное количество

секунд, прошедших со дня его рождения. Когда они вернулись домой, отец взял лист бумаги и произвел необходимые расчеты. «Ты ошибся на 172,800 секунд». «Нет, все правильно, — ответил мальчуган, — ты забыл про два високосных года, 1820 и 1824». Майерс также упоминает профессора Трумэна Генри Саффорда, который уже в десятилетнем возрасте мог производить умножение в уме, получая ответы в тридцать шесть цифр, и крестьянского сына Вито Манжиамене, которому потребовалось тридцать секунд, чтобы извлечь корень кубический из 3,796,416.

И в наши дни есть случаи, способные показать нам, о чем идет речь: «календарные калькуляторы-близнецы» Джон и Майкл, разбирающиеся только в узкой области знаний, которые провели большую часть своей жизни в больнице для умалишенных в Америке. О них написал психиатр Оливер Сакс.¹

Хотя близнецы страдали умственной отсталостью, и коэффициент интеллектуального развития составлял у них примерно шестьдесят единиц, они могли по дате назвать день недели, который ей соответствовал, за прошедшие или будущие сорок тысяч лет. Если их спрашивали, каким днем недели будет, к примеру, 6 марта 1877 года, они без запинки отвечали: «Вторник». С такой же легкостью они называли дни недели во времена, предшествовавшие строительству египетских пирамид. Но при этом близнецам было чертовски трудно производить обычное сложение и вычитание, а что такое умножение и деление, они не понимали вообще. Большинство ученых, которые

¹ New York Review (February 28, 1985), p. 16.

их исследовали, сошлись во мнении, что у них есть какая-то простая формула вычислений. Однако доктор Сакс пришел к другому выводу. Как-то он оказался рядом с ними в тот момент, когда на пол упал коробок спичек, и оба близнеца немедленно воскликнули: «Сто одиннадцать». Когда Сакс пересчитал спички, их действительно оказалось сто одиннадцать. Близнецы также пробормотали: «Тридцать семь», и, когда Сакс спросил у них, что это значит, они объяснили, что три раза по тридцать семь дает сто одиннадцать. Он поинтересовался, откуда они узнали, что спичек было сто одиннадцать. «Мы увидели это». Они мгновенно пересчитали спички, пока те падали на пол. Они дали такой же ответ, когда Сакс спросил, каким образом они вычислили, что тридцать семь составляет одну треть от ста одиннадцати. Складывается впечатление, что они видели, как сто одиннадцать разделилось на три части.

В другой раз Сакс стоял у них за спиной в тот момент, когда они повторяли друг другу числа. Один из них называл, например, шестизначное число, другой обдумывал его про себя, а потом выдавал другое шестизначное число. Сакс записал эти числа и, вернувшись домой, внимательно проанализировал их. Оказалось, что все это простые числа — то есть числа, которые нельзя было без остатка разделить на любое другое простое число (например, пять, семь и одиннадцать).

Что интересно в простых числах, так это невозможность быстро определить, является ли многозначное число простым или нет — остается только постепенно и медленно делить его на каждое второе число (Сакс, кстати, воспользовался специальным справочником).

Как же это проделывали близнецы? Они не могли просто высчитывать числа — они были фактически неспособны на вычисления. На следующий день Сакс отправился посмотреть на них, захватив с собой справочник по простым числам. Они все еще играли в числа, и Сакс присоединился к ним, подбросив в игру восьмизначную цифру. Возникла полуминутная заминка, оба с недоумением уставились на него, потом заулыбались и начали перебрасываться восьмизначными числами. Спустя час они обменивались двадцатичетырехзначными числами, хотя даже компьютеру понадобилось бы некоторое время для того, чтобы вычислить, является ли такое огромное число простым или нет.

Сакс пришел к заключению, что каким-то непонятным образом близнецы мгновенно видели эти большие числа, точно так же, как они «увидели» количество спичек в коробке. То есть они использовали правое полушарие мозга вместо левого, как делают все остальные люди во время вычислений. Однако, тот факт, что они не отличались особым интеллектом, показывает, что это отнюдь не какая-то форма гениальности. Почти наверняка это способность, которая присуща каждому из нас — потенциально — но которая каким-то образом «была подавлена» в ходе развития левостороннего сознания.

Майерс ничего не знал о правом и левом полушариях; ему было только известно, что такие способности обусловлены подсознанием — или, как он предпочитал называть его, «подсознательным разумом». Это совсем не то современное «подсознание», о котором говорили Фрейд и Юнг. «Подсознательный разум» Майерса — это не мусорная корзина, в которую свалены сдерживае-

мые чувства, неврозы и осознание вины. Для него это источник интуитивных озарений, которые мы называем гениальными. Таким образом, его можно рассматривать как некую комбинацию фрейдистского «подсознания» и «высшего я» у Кахунас, как его описывал Макс Фридом Лонг. Эта точка зрения лаконично изложена Альдусом Хаксли в предисловии, которое он написал для американского издания книги Майерса: «Что такое вместилище души — обычное бунгало с подвалом? Или у него есть надстройка над первым этажом сознания, а также забитый мусором подвал под ним?» Майерс, продолжает он, придерживается той точки зрения, что человеческая душа имеет чердачную надстройку над уровнем обычного сознания, а также подвал под ним, и что книга «*Human Personality and Its Survival After Bodily Death*» представляет собой «бездонный кладезь сведений о странных и зачастую замечательных событиях, происходящих на «верхних этажах» вместилища человеческой души». Собственно говоря, именно поэтому книга Майерса являет собой выдающийся шедевр творчества.

По мнению Майерса, все это лишний раз доказывает, что наши скрытые способности намного превосходят наши ожидания. Если этот довод показался вам знакомым, так это потому, что мы уже встречали его у Кэтрин Кроу в ее «*Night Side of Nature*». Разница заключается в том, что, если миссис Кроу сообщает факты и оставляет читателю право принять их или отвергнуть, то Майерс хочет заставить читателя признать, что они-таки являются фактами. Госпожа Кроу ссылается на некий не вполне ясный эксперимент с гипнотизером, во время которого произошло «столкновение воли» последнего с живот-

ным. Майерс же дал себе труд лично приехать в Гавр, где он стал свидетелем экспериментов некоего доктора Жибера, загипнотизировавшего пациентку по имени Леони, находясь при этом на расстоянии полумили от нее. Вообще-то говоря, Леони сопротивлялась; она заявила психологу Пьеру Жане: «Я очень хорошо понимаю, что месье Жибер пытался заставить меня заснуть, но, когда я почувствовала его, я начала искать воду и погрузила руки в холодную воду. Я не желаю, чтобы люди заставляли меня засыпать таким образом... я выгляжу при этом очень глупо». Далее Майерс описывает успешный эксперимент, — после того, как Жибер попытался усыпить пациентку на расстоянии — когда они спрятались возле дома Леони и видели, как она с закрытыми глазами вышла через калитку и пошла по направлению к дому Жибера.

В своей небольшой книге «Spiritualism and the Age We Live In» («Спиритуализм и век, в котором мы живем»), опубликованной в 1859 году (незадолго до своего психического расстройства), госпожа Кроу заметила:

«Существует отдел знаний, который, насколько нам известно, не сводится к экспериментальной науке. Я имею в виду знания или науку о нас самих. О своих собственных телах... мы, за относительно короткое время, узнали очень много; но о себе, как о сложной натуре, мы не знаем совершенно ничего. Мы ничего не прибавили к знанию древних; мы, скорее, утратили то, о чем они знали или подозревали. Метафизика предлагает нам слова, лишенные точного смысла, а психология остается названием без науки...»

Прошло всего лишь двадцать лет, и эти слова перестали быть правдой; психология быстро превращалась в настоящую науку и открывала нам очередные секреты о нас самих, которые Кэтрин Кроу считала самыми важными из всех видов знания. Это объясняет скрытое проявление восхищения и оптимизма, которыми пронизана книга Майерса. Он был твердо убежден — и говорит об этом прямо на последних страницах своей книги, — что человек находится на некоем поворотном этапе своего развития, и что эта новая «наука о нас самих» преобразит человеческое существование столь же радикально, как учения Галилея и Ньютона изменили мир в семнадцатом веке.

Чему нас учит психология аномального, утверждает он, так это тому, что наши умственные возможности намного богаче и неожиданнее, чем нам представляется. Даже образное описание Альдусом Хаксли сознания в виде дома с верхним этажом не вполне отражает видение Майерсом человеческой личности. Оно более походит на небоскреб, десятки этажей которого возвышаются над поверхностью земли, и столько же еще скрыто под нею. Его эксперименты с различными «слоями» сознания показали, что у человека под его ежедневным «я» скрываются целые подземные лабиринты. Это предполагает, в свою очередь, что и над ежедневным «я» наличествует галерея «верхних этажей». Более того, если вспомнить историю Луи Виве, то станет ясно, что его преступное второе «я» знаменовало шаг назад в развитии его личности. Одновременно это означает, что «неразвитые верхние этажи» — это дорога к Богу.

Для Майерса те случаи, о которых мы говорили в начале этой главы — леди, увидевшая своего двойника стоящим

у буфета, или школьная учительница, которая постоянно находилась сзади самой себя, — не были психологически капризами или аномалиями. Они представляли собой доказательства существования некоей необычной силы, которую мы не понимаем. Майерс ссылается на типичный пример появления призрака живого человека, взятый в анналах Общества исследований в области психики «Census of Hallucinations» («Перепись галлюцинаций»). Однажды воскресным днем 1889 года девушка, опознанная как «мисс К. Е.», передумала идти в церковь, и вместо этого провела день в библиотеке своего дяди за изучением его генеалогического древа. Ее две сестры, которые ходили в церковь, видели, как она шла по проходу храма, держа под мышкой свернутый в трубочку лист бумаги (очевидно, это было генеалогическое древо). Все три сестры представили письменный отчет об этом странном происшествии.

Дело это не настолько необычное, каким представляется на первый взгляд; в «Переписи галлюцинаций» и «Живых призраках» таких примеров сотни. Из большинства из них следует, что человек, образовавший своего двойника, думал о месте, в котором этого двойника видели. В своей автобиографии, «Legends» («Легенды»), драматург Стриндберг описывает, как, будучи тяжело больным и находясь в Париже, он испытал непреодолимое желание немедленно оказаться в Германии вместе со своей семьей. На какое-то мгновение ему показалось, что он снова дома и видит, как его теща играет на фортепиано. Буквально через несколько дней он получил от нее письмо, в котором она спрашивала его, все ли с ним в порядке. Она писала: «Когда я давеча играла на фортепиано, я подняла голову и увидела, что ты стоишь ря-

дом». Следует отметить, что Стриндберг был тяжело болен в это время, так что можно предположить, что механизм, задействованный в этом случае, очень похож на тот, с помощью которого людей, находящихся на пороге смерти, видели их близкие родственники.

На самом деле доказано, что «психическое проецирование» может осуществляться по желанию. Хотя Эдмунда Гурнея, несомненно, разыграли неутомонные подростки, утверждавшие, что один из них «навестил» свою девушку, будучи погружен в состояние гипнотического транса, другие «экспериментальные» случаи действительно имели место. В 1881 году студент по имени С. Г. Биэрд решил попробовать «перенести» себя на расстояние в три мили в дом своей невесты, мисс Л. С. Верити. Он предпринял такую попытку перед тем, как лечь спать в воскресенье вечером. В следующий четверг он отправился с визитом к мисс Верити, которая рассказала ему, как она испугалась до смерти, увидев его стоящим у ее кровати в прошлое воскресенье. Когда призрак шагнул к ней, она вскрикнула, разбудив свою одиннадцатилетнюю сестру, тоже видевшую его. В своем заявлении Биэрд пишет:

«Помимо очень сильного желания осуществить задуманное, я приложил усилие, описать которое словами не берусь. Я отдавал себе отчет в том, что тело мое пронзило таинственное влияние, и я отчетливо осознал, что источаю силу, с которой до сего момента я был незнаком, но которую теперь я могу вызывать по своему желанию».

Проведя свои собственные исследования гипноза, Майерсу было достаточно легко поверить в существова-

ние такой силы. Если доктор Жибер смог загипнотизировать Леони с расстояния в полмили, то получается, что он, в некотором смысле, спроецировал себя на нее. Майерса, как и Томаса Джея Хадсона, восхищали необыкновенные способности «подсознательного разума». Однажды гипнотизер приказал своей пациентке нарисовать крест ровно через 20180 минут после пробуждения из транса, и она выполнила это пожелание. При этом пациентка не была особенно сильна в математике. «Нечто» внутри нее точно и аккуратно отсчитало более двадцати тысяч минут (т.е. примерно четырнадцать дней), после чего «выполнило» распоряжение нарисовать крест. Это вариация силы, которой обладает большинство из нас — просыпаться в определенное время, как будто по сигналу тревоги. Если у «подсознательного разума» есть своего рода будильник, который способен работать во сне или отсчитывать минуты в течение четырнадцати дней, то тогда способность переносить себя (проецировать) в какое-либо другое место уже не кажется столь уж необычной. В наше время, когда телевизионные передатчики могут посылать изображения на Луну, принять и согласиться с этим намного легче, чем во времена Майерса.

Профессор С. Д. Броуд, рассуждая о случае с Сарой Холл,¹ увидевшей своего двойника стоящим у буфета, — предполагает, что она увидела свое собственное астральное тело, но это крайне маловероятно. Начнем с того, что в большинстве сообщений об астральных телах говорится, что его не могут увидеть другие люди. Во-вторых, во мно-

¹ «Lectures on Psychical Research» («Лекции по исследованиям в области психики»), р. 173.

гих случаях появления доппельгангеров наблюдаются посторонние объекты — как, например, генеалогическое древо, которое держала в церкви мисс К. Е. (нет никаких причин сомневаться, что у скатанной в трубочку бумаги может существовать астральное тело). В другом случае, на который ссылается Майерс, доппельгангер сопровождался появлением лошади и кареты, а также двух посторонних людей. Преподобный У. Маунтфорд из Бостона рассказывал, как он, стоя у окна в квартире знакомого, увидел, как к дому подъехал экипаж. Он заметил своему хозяину: «А вот и ваш брат», и тот тоже увидел карету. Экипаж повернул за угол дома, к передней двери, но гости так и не появились. Вместо них в комнату вошла встревоженная племянница хозяина, Мэри. Она только что была в доме своих родителей, где оставила их сидящими у камина; но когда она возвращалась, мимо нее проехала их карета. Они смотрели прямо перед собой, не замечая ее.

Спустя десять минут Маунтфорд услышал стук колес подъезжающего экипажа и сказал: «Смотрите-ка, они снова едут по дороге». На этот раз карета оказалась настоящей. Сидящие в ней пришли в замешательство, когда им рассказали, что они уже приезжали пятнадцатью минутами ранее, при этом проехав мимо своей дочери по дороге и не заметив ее.

Вопрос, который следовало бы задать Маунтфорду, должен был заключаться в следующем: не было ли у кого-нибудь из них видения, что они едут к дому своего брата, пока они мирно сидели у камина. Почти наверняка ответ был бы утвердительным.

Отсюда напрашивается предположение, что у подсознательного разума имеется нечто вроде телевизионного

передатчика и приемника. И Маунтфорд, и его хозяйин, и племянница — все видели экипаж. Обе сестры мисс К. Е. видели, как она входила в церковь со свертком бумаги под мышкой. В обоих случаях видение («изображение») выглядело абсолютно реальным и нормальным.

И более того, студент Биэрд, попавший в виде призрака в дом своей невесты, научился проделывать этот «трюк» по своему желанию. Гурней попросил Биэрда сообщить ему, когда он в следующий раз соберется повторить эксперимент. Биэрд сделал это 22 марта 1884 года. Мисс Верити подписала письменное свидетельство о том, что около полуночи Биэрд появился в ее комнате и погладил ее по голове. Она рассказала об этом своей младшей сестре, которая тоже подтвердила это.

Американский кардиолог доктор Майкл Сэбом заинтересовался видениями на смертном одре, которые посещали пациентов, умиравших от сердечных приступов, и даже написал об этом книгу «*Recollections of Death*» («Воспоминания о смерти») в 1982 году. Он отмечает, что пациенты, которые однажды покидали свое тело, потом часто могли повторять это по своему желанию. Одна девятнадцатилетняя девушка описывает, как ее сбил автомобиль на пешеходном переходе, и как она внезапно «воспарила над местом аварии, глядя на него сверху вниз». Она наблюдала прибытие бригады «скорой помощи», и ей не понравилось, как они подняли и положили ее тело на носилки. После этого она пришла в себя уже в больнице. Когда Сэбом расспрашивал ее о случившемся тринадцать лет спустя, она рассказала ему: «Я знала, что покинула свое тело, потому что я могла проделывать это по своему желанию практически в любой момент. Я по-

няла, что научилась этому в то время, когда находилась на пороге смерти». Она утверждала, что, лежа в своем трейлере в одиночестве по ночам (ее муж работал в ночную смену), она оставляла свое тело и «справлялась по хозяйству» в виде бестелесного существа, проверяя, все ли в порядке в трейлере. Однажды ночью она заметила, что задняя дверь трейлера осталась открытой. «Возвратившись» в свое тело, она встала и закрыла ее.

Напрашивается вывод, что потенциально мы все обладаем такими способностями, но попросту не умеем ими пользоваться. Если Майерс прав, то в этом предположении нет ничего мистического или метафизического; это простая констатация факта, основанная на научных доказательствах.

Итак, мы подошли с вами, читатель, к решающему моменту в рассуждениях Майерса, и, прежде чем продолжить, мне кажется, имеет смысл оглянуться на те умозаключения, благодаря которым мы и оказались здесь.

Основное возражение против возможности существования личности после смерти заключается в том, что личность эта — в некотором роде артефакт. Она строится мало-помалу на нашем собственном опыте. Нет никакой видимой и веской причины, почему моя личность должна продолжать существовать после моей смерти, так же как и мой дом должен продолжать стоять после того, как его разрушили.

Майерс в ответ апеллирует к таинству раздвоения (или «размножения») личности. С какой стороны ни посмотри, Луи Виве и Клара Фаулер скрывали в себе несколько личностей. Тем не менее, под этими «личностями» постоянно

чувствовался некий перманентный слой, существо, для которого эти личности были лишь временными масками. В своей автобиографии Альфред Рассел Уоллес описывает свои эксперименты по гипнотическому воздействию на своих учеников. Об одном из них он говорит следующее:

«Еще более любопытным представлялось лишение памяти настолько полное, что человек не мог сказать, как его зовут, и соглашался на любое имя, которое ему предлагалось. Он даже мог заметить, как это глупо с его стороны — забыть, как его зовут, но все это повторялось несколько раз с разными именами, каждое из которых он принимал безоговорочно. И вот, после того как вы говорили ему: «Теперь вспоминайте свое настоящее имя; итак, как вас зовут?» — невыразимое облегчение отражалось на его лице, и он произносил: «Ну как же, меня зовут так-то и так-то», причем с полнейшим и искренним убеждением».

В книге «Sybil» («Сивилла») Флора Рета Шрайбер описывает пациентку с четырнадцатью различными личностями, причем некоторые из них были мужчинами. Было доказано, что в насильнике Билли Миллигане уживались двадцать три личности, и многие из них были намного талантливее и умнее самого Билли.¹

Кристина Сайзмор, героиня знаменитого романа «Three Faces of Eve» («Три лица Евы»), достигла невероятного уровня в сорок два «я». Дело «Евы» предполагает, что личность может приобрести определенную не-

¹ Daniel Keyes, «The Minds of Billy Milligan» («Личности Билли Миллигана»).

зависимость от тела. У Кристины Сайзмор была аллергия на нейлон, но в то самое мгновение, когда в ней брало верх ее второе «я», нейлоновая сыпь исчезала. Кристина была близорукой; ее второе «я» прекрасно обходилось без очков. Один раз, когда ей ввели анестезирующее, ею завладело ее второе «я», на которое анестезия не подействовала совершенно. Если предположить, что все сказанное — правда, то тогда наше убеждение, что личность каким-то образом зависит от тела, может оказаться несостоятельным. Тело может быть инструментом, которое повинуется требованиям личности — точно так же, как автомобиль повинуется водителю, но только в значительно большей степени. Это, в свою очередь, предполагает, что физическая хворь определяется личностью, духом, а не телом — т.е. когда человек сломлен, слаб и немощен, это означает, что сломлена его личность. И если в дело вступает другая личность — подобно тому, как коварная Салли завладевала телом Клары Фаулер, — то происходит мгновенная трансформация.

Все это наличествует в аргументации Майерса. Он также высказал предположение, что мы можем обладать способностями, которые когда-то именовались «магическими» — например, способность передавать свои мысли постороннему человеку, находящемуся на другой стороне земного шара, или даже транспортировать собственное физическое «я» в разум другого человека. Научный ответ на подобное утверждение состоит в том, что все наши «способности и силы» развивались в течение миллионов лет эволюции в качестве ответа на требования этой самой эволюции. Итак, почему мы не должны обладать способностями, которые предполагает в нас Майерс?

Он приводит в качестве примера способности гениальных людей: стоило Моцарту, например, один раз прослушать концерт, и он мог совершенно спокойно сыграть его по слуху заново; пятилетний Бенджамин Блит мог с абсолютной точностью подсчитать, сколько секунд он прожил на свете. Но в ходе эволюции у нас никогда не возникало надобности именно в таких способностях. Майерс также отмечает, что в случае с некоторыми гениями от математики, такими как профессор Саффорд и архиепископ Уатли, их необычные способности исчезали в момент достижения ими половой зрелости, и они становились «похожими на нас». Если Уатли и Саффорд могли стать такими, как все мы, то совершенно очевидно, что при некотором усердии и мы можем превратиться в гениев от математики, подобных Уатли и Саффорду, или же сможем оставлять свое тело по собственному желанию, как это проделывала пациентка Майкла Сэбома, проверяя, закрыты ли окна и двери. (Такие способности могли быть исключительно полезны первобытному человеку, который, к примеру, мог выйти и разведать, не рискуя быть съеденным, что там за сопение раздается возле его пещеры.)

В сущности, теория эволюции обеспечивает поддержку обеим сторонам. Существуют убедительные и достаточные доказательства того, что психические способности примитивных народов превосходят наши собственные. Некоторые племена австралийских аборигенов способны находить воду под землей даже без помощи ивовых прутьев. О других примерах можно прочитать у профессора Хорнелла Харта.¹

¹ «The Enigma of Survival» («Загадка выживания»), p. 15.

Шотландский охотник Дэвид Лесли решил узнать, что случилось с его восемью кафрами, которые отправились на охоту за две сотни миль от него; зулусский колдун смог в деталях рассказать ему, что с ними происходило, и его рассказ впоследствии «подтвердился до мельчайших подробностей». Капитан Р. Джукс Хьюз, служивший в Транскее, получил текущий отчет от местных аборигенов о сражении, которое разыгралось в трехстах милях от него — отчет, который впоследствии опять-таки оказался верным.

Очевидно, что за миллионы лет эволюции у человека развивались и исчезали различные способности и возможности, если в них пропадала необходимость. Значит, все они существуют потенциально, а информация о них хранится в человеческих генах в закодированном виде. Когда Дарвин достиг Галапагосских островов, он обнаружил там множество видов зябликов, которые, вероятно, попали туда с южноафриканского материка сотни лет назад. В начале сороковых годов двадцатого века этих птичек завезли в Калифорнию, где им сразу же пришлось спасаться от ястребов, грифов и воронов — хищников, которых никогда не существовало на Галапагосских островах, и которых галапагосские зяблики не встречали уже много поколений. Как бережливая домохозяйка, эволюция никогда не выбрасывает ничего, что когда-нибудь может пригодиться. За прошедшие три тысячи лет человек стал цивилизованным существом. Но в самых сокровенных тайниках нашей натуры затаились тысячи свойств, черт и способностей, которые были присущи нам в эпоху великих засух или оледенения, и которые мы отложили в дальние уголки

наших генных хранилищ на тот случай, если они когда-нибудь пригодятся вновь.

Итак, говорит Майерс, мы как будто бы показали, что в человеке существует некий «субстрат», который обладает значительно большей долговечностью по сравнению с его ежедневной личностью, и что это глубоко внутреннее «я» обладает некоторыми необычными способностями, которые бы просто шокировали его ежедневное «я». Признав это, мы подходим к чрезвычайно интересному моменту в нашей дискуссии: оказывается, существуют доказательства того, что этот субстрат продолжает существовать после нашей смерти, и что он способен применять некоторые из этих способностей по своему желанию.

Для начала Майерс приводит в качестве примера один из наиболее интересных и часто цитируемых случаев видений на смертном одре, а именно случай с доктором А. С. Вильце, американским врачом, который «ожил» после зафиксированной медиками смерти в городке Скидди, штат Канзас, летом 1889 года. Собственный отчет Вильце был опубликован в номере журнала «St. Louis Medical and Surgical Journal» за февраль 1890 года.

Вильце «умер» от сыпного тифа, покинув семью и друзей. Потеряв сознание, он затем пришел в себя, по-прежнему находясь «внутри» своего тела, но чувствуя себя больше не связанным с ним. Он просто лежал и наблюдал за тем, как органы его тела взаимодействуют с ним самим — его «душой». Он сказал: «Я узнал, что эпидермис (наружный кожный покров) является внешней границей первичных тканей, так сказать, души». Потом он ощутил нежное покачивание взад и вперед, сопровож-

давшее его отделение от тела. У него возникло ощущение, что «рвутся неисчислимые узы», и он почувствовал, как постепенно удаляется от своего тела. Затем он обнаружил, что «выглядывает» из своего собственного черепа, обрета форму и цвет медузы.

«Когда я выкарабкался из головы, то стал летать вверх-вниз... как мыльный пузырь... пока, наконец, не оторвался от тела и не опустился на пол, откуда потом медленно поднялся и приобрел габариты нормального мужчины».

В комнате находились две женщины, и он почувствовал неловкость из-за своей наготы, но к тому времени, когда он добрался до двери, на его теле появилась одежда. Он обернулся и задел локтем какого-то мужчину, который находился в комнате вместе с ним; к его удивлению, локоть его прошел сквозь мужчину.

Сложившаяся ситуация начала ему потихоньку нравиться — его мертвое тело лежало на постели, — и он отвесил игривый поклон неизвестно кому. Затем он громко рассмеялся; его никто не слышал. Он вышел в дверь и заметил тонкую нить, «паутинку», которая тянулась от его плеч к телу, лежащему на кровати.

Он зашагал по дороге — которую, по его словам, он видел совершенно отчетливо, — и снова потерял сознание. Очнувшись, он почувствовал, что его влекут куда-то невидимые руки. Перед собой он заметил три «огромных камня», а над головой собирались темные тучи. Внутри у него зазвучал голос, который сказал ему, что, если он пройдет меж камней, то попадет в «вечный мир», но, если захочет, то сможет вернуться в свое тело. Он почувствовал

сильное искушение пройти под низко нависающими глыбами, но, попытавшись заглянуть за «пограничную черту», увидел небольшую черную тучу и понял, что «ему следует остановиться». Внезапно он очнулся, лежа на кровати, и, несмотря на уговоры окружающих поберечь силы, принялся рассказывать им о том, что с ним произошло.

Очень легко и удобно, подчеркивает Майерс, отмахнуться от этого происшествия, сочтя его сном. Однако необходимо отметить, что Вильце перестал дышать, и доктор объявил его мертвым. Вполне вероятно, что он потерял сознание на целых четыре часа, а затем очнулся; но представляется странным, что он видел такой изобилующий мельчайшими подробностями «сон» о том, что умер, когда пульс у него перестал биться.

Там, где речь идет о жизни после смерти, наибольший интерес представляют случаи, которые не подпадают под категорию сна или галлюцинаций. Майерс ссылается на дело о «красной царапине» (о нем рассказывается в предыдущей главе), и приводит очередной, столь же убедительный случай, расследованием которого занималось Общество исследований в области психики. Фермера по имени Майкл Конли, из местечка Ионии, округ Чикаго, нашли мертвым в наружной уборной дома для престарелых, и тело его отправили в морг в городке Дюбук, штат Айова. Поскольку рабочая одежда, в которой его нашли, была грязной и вонючей, ее выбросили за двери морга. Когда дочери фермера сообщили о смерти отца, она упала в обморок. Очнувшись, она стала уверять окружающих, что ей явился отец и рассказал, что зашил пачку долларов под подкладку своей серой рубашки. Она в точности описала одежду, которая была на нем — вклю-

чая домашние тапочки, — и сказала, что деньги были завернуты в кусок материи от старого красного платья, которое когда-то принадлежало ей.

Никто всерьез не поверил ее рассказу, все полагали, что это смерть отца так сильно повлияла на нее, но доктор посоветовал им принести отцовскую одежду, предположив, что это может успокоить ее. Никто из членов семьи не знал, что именно было надето на фермере в момент его смерти, но коронер подтвердил, что он был одет именно так, как описала его дочь. За подкладкой серой рубашки, которая по-прежнему валялась во дворе, они нашли пачку денег, завернутую в лоскут от старого красного платья.

Майерс принимал личное участие в расследовании многих таких случаев, получая от свидетелей подписанные показания, и не вызывает сомнения, что это лишь укрепило его во мнении, что жизнь после смерти действительно существует. Очень показательны и то, что все члены настроенной крайне скептически «кембриджской группы», изучавшие собранные доказательства, в конце концов превратились в убежденных сторонников возможности жизни после смерти. Майерс и сам начинал с того же предположения, что и Томсон Джей Хадсон — что все паранормальные явления могут вызываться необычными и непознанными способностями субъективного разума (или подсознательного разума, как предпочитал именовать его сам Майерс). Хадсон воспользовался доказательствами, полученными в ходе сеансов гипноза — помните пациентку, которая нарисовала крест по истечении двадцати тысяч минут? — чтобы доказать, что у подсознательного разума имеются неисчислимы возможности для наблюдения и запоминания, а также способности к телепатии и ясновид-

дению. По мнению Хадсона, «духи умерших» — этоделки подсознательного разума. В большинстве случаев имеющиеся факты удастся подогнать под такое объяснение. Например, в деле о «красной царапине» Хадсон мог бы сказать, что, хотя мать и скрыла красную царапину под слоем нанесенного ею грима, брат умершей девушки подсознательно заметил ее, когда она лежала в гробу. Его подсознание отдавало себе отчет и в том, что его мать стоит на пороге смерти, поэтому его подсознание вызвало призрак умершей сестры с явственно различимой царапиной, чтобы утешить его мать перед смертью. (Вот эту теорию о «подсознательном наблюдении» иногда еще называют «криптомнезией», имея в виду пассивную, или скрытую, память). Тем не менее, подогнать такие случаи, как, например, с Майклом Конли, под теорию «подсознательного наблюдения» не представляется возможным. Фермер находился вдали от своей семьи в момент смерти, и они (т.е. семья) не имели представления, что на нем было надето. Единственное объяснение, которое не противоречит теории подсознательного наблюдения, заключается в том, что дочь воспользовалась ясновидением или внутренним зрением, чтобы установить, во что был одет ее отец, и обнаружить деньги, зашитые в его рубашку. В качестве объяснения явления эту версию вряд ли можно назвать «научной» по сравнению с предположением, что дух Майкла Конли явился его дочери во сне.

Двое близких друзей сыграли решающую роль в убеждении Майерса, что человек может продолжать жить после физической смерти своего тела — преподобный Стэнтон Мозес и Уильям Джеймс. Следует заметить, что первоначально оба отличались воинствующим скептицизмом.

Во многом Уильям Стэнтон Мозес представлял собой типичного «больного чувствователя»; здоровье его оставляло желать лучшего, и он умер в возрасте пятидесяти трех лет. Ему пришлось оставить несколько приходов, поскольку здоровье часто подводило его. Первая реакция святого отца на спиритуализм была откровенно враждебной, и он заявил, что книга лорда Эдэра о Дэниэле Дунгласе Хоуме является «самой откровенной чепухой, с которой ему только приходилось сталкиваться». Вторая книга Роберта Дэйла Оуэна о паранормальном, «The Debatable Land» («Спорная территория»), произвела на него гораздо большее впечатление. Врачу по фамилии Спизэрс, в конце концов, удалось убедить его посетить спиритический сеанс в 1872 году, и он был потрясен, когда ему подробно и точно описали его друга, умершего на севере Англии. Он начал регулярно посещать сеансы Дэниэля Дунгласа Хоума, которые, в конце концов, убедили его в подлинности происходящего. Вскоре после этого он открыл в себе способности медиума. Начались всякие странности. Из углов комнаты раздавался стук. Предметы, стоящие на туалетном столике в его спальне, парили в воздухе и укладывались на кровати крестом.

Аппорты — флаконы с духами, одеколоном и подушечки для булавок — сыпались из воздуха. Однажды, к своему неописуемому удивлению, Мозес сам взмыл в воздух. Когда это случилось в третий раз, его швырнуло сначала на стол, а потом на софу. Он начал проводить спиритические сеансы, во время которых стол парил в воздухе, музыкальные инструменты наигрывали мелодии, а по всей комнате распространялись всевозможные запахи и ароматы. Его честность и чистота были

настолько очевидными, что он более других «виновен» в том, что Майерс убедился в существовании и способностях медиумов.

Поскольку столу требовалось много времени, чтобы простучать связное сообщение, Мозес решил заняться автоматическим (самопроизвольным) писанием. Обычно он писал свой вопрос сверху страницы, а затем брал в руки карандаш и ждал, пока тот не начнет выводить ответ. Почерк получался мелким и аккуратным, абсолютно непохожим на почерк самого Мозеса. В конце концов, у Мозеса скопилось двадцать четыре тома таких автоматических самопроизвольных рукописей. После его смерти они были переданы Майерсу, и тот поместил некоторые из них в своей работе, озаглавленной «Spirit Teachings» («Учения духов»). Вместе с книгой Аллена Кардеса «The Spirit's Book» («Книга духов») они представляют собой самые интересные образцы автоматического самопроизвольного писания в спиритической литературе.

Подобно Майерсу, Стэнтон Мозес склонялся к мысли, что все это писание — проделки его собственного подсознательного разума. Как-то он попросил «духа» — который оказался ему образованным и интеллигентным — процитировать первые строки «Энеиды» Вергилия. Призрак написал правильный ответ. Но тут Мозесу в голову пришла поразительная мысль — хотя он сам и не знал этих пресловутых первых строк, но, может быть, он подсознательно помнил их со школьной скамьи? Поэтому он попросил духа подойти к книжному шкафу, взять предпоследнюю книгу на второй полке и прочесть последний параграф на странице 94. Призрак выполнил его просьбу,

очевидно, не притрагиваясь к книге. Мозес и сам не имел понятия, что это была за книга, но призрак процитировал весь параграф дословно.

Все это, разумеется, можно объяснить гипотезой о «криптомнезии» — что когда-то Мозес прочитал этот параграф сам, и что его подсознательный разум смог вспомнить его дословно. Поэтому призрак, чтобы убедить его, выбрал книгу по собственному вкусу. Он продиктовал параграф о поэте Поупе, а потом сказал Мозесу, что тот найдет его на той же полке, в книге под названием «Поэзия, романы и риторика». Когда Мозес взял с полки книгу, она открылась на нужной странице.

«Учения духов» — книга, занимательная во всех отношениях, но, прежде всего тем, что она противоречит жизненному кредо и многим убеждениям Стэнтона Мозеса. Для христианского священника, которого воспитали в убеждении, что Иисус Христос — это и есть Господь Бог, было очень неприятно услышать, что Иисус — всего лишь великий учитель, один из многих, и что он сам опроверг бы много баек и рассказов, которые сочинили о нем люди. На следующий день после этого поразительного и поучительного общения Мозес принялся горячо критиковать «учения духов», называя их «глупыми и фривольными, если не злопыхательскими». Но «учителя» (коих насчитывалось сорок девять) твердо стояли на своем, пытаясь внушить Мозесу, что вся история человечества — это «последовательное обнаружение и признание одного и того же Бога» — другими словами, представление о том, что Иисус — единственный истинный сын Господа, является ни чем иным, как выдумкой человека.

Как и в «Книге духов» Кардеса, в «Учениях духов» Мозеса содержится утверждение, что существует великое множество злых духов, большинство из которых — это «привязанные к земле» духи людей, которые или не признают, что они мертвы, или не хотят уходить «куда-нибудь в другое место». Мозес делает интересное замечание о том, что казнь — никудышный способ борьбы с преступниками, поскольку при этом на волю выходит мстительный и смертельно опасный дух, который приложит все свои силы, чтобы навредить живущим; как и Кардес, книга «Чему учат духи» утверждает, что дух способен проникнуть в наш разум, и что мы часто подпадаем под его влияние, не отдавая себе в этом отчета.

Но, пожалуй, самое замечательное в «Учениях духов» — это то, что сам Мозес неоднозначно относился к своему выдающемуся творению. Он опубликовал отдельные отрывки из «Учений...» в журнале «Light» («Свет»), издаваемом Колледжем Психических наук, но намеренно не обнародовал самые острые фрагменты общения с духами — собственно говоря, существуют веские доказательства того, что он уничтожил одну из тетрадей, потому что в ней духи очень уж презрительно отзываются о нем самом. Более того, он пустился во все тяжкие, чтобы скрыть от широкой публики имена сорока девяти коммуникаторов, поскольку явно сознавал, что сделать их достоянием гласности — а среди них несколько человек являлись пророками Ветхого Завета, не говоря уже о Платоне и Аристотеле — значит, позволить людям предположить с полным на то основанием, что он — сумасшедший, или что духи разыгрывают почтенную публику. Имена коммуникаторов стали известны

только спустя полвека после смерти Моисея, благодаря исследователю, которого звали А. У. Третви.

Уильям Джеймс, еще один человек, оказавший огромное влияние на Фредерика Майерса, был сыном последователя Сведенборга. Несмотря на это — а, может быть, благодаря этому — поначалу он относился к спиритуализму с холодным равнодушием. Подобно Альфреду Расселу Уоллесу и Чарльзу Дарвину, Джеймс начал свою карьеру в качестве натуралиста. В составе экспедиции он отправился исследовать дебри верхней Амазонки, но слабое здоровье вынудило его возвратиться в Бостон. В Германии он изучал медицину и стал врачом. Как мыслитель, он терпеть не мог метафизиков, и разработал доктрину, получившую название «прагматизм», которая считается чем-то вроде предшественницы современного логического позитивизма. Если вкратце, то ее девиз звучит так: «Не имеет значения, во что вы верите, лишь бы это приносило пользу». (Джеймс сформулировал это так: «Мы имеем право на собственный страх и риск верить любой гипотезе, которая обладает достаточной жизненностью, чтобы искушать нашу волю».) Книга «Principles of Psychology» («Принципы психологии») принесла ему известность как психологу — он верил в то, что наши эмоции — это, в основе своей, физические ощущения (доктрина, получившая известность под именем теории эмоций Джеймса-Ланжа).

Легко можно вообразить, что такой прагматик, как Джеймс — именно он изобрел термин «крутой и неприемлимый» — вряд ли будет терпимо относиться к доктринам спиритуализма. В своей рецензии на книгу «Planchette»

(«Планшетка»), будучи еще студентом-медиком, Джеймс пожаловался, что «среди множества фактов (о паранормальных явлениях) мы не можем найти ни одного, который отличался бы эстетической красотой, интеллектуальной оригинальностью или материальной пользой».

Приехав в Англию в 1882 году, Джеймс встретился с Майерсом, Гурнеем и Подмором, и его поразили их прямота, цельность и искренность. Но там, где речь шла о паранормальном, он оставался скептиком. Но потом, в 1885 году, его теща Элиза Гиббенс услышала о выдающемся молодом медиуме Леоноре Пайпер, и отправилась посмотреть на нее. Миссис Пайпер впала в транс и начала рассказывать миссис Гиббенс всевозможные факты о членах семьи, называя почти всех по именам. Когда госпожа Гиббенс пересказала все это своей дочери и зятю, Джеймс, естественно, почувствовал себя заинтригованным. Его врожденный скептицизм нашептывал ему, что миссис Пайпер сподобилась на какие-то общие замечания, которые звучали правдиво. В качестве альтернативы можно было предположить, что она сумела прочитать мысли миссис Гиббенс. На следующий день свояченица Джеймса отправилась к миссис Пайпер, прихватив с собой письмо на итальянском. Миссис Пайпер прижала письмо ко лбу и выдала подробное описание его автора. Теперь Джеймс оказался заинтересованным настолько, что решил, наконец, повидать миссис Пайпер.

Миссис Пайпер обнаружила свои необычные психические возможности, когда попала на прием к бостонскому целителю по имени Дж. Р. Кок, и там впала в транс. Когда она пошла на прием к Коку в следующий раз, там оказались другие люди, среди которых присутствовал и некий судья Фрост. Стоило Коку возложить ладонь на лоб миссис Пай-

пер, как она снова впала в транс, подошла к столу, написала послание на листе бумаги, который вручила судье. Как оказалось, это было послание от его умершего сына, и судья назвал его «самым замечательным и необычным из всех, которые он когда-либо получал». Миссис Пайпер в одночасье стала местной знаменитостью.

Джеймс нанес ей визит вместе со своей супругой Алисой, будучи настроен исключительно критично. Джеймсы предприняли кое-какие меры, чтобы миссис Пайпер не смогла заранее узнать их фамилию и имена, или о том, что они были как-то связаны с ранее присутствовавшими «свидетелями». Миссис Пайпер вошла в транс, и ею завладел ее «контролер», француз, который называл себя «Финьи». К удивлению Джеймса, Финьи упомянул нескольких членов семьи, которых он уже описывал миссис Гиббенс, назвал отца Алисы «Джиблином», а также заговорил о ребенке, которого Джеймсы потеряли в прошлом году. Малыша звали Германом; Финьи же назвал его «Геррин» — то есть более или менее похоже.

Джеймс удалился озадаченным; или же миссис Пайпер знала членов его семьи в лицо, и «по какому-то счастливому стечению обстоятельств» узнала некоторые интимные подробности их жизни, или же она обладала некоторыми сверхнормальными способностями. Он продолжал посещать миссис Пайпер, и, наблюдая за нею в течение долгого времени, пришел к выводу, что она не занимается мошенничеством. Но вот были ли настоящими духи? Джеймс чувствовал, что ему будет «трудно примирить» теорию о «контролере» духов с теми банальностями, которыми обычно ограничивалось общение с ними. Кроме того, Финьи — утверждавший, что он француз — обладал всего лишь элементарными

познаниями во французском. Самая правдоподобная гипотеза на этот счет, заключил Джеймс, состояла в том, что Финьи являлся какой-то частью личности миссис Пайпер — другими словами, миссис Пайпер была «раздвоенной личностью», подобно Луи Виве. Но даже эта теория не помогла понять, каким образом Финьи смог получить столь точную информацию. Джеймс направлял к ней всех своих друзей одного за другим — под вымышленными именами, — и миссис Пайпер продолжала регулярно сообщать им сведения об их умерших родственниках.

Джеймс дал себя убедить. Позднее он сказал: «Если вы хотите опровергнуть закон, который говорит, что все вороны — черные, вы не должны пытаться доказать, будто ворон нет вовсе; будет достаточно, если вы сумеете доказать, что хотя бы одна ворона — белая». Это было одно из самых разумных замечаний, когда-либо сделанных по поводу спиритуализма; «вороной», которую имел в виду Джеймс, была Леонора Пайпер.

В 1885 году в Филадельфии профессор Уильям Баррет основал американский филиал Общества исследований в области психики. Лондонское Общество направило к нему одного из самых многообещающих молодых исследователей, Ричарда Ходжсона, упрямого и настойчивого молодого человека, который успел побывать в Индии, где встретился с мадам Блаватской и решил, что она — мошенница. Ходжсон незамедлительно встретился с миссис Пайпер, и был потрясен, когда она заговорила о девушке по имени Джесси, с которой Ходжсон был помолвлен в Австралии. Джесси умерла, пока Ходжсон находился за границей. Но что убедило Ходжсона сильнее подробного описания Джесси, сделанного Финьи, так это упоминание

о беседе, о которой не знал никто, кроме самого Ходжсона. Ходжсон, который до сих пор относился скептически к психическим феноменам, не сомневался в том, что миссис Пайпер не лгала. Он уговорил ее поставить свои способности на службу Обществу исследований в области психики — за двести фунтов стерлингов в год (800 долларов США), — и в 1889 году она прибыла в Англию. Ходжсон пошел даже на то, что поручил ее охрану частному детективному агентству, надеясь установить, не было ли у нее какой-либо частной сети для сбора информации. Майерс, Лодж и Сиджвик подвергли ее обширным испытаниям и пришли к выводу, что, какова бы ни была природа ее способностей, они были настоящими. Но при этом они вполне могли основываться на телепатии.

В конце концов, Ходжсона убедил случай с молодым человеком по имени Джордж Пелью, который был убит осенью 1892 года. Ходжсон, будучи лично знаком с Пелью, взял еще одного старого друга Пелью с собой на сиделки у миссис Пайпер. Финьи мгновенно узнал друга Пелью — или, точнее, «дух» Пелью узнал его, и назвал его настоящее имя. Этот друг вынул из своего рукава запонку и передал ее Финьи. Джордж Пелье (через Финьи) сразу же произнес: «Это моя. Мама дала ее тебе». Друг отрицал это, но впоследствии оказалось, что дух был прав. Мачеха Пелью действительно сняла запонки с тела, и когда этот друг попросил себе что-нибудь на память, именно она предложила послать их ему. Итак, это был факт, узнать который с помощью телепатии миссис Пайпер не могла.

Финьи продолжал повествовать о супружеской чете по имени Джеймс и Мэри Хауард, с которыми Пелью какое-то время жил в Нью-Йорке. Друг знал Хауардов толь-

ко понаслышке, а Ходжсон и вовсе не был с ним знаком; но Пелью все говорил и говорил об их дочери Кэтрин, и даже отправил ей послание: «Расскажите ей, она поймет. Я решу все проблемы, Кэтрин». Ни другу, ни Ходжсону это ни о чем не говорило. Но когда на другой день об этом рассказали Джеймсу Хауарду, у того не возникло ни малейших сомнений в том, что это послание исходило от Пелью, который часто вел долгие разговоры о времени, космосе и вечности с Кэтрин Хауард, и часто приговаривал при этом: «Я решу все проблемы, Кэтрин», пока был жив.

Госпоже Пайпер наконец-то удалось убедить Майерса и Ходжсона, что сообщения действительно исходили от духов, но Джеймса не покидало ощущение, что теория о «подсознательном разуме» Майерса была все-таки ничуть не хуже любой другой. Прошло целых четырнадцать лет, прежде чем он согласился признать, что подсознательным разумом не бьяснить все феномены. В декабре 1905 года Ходжсон играл в гандбол в одном из клубов Бостона, и во время игры потерял сознание и умер. В ту ночь миссис Пайпер приснился сон, что она пытается войти в темный тоннель, а бородатый мужчина, похожий на Ходжсона, не пускает ее туда; на следующее утро она узнала о его смерти. Восемь дней спустя, когда она держала в руках карандаш, ее рука внезапно вывела «Ходжсон». Начиная с этого момента, Ходжсон начал передавать свои послания через миссис Пайпер. Уильям Джеймс с сыном пришли однажды на сеанс, и Джеймс вынужден был признать, что они действительно имеют дело с личностью Ходжсона. Но, хотя ему пришлось согласиться с этим, все-таки он не был готов признать, что дух Ходжсона каким-то образом пережил его смерть. Он предположил, что столкнулся с неким «ос-

таточным изображением» Ходжсона, чем-то типа киноленты или граммофонной записи. Чего Джеймс не мог объяснить, так это каким образом кинолента или граммофонная запись могут отвечать на вопросы о жизни Ходжсона, и отвечать так, чтобы присутствующие убедились, что они действительно «разговаривают» с самим Ходжсоном. Джеймс умрет в 1910 году, и сумеет убедить профессора Гислопа в том, что он продолжает жить после собственной смерти, отправив зашифрованное сообщение о красной пижаме посредством медиума, который до этого никогда не слышал ни о Джеймсе, ни о Гислопе (см. предыдущую главу).

Книга «Human personality and Its Survival of Bodily Death» завершается рассказом о миссис Пайпер; совершенно очевидно, что и для Майерса, и для Джеймса она была той самой «белой вороной». Майерс не дожил до того дня, когда его шедевр вышел из печати; здоровье его начало катастрофически быстро ухудшаться после неприятной истории с Адой Гудрич-Фриер. (Мисс Гудрич-Фриер злобно обронила, что люди, которые становились у нее на пути, часто плохо кончали). Когда, наконец, книга вышла в свет, через два года после смерти Майерса, Уильям Джеймс написал на нее пространную рецензию, и общий тон ее нельзя назвать чрезмерно оптимистичным: «Данную работу, несмотря на все ее слабости, я полагаю шедевром координации и унификации. Обширному арсеналу «случаев»... может позавидовать самый эрудированный натуралист или историк...» Оглядываясь назад, Джеймс кажется нам более чем сдержанным. Совершенно очевидно, что книга не лишена недостатков, которые Майерс, без сомнения, устранил бы, если бы знал о них. Например, он

ссылается на эксперименты Ады Гудрич-Фриер с хрустальным шаром, а мы с вами уже достаточно знаем об этой даме, чтобы с подозрением относиться к любым ее утверждениям. Не знал Майерс и о том, что его секретарь, Джордж Альберт Смит, проработавший с ним много лет, — гипнотизер, который демонстрировал наличие девяти различных уровней памяти (сознания) в трансе — будет обвинен в мошенничестве во время одного из своих экспериментов в Брайтоне с молодым человеком по имени Дуглас Блэкберн. (Разумеется, Смиту не было никакого резона заниматься надувательством после того, как он начал работать на Майерса, и даже самые суровые его критики признают, что он был настоящим гипнотизером. Но, увы, даже легчайший намек на мошенничество обесценивает для науки все полученные от него свидетельства). А теперь, сказав то, что мы только что сказали, следует признать, что «Human Personality...» превосходит все другие работы по исследованиям в области психики так же, как, например, картина кисти Рембрандта превосходит трактирную вывеску.

Что же касается «белой вороны» Леоноры Пайпер, то один вопрос здесь остается без ответа. Если Финьи не был урожденным французом, то кто же он, в таком случае? Элеонора Сиджвик занималась изучением этой проблемы двадцать три года, прежде чем в 1915 году объявила о своих умозаключениях: Финьи, по ее мнению, представлял собой фрагмент личности миссис Пайпер — раздвоенной, или множественной личности, подобно второму «я» Салли у Клары Фаулер. Последующие исследования, в которых участвовали медиумы — такие, как миссис Осборн Леонард и Эйлин Гарретт — практически не оставили сомнений в пра-

9*

вильности сделанных выводов. В 1935 году исследователь Уотли Кэрингтон подверг миссис Леонард тестированию на слово-ассоциацию — он произносил какое-нибудь слово и ждал, пока она в ответ назовет другое слово, которое у нее ассоциировалось с тем, которое назвал он. Ему принадлежит интересное открытие. Оказывается, к миссис Леонард и ее оператору, Феде, можно было применить принцип зеркального отображения. Например, когда миссис Леонард медлила назвать нужное слово, Феда реагировала очень быстро, и наоборот. Та же самая картина обнаружилась и у миссис Гарретт с ее оператором, Увани. Простым совпадением это быть уже не могло. Едва только начались исследования феномена множественной личности, ученые обратили внимание, что пациент и его второе «я» обладают диаметрально противоположными качествами. В 1811 году девушка по имени Мэри Рейнолдс, которая жила в Пенсильвании, погрузилась в глубокий сон, длившийся двадцать часов. Проснувшись она совершенно другим человеком. Настоящая Мэри была скучной, боязливой, зажатой особой, которая, к тому же, страдала депрессией. Новая «Мэри» искрилась весельем и отличалась живостью, если не сказать, безответственностью и ветреностью характера. В течение примерно двадцати лет или около того обе «Мэри» чередовались друг с другом, а затем произошло их медленное и постепенное слияние, в результате чего возникла более гармоничная личность. Складывалось ощущение, что личность Мэри была составлена из деталей детского конструктора, причем для Мэри № 1 использовался один набор, а для Мэри № 2 — другой. У пациента Дженет Леони — той, на которую гипнотизер мог воздействовать с расстояния в полмили — наблюдался тот же самый зеркальный эффект в отношении ее

второго «я». Это самое второе «я» (альтер эго) начисто отрицало, что она и есть Леони, утверждая, что Леони — набитая дура. Леди Уна Траубридж, опубликовавшая отчет об обследовании Леони в 1922 году, отметила, что Феда относилась к медиуму с нескрываемым презрением.

Если Финьи, Феда, Увани и другие — просто фрагменты личности медиума, то разве можно воспринимать их серьезно? Разгадка может таиться в деле Луи Виве, чье второе «я» было очевидным порождением правого полушария его головного мозга. Мы с вами знаем, что правое полушарие мозга — это как раз то, что Томсон Джей Хадсон именовал «субъективным «я», а Майерс — «подсознательным разумом». Если они правы, то правое полушарие является источником паранормальных способностей, или, по меньшей мере, выступает в роли приемника и усилителя. Во время гипнотического воздействия левое полушарие «засыпает», и правое полушарие получает возможность реализовать свои способности без раздражающего контроля и критики со стороны своей левой половины. Уоллес и Барретт заинтересовались паранормальными явлениями, потому что обнаружили загипнотизированных субъектов, способных разделять свои собственные ощущения — то есть тех людей, у которых правое полушарие было способно телепатически «подхватывать» их ощущения. Если эта теория верна, то Феда и все остальные — сущности правого полушария, способные принимать послания от духов.

Этим можно объяснить и их неудачи. После Финьи миссис Пайпер подпала под влияние целой группы духов, утверждавших, что они — те же самые духи, которые работали со Стэнтоном Мозесом. Но когда их попросили назвать свои имена — которые они тайно сообщили Стэн-

тону Моисею, — миссис Пайпер дала неправильные ответы. Один их психологов — некто Стэнли Холл — выдумал себе племянницу, которую якобы звали Бесси Билз, и обратился к «оператору» миссис Леонард с просьбой вступить с ней в контакт. Оператор повиновался, и вымышленная Бесси Билз передала целую кучу посланий. Правое полушарие — или субъективное «я» — очень легко поддается внушению; оно способно вообразить духа с такой же легкостью, с какой загипнотизированный человек поддается иллюзии, что кто-то сидит на пустом стуле. Тот факт, что Финьи обладал очень точной подробной информацией о Джордже Пелью, включая даже сведения, неизвестные присутствующим «сиделкам», служит убедительным доказательством того, что он был настоящим духом, который использовал правое полушарие миссис Пайпер в качестве телефонной линии.

Мы еще не закончили с Майерсом. Собственно говоря, не будет преувеличением сказать, что та роль, которую Майерс сыграл после своей смерти — или которую сыграл некто, назвавшийся его именем — едва ли не намного важнее роли, которую он играл при жизни.

Майерс часто говорил, что одним из немногих способов, с помощью которого коммуникаторы могли убедительно доказать, что они являются духами умерших людей, будет дать разрозненные фрагменты информации нескольким медиумам, так что она будет иметь смысл только в том случае, если ее собрать воедино. Это полностью исключило бы телепатию, криптомнезию и шуточки правого полушария. Так что если мы должны были поверить в истинность этих знаменитых случаев обще-

ния, получивших известность под названием «Перекрестное послание», то именно это и случилось.

Майерс умер 17 января 1901 года. За несколько лет до своей смерти он вручил Оливеру Лоджу запечатанный конверт; его следовало вскрыть только в том случае, если дух, который будет выдавать себя за Майерса, заявит, что сможет повторить его посмертное послание.

В Кембридже двумя самыми близкими друзьями Майерса были доктор Артур Верралл, преподаватель античной литературы, и его жена Маргарет, тоже преподаватель античности, но только в Ньюхэмском колледже. После смерти Майерса Маргарет Верралл решила попробовать себя в автоматическом писании, чтобы попытаться установить контакт с Майерсом. По натуре своей она была скептиком-рационалистом, но решила, что ничего не потеряет, если сделает такую попытку. Вскоре рука ее уже скользила по листу бумаги, но предложения получались разрозненными и бессмысленными. Наконец, в один прекрасный день, пришло послание на плохонькой латыни, подписанное «Майерс». Начиная с этого момента, сообщения пошли потоком. В одном из них содержалось следующее утверждение: «Запечатанный конверт, который Майерс оставил у Лоджа... В нем есть слова из «Пира» о том, что любовь побеждает расстояние». Сообщение было поспешно передано Лоджу, который вскрыл конверт. К его разочарованию, в нем не было ничего из Платона. Там было сказано: «Если только я когда-нибудь смогу вернуться на землю, я выберу долину Вэлли в окрестностях Холстедса, в Кумберленде». Потом кто-то вспомнил, что Майерс действительно ссылался на «Пир» — диалог Платона о любви — в напечатанной частным образом книге, озаг-

лавленной «Fragments of Inner Life» («Отрывки из внутренней жизни»). Она была написана в знак поминовения Анни Маршалл, супруги двоюродного брата Майерса Уолтера, в которую Майерс был влюблен. Анни совершила самоубийство, утопившись в реке Улсуотер, и жила в Холлстедсе, в Кумберленде. Так что связь между запечатанным посланием и «Пиром» Платона все-таки была.

Вскоре после этого Ричард Ходжсон присутствовал на спиритическом сеансе, миссис Пайпер в Бостоне, и там он предложил, чтобы оператор миссис Пайпер — теперь это был дух по имени Ректор — попытался явиться дочери Маргарет Веррал Хелен, держа копье. (Хелен Веррал была одаренным медиумом). Ректор не расслышал его слов и переспросил: «А почему шар?» (по-английски «копье» и «шар, сфера» звучат похоже). Ходжсон поправил его, и Ректор согласился провести эксперимент на следующей неделе. Через три дня Маргарет Веррал получила послание, в котором содержались греческое слово «sphairos» («шар») и латинское «volatile ferrum» («летающее железо»), то есть описание копья по Вергилию. На следующий раз, когда Ходжсон сел рядом с миссис Пайпер, Ректор сказал, что он выполнил пожелание и показал миссис Веррал «сферу».

Прежде чем мы пойдем дальше, следует признать, что большая часть «свидетельств» в «Перекрестных посланиях» столь же туманна и двусмысленна, как и это. Они никогда не были опубликованы полностью, а если бы кто-то захотел это сделать, то получилось бы несколько толстых томов. Без сомнения, они представляют собой самое убедительное доказательство жизни после смерти, которое когда-либо было получено медиумами, но одновременно

и самое скучное и утомительное. Скептик может спросить: почему Майерс, стремящийся доказать, что он «жив после смерти», не сказал миссис Верралл, что его запечатанное послание имеет отношение к Холлстедсу в Кумберленде, а вместо этого запутал всех, упоминая «Пир» Платона? Более того: если он хотел установить контакт между миссис Пайпер и Маргарет Верралл, почему он не написал на простом и понятном английском языке: «Ходжсон попросил меня показать вам копье»? Один из возможных ответов может содержаться в заявлении, сделанном Майерсом в одном из своих письменных посланий.

«Самое близкое сравнение, которое я могу найти, чтобы выразить, с какими трудностями сопряжена отправка сообщения, это как будто я стою перед матовым стеклом, которое рассеивает свет и приглушает звуки, и при этом что-то диктую ленивой и бестолковой секретарше».

Стэнтону Мозесу тоже говорили, что духи, которые пишут послания, являются кем-то вроде секретарей или личных помощников:

«Умы, способные практиковать... непосредственное писание... чрезвычайно редки. Чаще всего собственное начертание послания выполняет тот, кто привычен выражать его таким образом, и кто выступает... в роли личного секретаря духа, который желает поддерживать общение. Зачастую в этом участвуют несколько духов...»

Как-то, не в силах справиться с охватившим его раздражением, Уильям Джеймс предложил иное объяснение причудам духов:

«Признаюсь, что временами меня охватывает искушение поверить, что Создатель намеревался навсегда оставить загадкой эту область природы, дабы пробудить наши любопытство, надежды и подозрение в равной мере. Ибо, хотя призраки и ясновидящие, стук и послания от духов... никогда не будут полностью объяснены, они также никогда не будут и подтверждены».

Похоже на то, что духи получили указ представить достаточно доказательств, чтобы убедить тех, кто хочет убедиться, но их должно быть недостаточно для посрамления скептиков. Эта мысль — которую можно назвать законом Джеймса — приходила, должно быть, в голову любому человеку, который интересовался паранормальными явлениями. Доказательств много, они убедительны, но место для сомнения все-таки остается всегда.

А теперь следует признать, что некоторые доказательства, полученные при Перекрестном послании, и в самом деле чрезвычайно убедительны. Еще в самом начале миссис Верралл получила указание: «Собирайте крохи, и они образуют целое». Вскоре после этого сестра Редьярда Киплинга, Алиса Флеминг (проживавшая в Индии), решила попробовать себя в автоматическом писании, и быстро получила сообщение, гласившее: «Моя дорогая миссис Верралл (складывается впечатление, что Майерс перепутал своих «секретарей»), я с нетерпением жду случая поговорить с одним из моих старых друзей — мисс Джей — и с А. У.». Имеется в виду Алиса Джонсон, секретарь Общества исследований в области психики, и Артур У. Верралл, супруг миссис Верралл. Далее в послании приводилось описание Артура Веррала, и в заключение говорилось:

«Отправьте это миссис Верралл, улица Селвин Гарденс, 5, Кембридж». Это действительно был адрес миссис Верралл, но Алиса Флеминг не могла его знать. Ей было известно, как зовут миссис Верралл — она ведь прочла «Человеческую личность...» Майерса, — но не более того; она никогда не бывала в Кембридже. Миссис Флеминг должным образом снеслась с Маргарет Верралл по улице Селвин Гарденс, 5, и стала еще одним из целой группы медиумов, которые записали Перекрестное послание. (Она называла себя миссис Холланд, поскольку ее семья не одобряла исследований в области психики). Большинство из посланий Алисы Флеминг, полученных ею на ранней стадии, были подписаны буквой «Ф» — подписью, которой частенько пользовался Майерс.

В следующий раз Алиса Флеминг получила подробное описание комнаты. Впоследствии было установлено, что это детальное описание гостиной Маргарет Верралл. Была допущена единственная неточность; в описании говорилось, что в углу стоит бюст. Когда миссис Верралл упомянула об этом в разговоре с одним из знакомых, тот заметил: «Но ведь у вас на самом деле есть бюст в углу комнаты?» У миссис Верралл и вправду было нечто вроде фильтра, который очень походил — в темном углу — на бюст, стоящий на пьедестале.

Впоследствии в игру включились другие коммуникаторы, назвавшие себя Генри Сиджвиком и Эдмундом Гурнеем, но головоломка оставалась исключительно запутанной. Одна из «свидетельниц-сиделок» миссис Пайпер спросила Майерса, не мог бы он, чтобы обозначить попытку передать Перекрестное послание, нарисовать в круге треугольник. Неделию спустя Маргарет Верралл получила сообщение,

которое оканчивалось треугольником в кругу, а рядом был нарисован треугольник в полукруте. Через два месяца после этого Майерс заговорил устами миссис Пайпер и подтвердил, что он передал миссис Веррал круг и попытался нарисовать треугольник, «но тот не получился». Здесь мы столкнулись с типичными недоразумениями, вызванными «дымчатым стеклом и душой-секретаршей».

Но даже в этом случае не обошлось без осложнений. Сразу же после того, как Майерсу было сделано предложение нарисовать треугольник в круге, миссис Веррал начертала послание, которое начиналось словами: «Лучше нарисовать анаграмму. Скажите ему, что — крысы, звезда, смола и так далее... или опять слезы, пусть смотрит». Через пять дней послание, которое записывала миссис Веррал, началось с анаграммы: «астра» («звезда» по-латыни) и «терас» («чудо» по-гречески). В нем также говорилось о надежде, и цитировался Браунинг. Две недели спустя записанное миссис Пайпер послание гласило: «Я снова цитирую Браунинга. Я обращаюсь к Надежде и Браунингу... Я также сказал «звезда». Через неделю после этого Хелен Веррал (дочь) приняла сообщение, которое открывалось рисунком звезды, и в котором содержалась ссылка на «Крысолова из Гамельна» Браунинга. Но большинству читателей простительно испытывать при этом чувство, что столь изощренная головоломка не располагает к поиску решения.

В 1908 году к группе присоединился еще один медиум-любитель. Это была Уинифред Кумб-Тенант, которая приходилась родственницей Майерсу со стороны жены (супруга Майерса была сестрой мужа миссис Кумб-Теннант). Она начала получать послания, подписанные Майерсом

и Гурнеем. Затем, в 1909 году, принятая запись объяснила, что Майерс и Гурней затеяли новый эксперимент — попытаться сделать так, чтобы слова непосредственно попадали в мозг миссис Кумб-Теннант. Вскоре она не только улавливала слова, возникавшие у нее в мозгу, но и получала ясное представление о личностях, эти слова отправлявших. Она мгновенно чувствовала, кто это был — Майерс или Гурней. Беседовали они с помощью телепатии. В самый первый раз голос Майерса — в ее голове — спросил: «Слышите ли вы то, что я вам говорю?» Она мысленно ответила: «Да». Письменные послания продолжали поступать, и часто в них встречались слова, которые она «слышала». Как-то Майерс попросил ее пригласить сэра Оливера Лоджа на один из ее сеансов автоматического писания. Миссис Кумб-Теннант сначала воспротивилась этому, но потом сдалась. Позже Гурней попросил, чтобы пришел и Г.У.Бальфур — тот был его другом, и хорошо разбирался в философии. Результат оказался утомительным для миссис Кумб-Теннант. Ей приходилось сидеть долгими часами, выступая в роли «секретаря» в беседах на философские темы, которые она не понимала. После того как Бальфур выступил с лекцией в Кембридже, «Сиджвик» затеял с ним дискуссию о взаимоотношениях разума и тела, эпифеноменализме, и интеракционизме. Хотя миссис Кумб-Теннант (предпочитавшая, чтобы ее называли миссис Вилье) была образованной женщиной, она не понимала смысла этого разговора, и в какой-то момент, когда Сиджвик попытался вложить ей в голову слова, не выдержала и вспыхнула: «Не могу понять, для чего люди рассуждают о таких глупых вещах!» Ее раздражение было более убедительно, чем целый ворох различных подтверждений.

В целом, Перекрестные послания и записи Вилье принадлежат к самым убедительным из существующих доказательств возможности жизни после смерти. Для любого человека, готового провести несколько недель за их изучением, они станут несомненным и убедительным доказательством того, что Майерс, Гурней и Сиджвик продолжали общаться и после своей смерти. Проблема же заключается в следующем: почему они не согласились с каким-либо прямолинейным предложением — например, нарисовать треугольник в круге — чтобы стать проще, и, тем самым, более убедительными для скептиков? Ответ заключается в том, что — если мы примем закон Джеймса — в их планы не входило затевать полномасштабные дискуссии. Разумеется, этот ответ из разряда тех, что заставляют скептиков презрительно пожимать плечами.

Непостоянство не принадлежало к числу пороков «Майерса». В ноябре 1924 года ирландский медиум Джеральдина Камминс была приглашена на чай к отставному капитану и его супруге. Приглашение получила и ее подруга, мисс Е. Б. Джиббс. Джеральдина Камминс, дочь профессора Эшли Камминса, впервые попробовала автоматическое писание год назад и обнаружила, что она является медиумом от природы. Капитан со своей супругой надеялись установить контакт со своими друзьями посредством доски для предсказаний (ouija board)¹; если положить пальцы на край блюдечка, то оно может передвигаться от буквы к

¹ Доска называется так от французского «oui» («да») и немецкого «ja» («да»), и состоит из блюдечка на гладкой поверхности в окружении букв алфавита.

букве, образуя слова. В тот день доска быстро набрала имя «Фредерик Майерс» и спросила: «Знаете ли вы моих друзей?» Когда ее спросили, о каких друзьях идет речь, она назвала Барретта и Бальфура. Потом он (Майерс) объяснил, что хочет отправить им «перекрестное послание». Капитан с супругой были несколько разочарованы тем, что вместо их друзей с ними разговаривает Майерс, так что на этом сеанс и закончился. Но Майерс продолжал поддерживать с ними связь, и спустя неделю вновь заявил о своем присутствии на очередном сеансе автоматического писания у мисс Камминс. Когда его спросили, с какими трудностями он сталкивается при общении, он ответил, что их метод заключается в том, чтобы «произвести впечатление» своим посланием на «внутренний разум» медиума, а уже потом внутренний разум переправит его в мозг. «Мозг — это просто механизм. Внутренний разум похож на мягкий воск, он воспринимает наши мысли... но он должен образовывать слова, чтобы одеть их. Именно поэтому перекрестное послание столь трудно отправить». Теперь понятно, почему смысл Перекрестных посланий зачастую столь туманен.

Майерс вскоре объявил об интересном проекте — попытке установить контакт через оператора миссис Леонард, Феду, сразу же после общения посредством Джеральдины Камминс. Он предложил, чтобы темой послания стала телепатия и взгляды его друга лорда Бальфура. Мисс Джиббс заметила, что вряд ли это разумно, поскольку недавно она побывала на встрече, на которой Бальфур говорил о телепатии, и о встрече сообщалось в прессе. Так что можно было возразить, что медиум уже думала «на заданную тему». Майерс согласился и зая-

вил, что, в таком случае, он будет говорить о книге, которую он намеревался написать незадолго до своей смерти, книге, в которой он собирался выразить свою убежденность, что возможность продолжения жизни после смерти доказана окончательно и бесповоротно.

На следующий день мисс Джиббс поспешила увидеться с миссис Осборн Леонард, но при этом постаралась не обмолвиться об истинной цели своего визита. Феда сказала, что сразу несколько духов желают пообщаться. Мисс Джиббс ответила, что у нее на примете есть кое-кто особенный — очень важный мужчина. При этом Феда объявила, что здесь присутствует пожилой мужчина. Все попытки прочесть его имя оставили у нее впечатление заглавной буквы «М». Этот мужчина, по ее словам, знакомил ее с поэзией, которая была одним из главных его интересов: «Он очень хорошо понимал поэтов древности — особенно Вергилия». После чего она обронила важное замечание: «Он придет на встречу с вами». Вскоре после этого она объявила имя мужчины: «Фред — я все время читаю его имя как «Фред». (Близкие друзья называли Майерса «Фредом»). Она добавила, что вчера мисс Джиббс имела контакт с Фредом.

В следующий раз, когда Майерс появился во время сеанса с Джеральдиной Камминс, он извинился за опоздание, объяснив, что у него возникли проблемы с Федой, которая отличалась чрезвычайной «живостью» (он явно подразумевал ветреность и несерьезность), и что в тот момент в комнате витало слишком много посторонних мыслей. Когда мисс Джиббс заметила ему, что он «пришел» очень вовремя, «Майерс» ответил: «Отлично, вы приятно удивили меня». Все равно, ответил он, у него

сложилось впечатление, что сеанс оказался неудачным. При этом он хотел сообщить, что намеревался написать книгу с разъяснением своей твердой веры в продолжение жизни после смерти. Но Феда просто не поняла, что он хотел сказать. У мисс Джиббс сложилось впечатление, что, несмотря на всю эту путаницу, попытка передать сообщение через двух медиумов в разные дни все-таки оказалась исключительно успешной. С ней трудно не согласиться. Эти сеансы также важны и потому, что дают нам представление о тех раздражающих проблемах, с которыми сталкиваются духи при попытке установить контакт с живыми людьми. Примерно так человек пытается докричаться сквозь шум и треск на телефонной линии, когда в разговор постоянно вклиниваются посторонние абоненты (с «перекрестных» линий).

Книги, которые были созданы на основе подобного общения — «The Road to Immortality» («Путь к бессмертию») и «Beyond Human Personality» («За пределами человеческой личности») — на одних читателей произвели впечатление подлинного откровения, а на других — откровенной ерунды. Вот типичный ее прием:

«...Смысл существования можно выразить одной фразой — эволюция разума в материи, которая различается по степени и типу, так что разум развивается через свое проявление, и в бесконечно расширяющейся вселенной бесконечно усиливается, познавая, таким образом, действительный смысл бытия».

Это очень похоже на пустую болтовню, которую с умным видом вещает фальшивый мессия. Однако, при внимательном рассмотрении оказывается, что она не просто

имеет смысл, но смысл очень важный. Представление о том, что разум пытается «встроить» себя в материю, является общим для всех форм эволюционного витализма, от Гегеля до Шоу. При этом провозглашается, что материя изменяется по степеням, уровням и типам — предполагая, что она может быть твердой либо вообще недоступной нашему восприятию. (В других своих откровениях Майерс утверждает, что все зависит от частоты вибрации — взгляд, который разделяют большинство современных нам физиков). Разум развивается в процессе встраивания себя в материю, и медленно набирается могущества и глубинного осознания бытия. Если мы посмотрим на это утверждение еще раз, то увидим, что первоначальное впечатление расплывчатости и туманности изложения вызвано отсутствием пунктуации и прерывания, что придает ему некоторую двусмысленность. По мнению Майерса, дух, вступающий в контакт с живыми людьми, вынужден использовать для этой цели интеллектуальный аппарат медиума (и, предположительно, его/ее словарный запас). Вероятно, именно по этой причине после получения и прочтения переданных духами посланий у нас складывается впечатление, что мы имеем дело со слабоумными. (Майерс, кстати, одним из первых признает, что многие духи действительно слабоумные).

Дискуссию о том, что именно нам передается, следует отложить на потом. Пока же вопрос заключается в следующем: можно ли считать такие послания действительно исходящими от умерших? По здравому размышлению, ответ должен быть утвердительным. Если Джеральдина Камминс и Е. Б. Джиббс говорят правду относительно обстоятельств получения таких посланий,

то с большой долей вероятности можно предположить, что тот же самый дух пытался говорить устами мисс Камминс и миссис Леонард.

После прочтения следующей книги «рукописей» Джеральдины Камминс, «Swan on a Black Sea» («Лебедь в черном море»), чувство того, что мы имеем дело с подлинным явлением, только усиливается. Автор утверждает, что в книге приводятся сообщения, якобы исходящие от «миссис Вилье» — Уинифред Кумб-Теннант, автора автоматически записанных посланий, которая научилась «слышать» Майерса и Гурнея непосредственно. Она умерла в 1956 году, в возрасте восьмидесяти одного года, до самого конца сохранив в тайне свой псевдоним «Вилье». Год спустя Уильям Солтер, президент Общества исследований в области психики, попросил Джеральдину Камминс вступить в контакт с матерью майора Генри Кумб-Теннанта. Джеральдина Камминс не имела ни малейшего понятия о том, кто такая миссис Кумб-Теннант. 28 августа 1957 года «Астор», оператор Джеральдины Камминс, выразила гневный протест против поставленной перед ней трудной задачи — вступить в контакт с матерью человека, о котором она никогда не слышала. Но из письма Солтера она узнала, что «ей следует попытаться, сохранив при этом тайну». После чего она заявила, что к ней обратилась хрупкая пожилая женщина, которой уже перевалило за восемьдесят. Когда ее спросили, как зовут эту леди, Астор ответила: «Уин или Вин». Начиная с этого момента, на передний план вышла Уинифред Кумб-Теннант, которая поделилась просто невероятными личными воспоминаниями, содержащими подлинные сведения о жизни миссис Кумб-Теннант. Это также один из самых личных документов, когда-либо

продиктованных и полученных непосредственно от духов. Даже если Джеральдина Камминс была мошенницей, то просто невероятно, чтобы она сумела обнаружить столь интимные подробности жизни женщины, с которой она никогда не встречалась. Единственным альтернативным объяснением может служить то, что Джеральдина Камминс подделала «рукопись» вместе с детьми миссис Кумб-Теннант, что кажется маловероятным.

И снова мы возвращаемся к главному противоречию в вопросе о жизни после смерти. «Swan on a Black Sea» — это, вероятно, самое убедительное доказательство реальности жизни после смерти, запечатленное на бумаге. Но, как ни странно, при этом книга, в сущности, не говорит ничего действительно важного. Для послания с «той стороны», таинственного обиталища всезнающих мертвецов, она поразительно банальна, как может быть банален разговор, услышанный ненароком на распродаже подержанных вещей на благотворительном базаре в ратуше. Она никоим образом не обратит скептика в адепта спиритуализма, потому что ни один скептик не даст себе труд прочесть ее. Итак, мы снова сталкиваемся с законом Джеймса, этим приводящим в недоумение правилом, согласно которому доказательства существования жизни после смерти всегда будут достаточно убедительными для обращенных или верующих, но никогда не станут таковыми для сомневающихся.

Глава шестая

Доктор Штайнер и проблема реинкарнации

Вечером 22 августа 1890 года, стройный и опрятный молодой человек появился на пороге библиотеки Общества теософии на Кайзер-Фридрихштрассе в Берлине, и представился доктором Рудольфом Штайнером. Графиня Брокдорф, бывшая в то время секретарем Лоджа, без особого любопытства подняла на него глаза. Рудольфу Штайнеру вот-вот должно было исполниться сорок, и в его речи слышался акцент необразованного крестьянина из нижней Австрии. Пенсне со шнурком придавали ему вид рассеянного школьного учителя. Улыбка у него была дружелюбной, но застенчивой. Графиня знала, что из-под его пера вышли книги о Гете, и что он читал лекции по истории и политике в Ассоциации образования рабочих. В тот вечер ему предстояла лекция о Ницше — не совсем подходящая тема для теософов, которые считали, что вся мудрость пришла к нам из древней Индии, тогда как Ницше, помимо всего прочего, был атеистом и бунтарем.

Когда доктор Штайнер начал свою лекцию, опасения графини как будто бы подтвердились. Голос его звучал усыпительно-монотонно, предложения казались абстрактными и сложными. Его собственное отношение к Ницше тоже оказалось достаточно странным. Доктор Штайнер явно верил, что в основе мироздания лежит духовная реальность, а Ницше — нет. С какой же целью, ради всех святых, затеял доктор Штайнер свою лекцию? Но, когда вы немного привыкали к скучноватой манере лектора, нечто в нем подкупало вас. Глаза его искрились дружеским, и, казалось, он поверял свою душу и самые сокровенные свои мысли аудитории. После лекции, отвечая на вопросы, Штайнер рассказал и о своей поездке в Веймар, к Ницше. Философ уже страдал слабоумием — он умер всего лишь через три дня после лекции Штайнера — и Штайнер описывал его красивый лоб и спокойные глаза, глядящие в пустоту. Внезапно Штайнеру показалось, что он разглядел настоящего Ницше, как будто душа его воспарила над головой.

Прощаясь, графиня поинтересовалась у Штайнера, не имел ли он в виду, что в буквальном смысле видел душу Ницше реявшей над головой философа. К ее удивлению, Штайнер ответил: «Глазами духа я увидел астральное тело Ницше, прижавшееся к его физическому телу». «Вы видели это?» — переспросила она. Он улыбнулся ей: «Да, но не в буквальном смысле». После этого он попрощался. Определенно он был необычным и даже загадочным человеком. Идя навстречу общим пожеланиям, графиня пригласила его прийти еще раз на следующей неделе, чтобы поговорить о его собственной мистической интерпретации загадочного рассказа Гете «Fairy Tale» («Сказка»).

В этот раз он говорил с такой спокойной уверенностью, что никто не усомнился в том, что все это он испытал на собственном опыте. Штайнера попросили прочесть цикл лекций для Общества теософии, и, когда он высказал желание посвятить их великим мистикам, это предложение было встречено с большим энтузиазмом.

В ту зиму Штайнер стал звездой берлинского Общества теософии. Некоторые его члены, правда, сторонились его; то, что он говорил, часто противоречило идеям основательницы Общества, мадам Блаватской, и его нынешнего лидера, Анни Безан. Когда кто-нибудь указывал на это Штайнеру, он только мягко улыбался и спрашивал: «Разве?» Тем не менее, было ясно, что он не стремился завоевать дешевую популярность или шокировать своих слушателей. Он рассказывал о том, через что прошел сам. Его эрудиция была потрясающей; казалось, он прочел труды всех более или менее известных авторов за последние триста лет. Одна привлекательная молодая леди, Мари фон Сиверс — актриса, обучавшаяся в Париже, — не делала секрета из того, что обожает его, и доктор Штайнер был явно очарован и ошеломлен ее горячим преклонением; казалось, он расцвел и обрел больше уверенности. Кое-кто из членов Общества только качал головой — все знали, что он женат. Графиня никогда не встречалась с его женой, но ей рассказали, что та — крестьянка — во всяком случае, определенно не «леди» — и что она была намного старше Штайнера.

Потом — казалось, это свершилось за одну ночь, — доктор Штайнер стал главой берлинской ложи Общества теософии, и все больше людей принимали его за мессию. Количество членов Общества резко возросло. Миссис Бе-

зан встретила со Штайнером. И он произвел на нее самое благоприятное впечатление. Ее немного беспокоило странное, мистическое христианское учение, которое проповедовал Штайнер — но разве мадам Блаватская не учила, что все религии ведут к одной правде, так что тревожиться было не о чем. Штайнер безусловно принял основной тезис доктрины мадам Блаватской о том, что нынешняя человеческая раса — это пятая «коренная раса» (четвертой были обитатели Атлантиды), и что все мы проходим через бесконечное число реинкарнаций. Он также открыто признал, что может разбирать «Аказические письма» — эти невидимые записи истории, хранимые в космическом эфире, — и с обезоруживающей уверенностью говорил о детстве Христа и различных спиритуалистических движениях в истории Западной цивилизации.

За какие-нибудь десять лет Штайнер превратился в одного из самых знаменитых людей в Европе, и число его последователей было поистине огромно. В должное время он порвал с Обществом теософии, — когда миссис Безан попыталась сделать ставку на нового «мессию» по имени Джидду Кришнамурти, еще совсем мальчика — но немецкие теософы относились к нему с таким почтением, что почти все из них предпочли последовать за ним в его новую организацию, которую он назвал Антропософическим обществом. К 1912 году многие из последователей Штайнера полагали, что он стал аватаром — воплощением Божественного промысла, подобно Будде и Христу, посланных на землю принести туда искру Божью и просвещение — и что антропософия когда-нибудь станет новой мировой религией, отправив все существовавшие до нее на свалку. Штайнер и сам говорил о со-

здании нового мистического центра, величественного замка, который он бы хотел возвести в Мюнхене.

Надежды на новое религиозное возрождение не оправдались. Разразилась первая мировая война, и на следующие четыре года Европе было о чем думать и беспокоиться помимо антропософии. Поползли даже слухи, что Штайнер приложил руку к поражению Германии, дав неверные советы генералу фон Мольтке, чья супруга была сторонницей Штайнера. Штайнер возвел свой «замок» в Дорнахе, в Швейцарии — но он так и остался всего лишь культовым центром. К тому времени, когда война закончилась, Штайнер уже понял, что потерял из-за нее шанс стать основателем новой религии. Он упорно продолжал читать курсы лекций, но истощенный организм не выдержал нагрузки, и в марте 1925 года он умер, не дожив до шестидесяти пяти лет. Его имя по-прежнему остается широко известным, в основном, благодаря созданию им школы нового типа и развитию «природных» методов ведения сельского хозяйства.

И все-таки Рудольф Штайнер, человек, ставший мессией, когда ему едва исполнилось сорок, и остававшийся им еще добрый десяток лет, был одним из самых выдающихся духовных наставников двадцатого века, человеком, который сумел соединить воедино христианское учение ранних эпох с новым «спиритуализмом», который пытался его вытеснить.

Чтобы понять, как и почему это случилось, давайте сначала вкратце остановимся на учении мадам Блаватской. Урожденная Хелена Ханн, появившаяся на свет в 1831 году — за тридцать лет до рождения Штайнера, — будущая основательница теософии, была дочерью русской романистки. Она была полненькой, но чрезвычайно нервной

девочкой. Однажды она сидела, глядя в пространство перед собой невидящими глазами и держа в руке карандаш, как вдруг рука ее начала самостоятельно выводить буквы. «Коммуникатор» представилась Теклой Лебендорф — она была теткой офицера, служившего в полку отца Хелены. Отец Хелены пришел в такой восторг от того, что сообщила ему о себе фрау Текла, что воспользовался своим положением, чтобы проверить ее досье в правительственных архивах. К его изумлению, все, что она ему рассказала, оказалось правдой. Выходило, что и мертвые могут общаться. А потом наступил шок. Как-то Хелена встретила племянника фрау Теклы, и от него узнала, что та по-прежнему жива и здорова. Но ведь информация, полученная от нее, оказалась точной и правдивой. Как такое могло быть?

Странность заключается в том, что вот эту любопытную аномалию можно считать одним из наиболее убедительных доказательств того, что человек может продолжать существование и после смерти. Один из основных контраргументов против возможности жизни после смерти состоит в том, что феномен сна как будто бы противоречит ей. В конце концов, предполагается, что наше астральное тело должно отделяться от физического тела во сне так же, как и в смерти. Тогда почему мы не чувствуем себя отделяющимися от своего физического тела, когда засыпаем, что предположительно должно происходить и после смерти? Спиритуализм отвечает, что астральное тело на самом деле странствует во время сна, просто мы ничего не помним об этом (у нас наступает полная амнезия). Считается, что медиум — или оператор духа — способен с такой же легкостью привлечь дух спящего человека, как и умершего. Звучит совершенно неправдоподобно, но

именно это и произошло в случае с Хеленой Блаватской. Аналогичный случай, достоверность которого была доказана, произошел и в двадцатом веке, когда дух по имени «Гордон Дэвис» установил через медиума контакт с доктором С. Дж. Соулом. Дэвис сообщил массу достоверных и точных сведений о том, где живет его вдова, и в мельчайших подробностях описал дом на морском побережье. Когда Соул наконец отыскал этот дом — в Саутенд-на-море, — он оказался именно таким, каким его и описывал Дэвис. Но и сам Дэвис был жив и здоров, сидя перед камином. И здесь, как и в случае с Теклой Лебендорф, мы, похоже, получаем доказательства того, что астральное тело все-таки отделяется от физического во время сна, как это предположительно происходит и в смерти.

Хелен Ханн неудачно вышла замуж за мужчину по фамилии Блаватский, отказалась пожертвовать ради него своей девственностью, и убежала из дома в возрасте восемнадцати лет, в 1849 году, через год после того, как странные стуки начались в доме сестер Фокс. Прибыв в Нью-Йорк в 1873 году, она без чьей-либо помощи стала сильным медиумом, способным вызывать стук из всех углов комнаты. Газетный репортер, Генри Стил Олкотт, которого направили к ней взять интервью, стал ее последователем, и поддерживал ее, пока ее рука — с неслыханной скоростью — выводила каракули, ставшие книгой «*Isis Unveiled*». Теперь она стала знаменитостью. Добившись известности и славы, Хелена решила, что ее духовным прибежищем станет Индия, и переселилась со своим вновь образованным Обществом теософии в Бомбей. Крах наступил в 1884 году, когда Общество исследований в области психики командировало Ричарда Ходжсона для изучения ее способнос-

тей, и домохозяйка, затаившая на Хелену зло, умудрилась убедить его, что общение мадам Блаватской с духами — мошенничество чистой воды. Ее репутация так никогда и не оправилась от урона, нанесенного отчетом Ходжсона в «Протоколах» Общества исследований в области психики. Она умерла от сердечной недостаточности в возрасте шестидесяти лет в 1891 году, однако, ее новая теософическая доктрина, вобравшая в себя черты индуизма, буддизма и спиритуализма, продолжала завоевывать сторонников во всем мире. Можно смело утверждать, что разновидность спиритуализма по мадам Блаватской достигла гораздо большего успеха, чем та его версия, которую в 1850 году в Рочестере провозгласили сестры Фокс, и которая так никогда и не стала чем-то большим, чем увлечением для незначительного меньшинства.

Рудольф Штайнер был сыном служащего из Австрии; отец его работал оператором телеграфа на железной дороге. В материальном отношении детство его было полным лишений; они жили очень бедно. Но он вырос среди восхитительных пейзажей — лесных и горных, — и, будучи от природы одаренным ребенком, сумел извлечь максимум возможного из тех книг, которые были ему доступны.

Однажды он сидел в зале ожидания вокзала, когда туда вошла незнакомая женщина, похожая чертами лицами на остальных членов его семьи. Она прошла на середину комнаты, несколько раз взмахнула руками, и сказала: «Попробуй мне помочь — сейчас и потом». После этого она подошла к большой старой печке и исчезла в ней. У ребенка хватило самообладания решить, что не стоит рассказывать родителям об увиденном; они были добрыми католиками и непременно отругали бы его за такие предрассудки.

Но он заметил, что в последующие дни его отец стал грустным и задумчивым. Впоследствии он узнал, что одна его родственница, которую он никогда не видел, покончила жизнь самоубийством примерно в то самое время, когда он увидел женщину в зале ожидания. Поскольку она обратилась за помощью, следовало полагать, что в то время она, в некотором смысле, была еще жива.

Рассказав впоследствии эту историю во время одной из своих лекций, Штайнер добавил:

«Начиная с этого момента, в мальчике начала развиваться духовная жизнь, которая заставила его осознать, что есть миры, из которых к душе человеческой обращаются не только выходящие за их пределы деревья и горы, но и Существа, живущие позади них. Начиная с этого момента, мальчик жил вместе с духами природы, которых можно было увидеть именно в этой местности; он жил с созидательными существами, которые находятся в тени вещей...»

Похоже, что, подобно Уордсворту, Штайнер смог ощутить «неизвестные ритмы жизни» в природе вокруг себя. Совершенно очевидно, что он был — как и Хелена Ханн — медиумом от природы. У него было одно важное отличие от всех медиумов конца девятнадцатого века: он обладал колоссальным интеллектуальным любопытством. Учебник по геометрии, подаренный школьным учителем, наполнил его едва ли не экстатическим восторгом. Это случилось потому, что он смог «познакомиться с формами, которые доступны только внутреннему зору и не подвластны органам чувств... То, что я смог ухватиться за нечто исключительно духовное, наполнило меня внут-

ренной радостью. Думаю, что именно с помощью геометрии я впервые почувствовал себя счастливым».

Когда кто-то говорит о геометрии, как о чем-то «исключительно духовном», мы сразу жестораживаемся. Духовное? Тем не менее, в этом и заключается самая суть размышлений Штайнера, и именно она придает ему значимость, благодаря которой он становится выше любого другого «спиритуалиста» девятнадцатого, или даже двадцатого века. У природы и геометрии Штайнер учился «уходить в себя». Голландский философ Киркегаард сказал: «Правда — это субъективность», имея в виду, что испытать правду — в отличие от простого «знания» — это получить доступ к внутренним мирам. Как отмечает Честертон, «Если я говорю: «Земля — круглая», это — правда, но я не это имею в виду. Чтобы подразумевать это, я должен быть астронавтом, парящим в космосе. То же самое относится к большинству наших «правд». Но когда я блаженно расслабляюсь в теплой ванне и испытываю при этом невыразимое удовольствие и облегчение, я снова ощущаю форму «правды». Астронавт также может испытать ту же самую внутреннюю уверенность, когда смотрит вниз в первый раз и восклицает: «Господи, земля круглая!»

По мнению Штайнера, вот такое ощущение «подлинной сущности» и есть начальная точка духовной жизни. Чему нам следует научиться, так это «встать там на якорь», не позволяя миру втянуть нас в область сомнения и компромисса. В каком-то смысле именно это и пытался выразить словами Шекспир, сказав: «Настроить себя быть правдой». Но не только! Это означает — прислушиваться к внутренним голосам, и учиться понимать их язык. Прислушиваться к внутреннему голосу — это не значит

решить, поступать или нет в соответствии с тем, что он нам подсказывает. Это похоже на изучение древней мудрости или знаний, записанных на неизвестном языке. Это может стать делом всей жизни и длиться всю жизнь.

Сегодня большинство из нас понимает, что «отступление в себя» может привести к тому, что мы начнем бережнее относиться ко всему и лучше ценить все. Чтобы оценить музыку, вы закрываете глаза и целиком и полностью отдаетесь ей. Когда мы находимся в «своем замкнутом духовном мире», мы живем «в унисон» с природой. Парадокс состоит в том, что чем более мы замкнуты, тем сильнее ценим все происходящее «снаружи».

Штайнер же идет дальше. Он настаивает, что, когда мы находимся в таком внутренне замкнутом состоянии, мы также проникаем в мир сверхъестественного — в смысле, спиритического, и в смысле, паранормального. Кажется, Штайнер испытал это на себе. Он утверждает, что после того, как ему явилось видение двоюродной сестры его отца в зале ожидания железнодорожного вокзала, он вдруг осознал присутствие Духов Природы — вероятно, он имел в виду те же «изначальные силы природы», с которыми Розалинда Хейвуд, по ее словам, столкнулась в Дартмуре — и духов умерших. Можно вспомнить и комментарий Розалинды Хейвуд, когда она описывает телепатическое общение со своим умершим приятелем Вивьеном: «Я быстро поняла, что не могу удержать состояние погруженности, которого требовал контакт с «Вивьеном»...». Речь идет о том, что контакт с «мертвецом» требует определенной внутренней погруженности.

В своей автобиографии Штайнер заявляет, что дважды вступал в общение с умершими людьми, причем не знал

ни одного из них. Это вовсе не было следствием его опыта как медиума, а требовало, скорее, определенного внутреннего сходства, или общности. Еще в Вене, когда ему едва исполнилось двадцать, Штайнера представили одному образованному семейству из среднего сословия. Он говорит: «В этой семье можно было почувствовать присутствие кого-то незнакомого нам. Это был отец семейства. Мы (Штайнер с друзьями) никогда не встречались с ним, но его присутствие ощущалось». Отец семейства был необычным человеком, он избегал социального общения и предпочитал жить отшельником. Из того, что рассказала о нем его семья и из его книг, у Штайнера постепенно возникло чувство, что он знает этого человека. В конце концов, мужчина умер, и Штайнера попросили произнести надгробную речь. Он говорил об отце с чувством настолько близкого знакомства с ним, что члены семьи потом признались о сложившемся у них впечатлении, будто Штайнер действительно хорошо его знал.

Возникает ощущение, что Штайнер научился «узнавать» отца семейства по тем намекам, которые сделали члены его семьи. Но позже из автобиографии Штайнера стало ясно, что он подразумевал нечто большее. Десятью годами позже он переехал в Веймар работать в архиве Гете, редактируя научные труды поэта. Его представили вдове по имени Анна Юнике, позже ставшей женой Штайнера. Проживая в ее доме в качестве квартиранта, он отчетливо осознал личность ее умершего супруга. В своей автобиографии он заявляет: «Силы духовного зрения, которыми я обладал в то время, позволили мне вступить в тесную связь с двумя этими душами после их земной смерти». В сущности, Штайнер утверждает, что

он мог следить за «продвижением» обоих мертвых мужчин в «спиритическом, или сверхъестественном, мире».

Теперь становится ясно, почему Штайнер с такой нетерпимостью относился к спиритуализму, и почему он однажды заявил: «Спиритуалисты — самые великие материалисты из всех нас». Медиуму, впадающему в транс, или с помощью карандаша отслеживающему слова духа, ничего не известно о действительной природе мертвеца, о его внутреннем мире. Розалинда Хейвуд в описании столкновения со своим другом Вивьеном Асборном вплотную приближается к этой точке зрения. Она говорит, что «наткнулась на самого «Вивьена», который был совершенно определенно и недвусмысленно жив, и искрился весельем». Вивьен каким-то настолько интимным образом передал ей то, что должен был сказать, что наиболее применимым словом здесь станет «сопричастность». Миссис Вилье также упоминал, что она непосредственно «чувствовала» Майерса и Гурнея. Вот что имел в виду Штайнер под контактом с мертвецами; у него было ощущение, что спиритуализм, отказавшись от замкнутости в своем духовном мире, создал взамен намного более поверхностное и материалистическое общение.

По мнению Штайнера, в далеком прошлом люди умели поддерживать ощущение непосредственного контакта с умершими. В пользу этого утверждения имеется одно очень интересное археологическое доказательство. Современные нам человеческие существа принадлежат к расе, известной как кроманьонская. Она появилась на земле около пятидесяти тысяч лет назад и, как полагают ученые, истребила своих предшественников — неандертальцев. Неандертальцы были низкорослыми, коренастыми и обе-

зьяноподобными, а общение их, вероятнее всего, ограничивалось отдельными звуками, ворчанием и воплями. Тем не менее, в их захоронениях находят загадочные круглые камни, которые, вероятно, являются символами солнца, а также другие ритуальные предметы, наличие которых позволяет предположить, что у неандертальцев, как и у египтян, существовало нечто вроде веры в жизнь после смерти. Трудно поверить в то, что у созданий, которых едва ли можно считать находящимися на ступеньку выше человекообразных обезьян, могла возникнуть идея о загробной жизни. Но если Штайнер — подобно современному нам психологу Стэну Гучу — прав в своем убеждении, что неандерталец обладал гораздо более мощными психическими и экстрасенсорными способностями по сравнению с современным человеком, то тогда его вера в жизнь после смерти была вопросом не философии, а личного опыта.

Поэтому, говорит Штайнер:

«Если мы посмотрим на времена до нашей эры с точки зрения спиритуалистической, или сверхъестественной, то сможем найти там кое-что, способное произвести сильное впечатление на любого человека, незнакомого с подобными вещами. Мы обнаруживаем, что взаимодействие между живыми и мертвыми с течением времени становится все труднее и труднее, и что сравнительно недавно это самое взаимодействие было намного более активным».¹

¹ «Descriptive Sketches of the Spiritual World» («Наброски о сверхъестественном», лекции, прочитанные в Бергене 10 и 11 октября, 1913 года).

Штайнер полагает, что такое общение нужно мертвым для того, чтобы поддерживать их существование. В давние времена между живыми и мертвыми существовала прямая связь, так что живущие могли следить за тем, как поживают их умершие родственники в загробной жизни. Способность к ясновидению была постепенно утрачена, но даже тогда еще сохранялось почти подсознательное ощущение присутствия умерших. Теперь же, говорит он, все это кануло в Лету. Так что — насколько человек научится получать «доступ ко внутренним мирам» посредством «спиритуалистической науки», настолько же у него возродится способность общаться с мертвыми.

О том, что происходит с человеком после смерти, Штайнер рассказывает в одной из своих наиболее важных ранних работ, которая называется «Theosophy» («Теософия») (хотя необходимо сразу же оговориться, что еще в 1904 году концепция теософии у Штайнера была разработана намного лучше, чем у мадам Блаватской). Как и все оккультисты, Штайнер согласен с тем, что человек состоит из четырех «тел» — физического тела, нематериального тела (или ауры), астрального тела и эго. После смерти астральное тело и эго покидают тело физическое. Нематериальному телу требуется примерно три дня, чтобы раствориться. В это время «душа» (астральное тело плюс эго) видит, как перед нею разворачиваются картины всей прошлой жизни. После этого она входит в царство (или сферу), называемую «камалока», которая приблизительно соответствует чистилищу в христианской религии. Прощлая жизнь проживается заново и оценивается. Поскольку астральное тело по-прежнему способно

чувствовать, оно будет страдать от неудовлетворенных и похотливых желаний. Очищенное страданием, оно наконец обретает возможность раствориться. В камалоке астральное тело испытывает и страдания, которые оно причинило другим (с их точки зрения).

После этого очищенное эго воспаряет в духовный мир, в котором оно может выбрать себе следующую жизнь. Оно выбирает форму, в которой оно хотело бы родиться, а также обстоятельства. (Штайнер подчеркивает, что не стоит сетовать на судьбу, поскольку каждый выбирает ее себе самостоятельно). Последние прослеживаются очень тщательно, чтобы обеспечить себе возможность дальнейшего развития (что объясняет, почему не все мы поголовно выбираем себе головокружительный успех). В нужное время душа возвращается на землю, чтобы прожить очередную жизнь. Одна из самых выдающихся книг Штайнера состоит из восьми томов и называется «Karmic Relationships» («Кармические взаимоотношения»). В нее вошли все лекции, прочитанные им незадолго до смерти, в которых он утверждает, что сумел воспользоваться своей способностью к «духовному зрению», чтобы проследить прошлые воплощения многих известных личностей. Даже тем, кто полагает все это чистой воды выдумкой, книга предлагает интересную перспективу того, каким Штайнер полагает механизм реинкарнации.

Один из выдающихся деятелей Общества исследований в области психики, Уатли Кэрингтон, написал в 1920 году блестящий труд, побуждающий к размышлениям, который он назвал «A Theory of the Mechanism of Survival» («Теория механизма выживания»), и который критикует доктрину теософии:

«В теософической литературе... мы постоянно сталкиваемся с порядком вещей, основанных на таких терминах, как «астральная плоскость», «нематериальный двойник», «причинное тело», «карма» и так далее. При всем уважении к моим друзьям-теософам я должен заметить, что это не научное объяснение, и не может считаться таковым, пока все его сторонники не будут готовы рассказать нам, в каких отношениях находятся астральное тело и физический мир, нематериальный двойник и тело в том смысле, в каком оно известно физиологам».

Разумная точка зрения, но она применима скорее к мадам Блаватской, чем к Штайнеру. Более того, в объяснениях Штайнера есть много общего с теорией, которую Кэрингтон выдвигает в своей книге. Кэрингтон начинает с рассуждений о четвертом измерении, следуя концепции, предложенной такими математиками, как Риманн и Лобачевский, и далее переходит к тому, что существуют многочисленные доказательства жизни после смерти, показывающие, что мир умерших имеет на одно измерение больше, чем наш. (Эта точка зрения находит поддержку в показаниях сэра Окленда Геддеса об ощущениях во время клинической смерти, на которых мы останавливались во второй главе, где Геддес сказал, что «теперь он был свободен во временном измерении космоса, где «сейчас» некоторым образом означало «здесь» в обычном трехмерном пространстве»). В лекции, прочитанной в 1918 году под названием «The Dead Are With Us» («Мертвые с нами»), Штайнер объясняет, что:

«В духовном смысле то, что было «прошлым», на самом деле не исчезает, а остается по-прежнему присутствующим. В физической жизни люди применяют эту концепцию только относительно пространства. Если вы станете перед деревом, а потом отойдете и оглянетесь на него... то дерево не исчезнет... В духовном, сверхъестественном мире то же самое применимо ко времени. Если вы ощущаете что-либо в какой-то определенный момент времени, то в следующий момент оно проходит, если говорить о физическом сознании; с духовной точки зрения, оно не прошло. Вы можете оглянуться на него так же, как вы оглядываетесь на дерево. Ричард Вагнер обнаружил, что обладает знаниями об этом, сказав по этому поводу замечательные слова: «Время стало здесь пространством».

В современной физике время считается четвертым измерением; Штайнер, похоже, говорит о том, что мир духов обладает, в сущности, еще одним измерением, это означает, что время, в каком-то смысле, является «статичным». (Современный исследователь, Т. С. Летбридж, пришел к точно такому же заключению на основе некоторых любопытных экспериментов при определении наличия подземных вод с помощью маятника.¹⁾

Хотя многие склонны отвергнуть утверждение Штайнера о существовании жизни после смерти как абсолютно бездоказательное, нельзя не признать, что в его взглядах прослеживается впечатляющее постоянство

¹ См. мою книгу «Mysteries» («Таинства»), часть 1, глава 1.

и логическая связность, которые явно вызывают к нашему разуму. Он пишет:

«Следует подчеркнуть... что этот мир (духов) соткан из материала, из которого состоит человеческая мысль. Но мысль, как она живет в человеке, это всего лишь туманная картина, фантом ее реального бытия. Как тень предмета на стене соотносится с реальным предметом, отбрасывающим эту тень, так и мысль, возникающая у человека, соотносится с существом в мире духов, которое соответствует этой мысли».

Предположение о том, что мир разума — это мир духов, — звучит как-то более убедительно; во всяком случае, оно наводит на интересные размышления, — чем те рассказы о жизни после смерти, согласно которым мир духов предстает как нечто среднее между землей обетованной и туристическим лагерем.

По мнению Штайнера (лекция «Мертвые с нами»):

«Свидания с умершими (духами) возможны в те короткие мгновения, когда мы засыпаем или пробуждаемся. Эти мгновения имеют очень большое значение для взаимодействия с так называемыми «мертвыми» и с другими духовными созданиями высших миров.

Момент отхода ко сну особенно благоприятен для нас в смысле обращения к мертвым. Предположим, мы хотим о чем-то спросить у них. Мы можем носить это в своей душе вплоть до момента отхода ко сну, поскольку именно в это время и можно задавать вопросы мертвым... С другой стороны, момент пробуж-

дения является наиболее благоприятным для мертвых, чтобы вступить с нами в общение».

Потому что, говорит Штайнер, нет никого, кто не нес бы с собой в момент пробуждения «бесчисленные новости из мира мертвых». Здесь, объясняет он, возникает некая необычная проблема. Когда мы разговариваем с мертвыми, взаимоотношения каким-то образом переходят в свою противоположность, и когда мы задаем вопрос умершему, то вопрос исходит от него: «Он вдохновляет нашу душу на то, о чем мы спрашиваем его. А когда он отвечает нам, это исходит из наших собственных душ». «Для того, чтобы установить связь с теми, кто уже умер, мы должны научиться слышать от них то, что мы сами говорим, и получать из своей души то, что они отвечают нам».

Интересно отметить, что в своей книге о Сведенборге доктор Уилсон ван Дузен (речь о котором шла в первой главе) предполагает, что видение мира духов пришло к Сведенборгу во время так называемого «управляемого гипногического состояния». (Гипногическое состояние представляет собой любопытную границу между сном и пробуждением.) Томсон Джей Хадсон, в своей книге «Закон психических феноменов», описывает, как он пытался использовать фантастические возможности субъективного разума для того, чтобы вылечить родственника, который превратился в инвалида из-за мучившего его ревматизма. Его метод заключался в том, чтобы сконцентрироваться на излечении родственника — который жил в другом городе — непосредственно в момент засыпания. Он начал курс лечения в середине мая 1890 года. Через несколько месяцев приятель, которому было изве-

стно о предполагаемом лечении, встретился с этим родственником и обнаружил, что состояние его здоровья настолько улучшилось, что он смог снова работать, причем заметил, что улучшение началось в середине мая. По мнению Хадсона, субъективный разум лучше всего проявляет свои возможности в момент засыпания, поскольку именно тогда он освобождается от обычного диктата объективного разума (объективного «я»). Мы бы сказали, что на грани засыпания правое полушарие головного мозга освобождается от обычного диктата со стороны левого полушария.

Штайнер утверждал: «Не следует искать общения с умершими посредством экстернальностей, но мы должны осознать, что они всегда присутствуют рядом или в нас. Среди практических задач антропософии будет и постепенное построение моста между живыми и умершими с помощью духовной науки». Он также убежден в том, что «человеческая жизнь изменится самым кардинальным образом, когда идеи реинкарнации и кармы перестанут быть теориями, которые разделяют только избранные».

Мы с вами видели, что теория реинкарнации, в сущности, расколола движение спиритуалистов еще на ранней стадии, а спиритизм Кардеса, проповедовавшего реинкарнацию, был в буквальном смысле загнан в подполье спиритуалистическим движением, зародившемся в Америке. Даже сегодня доктрина реинкарнации не пользуется популярностью у спиритуалистов, хотя некоторые и допускают ее возможность. Когда я работал над «Оккультизмом» в начале 1970-х годов, я спросил своего знакомого спиритуалиста, профессора Уилсона Найта, не мог бы он, придя в следующий раз на спиритический сеанс,

потребовать от духов дать однозначный ответ — «да» или «нет» — на этот вопрос. Через какое-то время он сообщил мне, что духи не ответили ни «да», ни «нет». По словам «коммуникаторов» профессора Найта, реинкарнация время от времени происходит, но не следует полагать ее общей закономерностью.

Майерс, в ходе своего общения с Джеральдиной Камминс (представленной на суд читателя в «Дороге к бессмертию»), предлагает необычную интерпретацию идеи реинкарнации. Он выдвигает концепцию «коллективной души»: несколько душ объединяются одним духом, и их существование также зависит от этого духа. Он утверждал, что и сам принадлежал к такой группе, находясь на земле. Если иногда нам приходится расплачиваться за грехи своего прошлого существования, то это потому, что «душа, принадлежащая к группе, частью которой я являюсь, жила той прошлой жизнью, которая стала основой моей земной жизни, и прожила ее до того, как я прошел через ворота рождения на свет».

Фредерик Майерс — автор книги «Человеческая личность и ее жизнь после смерти телесной оболочки» — пришел в восторг от одного из наиболее поразительных случаев реинкарнации, сведения о котором когда-либо попадали в архивы Общества исследований в области психики. Речь идет о деле Люранции Веннум, и он надолго останавливает на нем свое внимание в главе «Распад личности».

1 июля 1877 года с тринадцатилетней девочкой, Мэри Люранцией Веннум, которая жила в местечке Уотсека, штат Иллинойс, случился приступ, и она провела без сознания пять часов. На следующий день все повторилось, но тогда стало понятно, что она находится в трансе, пото-

му что она заявила, что видела райские куши и ангелов, а также своих умерших брата и сестру. В течение следующих шести месяцев эти трансы повторялись, а в Люранцию Веннум, очевидно, поочередно вселялись враждующие личности, включая старуху по имени «Катрина Хоган». Родственники посоветовали родителям отправить ее в приют для умственно отсталых, но соседи, семейство Роффов — покойная дочь которых Мэри тоже страдала приступами «помешательства» — убедили Веннумов послать за доктором, У. У. Стивенсом из города Джейнсвилля, штат Висконсин.

Когда Стивенс впервые увидел Мэри Люранцию Веннум 1 февраля 1878 года, девочкой завладела Катрина Хоган, и она сидела в кресле, сжавшись в комочек и глядя перед собой невидящими глазами. Когда Стивенс попробовал подойти поближе, она резко приказала ему оставаться на месте. Потом она подобрела и начала рассказывать о себе и своих родителях. (Отца она называла «старина черный Дик»). Вскоре на смену старухе пришла другая личность; теперь это был молодой человек по имени «Вилли Каннинг». Он принялся бессвязно бормотать, а потом с ним случился припадок. Стивенс попробовал гипноз, и он сработал; вновь возникла Люранция Веннум, сообщившая, что в нее вселились злые духи. Она по-прежнему оставалась в состоянии транса и сказала окружающим, что находится в окружении духов, один из которых называет себя «Мэри Рофф».

Миссис Рофф, находившаяся в комнате, воскликнула: «Это моя дочь». Она посоветовала Люранции согласиться на присутствие Мэри в качестве ее «оператора». После непродолжительной дискуссии с духами Люран-

ция объявила, что позволяет Мэри Рофф вселиться в нее. Вскоре после этого она очнулась от транса.

На следующее утро отец Люранции Веннум позвонил в офис Роффа и сказал ему, что Люранция Веннум называет себя Мэри Рофф, и что Мэри просила разрешения отправиться домой.

Случай с Мэри во многом походил на историю с Фридерикой Хауффе, «Seeress of Prevorst». Мэри тоже начала страдать от припадков, и во время одного из них она намеренно поранила руку ножом и упала в обморок. В течение следующих пяти дней она металась в бреду; но, тем не менее, могла читать с завязанными глазами. После очередной серии припадков в июле 1865 года она умерла, за двенадцать лет до своего вселения в Люранцию Веннум. То, что она обладала даром ясновидения, подтвердили многие жители Уотсеки.

Прежде чем отвести Люранцию Веннум — или, скорее, Мэри — в дом Роффов, миссис Рофф и ее дочь Минерва зашли к Веннумам. Мэри смотрела из окна, как они шли по улице, и воскликнула: «Смотрите, вон идут мои мама и сестренка Нерви!» Когда те вошли, она обняла их и залилась слезами радости.

Вполне понятно, что Веннумы не хотели отпускать свою дочь, но Мэри так сильно затосковала по дому, что они, в конце концов, согласились. 11 февраля 1878 года ее отвезли в дом Роффов. По дороге туда они проехали мимо дома, в котором Роффы жили в то время, когда Мэри еще была жива. Мэри принялась настаивать, что это и есть ее дом, и ее пришлось долго убеждать, что семья там больше не живет. Когда они вошли в новый дом, Мэри воскликнула: «А вот и наше старое пианино, и салфетка на нем та

же самая». Она приветствовала собравшихся многочисленных родственников, узнав каждого из них. Некую миссис Вагнер, которая (под именем Мэри Лорд) была учительницей Мэри Рофф в воскресной школе, она приветствовала словами: «О, Мэри Лорд, вы совсем не изменились». Она сказала им, что «ангелы» позволили ей остаться с ними до мая — то есть на целых три месяца.

Естественно, ее семья сгорала от нетерпения испытать ее, и начала задавать ей всевозможные вопросы. Вскоре Мэри убедила их; она легко вспоминала мельчайшие подробности жизни бывшей Мэри Рофф. Она подробно рассказала о своем пребывании на курорте лечебных вод в Пеории. Когда ее спросили, помнит ли она случай, когда упавшая печная труба обожгла Фрэнка, она смогла даже показать то место на руке Фрэнка, которое было обожжено. Ей задали вопрос о старой собаке, и она отвела их на место, где та была похоронена. Заговорив о том, что она располосовала свою руку ножом, она начала было закатывать рукав, чтобы показать доктору Стивенсу шрам, но потом остановилась, вспомнив, что тело ее принадлежало другой, и добавила: «Это не та рука — та осталась в земле». После ее смерти ее родители пытались общаться с нею с помощью медиума; Мэри смогла дословно вспомнить послание, которое она написала для них рукой медиума, и даже назвала точное время и место.

Один из наиболее убедительных инцидентов произошел, когда миссис Рофф нашла старый бархатный головной убор, который носила их дочь. Мистер Рофф-отец предложил оставить его на вешалке в коридоре. Но вот снаружи вошла Мэри и сразу же воскликнула: «Ба, да это же мой старый берет, который я носила, когда волосы

у меня были еще короткими». Это напомнило ей о коробке с письмами, и когда мать принесла ее, она нашла один из своих воротничков. «Смотрите, а вот один из моих старых кружевных воротничков!»

Мэри сказала своим родителям, что может остаться с ними до 21 мая. В то утро ее мать сделала запись в своем дневнике: «Сегодня Мэри должна покинуть тело Люранции, около одиннадцати часов». Мэри попрощалась с соседями, обняла и расцеловала родителей, и отправилась к дому Люранции Веннум. Где-то по дороге Мэри исчезла, и домой вернулась Люранция Веннум.

Через четыре года Мэри Люранция Веннум вышла замуж за фермера Джорджа Биннинга. Ее родители посоветовали ей забыть и не использовать свой дар медиума, чтобы не вызвать возобновления припадков, но Мэри Рофф частенько «заходила на огонек», когда там бывали ее родители, и, похоже, она не слишком изменилась со времени своего предыдущего визита. Когда Люранция Веннум рожала своего первого ребенка, Мэри даже ввела ее в транс, чтобы она не испытывала особой боли во время родов.

Ричард Ходжсон, скептически настроенный молодой австралиец, «разоблачивший» мадам Блаватскую в 1885 году, и приехавший в Америку в следующем году для изучения случая миссис Пайпер, прослышал об этом деле и сразу же сообразил: возможно, в его руках окажется почти стопроцентное доказательство продолжения жизни после смерти. Он побеседовал со всеми основными действующими лицами, исключая только саму Люранцию Веннум, которая переехала на запад вместе с мужем. Несмотря на такое досадное разочарование, Ходжсон закончил свое расследование, полностью убедившись

в правдивости изложения истории доктором Стивенсом, а также членами семьи и друзьями. Он не исключал, что в данном случае имело место раздвоение личности или даже множественная личность, но, в целом, у него осталось чувство, что все собранные им улики и доказательства указывали на действительно имевшее место вселение покойной Мэри Рофф в тело Люранции Веннум. Майерс поместил этот случай в одну из глав своей книги, посвященную раздвоению личности, но при этом добавил, что «на более поздней стадии, когда некоторые странности и даже чудеса станут... более знакомыми... нам, быть может, стоит вернуться к этому делу и посмотреть, чему еще оно может научить нас». Он умер до того, как появилась возможность «обсудить эти уроки», но совершенно ясно, что он считал дело Веннум доказательством продолжения существования личности после смерти.

Если Ходжсон и Майерс правы, то этот случай прекрасно укладывается в картину, которая начала вырисовываться в первой главе стараниями Адама Кребтри и Уилсона ван Дузена. Мы склонны относиться к смерти либо как к окончанию пути, тупику, либо как к отправной точке для начала совершенно нового существования; некоего странного, мистического состояния, в котором раскрываются все тайны мироздания. Все имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что это заблуждение. Жизнь «в следующем измерении» не имеет фундаментальных отличий от жизни на земле, хотя многие из ее условий и могут показаться другими. По словам многих коммуникаторов, действительно существуют другие плоскости, невообразимые и непостижимые для нас, но в данных обстоятельствах они нас не интересуют. Но если только доказательства, со-

бранные в результате проведенных исследований в области психики не являются грандиозным розыгрышем, придуманным неким коллективным подсознанием в ответ на наше стремление к выживанию, то тогда каждый индивидуум существует после собственной смерти в форме, отличающейся от его земного воплощения.

Есть много аспектов, в которых доказательства возможности реинкарнации выглядят более убедительными по сравнению с доказательствами существования загробной жизни, которые мы получили с помощью медиумов. Перекрестные послания наконец-то убедили исследователей в том, что Майерс и Гурней пережили свою смерть; но родители Мэри Рофф наверняка были твердо уверены в том, что она по-прежнему жива, спустя всего несколько часов после ее возвращения в их дом.

Еще один из ранних классических случаев — к сожалению, так никогда и не изучавшийся опытным экспертом типа Ходжсона — получил известность как «дело Александрины».

5 марта 1910 года пятилетняя девочка по имени Александрина Самона умерла в Палермо, на Сицилии. Ее мать, Адела, супруга доктора Кармело Самоны, была вне себя от горя. Через три дня после смерти девочки ей приснился сон, в котором Александрина просила ее не скорбеть и не убиваться, потому что она собиралась вернуться. Она показала матери эмбрион-зародыш. Адела Самона не придавала сну значения, поскольку знала, что после операции на яичниках она больше никогда не сможет иметь детей.

Через некоторое время, когда Адела с мужем предавались грустным воспоминаниям о своем ребенке, раздался громкий стук. Родители начали посещать спиритические

сеансы, и два «духа» заговорили с ними через медиума — один утверждал, что она — их дочь, а другой — тетка, которая умерла много лет назад. «Александрина» поведала своей матери, что родится снова еще до Рождества, одной из близнецов. И действительно, 22 ноября 1910 года Адела Самона родила двух девочек-двойняшек, ровно через девять месяцев после смерти Александрины. Характеры у девочек были совершенно разными, но у одной из них имелись два крошечных родимых пятнышка на том же самом месте, что у умершей девочки; подобно Александрине, она была левшой. Родители нарекли ее именем умершего ребенка. Что касается характера, то эта вторая Александрина очень походила на первую: интроверт, опрятная, склонная проводить большую часть своего времени за раскладыванием белья и одежды.

Окончательно убедил родителей в том, что ребенок — реинкарнация Александрины, инцидент, произошедший с двойняшками, когда им исполнилось по десять лет. Им было сказано, что они отправляются на экскурсию в Монреале — город, в котором раньше никто из них не был. Но Александрина принялась настаивать, что уже бывала там вместе со своей матерью, в компании «леди с рожками». Вдобавок она сумела описать статую на крыше церкви, а также нескольких «красных священников», которых они там видели. Собственно говоря, Адела Самона действительно была вместе со своей первой дочерью Александриной в Монреале незадолго до смерти девочки, в компании женщины, у которой на лбу выделялись неприятные цисты. Они побывали в церкви и видели нескольких священников из Греции, которые носили красные балахоны. Доктор Самона был так поражен этим доказательством реинкарнации, что взял

на себя труд записать все показания, включая рассказы свидетелей, и опубликовать их в периодическом журнале «*Filosofia della Scienza*».

С точки зрения исследователя, проблема здесь заключается в том, что во всем виновато стремление матери выдать желаемое за действительное. Смерть дочери привела к развитию у нее суицидальной депрессии. Ее подсознание могло отреагировать на это, вызвав сон, в котором ее ребенок пообещал ей вернуться. К тому моменту, когда ей приснился этот сон, она уже могла зачать двойняшек, и ее подсознание могло знать об этом. Так что второй Александрине была навязана личность ее мертвой сестры. Может быть, ее мать рассказала девочке о поездке в Монреале, а потом забыла об этом. Или, быть может, она подслушала, как мать разговаривала с отцом об этой поездке.

Это, в общем-то, одна из основных и постоянных проблем в случаях, происходящих задолго до того, как кому-либо придет в голову подвергнуть их научному исследованию. Но это возражение неприменимо к очень похожей истории, случившейся в Англии. О ней говорит Иан Уилсон в своей книге «*Mind Out of Time?*» («Разум вне времени?»), которая отличается скептическим взглядом на реинкарнацию, классифицируя большинство случаев как «криптомнезию» — подсознательную память.

В мае 1957 две сестры, Джоанна и Жаклин Поллок, которым исполнилось, соответственно, одиннадцать и шесть лет от роду, шагали по дороге в городке Гексхем, графство Нортумберленд, когда на тротуар въехал автомобиль и насмерть задавил обеих; при этом погиб и девятилетний мальчик. За рулем автомашины сидела женщина, которая приняла большую дозу наркотиков и вышла

из дому с целью совершить самоубийство. Отец девочек, Джон Поллок, был католиком, но он верил также и в реинкарнацию, — а церковь эту веру прокляла; он воспринял их смерть как наказание ему за проявленный им интерес к таким неортодоксальным вещам. Несмотря на это, у него возникла навязчивая идея, что девочки должны родиться у его жены вновь. Когда, год спустя, его супруга Флоренс объявила, что беременна, он, не колеблясь, заявил ей, что у нее родятся девочки-двойняшки, и что именно так Господь вознамерился вернуть им Джоанну и Жаклин. Когда гинеколог уверил ее в том, что она беременна всего одним ребенком, она решила, что ее муж повредился рассудком на почве этой навязчивой идеи. Но, вопреки прогнозам, 4 октября 1958 года на свет появились две девочки. У Дженнифер, близняшки, родившейся второй, поперек лобика шла тонкая белая полоска — именно на этом месте у ее погибшей сестры Жаклин был шрам, оставшийся после того, как она упала с велосипеда. На левом бедре у нее была родинка, которая в точности походила на ту, которая была у Жаклин. Но у старшей сестры, Джиллиан, родинка отсутствовала, и это было странно, поскольку близняшки были монозиготными (т.е. развившимися из одного яйца).

Когда двойняшкам исполнилось по четыре месяца, семейство переехало в Уитли Бэй. Как-то, спустя три года, Джон Поллок повез их на экскурсию к Гексхем. Они вели себя так, как будто городок был им хорошо знаком. Одна из сестер внезапно сказала другой: «Школа за углом». «Мы там играли на спортплощадке». «А вон там каток и ледяная горка». «А здесь мы жили». Последняя фраза прозвучала, когда они проходили мимо своего старого дома.

Игрушки погибших сестер были сложены в большой коробке, которая хранилась на чердаке; когда двойняшкам исполнилось по четыре года, родители решили отдать их детям. Дженнифер сразу же сказала: «Это — Мэри. А вот моя Сюзанна», — правильно назвав двух кукол. «И твоя машинка для выжимания белья». Флоренс Поллок, которая была свидетельницей происходящего, вряд ли можно было упрекнуть в том, что она выдает желаемое за действительное, потому что, будучи доброй католичкой, она совершенно не разделяла и не одобряла чрезмерного увлечения своего супруга идеей реинкарнации. Она запретила ему разговаривать на эту тему с детьми, или вообще говорить им что-либо об их погибших сестричках кроме того, что они были «в раю».

Услышав однажды, как двойняшки испуганно визжат на улице, Флоренс Поллок сломя голову выскочила из дома и увидела, что они судорожно вцепились друг в друга, и кричат: «Машина! Она едет на нас!». В отдалении по улице как раз тронулся с места автомобиль. В другой раз она застала их за странной игрой, в которой Джиллиан баюкала голову Дженнифер, приговаривая: «У тебя из глаз течет кровь. Сюда тебя ударила машина». Подобные инциденты стали все больше беспокоить Флоренс Поллок, и невозможно описать ее облегчение, когда примерно в возрасте пяти лет двойняшки, казалось бы, начисто утратили воспоминания о своих мертвых сестрах и превратились в обычных детей.

Иан Уилсон подчеркивает, что вера их отца в реинкарнацию сильно ослабляет все доказательства. И все-таки невозможно представить, каким образом Джону Поллоку удалось бы сфабриковать все улики, если толь-

- ко он втайне не натаскивал девочек на их роли, когда матери не было поблизости. Сами двойняшки упорно отрицали, что нечто подобное могло иметь место. Да и Уилсон признает, что случай с близнецами Поллок — один из тех в его книге, когда все доказательства, на первый взгляд, поддерживают гипотезу о реинкарнации.

Еще один случай произошел в начале тридцатых годов и получил широкую известность. Его исследованием занимался профессор Хемендра Баннерджи, декан факультета парапсихологии в университете штата Раджастан (тот самый, который вместе с профессором Ианом Стивенсоном, считался ведущим научным исследователем подобных случаев). 12 октября 1926 года в городе Дели, Индия, родилась девочка Кумари Шанти Деви. Когда ей исполнилось четыре года, она заговорила о своей прежней жизни, которую она прожила в городке Муттра, в сотне миль от Дели. По ее словам, она происходила из касты Чобан, жила в желтом доме, и что ее мужем был торговец одеждой, которого звали Кедар Нат Чобей. Вышедший на пенсию директор школы прослышал о девочке и попросил о встрече с нею. Девочка назвала ему адрес, по которому она жила в Муттре, и директор написал туда письмо. К собственному удивлению, он получил оттуда письмо от «мужа» Шанти Деви, Кедара Ната. Он подтвердил различные подробности жизни со своей бывшей супругой, и попросил, чтобы его родственнику, проживавшему в Дели, позволили встретиться с девочкой. Когда тот приехал, Шанти Деви узнала в нем двоюродного брата своего «супруга», Канджи Мала, и вскоре убедила его в своей искренности. Когда он рассказал обо всем Кедару Нату, тот отбросил все колебания и поспешил в Дели. Увидев его,

девочка бросилась к нему в объятия. Она смогла дать убедительные ответы на всего его вопросы о своем прошлом существовании в качестве его жены, и даже упомянула о шкатулке с сотней рупий, которую она закопала в углу одной из комнат их дома.

24 ноября 1935 года девочку, которой исполнилось девять лет, родители наконец-то повезли в Муттру; их сопровождали трое уважаемых горожан — газетчик, политик и адвокат — которые согласились выступить в качестве свидетелей (адвокат впоследствии даже представил письменный отчет об этом деле). Едва поезд подошел к перрону в Муттре, Шанти Деви узнала старшего брата Кедара Ната, который встречал поезд. Они наняли экипаж, и попросили Шанти Деви, чтобы та приказала извозчику, куда ехать. Когда они двинулись по дороге, она показывала на дома, которых не было во время ее прежней жизни в Муттре. Сначала она направила их к первому дому, в котором они с супругом жили раньше, и в котором теперь снимали квартиры чужие люди. Когда кто-то из местных жителей спросил ее, где находится *jai-zagur* (так на местном диалекте называлась уборная), она указала на туалет снаружи. После этого они отправились к дому, в котором она умерла. Там она узнала многочисленных родственников и обнаружила знание даже потаенных уголков дома. Наконец, она привела всех в комнату, где спрятала деньги. После недолгих раскопок они обнаружили пустую шкатулку. Позже Кедар Нат признался, что забрал деньги. Когда они покинули дом, Шанти Деви в собравшейся снаружи толпе узнала своих «бывших» свекра и свекровь.

Ни один из этих случаев нельзя, естественно, считать неопровержимым и не допускающим двойного толкова-

ния просто потому, что авторы памфлета не стали предпринимать тех предосторожностей, которые давно вошли в практику работы Общества исследований в области психики, а именно — снятие письменных показаний со свидетелей, перекрестная проверка на возможность проявления криптомнезии и так далее. Три десятилетия спустя другой исследователь применил эти меры предосторожности и страховки в своем собственном расследовании случаев предполагаемой реинкарнации.

Больше всего поражает в книге Иана Стивенсона «Twenty Cases Suggestive of Reincarnation» («Двадцать случаев предполагаемой реинкарнации») и в последующих трех томах «Cases of the Reincarnation Type» («Различные типы реинкарнации») то, как все они похожи на случай с Шанти Деви. Шварнлата, дочь муниципально-го чиновника, родившаяся в 1948 году, начала рассказывать братьям и сестрам о своей «предыдущей» жизни в городке Катни, где ее называли Бийей, и где она вышла замуж за человека по имени Шри Чинтамини Пэдни. Когда ей исполнилось три с половиной года, отец взял ее с собой в инспекционную поездку по школам, и, когда они проезжали Катни — находящийся примерно в сотне миль от их дома — она попросила водителя свернуть на дорогу «к моему дому». К тому времени ее отцу уже было известно о том, что она рассказывает своему семейству о своей «прошлой жизни». Она танцевала и пела своим родителям песни, которым, по ее словам, она научилась в своей прошлой жизни. Выучить их в ее нынешней жизни у нее явно не было никакой возможности.

Когда девочке исполнилось десять, ее семья переехала в Чхатарпур, и там она встретилась с женщиной по имени

Шримати Агнихотри, которую, как она заявила, она знала еще по ее прежней жизни. На ее отца большое впечатление произвело то, что эта женщина подтвердила многие из рассказов его дочери о Катни и ее жизни там — он впервые начал серьезно относиться к ее заявлениям. Он стал записывать ее рассказы. В 1959 году со Шварнлатой встретился профессор Хемендра Баннерджи, который затем проследовал в Катни, чтобы проверить, как ее утверждения соотносятся с тем, что может рассказать ее «прошлая» семья в Катни. Он составил список из девяти пунктов относительно дома, где она жила, которые нуждались в проверке. Все они оказались правдивыми; то же самое относилось и к описанию Шварнлатой своей жизни в качестве Бийи, покойной супруги. Вскоре после этого Шварнлата и ее семья переехали в Катни. То, что затем произошло, очень походит на случившееся с Шанти Деви. Следуя указаниям профессора Баннерджи, семья Шварнлаты не только приняла меры, чтобы ненароком не подсказать ей что-либо, но даже попыталась ввести ее в заблуждение в некоторых вещах. Например, сказали, что пастух, ухаживавший за принадлежащим им стадом коров, умер, а потом вдруг показали ей его живого и здорового; она сразу же узнала его. Таблица, в которой Стивенсон суммировал места, людей и события, описанные Шварнлатой, занимает восемь страниц, и производит внушительное впечатление. Результатом всего этого стало то, что семья из Катни приняла Шварнлату как умершую Бийю, она проводила с ними много времени и близко сошлась со своими прошлыми «братьями» и «детьми». Стивенсон лично занимался расследованием этого случая в 1961 году, имея то преимущество, что все необходимые документы уже были собраны профессором Баннерджи. Так что случай со Швар-

нлатой можно считать чуть ли не железным доказательством возможности реинкарнации.

Еще одна из историй Стивенсона живо напоминает случай с Люранцией Веннум и Мэри Рофф. В 1954 трехлетний мальш по имени Ясбир Лал Ят умер от оспы. Но прежде, чем его успели похоронить на следующий день, тело ожило и зашевелилось. Прошло несколько недель, прежде чем ребенок заговорил вновь, а когда это произошло, то родители были потрясены — личность их ребенка изменилась до неузнаваемости. Ясбир был скучным, тихим мальшом; внезапно он стал искриться энергией. Он объявил, что является сыном брамина (каста, занимавшая более высокое положение по сравнению с его нынешней семьей), который живет в деревне Вехеди, и он отказывался принимать пищу, если она не была приготовлена брамином. Он утверждал, что ему подсунули отравленные сладости, отчего он упал с повозки и разбил голову, а потом умер. Понятно, что семья Ясбира отнеслась скептически к его рассказам, полагая, что болезнь сказалась на его умственных способностях. Но в 1957 году им пришлось изменить свое мнение, когда леди-брамин из Вехеди приехала в деревню Ясбира, и он мгновенно узнал в ней свою тетку. Ясбира отвезли в Вехеди, и, подобно Шанти Деви и Шварнлате, он выказал подробнейшее знание своего бывшего обиталища, сопровождая гостей во время обхода дома. В предыдущем воплощении его звали Собха Рам, и его знание своей прошлой жизни (в мельчайших подробностях!) убедило всех в том, что Ясбир и Собха Рам — одно и то же лицо. Однако, обвинение в использовании отравленных сладостей так и осталось недоказанным — считалось, что Собха Рам умер от оспы.

Самое замечательное в этой истории то, что Ясбиру исполнилось уже три годика, когда он «умер» и «воплотился» в Собху Рама, умершего в то же самое время. Напрашивается предположение, что Собха Рам сумел внедриться в тело до того, как наступила гибель мозга, а потом возродился к жизни.

Ни один из случаев реинкарнации нельзя считать доказанным, если к нему не были применены подробнейшие исследования, аналогичные тем, которые проводили Стивенсон и Баннерджи; история, кажущаяся стопроцентно правдивой, рассыпается в прах при малейшем намеке на ее анализ. Собственно говоря, имеются даже сведения о том, что однажды и сам Стивенсон был обманут. Эдвард Райалл, проживавший в Бинфлите, графство Эссекс, заявил, что его преследуют воспоминания о «прошлом существовании» еще с детских лет. В этих воспоминаниях он представлял фермером из Сомерсета по имени Джон Флетчер, который погиб в 1685 году, когда нанялся проводником к войскам герцога Монмутского, показывая им путь для нападения на силы роялистов при Седжмуре. Постепенно эти воспоминания становились все более яркими, обрастая многочисленными подробностями, и он, наконец, вспомнил большую часть своей «прежней жизни». Во время вторжения в Италию в 1945 году Райаллу, по его словам, слышался женский голос, который прошептал ему на ухо, чтобы он был осторожнее; приглядевшись, он заметил впереди себя противопехотную мину, на которую едва не наступил.

В 1970 году Райалл написал об этом письмо в газету «Дэйли экспресс», которое вызвало всеобщий интерес. Иан Стивенсон встретился с Райаллом и пришел к выво-

ду, что тот не лжет. Именно Стивенсон убедил Райалла написать книгу о своем прошлом существовании, и под названием «Второй раз подряд» она увидела свет в 1974 году, за два года до смерти Райалла. Женщина, которая предостерегла Райалла, чтобы он не задел проволочный взрыватель мины, в его книге предстает в образе жены Флетчера в Вестон Зойланд.

Вскоре после публикации книги корпорация «Би-Би-Си» выпустила телепрограмму, и в ней Райалл вместе с ведущим отправился в церковь, в которой он предположительно сочетался браком, а также посетил другие места из жизни Джона Флетчера. Ведущий признался, что и рассказ Райалла, и его явное участие в событиях своей прошлой жизни совершенно убедили его.

Книга приходских регистраций была цела, и когда Иан Стивенсон просмотрел ее, то не обнаружил вообще никаких следов существования ни самого Джона Флетчера, ни его семьи. Райалл утверждал, что отца Флетчера насмерть затоптал буйвол в 1660 году, и что его отпевал преподобный Томас Холт, викарий прихода Вестон Зойланд; Томас Холт действительно был викарием, но записи о похоронах отца Флетчера отсутствовали. Не было найдено и регистрационной записи о женитьбе Флетчера, о крещении двух его сыновей, хотя тот утверждал, что крестил их уже следующий викарий, который пунктуально записывал все выполненные им обряды крещения (записи о которых по-прежнему хранятся в Бюро записей смертей и браков графства). Наконец, Райалл оказался чрезвычайно осторожным в переписке с местным историком, который вызвался помочь ему установить, что случилось с фермой Джона Флетчера — хотя

Райалл клялся, что ему доподлинно известно место, где она находилась. Благодаря Иану Уилсону очень убедительная история стала все больше напоминать фантазию на исторические темы.

Собственное объяснение этого случая, предложенное Уилсоном, в основном совпадает с гипотезой Томсона Джея Хадсона, высказанной им в работе «The Law of Psychic Phenomena»: все дело в экстраординарных способностях субъективного «я». Хадсон ссылается на представляющий исключительный интерес случай из «*Biographia Literaria*» («Литературная биография») Коулриджа о неграмотной крестьянке, которую охватила «нервная лихорадка» и которая вдруг свободно заговорила по-латыни, по-гречески и на идише. Все это очень походило на вселение духа, но молодому и настойчивому врачу удалось найти еще здравствующего дядю девушки, от которого он узнал о том, что ее родители умерли, когда она была еще ребёнком, и ее приютил старик пастор. Последующее расследование показало, что у пастора была привычка расхаживать взад-вперед по притвору, читая вслух отрывки из книг на греческом, идише и итальянском. Находясь в здравом уме, девушка была не в состоянии вспомнить хотя бы слово на этих языках, но в ее подсознании они отпечатались, а потом всплыли на поверхность во время нервного срыва.

В 1933 году невролог по имени Уилдер Пенфилд, лечивший эпилептических пациентов, проводил операцию на мозге, когда его электрический зонд вдруг коснулся точки в височной части коры головного мозга пациентки. Пациентка (находившаяся в полном сознании — мозг нечувствителен к боли, так что анестезия не нужна) сказала

Пенфилду, что, когда он коснулся ее мозга, она вдруг оказалась в кухне, прислушиваясь к звукам, которые издавал ее маленький сын, играя во дворе. Она вся была «там» — например, она слышала шум проезжающих по улице автомобилей. Еще один пациент, которого он привлек для участия в эксперименте, очутился на игре в бейсбол в маленьком городке — он смотрел, как какой-то мальчишка пролезает под забором; другой перенесся в концертный зал, причем свободно мог различать игру каждого инструмента в отдельности. Остальные пациенты «воспроизводили» сценки из своего детства в мельчайших подробностях. Было похоже, что Пенфилд случайно включил нечто вроде видеомэгнитофона, который записал буквально каждый миг (сна и бодрствования) всей жизни пациента.¹

Вывод очевиден. У каждого из нас имеется нечто вроде библиотеки, в которой хранятся все наши мысли и поступки. Тогда почему она недоступна для нас самих? Потому что мы слишком «заняты». Жизнь трудна; у нас просто не хватает времени, чтобы «порыться в библиотеке». Или, подобно тем гениям вычислений, которые утратили эту способность в возрасте четырнадцати лет, мы попросту отказались от нее как от причуды (или роскоши) эволюции. Но эксперименты Пенфилда показывают, что мы, при желании, всегда можем восстановить ее. Для этого даже не нужен электрический зонд. Психиатры, разработавшие методику под названием «абреакционная терапия» (абреакция — освобождение от напряжения, вызванного подавляемыми эмоциями, при помощи

¹ Wilder Penfield, «Mysteries of the Mind» («Таинства мозга»), 1975, chapter 6.

проигрывания конфликтной ситуации (устного или ролевого)), обнаружили, что обычное внушение может заставить пациента наяву пережить травматический шок. С таким же успехом аналогичная методика может быть использована для того, чтобы мы заново пережили самые восхитительные моменты своей жизни.

Но открытие Пенфилда внушает определенный скептицизм в отношении случаев, подобных истории Эдварда Райалла. В оправдание собственному скептицизму Иан Уилсон приводит в пример знаменитую историю, исследованием которой в 1906 году занималось Общество исследований в области психики. Женщина, скрывавшаяся под псевдонимом «мисс С.», будучи погружена в гипноз, начала вспоминать подробности из жизни другой женщины, Бланш Пойнинг, жившей во времена Ричарда II. Она была близкой подругой Мод, графини Сэйлсбери. Это знание подробностей жизни графини можно считать поистине выдающимся. Насколько она себя помнила, мисс С. не прочла ни единого исторического романа, из которого она могла бы почерпнуть такие подробности. Однажды, во время чаепития с исследователем из ОИОП, они вдруг заговорили о планшетке, приспособлении для автоматического писания, и мисс С. согласилась попробовать снестись с Бланш Пойнингс с помощью планшетки. Вскоре у «Бланш» и мисс С. завязалась оживленная «беседа», причем Бланш стала упрекать ее за то, что она слишком долго не пыталась вступить с нею в контакт. Когда у нее поинтересовались, как они могут проверить ее рассказ, Бланш ответила: «Спросите у Э. Хольт». Э. Хольт оказалась Эмилией Хольт, автором романа под названием «Countess Maud» («Графиня

Мод»). Мисс С. прочитала его еще ребенком, и давно забыла об этом. Оказалось, что в этом романе до мельчайших подробностей описана жизнь графини Сейлсбери, которые и вспомнила под гипнозом мисс С.

Похоже, это ставит окончательную точку в споре о возможности реинкарнации: скептики победили! Но случай, произошедший в 1950 году, послужил ярким примером того, насколько опасны поспешные выводы и патологическое недоверие.

Мори Бернштейн, бизнесмен из городка Пуэбло, что в штате Колорадо, обнаружил, что от природы обладает недюжинными способностями к гипнозу, и убедил супругу страхового агента, Вирджинию Тайх, испытать на себе его способности. Вирджиния оказалась субъектом, способным впадать в состояние глубокого гипноза, и когда Бернштейн перенес ее в прошлое задолго до ее рождения, она вдруг заговорила с ирландским провинциальным акцентом, и назвалась Брайди Мерфи, которая родилась в 1798 году в Корке, Ирландия. На шести магнитофонных кассетах она дает полный отчет о своей жизни в качестве Брайди, супруги адвоката, который преподавал в университете Куинс, в Белфасте. Брайди умерла осенью 1864 года.

Бернштейн написал об этом книгу, «The Search for Bridey Murphy» («В поисках Брайди Мэрфи»), которая была выборочно опубликована в газете «Чикаго дейли ньюс», к большому неудовольствию ее конкурента, газеты «Чикаго Эмерикен». Репортер «Чикаго дейли ньюс» отправился в Белфаст на поиски следов Брайди Мэрфи, но вскоре обнаружил, что его поискам существенно мешает тот факт, что записи рождений и смертей начались в Ирландии через два года после смерти Брайди. Одна-

ко, ему удалось раскопать несколько второстепенных подтверждающих фактов. Двое бакалейщиков из Белфаста, о которых упоминает миссис Тайх, обнаружили в белфастском справочнике за 1865 год. Двухпенсовую монетку, о которой Брайди говорила, что она была в ходу в ее время, отчеканили незадолго до ее рождения, и она вышла из обращения через двенадцать лет после ее смерти. Брайди утверждала, что она родилась в местности «Медоуз», в окрестностях Белфаста, и на карте Белфаста, датированной 1801 годом, действительно присутствует район, обозначенный как «Мардаик медоуз». Другие подробности, упомянутые Брайди, — улица Дули-роуд в Белфасте и церковь Святой Терезы — проверить и подтвердить не удалось. Но это не охладило энтузиазм американской аудитории, и книга «В поисках Брайди Мэрфи» стала самым кассовым бестселлером 1956 года.

Как раз в это время соперничающая газета опубликовала результаты своего собственного расследования. В его ходе было установлено подлинное имя Вирджинии Тайх (Бернштейн воспользовался псевдонимом), а также обнаружился тот факт, что она жила в Чикаго. По мнению «Чикаго Эмерикен», у миссис Тайх была тетка, настолько ирландка до мозга костей, «насколько ирландскими могут быть озера Килларни», которая в детстве рассказывала ей сказки об Ирландии; ее звали Мэри Бернс. Более того, в детстве Вирджиния жила напротив ирландки Брайди Коркелл, которая в девичестве носила фамилию Мэрфи. Ее ирландское прошлое и ирландские корни, по словам газеты «Чикаго Эмерикен», очаровали маленькую девочку. Кроме того, Вирджиния была без ума от Джона, сына миссис Коркелл.

Ажиотаж вокруг «Брайди Мэрфи» улегся так же внезапно, как и начался, и книга покинула списки бестселлеров. Но репортер-документалист из Денвера, который занимался расследованием этого разоблачения, установил, что большая часть рассказанного — обыкновенная ложь. Миссис Мэри Бернс — тетка, которая была настолько ирландкой, «насколько ирландскими могут быть озера Килларни», — родилась в Нью-Йорке, и не встречалась с Вирджинией до тех пор, пока той не исполнилось восемнадцать. И она, и Вирджиния с пеной у рта отрицали, что когда-либо слушали ирландские баллады и сказки. Миссис же Коркелл оказалась буквально неуловимой, она отказывалась давать интервью, так что репортеру не удалось установить, действительно ли ее девичья фамилия была Мэрфи. Но зато он установил, что ее сын Джон — по которому предположительно сохла Вирджиния — был редактором воскресного выпуска «Чикаго Эмерикен», газеты, которой не удалось приобрести права на серийную публикацию книги Бернштейна. Вирджиния настаивала на том, что она никогда даже не разговаривала с миссис Коркелл, и не проявляла никакого интереса к ее сыну Джону, который был на восемь лет ее старше, и к тому же женат.

Все вышесказанное отнюдь не свидетельствует о том, что реинкарнация Брайди у Вирджинии Тайх была более реальной, чем Бланш Пойнингс у «миссис С.». Но зато это доказывает, что легче опровергнуть утверждение, чем внимательно рассмотреть и изучить его. Большинство тех, кто писал об этом случае (например, Мартин Гарднер в своей статье «Fads and Fallacies in the Name of Science» («Уловки и обман во имя науки»)), удовлетворились тем,

что приводили разоблачение в качестве примера, не упоминая при этом разоблачение разоблачения, сделанное газетой «Денвер пост». «Страсть к недоверию» может привести к столь же глубокому самообману, как и желание поверить у доверчивых людей.

Дело Брайди Мэрфи привело к тому, что многие гипнотизеры заинтересовались проблемой переноса личности в прошлое — регрессией. Доктор-англичанин, Арнелл Блоксхем, проживавший неподалеку от Кардиффа, регрессивно загипнотизировал девушку по имени Энн Окендон, которая стала вспоминать свою жизнь в облике мужчины в краю, где люди ходили обнаженными и носили ожерелья из звериных клыков. Блоксхем заключил, что она рассказывала о доисторических временах. Очевидно, что проверить именно эту реинкарнацию не представлялось возможным. Более поздние случаи оказались в этом смысле более благодарными. Телевизионный продюсер Джеффри Айверсон так увлекся программой, которую он сделал о Блоксхеме, что на свой страх и риск решил изучить несколько случаев и опубликовал результаты в книге, озаглавленной «More Lives Than One?» («Несколько жизней — возможно ли это?»). Инструктор по плаванию Грэм Хакстейбл «превратился» в моряка восемнадцатого века на корабле Ее Величества «Эгти»; он с полной достоверностью изобразил сцену боя с французским кораблем, и в конце концов дико закричал, когда его ранили в ногу. Граф Маунтбаттен уговорил современного историка, Оливера Уорнера, попытаться изучить магнитофонную запись, сделанную Хакстейблом, и хотя ему не повезло, и он не смог проследить ни корабля, ни сражения, в котором тот участвовал, Уорнер закончил тем, что полностью убедился

в его достоверности. Моряк Хакстейбла явно знал о кораблях и мореплавании того периода намного больше, чем можно было почерпнуть их исторических романов.

Наиболее убедительный случай Айверсона — это история о женщине, Джейн Эванс, которая помнила семь своих прошлых жизней. Она утверждала, что была домохозяйкой-римлянкой, жившей в Британии, еврейской девушки, ставшей жертвой еврейских погромов в Йорке, французской куртизанкой, служанкой французского торговца, швеей во времена королевы Анны, фрейлиной инфанты Испании, и монахиней-американкой из городка Де-Мойн, штат Айова. Римлянка, «Ливония», продемонстрировала великолепное знание своего времени, что предполагало в ней эксперта по истории Британии и Древнего Рима. Миссис Эванс настойчиво утверждала, что всеми своими познаниями в истории она обязана школьному курсу. Айверсон отправился в долину Луары, чтобы изучить ее инкарнацию в качестве «Алисон», служанки Жака Кера, советника французского короля Карла VII. Джейн Эванс никогда не бывала в долине Луары и ничего не знала о французской истории; но расследования, проведенные Айверсоном среди французских историков, показали ему, что Алисон чрезвычайно много знала об истории средневековой Франции.

Наиболее впечатляющей оказалась ее «инкарнация» в качестве еврейки «Ребекки», в Йорке двенадцатого века. Незадолго до того, как Ричард Львиное Сердце отправился в третий крестовый поход, в 1189 году в Лондоне прошли антиеврейские бунты. Англичане выработали в себе такую нетерпимость по отношению к «язычникам», что евреи стали приравняться к мусульманам. В 1190

году в Йорке прокатилась волна погромов; евреи искали убежища в замке, и многие из них убили членов своих семей, а затем и самих себя, чтобы не попасть в руки разъяренной толпы. Ребекке и ее семье удалось избежать страшной участи, и они спрятались в крипте (подземной часовне) христианской церкви, стоявшей «как раз за большими воротами». Но чернь нашла их и там и расправилась с ними.

Айверсон решил обратиться к эксперту по погромам, профессору Барри Добсону из университета Йорка. На Добсона произвело большое впечатление ее описание массового террора, причем, Джейн Эванс призналась, что абсолютно несведуща в таких вещах. Он решил, что церковь, отвечающая описанию — это храм Святой Марии в Каслгейте. Единственная проблема заключалась в том, что в ней не было крипты. Но шесть месяцев спустя, во время реконструкции, рабочие обнаружили остатки чего-то, «напоминавшего крипту» — комнату с круглыми арочными сводами, под алтарем.

Иан Уилсон, признавая, что это очень впечатляющая регрессия, все-таки не отказывается от критики. В Йорке, замечает он, было сорок церквей; как может профессор Добсон быть уверенным в том, что церковь Святой Марии — именно та? Ребекка описывала убийство старого еврея на «Кони-стрит». Но в Йорке двенадцатого столетия Кони-стрит все еще называлась Кунинга-стрит (Королевская улица). Ребекка упоминает о «больших бронзовых воротах Йорка», хотя, на самом деле, «Бронзовые ворота» — это название улицы. Эти возражения утрачивают свою актуальность, когда мы узнаем, что профессор Добсон тоже задавался ими — и сам же ответил

на них. Улица, на которой убили старика-еврея, и в самом деле могла быть Кунинга-стрит, но вполне вероятно, что просто ее название произносилось как Кони-стрит. У англичан есть привычка менять произношение иностранных слов. (В моем родном городе, Лейчестере, Бельвуар-стрит произносится как «Бивер-стрит»). Улица под названием «Бронзовые ворота» действительно существовала в Йорке в 1190 году, и в конце ее возвышались ворота, ведущие в замок. Нет сомнения, что большинство жителей Йорка полагали, что название «Бронзовые ворота» («Coppergate») относится как раз к воротам.

Теперь мы можем ответить и на третье возражение критиков: каким образом профессору Добсону удалось идентифицировать одну церковь среди тридцати девяти других? Ребекка, в частности, говорит, что она находилась «как раз за большими воротами». Это похоже на правду, потому что им удалось улизнуть из замка.

Критицизм Иана Уилсона показывает, что критическое отношение к реинкарнации — это, по большому счету, то же самое, что и критическое отношение к общению с духами посредством медиумов. Все, что можно объяснить криптомнезией, телепатией или возможным мошенничеством, следует полагать недоказанным. Если нам предстоит доказать, что с духами можно общаться, то мы должны продемонстрировать, что призрак сообщил нечто неизвестное медиуму или всем присутствующим. Некоторые случаи — например, Перекрестные послания — соответствуют этому критерию. И то же самое относится к проблеме реинкарнации. Здесь нужно показать, что «реинкарнированному» человеку известно то, что он мог узнать только в своем прошлом воплощении. Так что при-

менительно к делу Грэма Хакстейбла совершенно не имеет значения то, что военно-морской историк посчитал его рассказ вполне убедительным. Мы должны быть уверены на все сто процентов, что Хакстейбл никогда не видел фильма или не читал книги, которые могли бы послужить материалом для сцены сражения.

В случае же с Джейн Эванс такое объяснение совершенно неприемлемо. Если она и правда не любитель читать, и все ее знания истории почерпнуты из школьного курса, то тогда совершенно непонятно, откуда она могла узнать о жизни римской матроны в Колчестере, или еврейки в Йорке. В то же время, в ее «инкарнации» отсутствует один важный момент: доказательства того, что Ливония, Ребекка и остальные действительно существовали. Не имея таких доказательств, мы никогда не сможем быть твердо уверены в том, что они не являются еще одной удивительной выдумкой подсознательного «я».

Еще один английский гипнотизер, Джо Китон, который живет в Уирреле, пригороде Ливерпуля, также специализировался на регрессиях, и сформировал группу, которая поставила себе целью собрать документальные свидетельства своих прошлых жизней. Ситуация выглядела комической, поскольку сам Китон решительно отказывается поверить в то, что он имеет дело с реинкарнацией. Он по-прежнему считает, что имеет дело с некой чисто ментальной способностью получать доступ (как — пока неизвестно) к архивам памяти человеческой расы, чего-то вроде коллективного подсознания у Юнга.

Впервые я встретился с Китоном в 1978 году, когда он приехал на студию «Вестуорд телевижн» в Плимуте. Он «регрессировал» в то время симпатичную медсестру по име-

ни Паулина МакКей, тоже родом из Уиррела. Паулина «превратилась» в служанку с Западного побережья по имени «Китти Джей», покончившую жизнь самоубийством поблизости от Шагфорда в конце восемнадцатого столетия. Джо написал старшему библиотекарю в Эксетере, чтобы спросить, не известно ли ему что-нибудь о Китти Джей, и с удивлением узнал, что «могила Джей» находится на окраине Дартмура, поскольку она повесилась на ферме Кенна-фарм. По католическим канонам самоубийцы не могут быть похоронены на кладбище.

Китон загипнотизировал Паулину МакКей прямо в телестудии, затем перенес ее в ее прошлую жизнь, и, наконец, в ее существование под именем Китти Джей. Китти рассказала, как она нанялась работать прислугой на ферме Форд-фарм в Манатоне, и позволила соблазнить себя некоему Робу, который работал на соседней ферме Кенна-фарм. Хотя Паулина раньше никогда не бывала в графствах к юго-западу от Лондона, было похоже, что она знает этот район, и она правильно назвала мост, на котором они с Робом останавливались во время прогулок. Она рассказала о том, как Роб бросил ее, а затем подробно описала собственное самоубийство. Во время рассказа Паулина погружилась в депрессию и она начала задыхаться. Это было впечатляющее представление. Тем не менее, оно легко вписывалось в рамки криптомнезии. Паулина могла прочесть истории Китти Джей в какой-нибудь книге о привидениях, такой, как, например, «Gazetteer of British Ghosts» («Географический справочник привидений в Великобритании»), написанный Питером Андервудом.

Начиная с нашей первой встречи в 1978 году, Джо Китон регулярно сообщал о своих расследованиях, и некото-

рые были весьма и весьма впечатляющими. Но вплоть до 1983 года ни один из этих случаев нельзя было считать стопроцентным доказательством реинкарнации — или расовой памяти. Но вот, наконец, двое его исследователей — Эндрю и Маргерита Селби — смогли представить документальные доказательства существования прошлой жизни.

Объектом регрессии был журналист, Рей Брайант, который работал в газете «Ивнинг пост» писателем-документалистом. В 1980 году ему предложили написать серию статей о гипнотической регрессии. В результате он заинтересовался подобными вещами, но его собственные попытки регрессировать оказались неудачными. Тем не менее, он стал членом группы, которая собиралась в Лондоне, так что он по-прежнему не оставлял надежды вспомнить свое прошлое. Во время двенадцатого сеанса гипноза он услышал свой собственный голос, живописующий о том, как однажды «ему» стало плохо на железнодорожном вокзале. (Рей Брайант описывает свои ощущения во время этих сеансов так: это похоже на то, что вы смотрите программу по телевизору и одновременно участвуете в ней). Постепенно выяснилось, что «он» был работником на ферме по имени Роберт Сойер, который жил в местечке Онгар, графство Эссекс, в начале двадцатого века. (Сам Рей родился в 1938 году). Во время трех следующих сеансов он описывал свою жизнь в качестве работника на ферме, а все члены группы задавали ему вопросы. Потом Джо Китон решил, что пришло время пойти дальше. Рея Брайанта перенесли во время, предшествовавшее рождению Роберта Сойлера. В этот раз он стал солдатом по имени Ройбен. Когда его попросили назвать свое второе имя, он сумел выдать только начальные

звуки: «С-т...» Но уже было очевидно, что жизнь Ройбена была намного богаче событиями, чем жизнь Роберта Сойера. Он служил сержантом в 47-м ланкаширском пехотном полку, был ранен в крымскую войну (там он видел Флоренс Найтингейл) и, в конце концов, умер в Лондоне в возрасте пятидесяти семи лет.

Выяснились и другие подробности. Он был ранен в «битве в каменоломнях», о которой никто в группе ничего не слышал. Но проверка в архивах показала, что такое сражение действительно состоялось в июне 1855 года. (Даже если и так, то это было одно из самых неизвестных и непримечательных сражений во время осады Севастополя. Я просмотрел полдюжины книг в поисках упоминания о нем, но — безуспешно). Он оставил армию после двадцати одного года службы, в 1865 году, и вернулся в свой родной город, Ормскирк, графство Ланкашир. Его жена Мэри — на которой он женился, будучи капралом — умерла, и он решил последовать за своим сыном, которого тоже звали Ройбен, в Лондон. Там он устроился на работу лодочником в доки Миллуолл-докс, но остался одиноким и несчастливым. Армейская же его карьера была исключительно удачной; ему нравилось быть солдатом. То, что на закате жизни ему пришлось жить в чужом городе, в одиночестве, в сдаваемой внаем комнатухе, угнетало его. Рей Брайант сказал, что перемена, произошедшая с ним после того, как он сменил солдатский мундир на куртку лодочника, была разительной. Он умер в 1865 году.

Шансы разузнать что-либо о бывшем сержанте во время Крымской войны казались призрачными, но Эндрю и Маргерита Селби, которые жили в Саут-Хэрроу, предложили попытать счастья. Эндрю Селби — инже-

нер-строитель по профессии, для которого регрессия стала новым делом жизни после того, как он посмотрел интервью Джо Китона для «Эл-Би-Си», в котором тот искал добровольцев для гипноза. Но с чего начинать? Библиотека Гилдхолл-лайбрери в Лондоне показалась им хорошей отправной точкой, и здесь им невероятно повезло. Там оказалась книга со сведениями о потерях в Крымской войне, и, начав искать по первым буквам «Ст» — единственным буквам своей фамилии, которые смог произнести Ройбен, — они обнаружили сержанта Ройбена Стаффорда, который получил ранение в руку во время сражения в каменоломнях. Его наградили несколькими медалями и повысили в чине; в книге были указаны даты приказов. Теперь в их распоряжении оказалось средство убедиться в том, был ли Ройбен «Ст» сержантом Ройбеном Стаффордом (впоследствии полным сержантом). Во время следующей регрессии они попросили Рея Брайанта вернуться к этим датам и спросить, что случилось. Оказалось, что он был прав в каждом случае.

Но на этом расследование не закончилось. Селби обращались в Государственный архив Великобритании и в Общее бюро записей рождений, смертей и браков, которое размещается теперь там, что раньше называлось Сомерсет-хаусом (теперь Приют Святой Катерины). Они обнаружили свидетельство о смерти Ройбена, в котором значилось, что он утонул, и в котором был указан его адрес в Грейвсенде. К моменту своей смерти Ройбен очень обеднел, и они установили, что похоронили его в «коммунальной» могиле на кладбище в Ист-Хеме. Рей Брайант отметил, что чувствовал себя глубоко взволнованным, стоя на том месте, где когда-то находилась могила Ройбена. Кос-

ти его давно истлели, и на этом коммунальном погосте лет двадцать назад выделили местечко для кого-то другого.

В случаях, подобных этому, теория криптомнезии представляется лишенной смысла. Ройбен выдержал проверку в обоих смыслах: даты, которые он назвал, оказались точными; даты, указанные в записях, вызвали верные ответы Ройбена. Можно возразить, конечно, что каким-то образом Рею Брайанту, находящемуся под воздействием гипноза, удалось прочесть мысли людей, которые задавали ему вопросы, и дать им правильные ответы; но все это, тем не менее, не объясняет, откуда Рей Брайант имел такие точные сведения об «Ст» Ройбене, который был ранен в руку в сражении при каменоломнях под Севастополем. (Когда Ройбена регрессировали во время после ранения, то он обращался со своей парализованной рукой осторожно и неловко; но стоило регрессировать его обратно, как паралич исчез). Похоже, не остается ничего другого, кроме как признать, что Рей Брайант в своем прошлом воплощении был сержантом Ройбеном Стаффордом из Ормскирка, или что он каким-то образом поддерживал контакт с разумом Ройбена Стаффорда. Эндрю Стаффорд склоняется к гипотезе о «коллективном подсознании»; сам же Рей Брайант предпочитает более простое объяснение о реинкарнации.

Если он прав, то вырисовывается интересная картина. Начнем с того, что мы вынуждены признать, что после своей смерти в водах Темзы в 1865 году Ройбен через несколько лет возродился в облике работника на ферме Роберта Сойера, и что он умер до того, как в 1938 году появился на свет Рей Брайант. Если мы согласимся с тем, что Роберт Сойер и Ройбен Стаффорд действительно существовали, то

вероятность четырех ранних «инкарнаций», проявившихся под воздействием гипноза, тоже реальны — Уилфред Андертон, кучер из восемнадцатого века; девушка по имени Уинифред, умершая в совсем юном возрасте; служанка Элизабет, возвысившаяся до гувернантки в конце семнадцатого века, и безымянная личность, не понимавшая английского языка и жившая веком ранее, — очень высока.

И вновь перед нами встает основополагающий вопрос о том, кто или что выживает после смерти. Совершенно очевидно, что речь не идет о разнице полов, поскольку в своих прошлых воплощениях Рей Брайант был и мужчиной, и женщиной. Тогда в чем же заключается тот основной «субстрат» личности, который объединял всех этих семерых людей? Когда я спросил его об этом, то Рей Брайант ответил, что не знает. Но у него было такое чувство, что все его предшествующие шесть инкарнаций создали его таким, каков он сейчас. В Престоне, где разместились бараки 47 полка (и где Рею Брайанту представилась возможность исследовать полковые архивы), его охватило сильное чувство «дежа-вю». Ему казалось, что именно своему знанию Ройбена он обязан повторяющемуся ночному кошмару о том, как будто он падает за борт лодки, а также то ощущение покоя, которое охватывало его в воде или под водой — речной ли, морской ли, в ручье или в пруду. Похоже, что нечто может переноситься из одной «жизни» в другую — что, разумеется, свидетельствует в пользу гипотезы о том, что какая-то часть личности продолжает жить после смерти. Это также означает, что то, что переживает смерть — Майерс, Гурней и так далее — не какая-то постоянная часть или величина, поскольку она, в свою очередь, развивается и эволюционирует в нечто

другое. Это, пожалуй, одно из тех положений, которое присутствует во всех учениях о духах, от Кардеса и Стэнтона Мозеса до Джеральдины Камминс.

У индуистов и буддистов реинкарнация является одним из религиозных догматов. В нее верили древние кельты и древние греки. Некоторые отцы церкви, например, святой Джером и Ориген, относились к ней с симпатией. Но ее проклял Второй константинопольский церковный собор — созванный императором Юстинианом, — и с этого момента она стала именоваться христианской ересью. В памфлете о реинкарнации, опубликованном Обществом католической истины, отец Дж.Г.Крехан заявляет: «Католику должно быть ясно, что в нашей вере нет места теориям о реинкарнации». (Стоит упомянуть и о том, что Иан Уилсон принял католическую веру).

Вероятно, следует заметить, что основной причиной того, что в наше время реинкарнация не получила широкого распространения на Западе, стало то, что многие люди относятся к ней как к затейливой выдумке. Я подробно объяснил, почему так случилось, в своем анализе дела доктора Гирдхема. Доктора Гирдхема, старшего психиатра округа Бат, всегда интересовала еретическая секта тринадцатого века, называвшая себя Катарями — «очистившимися». Они верили в то, что Господь не всемогущ, что зло столь же велико, как и добро, и что материальный мир принадлежит дьяволу. Церковь преследовала их, и в 1244 году большинство их было казнено в местечке Монтсежур, поблизости от Тулузы. В Тулузе и других окрестных городах у Гирдхема возникло стойкое и сильное чувство «дежа-вю». Всю его взрослую жизнь его мучил кошмар. Ему снилось, что он лежит на

земле, а к нему приближается высокий мужчина; он часто просыпался от собственного крика.

В 1962 году Гирдхем встретил пациентку, которую он называет миссис Смит, ей тоже часто снился такой же кошмар. У обоих кошмары прекратились, как только миссис Смит стала пациенткой Гирдхема. Но она не сказала ему, кто именно был тот человек, являвшийся к ней во сне долгие годы. Эти сны, в которых она жила во Франции тринадцатого века, начали преследовать ее после того, как она несколько раз теряла сознание. В своих снах она видела молодого катарского священника по имени Роже де Гризоль, однажды ночью, в метель, забредшего в домик ее родителей, с которым у нее случился роман. Когда родители выгнали ее из дома, она стала жить с Роже в его доме. Ее воспоминания об этом доме во сне обрели все большую четкость. Идиллия завершилась убийством. Она не знала толком, кого именно убили, но была уверена, что в этом был замешан некий Пьер де Мазероль. Роже скончался в тюрьме, а ее саму похоронили живьем в Монсежуре. В Гирдхеме она узнала «Роже».

Миссис Смит потребовался целый год, чтобы набраться мужества и рассказать Гирдхему о своих снах. Он был потрясен до глубины души. Миссис Смит абсолютно ничего не знала о катаризме. Зато ему было известно, что преследование и казни катаров начались после того, как человек по имени Пьер де Мазероль подстроил гибель инквизиторов, посланных в Тулузу папой. Гирдхем начал разбираться в том, что именно миссис Смит помнила о катарах. Некоторые из этих подробностей выглядели неправдоподобными: например, что катарские священники были одеты в голубое или зеленое. Она упомянула об этом в 1944 году;

в 1965 году французский ученый Жан Дювернуа обнаружил доказательства, что некоторые катарские жрецы действительно предпочитали в одежде зеленые или голубые тона. Ей снилось, что сахар отпиливали от сахарной головы и использовали как лекарство; в 1969 году ученый Рене Нелли сделал открытие, что сахар действительно импортировали из стран арабского Востока в виде «голов» и считали его панацеей от всех болезней. И снова подробное описание катарских ритуалов, данное миссис Смит, было подтверждено экспертами.

Итак, пока что история выглядит достаточно правдоподобной для любого, кто не страдает предвзятым отношением к реинкарнации. То, что миссис Смит обнаружила, что доктор Гирдхем был ее любовником в прежнем воплощении, может служить типичным примером фрейдовского «феномена трансференции» (когда пациент влюбляется в своего лечащего врача), и в случайность того, что эти двое снова встречаются в двадцатом веке, поверить трудно. Но то, что ученые подтвердили исторические подробности о катаризме, похоже, не оставляет сомнений в правдивости истории. Если во всех этих штуках действительно повинно подсознание Хадсона, тогда его возможности намного шире даже тех, о которых Хадсон предполагал.

Я писал о Гирдхеме в своей книге «Оккультизм», и даже навещал его в его доме неподалеку от Бата. После этого мои сомнения в том, что он мог выдумать миссис Смит, рассеялись окончательно. Хотя я и в глаза ее не видел, для меня было очевидно, что Гирдхем — совершенно нормальный, честный и уравновешенный человек, отнюдь не эксцентрик, а его жена Мэри, подтвердившая детали его книги, выглядела воплощением здравого смысла. Он показала

мне свою переписку с различными учеными, и я понял, что он не включил в книгу огромную массу доказательств, просто для того, чтобы не смущать читателя.

Что вызвало мое беспокойство, даже в то время, так это его продолжающееся участие в делах катаров. Он показал мне рукопись книги под названием «We Are One Another» («Мы все похожи друг на друга»). Она начинается с описания его встречи с женщиной по имени Клер Миллз, привлекательной, неутомимой, открытой особой, которая однажды поинтересовалась у него, не значат ли что-нибудь для него слова «Реймонд» и «Альбигензиан» — они все время крутились у нее в голове. «Альбигензианами» иногда называли катаров, а «Реймондом» звали одного из графов Тулузы. Все это произошло до того, как он написал свою книгу о миссис Смит, «The Cathars and Reincarnation» («Катары и реинкарнация»), так что она никак не могла узнать, что его интересует эта тема. Клер Миллз часто снилось, что ее сжигают на костре, и люди, которых она видела во сне, означали, что ее посещали кошмары о преследовании и казни катаров. Ей снилось, что ее, полуобнаженную, заставляют взойти на огромный костер и горящим факелом прижигают спину. И действительно, в этом месте у нее было необычное родимое пятно, похожее на россыпь волдырей от ожогов. Гирдхем заключил, что она была еще одной катаркой, с которой он познакомился в своем прошлом существовании. Но это было не все. Мать умершей девушки показала Гирдхему дневник, который ее дочь вела, когда ей было семь лет; он был полон катарских имен и карандашных набросков. Гирдхему пришло в голову, что, вероятно, и мать, и дочь были катарами. Еще одна знакомая оказалась вовлечена

в странную историю, так что Гирдхему не оставалось ничего другого, кроме как поверить, что ему попался случай «групповой реинкарнации» (как мы помним, именно эту доктрину преподносил Джеральдине Камминс «Майерс»).

Но этим дело не кончилось. В своей книге «The Lake and the Castle» («Озеро и замок») Гирдхем объясняет, на чем основывается его убеждение, что эта самая группа людей совместно существовала и в ранней эпохе, в качестве членов кельтской церкви. Одним из догматов церкви являлась реинкарнация. Кроме того, они подвергались пыткам. Как будто следуя поговорке, что трудно обмануть читателя только в первый раз, Гирдхем развивает свои теории дальше — по его словам, эти же самые люди жили и во время правления Рима над Британией в четвертом веке, и в эпоху Наполеона.

Я был другом Гирдхема, начиная с тех самых событий в начале 70-х годов, и часто останавливался в его доме. Он стал крестным отцом моей дочери, так что я полагаю, что знаю его достаточно хорошо. Я пригласил Клер Миллз на ужин (вместе с Гирдхемами), и она подтвердила его рассказ. У меня нет никаких причин считать его свенгальцем, который может убедить своих пациентов принять участие в его фантазиях об их предыдущих жизнях, или что его книги были написаны для того, чтобы привлечь к нему внимание. Совершенно очевидно, что он верит каждому слову в них. Более того, он слишком умен и образован, чтобы безоглядно воспарить на крыльях воображения. Иан Уилсон подчеркивает, что если бы Гирдхем ограничился только подробным отчетом о деле миссис Смит, или, может быть, написал бы историю психического расстройства миссис Смит, то тогда к его утверждениям отнеслись бы с дол-

жным вниманием. Он понимал не хуже прочих, что факт групповой реинкарнации (не говоря уже об убеждении Гирдхема в собственном существовании в качестве древнего грека в тринадцатом веке до нашей эры, описанном в «Острове»), делает эту историю совершенно фантастической для большинства читателей. Он, вероятно, даже возразил бы, как сэр Уильям Крукс: «Я не сказал, что это возможно — я сказал, что так оно и было».

Отец Крехан полагает, что Гирдхем, миссис Смит, Клер Миллз и прочие обладали даром телепатии, и что им каким-то образом удалось «соединить воедино» свои фантазии и почерпнутые из книг сведения. Но из отчета Гирдхема о его отношениях с миссис Смит следует, что это невозможно — она начала делать подробные записи о катарах за восемнадцать лет до встречи с ним. Итак, нам остается всего два возможных предположения: или Гирдхем занимался самообманом во вселенском масштабе, или теория о групповой реинкарнации верна в принципе.

К счастью, последний аргумент не нуждается в таких подтверждениях. Выводы, вытекающие из исследования случаев реинкарнации, кажутся достаточно ясными и последовательными, и легко вписываются в общую картину, свидетельствующую о возможности загробной жизни. Мы уже говорили, например, о том, что Мэри Рофф знала о попытках своих родителей наладить с ней общение с помощью медиума, и даже смогла процитировать слова, которые она написала во время сеанса. И вообще, медиумы сами по себе представляются формой временного «вселения». Мэри и Люранция Веннум смогли договориться о совместном пользовании телом Люранции Веннум на про-

тяжении нескольких месяцев. И даже после того, как все было кончено, Мэри периодически «наведывалась» в него.

Напрашивается вывод о существовании «бестелесных» существ, которые, при определенных обстоятельствах, могут вселяться или покидать тело человека с такой же легкостью, как водитель садится или выходит из автомобиля. В случае с Ясбиром Лал Ятом все выглядит так, будто Собха Рам нашел брошенную автомашину, мотор которой был еще теплым, и уселся на место водителя, за руль. Такое предположение кажется нелепым с точки зрения здравого смысла, но в его пользу свидетельствуют некоторые улики.

В целом, «факты», собранные в ходе изучения различных случаев, похоже, подкрепляют точку зрения Штайнера о том, что реинкарнация — это приобретенная в ходе эволюции способность, и это соответствующим образом излагается и объясняется в восьми томах «Кармических отношений». Некоторое сомнение, впрочем, внушает единственный момент. Штайнер полагает, что для реинкарнации требуется промежуток времени от ста до тысячи лет. Но и собственные взгляды Штайнера претерпели изменения с течением времени. Между «Теософией», написанной в 1904 году, и «Принципами оккультной науки», опубликованными шесть лет спустя, наблюдаются определенные противоречия и разногласия. Штайнер никогда не претендовал на непогрешимость; он пытался выражать и описывать свои «взгляды» по мере их возникновения.

Для нас, в первую очередь, исключительную важность представляет последовательность и связность его учения, а также то, что спиритуализм нельзя воспринимать буквально: «Спиритуалисты — самые большие материалисты». Он постоянно подчеркивал, что «мир духов соткан из субстан-

ции, из которой состоит человеческая мысль». То есть, он говорит о том, что человек ошибается, полагая, что «заключен» в материальном мире, и с безучастностью относясь при этом к собственной жизни. Он буквально восхищается скрытыми творческими возможностями человеческого разума. Поэтому, хотя частенько его отношение к спиритуализму было враждебным, он все-таки подтверждает и поддерживает то, что сказал Майерс в «Личности человека» — и о чем Кэтрин Кроу говорила до него: человек обладает огромными и потрясающими способностями, о которых даже не подозревает. Эта точка зрения особенно явственно выражается в следующей цитате:

«Ваше нынешнее окружение, в некотором смысле, является вашим же порождением, от которого вы мысленно зависите; ваши нервы и чувства передают вам ваше собственное восприятие жизни. Если бы вы смогли сконцентрировать свое эго или ежедневное сознание внутри более глубокого разума, если бы, попросту говоря, вы научились переходить в такое мысленное соединение, в котором бы отсутствовала форма в таком понятии, как передают ее нам органы чувств, то материальный мир перестал бы существовать».

Собственно говоря, эти слова не принадлежат Рудольфу Штайнеру; они взяты из «писем» Майерса, и опубликованы Джеральдиной Камминс в книге «The Road to Immortality» («Дорога к бессмертию»). Они еще раз подчеркивают уверенность Штайнера в том, что «факты» нельзя воспринимать слишком буквально. Поступить так — значит, исключить «пятое измерение», которое только и придает им смысл.

Глава седьмая

Упадок и возрождение

После бед и страданий, принесенных первой мировой войной, тысячи людей стали искать спасения и утешения в спиритуализме; парадоксально, но одновременно еще больше людей разочаровалось в нем, сочтя все это чепухой и досужей выдумкой. Человека, который в значительной мере ответственен за столь двойственное отношение к спиритуализму, звали сэр Оливер Лодж.

В ноябре 1916 года была опубликована книга Лоджа «Raymond, or Life and Death» («Рэймонд, или жизнь и смерть»), которая сразу же после своего выхода в свет стала сенсацией, — хотя и не такой, на которую рассчитывал Лодж. Еще с 1909 года, когда из-под пера Лоджа вышла книга «The Survival of Man» («Выживание человека»), где он признается, что верит в загробную жизнь, собратья-ученые начали подозревать, что он «переметнулся на другую сторону». По крайней мере, в этой своей работе он оставил место для обсуждения собранных улик и доказательств и строго придерживался принципа непредвзятого научного наблюдения и анализа. Но тот факт, что он посвятил четырехсотстранич-

ный труд рассказу, как его умерший сын восстал из мертвых, выглядел потаканием собственным слабостям. «Рэймонд» стал легкой добычей недружественно настроенных обозревателей — особенно та его часть, в которой Рэймонд объясняет, что «другая сторона», на самом деле, не так уж и отлична от нашей земли. Большинство людей, по его словам, носили белые халаты, хотя многие не отказались бы надеть костюмы. Они могли принимать пищу, если у них возникало такое желание, или даже выкурить сигару и выпить виски. «Там есть лаборатории, в которых они производят всевозможные вещи и предметы». Слушать такое было неловко. Один их психологов по имени Шарль Мерсье второпях сочинил откровенно враждебную книгу, озаглавленную им «Spiritualism and sir Oliver Lodge» («Спиритуализм и сэр Оливер Лодж»). Однако большинство ученых сочли, что Лодж повредился рассудком, и что милосерднее всего будет просто не обращать на него внимания.

Сэр Артур Конан Дойл столкнулся с той же самой враждебностью в 1918 году, когда открыто признался в том, что перешел на сторону спиритуализма, в книге под названием «The New Revelation» («Новое откровение»). Во время войны на попечении Дойлов оказалась прикованная к кровати молодая женщина по имени Лили Лодер-Саймондс, которая, чтобы отвлечься от своих страданий, занялась автоматическим писанием. Дойлы были убеждены, что с ними разговаривает ее подсознательное «я». Но в один прекрасный день пришло послание: «Это ужасно. Ужасно. И окажет большое влияние на ход войны». В тот самый день немецкая субмарина потопила пассажирский лайнер «Лузитания», на котором погибло свы-

ше тысячи пассажиров, многие из которых были американцами. С того дня Дойлы начали относиться к автоматическому писанию с большим уважением. В апреле 1915 года шурин Конан Дойла, Малколм Леки, погиб под Момом. Как-то раз, сидя у кровати Лили Лодер-Саймондс и наблюдая, как из-под ее руки выходят строчки очередного послания, Дойл с изумлением узнал в них почерк Малколма Леки. Дойл начал задавать вопросы, и «Малколм» ответил. Дойл задал ему особенно трудный вопрос о частной беседе, которая состоялась у них перед самой войной. В ответе содержалось точное указание на то, о чем они говорили тогда с Леки. И все-таки Дойл не поделился своим открытием ни с кем, даже со своей женой. После этого он уже не испытывал никаких сомнений в возможности жизни после смерти.

Его обращение к спиритуализму вызвало еще большее недоумение по сравнению с аналогичным поступком сэра Оливера Лоджа. Его друзья, незаурядные и выдающиеся личности, среди которых числились Ллойд Джордж, Уинстон Черчилль, король Георг V, считали, что он проявляет прямо-таки детскую доверчивость. Многие издевательски спрашивали: «А что сказал бы на это Шерлок Холмс?» Собственно говоря, когда последняя эпопея о приключениях великого сыщика, «The Case Book» («Архив Шерлока Холмса»), вышла в свет в 1927 году, ее ожидал беспрецедентно холодный прием; средний класс почувствовал, что их идол низверг себя с пьедестала. Последний роман о великом профессоре Челленджере — «The Land of Mist» («Земля туманов») — в которой Челленджер обращается к спиритуализму, — был принят с нескрываемой насмешкой. Биограф Дойла

утверждает, что именно из-за своей поддержки спиритуализма тот не получил звания пэра.¹

Одна из самых печальных страниц, повествующих о предрассудках против спиритуализма, связана с именем архитектора Фредерика Блая Бонда. В 1907 году руины аббатства в Гластонбери были приобретены государством, и Блаю Бонду поручили возглавить раскопки. Бонд слыл ярким почитателем «Ночной стороны природы» Кэтрин Кроу, и он решил, что его задача существенно упростится, если он сможет снестись с кем-нибудь из умерших в давние времена монахов аббатства и спросит у них, где начинать раскопки. Его друг, которого звали Джон Аллен Барлетт, должен был вести автоматическую запись ответов. В ноябре 1907 года Бонд и Барлетт уселись по разные стороны стола, Барлетт держал в руках карандаш, а Бонд едва касался крышки стола ладонью. Бонд задавал вопросы, а рука Барлетта выводила ответы. Когда Бонд поинтересовался, где стояла исчезнувшая часовня, рука Барлетта начертила план аббатства с указанием места расположения часовни. «Коммуникатор» представился «Гильельмусом Монакусом» — Уильямом-монахом. Когда люди Бонда начали раскопки в указанном месте, они наткнулись на часовню. Работодатели в лице англиканской церкви были в восхищении. Они пребывали в нем, пока Бонд совершал находку за находкой, включая и вторую часовню. Бонд позаботился о том, чтобы никто не узнал, что большая часть полученных им сведений исходила от Уильяма-монаха и других коммуникаторов, которые называли себя «наблюдателями». Наконец, в 1917 году он решил, что победите-

¹ Charles Higham, *The Adventures of Conan Doyle*, p. 261.

лей не судят, и предал огласке всю историю в книге, названной «Gate of Remembrance» («Врата памяти»). Церковь пришла в ужас, и Бонд остался без работы. Ему был даже запрещен доступ в пределы аббатства, а книжная лавка внутри получила распоряжение не продавать написанный им путеводитель по Гластонбери.

Эта история имела свое продолжение. В 1936 году архиепископ кентерберийский, Космо Лэнг, решил, что настало время англиканской церкви выразить свое отношение к спиритуализму. Поэтому он назначил комиссию, в задачу которой входило решить, совместимы ли доктрины спиритуализма с христианскими догмами. На то, чтобы предоставить отчет, комиссии потребовалось три года. Они пришли к заключению, что спиритуализм не только не противопоставляется христианству — в конце концов, все христиане верили в загробную жизнь, — но доказательства существования загробной жизни выглядят исключительно убедительно. Архиепископ был настолько неприятно поражен подобными выводами, что положил отчет под сукно, где тот и оставался забытым в течение более чем тридцати лет. Он был опубликован только в середине семидесятых годов.

Мы уже наблюдали подобное явление: ощущение, что чрезмерная озабоченность проблемой жизни после смерти представляется нам каким-то психическим, или, если угодно, дегенеративным отклонением. Это вполне здоровая и нормальная реакция. Здоровые люди совершенно естественно считают, что нам следует уделять больше внимания занимательным и восхитительным проблемам бытия и физической вселенной, а не смерти. Тем не менее, совершенно очевидно, что подобный критицизм совершенно не

применим к Оливеру Лоджу и Конан Дойлу. Дойл был бы идиотом, если бы на него не произвел впечатления тот факт, что автоматическая запись поведала ему то, о чем больше не знала ни единая живая душа. Лодж был бы никудышным ученым, если бы не сумел распознать того, что групповая фотография с Рэймондом представляла собой прямое доказательство, что его сын пережил свою смерть. Нелишним будет напомнить, что Лодж и Дойл были членами Общества исследований в области психики на протяжении более чем двадцати лет, прежде чем оба убедились в существовании загробной жизни; то же самое относится и к Джеймсу Гислопу и сэру Уильяму Барретту. Да и Крукс примирился с возможностью жизни после смерти только в 1917 году, после сеанса, во время которого он убедился, что с ним действительно разговаривает его умершая супруга. Этих людей убедили веские доказательства, а не стремление выдать желаемое за действительное.

В этом, собственно, и заключается причина того, почему спиритуализм не получил массового распространения. Если двадцать лет ушло на то, чтобы рассеять сомнения людей, заинтересовавшихся проблемой, то потребовались бы века, чтобы убедить тех, кому это было неинтересно.

Следует признать, что высказывания Рэймонда Лоджа о сигарах и виски с содовой — не говоря уже о белых одеждах — вероятно, нанесли спиритуализму больший вред, чем разоблачение дюжины мнимых медиумов. С тех самых пор отношение к нему практически не изменилось. В самом понятии жизни после смерти ощущается нечто абсурдное — налет нелепости, который так замечательно проявился в романе «Inexperienced Ghost» («Неопытное привидение») Г. Дж. Уэллса и «Blithe Spirit» («Жизнера-

достный призрак») Ноэля Кауарда. Большинству произведений, посвященных жизни после смерти, не удалось избежать этакго флера абсурдности. В 1928 году преподобный Чарльз Дрейтон Томас выпустил книгу «Life Beyond Death With Evidence» («Доказательства жизни после смерти»), представляющую собой впечатляющую коллекцию его «контактов», посредством медиумов, с умершими отцом и сестрой. Но когда его отец начинает описывать мир, в котором он теперь живет, то великое и таинственное превращается в банальное и даже пошлое.

«У нас есть дороги, но их покрытие непохоже на брусчатку или щебень английских дорог... По виду оно немного похоже на природную почву, но лишенную грязи и прочих несообразностей...

У нас есть Лондон, но это не ваш Лондон... Есть некоторое сходство между парками и красивыми зданиями, но у нас все намного лучше... Здесь я не видел змей или львов... У нас есть лошади, собаки и кошки, но очень мало обезьян...»

После всего этого трудно прийти в надлежащее расположение духа, читая о том, как отец и сестра рассказывают о своей встрече с Иисусом, который, как и следовало ожидать, излучает «величие и, вместе с тем, благоденствие и смирение».

В тридцатых годах двадцатого века медиум по имени Джейн Шервуд начала практиковать автоматическое писание, получая при этом пространные послания от некоего «Дж. Ф. Скотта» с описаниями загробной жизни. Они были опубликованы под названиями «The Psychic bridge» («Мост на ту сторону») и «The Country Beyond» («За-

зеркалье»). Впоследствии «Скотт» сообщил свое настоящее имя — Т. Э. Лоуренс — и надиктовал еще одну книгу о своей собственной жизни после смерти. Дух, представившийся «Митчеллом» и принявший на себя обязательства ментора Лоуренса, рассказал последнему, что он вел монашеский образ жизни, и что пришло время поэкспериментировать с ощущениями и опытом, которого ему не хватало на земле. Например, женщины. «Познай удовольствие». Лоуренс отправляется в нечто вроде экскурсии по домам терпимости. «Эти девушки — не проститутки... Это женщины, которым не доставало сексуального общения в их земной жизни, и которым нужно восполнить этот пробел, чтобы они могли развиваться...» Лоуренс, который в земном своем воплощении имел наклонности гомосексуалиста и которому нравилось, когда его пороли, разражается лирическим отступлением: «Мы бродили только вдвоем в земле обетованной, наслаждаясь прелестями интимного общения, осиянного магией единения...»

Если бы Джейн Шервуд и Дрейтон Томас были обмануты — или собственным подсознанием, или шутниками-духами — то подобных сентенций удалось бы, без сомнения, избежать. Но Рейнор С. Джонсон, один из ведущих авторитетов в области мистицизма, так отозвался о «Зазеркалье» Джейн Шервуд: «Это, пожалуй, самая удачная и успешная попытка донести до нас подлинную правду о том, с чем нам придется столкнуться, когда мы покончим с физическим существованием». Книга Дрейтона Томаса представляет собой один из самых впечатляющих доводов в пользу загробной жизни, которые когда-либо были опубликованы. Его «отец» смог совершенно точно предсказать, что будет написано в газетах на следующий день — и это при том,

что, как показало расследование, некоторые из этих якобы утверждений на самом деле отсутствовали в книге!

Похоже, что такие вот несуразности и недоразумения присущи спиритуализму по определению. Исследователи паранормального находят их не более обескураживающими, чем любители поэзии, когда сталкиваются с тем, например, что и Уордсворт может скатиться к банальностям. Они просто-напросто представляют собой обратную сторону закона Джеймса. Но для многих потенциальных неопитов, которые могли бы стать приверженцами спиритуализма в перерыве между войнами, они превратились в непреодолимый барьер на пути к истинной вере. К лабораториям и публичным домам в небесах просто невозможно относиться серьезно.

Были и другие причины, которые могут объяснить упадок спиритуализма в двадцатые-тридцатые годы. Времена великих медиумов, таких как Дунглас Хоум, Евсапия Палладино и Леонора Пайпер, миновали безвозвратно. Нельзя отрицать, замечательные медиумы по-прежнему встречались — миссис Леонард, например, или братья Шнайдер, или Хелен Дункан, — но их достижения не выглядели столь впечатляющими. В той циничной атмосфере утраченных иллюзий, которая воцарилась после мировой войны, разоблачения и скандалы привлекали намного больше внимания, чем успешные эксперименты с медиумами. Фокусник Гарри Гудини сделал карьеру на том, что критиковал спиритуализм в двадцатых годах; его книга «*Magician Among the Spirits*» («Фокусник среди духов») изображала медиумов как «пожирателей человечины». В ходе расследования деятельности медиума из Америки Марджори Крэндон были обнаружены некоторые улики, свидетельствующие о том,

что Гудини совершил подлог, спрятав линейку в специально сконструированном шкафу, чтобы можно было обвинить медиума в том, что с ее помощью она звонила в колокольчик. Впоследствии ассистент Гудини признался, что подложил линейку в шкаф по прямому указанию шефа, и добавил: «Вам следует знать кое-что о мистере Г. Для него правда — это только то, что он хочет видеть». В сущности, даже серьезные исследователи иногда становились на сторону скептиков. Например, после ряда экспериментов с австрийским медиумом Руди Шнайдер Гарри Прайс обвинил его в мошенничестве со страниц воскресной газеты, вместо того чтобы просто сообщить об этом Обществу исследований в области психики. (Позже стало известно, что он поступил так, чтобы досадить Шнайдеру, который дал согласие работать с исследователями-конкурентами). Когда Хелен Дункан обвинили в мошенничестве и оштрафовали на десять фунтов, Прайс написал целую книгу, посвятив ее нападкам на медиума. В свое время будет разоблачен и Прайс — всплывет его мошенничество в самом знаменитом его расследовании — деле о посещении духами дома приходского священника в Борли.

В Обществе исследований в области психики скептиков называли «ретроградами». В первые годы существования Общества единственным ретроградом в нем считался Фрэнк Подмор. Но к концу двадцатых годов некоторые наиболее влиятельные члены Общества, включая научного сотрудника Э. Дж. Дингуолла, и его библиотекаря Теодору Бестерман, стали ретроградами. У тех, кто хотя бы немного старался соблюсти объективность, не было ни единого шанса победить. Дингуолл отправился в Америку, что обследовать Марджори Крэндон, и был явно удовлетворен ее искрен-

ностью — большой сгусток эктоплазмы выплеснулся откуда-то из ее бедер, сформировался в нечто, напоминающее руку, и прикоснулся к Дингуоллу. Но когда он, спустя шесть месяцев, сел писать отчет о своем расследовании, то переменял мнение и дал понять, что медиум была обманщицей. В результате этих внутренних противоречий Общество раскололось на фракции, лишившись, таким образом, возможности выполнить задачу, ради которой оно и было создано. Когда сообщения о замечательном бразильском медиуме Карлосе Мирабелли достигли Общества в 1927 году (он парил в воздухе, дематериализовывался, а затем возникал вновь в соседней комнате, и заставлял умерших обретать плоть при ярком дневном свете), — в нем царила такая неразбериха, что отправить на место компетентного исследователя было некому. Выдающиеся способности Мирабелли так никогда и не были подтверждены. Времена, когда Общество в считанные недели могло отрядить кого-либо наподобие Ричарда Ходжсона на другой конец земного шара, давно миновали.

Но в 30-е годы был совершен существенный прорыв в исследованиях в области психики, или, как теперь говорят, в исследовании паранормального. В кабинет доктора Джозефа Бэнкса Райна в университете Дюка в 1934 года вошел какой-то игрок и заявил, что он может управлять тем, как падают игральные кости. Когда они вдвоем присели на корточки на полу, Райна вдруг осенило, что он нашел метод, с помощью которого можно было доказать существование психокинеза — «власти разума над материей» — в лабораторных условиях. В течение восьми лет было проведено восемнадцать серий статистических экспериментов, в результате чего выяснилась одна потрясающая особен-

ность: когда люди были «свежими», они могли управлять падением костей. Продолжая играть, они уставали, им становилось скучно, и управление костями давалось им все труднее. Методы Райна могут показаться серыми и будничными в сравнении с экспериментами Крукса с Дунгласом Хоумом, или исследованиями Евсапии Палладино, проведенными Рише, но он со всей очевидностью доказал в лабораторных условиях, что разум человека обладает паранормальными способностями.

Без преувеличения, это был гигантский шаг вперед. Он продемонстрировал правильность главного аргумента, выдвинутого Кэтрин Кроу и Фредериком Майерсом: способности человеческого разума намного превосходят наши самые смелые предположения. Но он не приблизил нас к разгадке самой главной тайны, для раскрытия которой и было создано Общество исследований в области психики: есть ли жизнь после смерти? Однако потом, в конце тридцатых годов, очередная серия статистических экспериментов приблизила ответ на этот вопрос.

Доктор Сэмюэл Джордж Соэл был математиком в университете Лондона, и полученные Райном результаты не произвели на него особого впечатления. В 1936 году известный фотограф по имени Бэзил Шеклтон вошел в офис Соэла и заявил: «Я пришел не для того, чтобы меня испытывали, а для того, чтобы продемонстрировать телепатню». Он утверждал, что может угадать почти все карты в колоде. Соэл подверг его испытанию, но его постигло разочарование; сначала Шеклтон угадал десять карт из двадцати пяти, но потом его результаты начали ухудшаться; во время седьмой попытки он угадал три карты из двадцати пяти. Шеклтон заявил, что ему нужно выпить, чтобы восстано-

• вить свои способности; но и после этого его успехи оказались удручающе незначительными.

В 1939 году, во время разговора с еще одним исследователем, Уотли Кэрингтоном, Соэла осенило. Кэрингтон ставил эксперименты из разряда «угадай картинку», и он обратил внимание на любопытный факт: некоторые из его подопытных объектов угадывали следующую карту. Соэл вернулся назад и пересмотрел некоторые из собственных результатов. В первую очередь он проанализировал результаты, которые показала домохозяйка из Лондона, Глория Стюарт, и обнаружил, что она часто угадывала следующую карту. Соэл приступил к анализу результатов, показанных другими подопытными объектами, но не обнаружил ничего достойного внимания. И вдруг, по чистой случайности, он наткнулся на результаты Бэзила Шеклтона. У него «расхождение» оказалось еще более поразительным, чем у Глории Стюарт. Снова и снова Шеклтон угадывал или предыдущую, или следующую карту вместо той, которую показывал ему Соэл. Соэл пригласил Шеклтона для участия в другой серии экспериментов. Они продолжались около двух лет и недвусмысленно показали, что Шеклтон часто угадывал следующую карту — ту, которую еще не видел и сам Соэл. Итак, это не было телепатией; это было предвидение — способность, которую продемонстрировал отец Дрейтона Томаса, предсказав, что появится в газетах на следующий день.

Разумеется, само по себе предвидение вовсе не «доказывает» возможность жизни после смерти, но если оно действительно существует, то это значит, что наше материалистическое, основанное на здравом смысле, представление о Вселенной в чем-то в корне неверно. Телепатии и психо-

кинезу наверняка найдется место в научной картине действительности, но ведь будущее еще не наступило; следовательно, нет никакого «научного» способа, с помощью которого его можно узнать. Чтобы объяснить феномен предвидения, нам придется прибегнуть к новой гипотезе: существованию четвертого или пятого измерения, наличие которых предсказывал Уотли Кэрингтон в своей работе «*A Theory of the Mechanism of Survival*» («Теория механизма выживания»). Когда Созл обнаружил явление предвидения, он сделал, пожалуй, самый важный шаг в направлении признания жизни после смерти с момента основания Общества исследований в области психики.

В 1942 году американский ученый, доктор Гертруда Шмайдер из Рэдклифф-колледжа, получила столь же важные и впечатляющие результаты. Она изучала группу студентов на предмет экстрасенсорного восприятия (ЭСВ) и, перед тем как приступить к экспериментам, она спросила, кто из ее подопечных верит в ЭСВ, а кто — нет. Тех, кто верил, она условно назвала «овцами», а неверящих — «козлами». Когда она стала анализировать результаты теста на угадывание карты, то обнаружила, что у «овец» процент угадывания значительно превышал шансы, возможные по теории вероятности. Более того, «козлы» угадывали карты значительно реже, чем предполагала та же теория. Они подсознательно «мошенничали», чтобы подтвердить свою точку зрения о том, что ЭСВ не существует. При этом они демонстрировали столь же развитое экстрасенсорное восприятие, что и «овцы», но использовали его для получения отрицательного результата. С давних пор медиумы и экстрасенсы объясняли свои неудачи присутствием скептиков, а последние вволю поиздевались над этим

жалким оправданием. Гертруде Шмайдер удалось продемонстрировать, что скептицизм — вовсе не такой уж научный и непредвзятый подход, каким он представлялся.

К полученным результатам с энтузиазмом отнесся доктор Гельмут Шмидт, научный сотрудник лаборатории корпорации «Бонинг» в Сиэтле. Если человек быстрее и охотнее проявляет экстрасенсорное восприятие в дружеской атмосфере взаимного доверия, тогда будет просто замечательно, если ученый сумеет поставить такой эксперимент, в котором возможность обмана будет исключена. Тогда он сможет расслабиться и привести подопечного в нужное состояние для проявления ЭСВ. Шмидт сам принял свой собственный вызов и сконструировал аппарат, в котором распадающиеся радиоактивные материалы заставляли лампы гаснуть и загораться вновь. Никто не имел ни малейшего представления о том, когда «распадется» очередной радиоактивный атом, выстрелив при этом новую высокоскоростную частицу. Подопечные Шмидта должны были угадать, какая лампа загорится следующей, и нажать кнопку. После этого аппаратура автоматически регистрировала попадание или промах.

Шмидту попалось множество субъектов, процент угадывания у которых намного превышал среднестатистическую величину. Многие из них уже осознали себя медиумами: кто-то из физиков признался, что часто провидит будущее во сне. Шмидт также наглядно подтвердил выводы Гертруды Шмайдер относительно «овец» и «козлов». Он нашел североамериканку, которая угадывала карты намного чаще среднего, а также девушку-интроверта из Южной Америки, успехи которой в угадывании оказались намного ниже среднего; экстрасенсорные

способности у нее оказались столь же сильно развиты, как и у девушки-экстрове́рта, вот только использовались они для прямо противоположной цели. Эти двое подопечных Шмидта смогли наглядно подтвердить и теорию психокинеза (власть разума над материей), заставляя лампы гаснуть или загораться по своему желанию. Гельмут Шмидт стал первым представителем ученого мира, который подтвердил существование экстрасенсорного восприятия и психокинеза в лабораторных условиях.

Эти достижения выглядят впечатляюще, но любой, кто интересовался исследованиями в области психики и паранормальных явлений в 60-е и начале семидесятых годов нашего века, согласится, что все это изрядно набило оскомину. Угадывание карты и генераторы случайных чисел, разумеется, можно считать убедительными доказательствами проявления экстрасенсорного восприятия или предвидения, но большинству людей трудно заставить себя восторгаться этим. Это не совсем то, о чем мечтали Майерс и Сиджвик во время своих знаменитых прогулок под звездами.

Но оставался, по крайней мере, один исследователь, работавший по старинке. Доктор Карлис Осис родился в Риге, Латвия, в 1917 году, и был ассистентом у Райна в университете Дюка, когда тот занимался исследованиями экстрасенсорного восприятия и предвидения, а впоследствии стал директором по науке в Фонде парапсихологии в Нью-Йорке. Осис пришел в восторг от описания видений, посещавших людей в момент клинической смерти. Он называл их «Вершиной дела Дарьен», по последней строке сонета Китса — намек на почтение и благоговейный ужас. Он выступил с разумным предложением разослать

врачам и медсестрам циркуляр-анкету с вопросами о том, что они наблюдали у умирающих пациентов. Было получено шестьсот сорок анкет, в которых рассматривались более тридцати пяти тысяч случаев. В 1961 году Осис опубликовал свои наблюдения в работе «Deathbed Observations by Physicians and Nurses» («Что наблюдают врачи и медсестры в момент клинической смерти»).

Самые первые открытия и находки Осиса показали, что страх отнюдь не является доминирующей эмоцией у большинства умирающих пациентов. Намного чаще встречаются чувства боли и дискомфорта; еще более удивительным можно считать то, что большое количество пациентов в момент смерти приходили в восторженное состояние, вплоть до экстаза, и их посещали видения. Это происходило примерно в одном случае из двадцати. В видениях часто присутствовал «рай» — прекрасные города «в земле обетованной». Шестилетнему мальчику, умиравшему от полиомиелита, явилось видение красивых цветов и поющих птиц. Большинство пациентов оставалось в здравом уме и полном сознании, с нормальной температурой. Многие пациенты, которых удалось вернуть к жизни, часто не желали возвращаться, говоря «Я хочу туда, назад». Один врач, вспоминая о том, какие галлюцинации он видел сам, когда дважды едва не погиб, предположил, что такое поведение пациентов может объясняться кислородным голоданием мозга. Однажды он едва не утонул; в другой раз отказало кислородное оборудование в самолете на большой высоте. В обоих случаях его посетили прекрасные видения, и он испытал чувство полного счастья. Он негодовал, когда его вытащили из воды, не дав захлебнуться. Но остальные медицинские эксперты не согласились

с такой точкой зрения, и Осис заключил, что подобные видения посещают находящихся в полном сознании пациентов задолго до того, как они впадают в предсмертную кому.

Осис был очень осторожен в своих выводах. Он отмечает, что Барретт ошибался, утверждая, что если пациенту на смертном одре являются видения родственников, то эти родственники уже мертвы. Он обнаружил, что 52% этих видений представляли умерших родственников, 28% — живущих, и в оставшихся 20% случаев пациентам являлись видения религиозных персонажей. Но перепись галлюцинаций, проведенная Обществом исследований в области психики, показала, что здоровые люди в два раза чаще видят своих живых родственников, чем умерших. Итак, «преобладание галлюцинаций умерших людей можно считать действительным признаком пороговой, или терминальной, ситуации». В ответ на возражение, что умирающие пациенты могут находиться под действием седативных препаратов или в лихорадке, он замечает, что большая часть видений умерших родственников явилась пациентам, которым не вводилось успокоительное. У них не было «галлюциногенной патологии», они находились в полном сознании и могли разумно отвечать на вопросы. Таким образом, в части общих выводов работа «Deathbed Observations by Physicians and Nurses» поддерживает заключения, сделанные Барреттом в своей книге «Death-bed Visions»: умирающие, как правило, не испытывают страха перед смертью, и они часто верят в то, что «на той стороне» их встретят умершие родственники.

В завершение своего исследования Осис заявляет, что сделанные им выводы нуждаются в подтверждении, особенно в исследованиях на представителях других культур.

Это его предложение-намеки было подхвачено его коллегой Эрлендуром Харалдссоном, который провел аналогичные исследования в Индии. Вполне разумно было бы предположить, что в совершенно другой культуре — особенно в такой, которая уделяет намного меньше внимания вопросу жизни после смерти — видения на пороге смерти будут совершенно другими. Но Харалдссон обнаружил, что это не так; видения, посещавшие индийцев на пороге смерти, были почти такими же, как и у американцев.

И Осис, и Харалдссон подошли к проблеме смерти в беспристрастной манере, характерной для Общества исследований в области психики. Следующее исследование, проведенное в 1960-х годах, имело ярко выраженную эмоциональную подоплеку. В конце второй мировой войны доктор Элизабет Кюблер-Росс посетила концентрационный лагерь Майданек, и организовала лагерь для беженцев и перемещенных лиц на Висле, в Польше. А в начале шестидесятых, выйдя замуж за профессора неврологии и патологии в Чикаго, она была поражена отношением американцев к смерти. Они игнорировали ее и делали вид, что ее не существует. Она часто замечала, что врачи отказывались навещать смертельно больных пациентов в палатах. Она стала известна всем Соединенным Штатам, когда пригласила на свои занятия в чикагском университете девушку, смертельно больную лейкемией, и журнал «Лайф» опубликовал статью об этом эксперименте. Смерть девушки в 1970 году только укрепила доктора Кюблера-Росс во мнении, что «наше отрицающее смерть общество» должно изменить свое отношение к этому.

Поначалу доктор Кюблер-Росс скептически относилась к возможности жизни после смерти; ее занимали, глав-

ным образом, психологические проблемы, сопутствующие приходу смерти. Но со временем исследования убедили ее в том, что и выживание (т.е. жизнь после смерти), и реинкарнация — реально существующие явления. Ее собственные наблюдения за тем, что видят умирающие, подтвердили тот факт, что часто им приходят видения уже умерших родственников. Например, Элизабет обратила внимание на то, что умирающих детей на пороге смерти посещают видения их покойных дедушек и бабушек.

И хотя выводы в ее книгах — «Of Death and Dying» («О смерти и умирающих») и «Questions and Answers on Death and Dying» («Вопросы и ответы о смерти и умирающих») — изложены не так последовательно, как у Осиса и Харалдссона, общая их направленность прочитывается без труда. Кюблер-Росс полагает, что каждый из нас знает, когда он умрет, и что каждого умершего встречают его покойные родственники или любимые. Кроме того, она пришла к убеждению, что смерть следует считать кульминацией жизни и, может быть, самым ярким ее проявлением и ощущением. Элизабет убеждена, что у каждого человека есть свой, постоянно наблюдающий за ним «проводник», появляющийся в минуты наивысшего эмоционального подъема или психического стресса. Что же касается «мира по ту сторону смерти», как его называет доктор Кюблер-Росс, то она убедилась в справедливости двух основных заключений, постоянно упоминающихся в спиритической литературе. Во-первых, время в «потустороннем мире» не похоже на время, каким оно представляется нам здесь. Во-вторых, не существует никакого «суда» над умершими; они судят — и наказывают — сами себя.

За то, что она совершенно недвусмысленно и эмоционально отождествляет себя со своими подопечными, объектами своего исследования, Элизабет Кюблер-Росс обвинили в том, что она обнаружила только те факты, которые позволили ей обнаружить ее убеждения и верования. Может быть, так оно и было на самом деле. Но также очевидно и то, что сделанные ею выводы основываются на сотнях изученных случаев, и что они не противоречат умозаключениям, к которым пришли Барретт, Осис и Харалдссон.

К концу шестидесятых годов нашего века тема предсмертных видений стала привлекать все больше и больше серьезных исследователей. Двое из них, Рассел Нойс и Рэй Клетти, наткнулись на давно и благополучно забытую работу, посвященную этому вопросу, сделанную профессором геологии из Цюриха, Альбертом Хеймом. Хейм на собственном опыте убедился, что представляют собой подобные видения, когда едва не погиб в Альпах в 1971 году во время восхождения. Налетевший порыв ветра сорвал с него шляпу, потянувшись за ней, он сорвался со скалы и, пролетев семьдесят футов, рухнул на покрытый снегом карниз. Падение длилось едва несколько секунд, но ему они показались вечностью.

«Работа моего ума ускорилась стократ... Передо мной промелькнула вся моя жизнь, образы сменяли один другого, а я смотрел на них как бы со стороны... Все преобразилось под воздействием как будто бы небесного света, и беспокойство и боль пропали без следа. Воспоминания о трагических событиях моей жизни были ясными и отчетливыми, но лишенными грусти и печали.

Я не чувствовал никакого внутреннего конфликта или противоречия; они трансформировались в любовь. Доминировали возвышенные и гармонические мысли, объединяя разрозненные образы, и, подобно величественной музыке, божественное спокойствие снизошло на мою душу. Меня еще плотнее окружили восхитительно голубые небеса с нежными розовыми и фиолетовыми облачками. Я мягко и безболезненно нырнул в них и увидел тогда, что свободно падаю сквозь воздух, и что подо мной в ожидании лежит снеговое поле».

От удара Хейм потерял сознание, но остался жив. Исключительно мирный характер выпавшего на его долю переживания побудил его начать собирать наблюдения других людей, сделанные ими во время восхождений. Он утверждает, что теперь, по прошествии двадцати лет, в течение которых он занимался исследованиями, он обнаружил, что почти у 95% жертв ощущения полностью совпадали с его собственными. Хейм пришел к заключению, что люди, погибшие в результате падения с высоты, испытывали в конце такие же ощущения покоя и умиротворенности.

Нойс и Клетти опубликовали перевод наблюдений Хейма, добавив массу собственных результатов и выводов. В отличие от Элизабет Кюблер-Росс, они не могли поверить, что такого рода переживания представляют некоторое свидетельство жизни после смерти. Они пришли к заключению, что когда человек сталкивается со смертью, у него происходит «деперсонализация», являющаяся своеобразной физиологической защитой от смерти. В результате наступает некий «смертный транс», цель которого состоит в том, чтобы сделать смерть легкой. Ощущение того,

как перед глазами проносится вся жизнь, также является общим для таких испытаний. Лайалл Уотсон ссылается на случай, произошедший с девятнадцатилетним парашютистом, который упал с высоты в три тысячи футов¹. «Перед глазами у меня промелькнула вся моя прошлая жизнь... Я увидел лицо своей матери, все дома, в которых мне пришлось жить, военную академию, в которой я учился, лица друзей, в общем, все». Собственно, он совершил мягкую посадку, отделавшись сломанным носом. Совершенно очевидно, что такие озарения памяти имеют много общего со «вспышками», которые открыл Уайлдер Пенфилд, прикоснувшись электрическим зондом к коре головного мозга во время операции страдавшего эпилепсией пациента, и пробудив в нем детские воспоминания.

В середине шестидесятых годов нашего века, когда Элизабет Кюблер-Росс начинала свои исследования предсмертных видений, молодой студент философского факультета университета Вирджинии, Рэймонд Муди, также начал собирать отчеты о предсмертных состояниях. Одним из тех, кто привлек к себе его внимание, был психиатр, доктор Джордж Ричи из Вирджинии, который, будучи молодым солдатом, совершенно определенно «умер», а потом ожил. В декабре 1943 года Ричи попал в военный госпиталь в Техасе с респираторным заболеванием. Он начал кашлять кровью и потерял сознание; очнувшись, он увидел свое собственное тело лежащим на кровати. Когда он вышел из палаты в коридор, сквозь него прошла дежурная медсестра; он хлопнул какого-то мужчину по плечу, но тот не обратил на него внимания. Он попытался вер-

¹ «The Romeo Error» («Ошибка Ромео»), стр. 63.

нуться в свое тело, но обнаружил, что это невозможно. После этого Ричи испытал нечто вроде религиозного очищения. Комната «осветилась светом ярче тысячи дуговых ламп», и из ниоткуда вдруг возникла фигура, в которой он узнал Христа. После экскурсии по величественному городу, где ему показали последствия грехопадения, Ричи очнулся в своем теле, вполне уверенный в том, что он уже умер. Подобно многим из тех, кто пережил клиническую смерть, Ричи уверял, что это было не похоже на сон; все происходило словно наяву.

В течение следующих одиннадцати лет Муди продолжал собирать рассказы об ощущениях на пороге смерти, даже не подозревая о том, что кто-то другой тоже может заниматься этим. Тогда он еще не слышал об Элизабет Кюблер-Росс. После трех лет изучения философии он понял, что ему лучше стать врачом, и принялся за медицину. За многие годы поисков он собрал около ста пятидесяти описаний предсмертных состояний, и его поразила их явная схожесть; в результате на свет появилась книга, озаглавленная «Life After Life» («Жизнь после жизни»). Когда его издатель отправил гранки Элизабет Кюблер-Росс, та заметила, что могла бы написать такую же книгу сама. «Жизнь после жизни» была опубликована в 1977 году, и сразу же стала национальным бестселлером.

Объединяло рассказы разных людей, находившихся на смертном одре, ощущение неземного покоя и счастья, о котором говорили и Хейм, и преподобный Бертран, и многие другие. И еще одно свойство повторялось снова и снова: движение по темному тоннелю, в конце которого был виден свет. «Я шел по нему — по этому темному длинному коридору. Он был похож на коллектор...

У меня было ощущение, что я попал в барабан или трубу... Я вошел в узкий и очень-очень темный проход... Внезапно я очутился в темной, глубокой пещере», — примерно так описывали начало «потусторонней жизни» практически все пациенты Муди.

Очень часто человек выходит из тоннеля и обнаруживает, что смотрит на свое собственное тело. (Однако во многих случаях человек оставлял свою телесную оболочку сразу). Например, молодой человек, который тонул в «воде глубиной три или четыре фута, то всплывая на поверхность, то погружаясь вниз». «Я видел собственное тело со спины, немного отклонившись вправо», — рассказывал он. А вот как описывает свои ощущения женщина, «умершая» от сердечного приступа:

«Я как будто проскользнула между матрасом и рамой кровати — собственно, мне показалось, что я провалилась прямо сквозь эту раму — и упала на пол. Потом я начала медленно вставать. Поднимаясь, я увидела, как в мою палату бегут медсестры... но вот я остановилась, паря под потолком и глядя вниз».

Сравните это описание с тем, которое приводит Кюблер-Росс, когда состояние женщины, находящейся в реанимации, стало критическим, и сиделка выскочила из комнаты, чтобы позвать на помощь:

«И тут женщина почувствовала, что оставляет свое тело. Собственно, она сказала, что взглянула на себя сверху вниз и поразились той бледности, которая покрыла ее лицо. В то же время она чувствовала себя просто прекрасно. Ее охватило ощущение покоя и облегчения».

О том же самом ощущении один за другим рассказывали и подопечные Муди: ощущение отделения от тела, сопровождающееся благословенным чувством прикосновения к вечности. Еще одной повторяющейся особенностью было ощущение «нового тела», повторяющего форму только что оставленной физической оболочки. Пациенты часто только тогда осознавали, что обрели новое тело, когда, пытаясь заговорить с другими людьми, понимали, что находятся уже вне этого мира. «Я попытался заговорить с ними, но меня никто не слышал и не слушал... они просто проходили сквозь меня». Чувства, особенно зрение и слух, приобретали большую остроту и не шли ни в какое сравнение с возможностями старого физического тела. Но «слух», если говорить о голосах, превращается в разновидность телепатии или передачи мыслей. При этом часто возникает чувство пугающего одиночества, но оно обычно проходит, как только «умерший» человек понимает, что он не одинок: иногда он встречается с другими людьми, которые умерли, родственниками или друзьями, — а иногда и с существом или духом, которого он полагает своим ангелом-хранителем. Одному мужчине такой дух сказал: «Я помог тебе на этом этапе твоего существования, но теперь я собираюсь отправить тебя к остальным».

Очень часто упоминается яркий свет — подобный «тысячам дуговых ламп», о котором говорил Джордж Ричи, — наполненный ощущением любви и тепла. Вполне естественно, верующие сразу же отождествляют его с Богом. Возникает ощущение непосредственного телепатического контакта, без помощи слов. «Это похоже на то, как если бы вы разговаривали с кем-то, кого не видите». «Свет» может задавать наводящие вопросы о том, что вы сделали со

своей жизнью. После этого, как установил Муди, часто наступал черед озарений и воспоминаний, когда перед глазами человека проплывали события прошлой жизни.

Частенько у пациентов возникало ощущение присутствия некоей границы или предела — подобно большим камням, о которых говорил Вильде. Это может быть вода, отдаленный берег, туманная дымка или что-нибудь другое. У «умершего» человека возникает такое чувство, что если он пересечет эту границу, то «умрет» навсегда. Пока она не перейдена, остается возможность вернуться в старое тело. Поскольку все пациенты, с которыми разговаривал Муди, буквально вернулись с того света, то ему довелось услышать много разнообразных вариантов того, как этот возврат осуществился. «Я просто упал рядом со своим телом. В следующее мгновение я осознал, что снова оказался в нем... возникло неприятное ощущение, как будто меня затягивает в воронку или нечто вроде этого». Но большинство людей приходили в себя (просыпались) и обнаруживали, что они снова «живы».

В следующей книге, в основу которой легли результаты последующих экспериментов («Reflections on Life After Life» — «Воспоминания о жизни после жизни»), Муди останавливается на некоторых других интересных аспектах клинической смерти. Часто встречаются разнообразные проявления райских кущей, и повторяется фраза о «граде света». Также сообщается об ощущении, которое Муди называл «видением знания», мгновенное озарение, проникновение в тайны Вселенной:

«На какое-то мгновение мне стали известны тайны всех веков, все значение вселенной, звезд, луны —

всего... Передо мной распахнулись врата этого грандиозного знания. У меня возникло ощущение, будто бы мне сказали, что некоторое время я буду плохо себя чувствовать и находиться на волосок от смерти. Так оно и случилось. Мне сообщили, что отчасти это было вызвано необходимостью стереть то самое всезнание, которое я получил... Мне доверили секреты мироздания, и потребуется некоторое время, чтобы я забыла их. Но я помню, что однажды знал все...»

Когда Муди поинтересовался, в какой форме он получил это знание, то в ответ услышал: «В форме всевозможных видов общения, вдохов, звуков, мыслей. Ничего неизвестного больше не осталось. Все знание было здесь, передо мной, и не просто какая-то одна отрасль, а вообще все». Когда Муди спросил, не теряет ли смысл жизнь, посвященная поискам знания, то получил ответ:

«Нет! Вы по-прежнему стремитесь к знаниям, даже после того, как возвратились сюда. Я все еще в поисках знаний... Глупо стремиться найти все ответы здесь. У меня было такое чувство, что отчасти это было нашей целью... но оно предназначалось не для одного человека, а для всего человечества. Мы всегда стараемся помочь другим тем, что знаем и что умеем сами».

Муди поразило упоминание о том, что универсальное знание «забывается» перед возвращением к жизни, и он цитирует притчу Платона о солдате, которого звали Эр — из его книги «The Republic» («Республика»), — которому было разрешено вернуться из царства мертвых. Эр рассказывает, что души, которым было позволено вернуться

на землю, должны были сначала испить воды из реки забвения, и как некоторые из них, «которых не спас здравый смысл», выпили слишком много. Подобно многим подопечным Муди, Эр не имел понятия, как ему удалось вернуться к жизни. Он просто очнулся и обнаружил, что лежит на своем погребальном костре. Совершенно очевидно, что больше всего Муди интересует этот самый барьер «забывания», который, похоже, вклинился между «иным миром» и нашим — и, косвенным образом, вопрос о том, как некоторым людям удалось избежать потери памяти.

Еще один из подопечных Муди описывает свои ощущения при получении знания и говорит, что они были похожи на школу: «... все было по-настоящему... вы чувствовали, ощущали присутствие других существ вокруг». Муди сравнил эти ощущения с комментариями другого своего пациента, который, оказавшись при смерти, почувствовал, что он оказался в том, что он называл библиотеками института высшего знания. Его первый подопечный с радостью соглашается:

«Это место, которое принадлежит знанию... Это похоже на то, как будто вы мысленно сосредотачиваетесь на одном месте в этой школе и — р-раз! — знание наполняет вас. Как будто вы научились по методу скорочтения читать десятки курсов сразу».

Одна женщина рассказывала ему: «Было так, как будто я знала все... Я подумала, что могу узнать все, что захочу».

Все это имеет очень большое значение, поскольку нейтрализует основное возражение против всего понятия жизни после смерти — о том, что коммуникаторы якобы предаются занятиям совершенно банальным. Если нам

уготовано перенестись в иной мир с теми же самыми мыслительными способностями, тем же самым уровнем развития сознания, то ради этого вряд ли стоит умирать. В большинстве своем мы, в общем-то, отдаем себе отчет в том, что с нашим ежедневным мышлением и сознанием что-то не в порядке; оно постоянно заставляет нас заниматься делами и проблемами, которые мы не считаем важными, но которые застревают в наших головах, подобно навязчивой мелодии. Когда нас охватывает неожиданное ощущение счастья и радости жизни, эти проблемы улетучиваются, как утренний туман. Поэтому, если смерть, с чем, похоже, согласны большинство спиритуалистов, представляет собой ступень дальнейшего развития, то тогда мы вправе ожидать после нее перехода на некий более высокий уровень жизнеспособности, который подразумевает жизнь и ее радости «с высоты птичьего полета», и, разумеется, большую свободу. Вся атмосфера спиритических сеансов кажется раздражающе банальной, «чересчур человеческой». Даже когда коммуникаторы представляются великими музыкантами или писателями — как это было в случае с меднумом Розмари Браун, — то, что они имеют нам предложить — это всего лишь третьеразрядный товар, самое место которому было бы в мусорной корзине во время их земной жизни.

Подопечные Муди, которым довелось испытать «видения знания», похоже, стараются донести до нас мысль, что жизнь после смерти — это не просто продолжение земного существования на том же самом уровне. Муди подчеркивает, что очень часто они говорят: «это невозможно передать словами», или: «слова, которыми бы я воспользовался, — другие, потому что это вовсе не сло-

ва...». Это можно, в какой-то степени, считать ответом на главный довод Рудольфа Штайнера о том, что «спиритуалисты — самые большие материалисты из всех нас». Результаты, полученные Кюблер-Росс, Муди и другими в ходе изучения отчетов о загробной жизни, недвусмысленно предупреждают нас о наличии «языковой брешы», то есть попытке передать и описать новые понятия устаревшими словами, возникшими до появления этих самых понятий. Наши представления о действительности тесно связаны с языковыми средствами ее описания, и большинство отчетов о жизни после смерти сходятся на том, что язык перестал быть необходимостью.

Главной задачей книги Муди было создание новой академической отрасли, или направления: изучения пороговых состояний в момент клинической смерти (или сокращенно «СМКС»). Кеннет Ринг, профессор психологии в университете штата Коннектикут, предпринял попытку более тщательного анализа, чем тот, о котором мог только мечтать Муди. Он отметил, что Муди не сделал ни единой ссылки на современные научные доказательства и описания событий, происходящих в момент клинической смерти, не говоря уже о собственно загробной жизни. В 1977 году, после выхода в свет «Жизни после жизни», Ринг вознамерился устранить этот недостаток, отслеживая и расспрашивая десятки людей, которым довелось пережить клиническую смерть, и проводя их статистический анализ. Результаты, полученные Рингом, подтвердили выводы, сделанные Муди. То же самое можно сказать и о других исследователях: Майкле Сэбоме, Эдит Фиоре, Морисе Роулингсе и Марго Грей. Эдит Фи-

оре в своей книге «You Have Been Here Before» («Вы уже были здесь») обобщила результаты изучения более чем тысячи случаев клинической смерти. Когда читаешь некоторые из таких книг, то возникает ощущение, что во всех говорится об одном и том же. Но, по крайней мере, простое повторение фактов позволяет осознать, что переживания и опыт, приобретенные пациентами Муди, вовсе не были случайностью, выбранными из-за того, что они подтверждают его собственную эмоциональную точку зрения. Снова и снова повторяются описания того, что пациенты чувствовали себя «лишенными тела», шли по тоннелю, в конце которого был виден свет, что у них возникало ощущение общения с благожелательными существами, некоего чувства «повторения пройденного», ощущения границы между жизнью и смертью, и возврата к жизни. (Муди называет это «главным опытом»).

Как уже неоднократно говорилось, все это ничего не «доказывает». Джеймс Элок высказывает основное возражение против этого в своей работе «The Skeptical Enquirer» («Скептический исследователь»):¹

«Я не имею никаких возражений против теологии или философии этих людей. Но утомительно то, что эти люди испытывают прямо-таки потребность представить «объективные» доказательства в поддержку своих верований, и пытаются ввести обывателя в заблуждение своими претензиями на научную строгость и точность. Исследования феномена жизни после смер-

¹ Spring 1979. Quoted by William R. Corliss, «The Unfathomed Mind, A Handbook of Unusual Mental Phenomena», 1982, p. 584.

ти основываются на вере и заключаются в поисках данных, которые бы подтверждали ее, а не ставят своей целью найти объяснение этому явлению. По сути, это выражение всеобщего и индивидуального беспокойства по поводу смерти».

Это совершенно справедливое наблюдение, но, похоже, и в этом случае не получает должного признания факт, что в основе науки лежат повторяющиеся наблюдения. Игнорировать то, что повторяется в тысячах наблюдений — значит, опровергать сам принцип научного подхода. Кюблер-Росс, Муди, Ринг и другие исследователи первыми признали, что их наблюдения за СМКС абсолютно ничего не доказывают о жизни после смерти. Поскольку этих исследователей не интересуют другие доказательства выживания — как раз те, о которых мы говорим в этой книге, — они не предпринимают попыток логически обосновать сам факт существования жизни после смерти. В заключительной главе своей собственной книги у Ринга достало мужества «сбросить свой белый лабораторный халат и описать свои собственные убеждения и верования — такими, какими они мне представляются». Подчеркнув, что состояние клинической смерти ничем не подтверждает возможность выживания, он продолжает:

«Я на самом деле верю — но не просто на основании полученных мною или кем-либо другим данных о клинической смерти, — что мы продолжаем свое сознательное существование после физической смерти, и что это основное чувство знаменует собой его начало, предвестие того, что с нами случится в дальнейшем».

Ринг идет дальше:

«Мое собственное понимание этих состояний клинической смерти позволяет мне считать их чем-то вроде «обучения». Мне кажется, что они, по своей сути, — разоблачительные переживания... Этот опыт недвусмысленно означает, что существует нечто большее, выходящее за пределы физического мира ощущений... Любой, кто даст себе труд ознакомиться с природой и последствиями истинно мистических или религиозных событий, вскоре убедится в том, что главный опыт сам по себе является членом этого большого семейства.

Почему такие события вообще происходят? У меня есть на это один предположительный ответ, хотя я признаю, что он выглядит не только фантастическим, но и совершенно несерьезным. Я пришел к выводу, что вселенная... обладает многочисленными возможностями «доставить свое сообщение». В каком-то смысле она хочет, чтобы мы «проснулись», чтобы мы осознали вселенские масштабы той драмы, в которой нам выпало играть свою роль. Состояние клинической смерти — это всего лишь один из способов пробудить нас к этой высшей действительности».

Точку зрения Ринга отлично дополняет цитата из книги, посвященной последним исследованиям «мистических проявлений», которая принадлежит перу Ноны Коксхед и называется «The Relevance of Bliss» («Блаженство как оно есть»). Она ссылается на случай, произошедший с психотерапевтом Венди Роуз-Нейла, когда она осенним днем возилась в своем саду.

«Помню, что в этот самый день я находилась в очень задумчивом и созерцательном расположении духа. Я вдруг поняла, что постепенно осознаю то, что меня окружало — птичье пение, шорох листьев, прикосновение ветерка к моей коже и запах травы, аромат цветов.

Меня вдруг обуяло нестерпимое желание уткнуться лицом в траву и, когда я так и сделала, через меня потекла, заструилась какая-то сила, как будто я стала частью земли подо мной. Граница между моим физическим телом и окружающей меня природой как будто растворилась, и ощущение раздвоения исчезло. Каким-то непонятным образом я почувствовала, что слалась с землей в неразрывном единстве, как будто я была сделана из нее, а она — из меня. Я чувствовала стебельки травы у себя между пальцами, которые касались моего лица, и меня переполнило ощущением силы, которая, казалось, проникла в каждую клеточку моего существа.

Я почувствовала себя так, как будто начала жить в первый раз — как будто я проснулась после долгого-долгого сна и оказалась в реальном мире. Я помню ощущение, что с моих глаз как будто спала пелена, и окружающие предметы обрели невиданную четкость. Я вдруг поняла, что меня окружает невероятная любящая сила, невероятная ласковая энергия, и что все, живое и неживое, связано вместе такой разнovidностью сознания, которое я не могу описать словами.

Хотя это ощущение не могло продлиться дольше нескольких минут, оно казалось бесконечным — как если бы я оказалась подвешенной в вечном состоянии познания...»

Каждое слово из этого отрывка вторит тому, что сказал Ринг об ощущениях в момент клинической смерти — чувство пробуждения в первый раз, чувство единения с землей и вселенной, «нежной, любящей энергией», впечатления того, что время приостановило свой бег.

Вполне вероятно, что явления, которые мы с вами сейчас рассматриваем — порождение деятельности правого полушария головного мозга. Задикленность нашего левого полушария на настоящем, на проблемах выживания, не позволяет нам вырваться за пределы тривиального непосредственного момента. Это похоже на то, как если бы нас окружала стеклянная звуконепроницаемая стена. Но стоит нам «расслабиться» в своей правой половине мозга, как стеклянные стены раздвигаются, и мы внезапно оказываемся лицом к лицу с реальным миром. Ежедневное напряжение и постоянное чувство спешки исчезают; маятник часов прекращает свое сумасшедшее безостановочное движение, и мы испытываем головокружительное ощущение безвременья.

Следует отметить еще один важный момент. При обычном состоянии сознания и разума мы отдаем себе отчет в том, что мы — зрители, наблюдающие мир вокруг себя, глядящие на него, как на фильм на экране кинотеатра. В явлениях и переживаниях, инициированных правым полушарием головного мозга, «зритель» по-прежнему присутствует, но мы уже не отождествляем себя с ним. Просто возникает ощущение, что «зритель» — это не «вы». Ваше «внутреннее я» ощущает полнейшую расслабленность и наслаждение жизнью. Отсюда возникает странное чувство раздвоения, существование в двух лицах одновременно — или, как выразился Рэй Брайант о своих экспериментах

с гипнотической регрессией, вы как будто смотрите программу по телевизору, одновременно участвуя в ней.

Удивительно, но подобные ощущения почему-то представляются более «реальными», чем наша обычная жизнь. Собственно говоря, мы начинаем познавать мир всем своим существом, а не какой-либо отдельной его частью. Поэтому попытка отмахнуться от мистических ощущений и опыта, считая их «однобокими», как это делает Бертран Расселл в своей книге «Mysticism and Logic» («Мистицизм и логика»), является научно некорректной. С физиологической точки зрения впечатления и ощущения, доставляемые нам правой половиной мозга, являются более «полными» по сравнению с теми, которые мы получаем от левого полушария, поскольку в них участвует и левая половина нашего мозга. То, что является поэту в моменты «прозрения и одухотворения», в научном смысле можно считать более «правдивым», чем то, что он видит, спеша на автобус или бреясь в ванной; точно так же картина, которую мы наблюдаем двумя глазами, более полна и правдива по сравнению с тем, что мы видим одним глазом.

Отсюда следует вывод, что понимание внутренней сути «главного опыта» также более правдиво — ближе к реальности — по сравнению с миром, создаваемым нашим обычным восприятием. Критикуя исследования состояний клинической смерти, Джеймс Элкок намекает, что в них желаемое попросту выдается за действительное. Но свидетельства тех, кто на собственном опыте пережил СМКС, опровергают это; они настаивают, что испытанное ими ни в коей мере не походило на грезы или сон: наоборот, их ощущения были более реальными, чем их ежедневные ощущения. Разумеется, можно возразить,

что СМКС — это всего лишь некая иллюзия или проделки нашего мозга. Но если рассматривать его в совокупности с другими доказательствами существования жизни после смерти, то оно предстает в качестве беглого знакомства с тем типом сознания и разума, которые не зависят от тела.

Марго Грей, основатель Международной Ассоциации Исследований Клинической смерти в Великобритании, проводит прямую параллель между состоянием клинической смерти и мистическим прозрением (в том отрывке, который она написала для книги «*Relevance of the Bliss*»). Она рассказывает, как ее собственный интерес к состоянию клинической смерти зародился после того, как в 1976 году ее посетило внутреннее озарение. В Индии ее подкосила тропическая лихорадка, и в течение примерно трех недель она балансировала на грани между жизнью и смертью.

«В какой-то момент, в очередной раз придя в себя, я вдруг поняла, что если очень захочу, то смогу взлететь из своего собственного тела под потолок и остаться там в этом состоянии левитации.

Тогда мне это показалось совершенно нормальным, я испытала огромное удовольствие и ощущение потрясающей свободы. Я помню, что смотрела на свое тело, лежавшее на кровати, и меня несколько не беспокоил тот факт, что я вполне могла и умереть в чужой стране... но при этом мне представлялось совершенно не имеющим значения, где я оставила свое тело, которое, как я полагала, верно служило мне и которое, подобно любимому изношенному пальто, пережило свой срок, и теперь оставалось только выбросить его».

Она описывает ощущения парения в полной темноте, и чувство «единения» с бесконечностью пространства:

«Потом я как будто двигалась по нескончаемому тоннелю; в конце его я видела крошечный лучик света, к которому я приблизилась... Я помню, что была совершенно уверена в том, что, в конце концов, я пройду весь тоннель и выйду на свет, который походил на сияние очень яркой звезды, только более резкий и сверкающий. Состояние экзальтации сопровождалось ощущением того, что я вплотную приблизилась к «источнику» жизни и любви, которые представлялись мне одним целым».

Результатом такого переживания стало «внутреннее возрождение». «У меня было такое ощущение, словно моя психическая энергия усилилась многократно и обновилась благодаря моему новому сознанию и разуму, и я решила заняться изучением феномена, действие которого я испытала на себе, с тем, чтобы попытаться понять, что чувствуют другие люди, находясь на пороге смерти». Ей были доступны работы и результаты исследований Муди и Ринга, и в Англии она начала свое собственное исследование состояния клинической смерти. Когда Рингу попал на глаза машинописный текст ее книги «Return from Death» («Возвращение после смерти»), то он почувствовал то же самое, что и Кюблер-Росс, когда она впервые прочла книгу Муди «Life After Life»: не зная об этом, они писали одну и ту же книгу.¹

¹ Искренне благодарю Марго Грей за то, что она предоставила мне главы машинописного текста своей книги, а также Кеннета Ринга за написанное им вступление.

Независимо друг от друга, они пришли к одинаковому выводу: действительная значимость состояния клинической смерти заключается в его последствии на тех, кто это пережил. В заключении к своей книге Марго Грей пишет:

«При проведении окончательного анализа наука, вероятнее всего, объединится с тем, или, по крайней мере, не будет возражать против того, что оккультисты и мистики провозглашали на протяжении столетий — доступ к духовной реальности становится возможен только тогда, когда сознание освобождается от зависимости тела... Потому, что только приблизившись к царству, лежащему позади смерти, можно познать его».

Было бы ошибкой полагать, что Марго Грей утверждает, что всем нам было бы лучше, если бы мы умерли. Из заключительных глав ее книги со всей непреложностью вытекает, что, по ее мнению, основное значение СМКС заключается в его влиянии на жизнь тех, кому довелось испытать его. Мадам Блаватская как-то заметила, что, хотя наше земное бытие и является самым прочным, осязаемым и самым трудным из всех миров, тем не менее, оно предоставляет нам и наибольшие возможности. Вот та путеводная нить, которая пронизывает весь мир мистицизма: наше физическое существование на земле — это не чистилище, муки которого мы должны смиренно сносить до тех пор, пока не попадем в высшее царство, а нечто вроде уникальной, единственной и неповторимой возможности. Основная проблема человека разумного состоит в том, что «заключение в оковы настоящего» повергает нас в состояние,

близкие ко сну или гипнозу, в котором ничего достичь невозможно, поскольку мы не знаем, что от нас требуется, и что мы должны сделать. Мистические переживания и «главный опыт» дают нам хотя бы мимолетное представление о том, «зачем и для чего все это нужно». Вот это понимание, это проникновение в самую суть вопроса совершенно очевидно вытекает из всех работ, посвященных состояниям клинической смерти, и Марго Грей уделяет ему внимания больше остальных.

Можно сказать, что исследование состояния клинической смерти стало самым важным прорывом в исследованиях в области психики и паранормальных явлений с момента создания Общества исследований в области психики более века назад. На замечание о том, что СМКС не имеет ничего общего с исследованиями в области психики, мы можем только возразить, что, наоборот, оно очень тесно с ними связано. Идея о создании ОИОП родилась во время знаменитой прогулки под звездами, когда Майерс спросил у Сиджвика:

«Не думает ли он, что хотя Традиция, Интуиция и Метафизика оказались неспособны разрешить загадку мироздания, все-таки существует возможность с помощью любого из наблюдаемых явлений и феноменов — духов, призраков, чего угодно еще — получить ценные знания о Потустороннем Мире?»

С достойной восхищения настойчивостью ОИОП составляло досье на появление галлюцинаций, призраков живых и мертвых людей, явления существования вне тела, предвидения и феноменов, наблюдавшихся во время спи-

ритических сеансов. Такие скептики, как Гислоп, Лодж, Барретт и Конан Дойл постепенно уверовали в жизнь после смерти. Тем не менее, случая, который оказался бы настолько убедительным, чтобы посрамить скептиков, все не представлялось. Появление призрака Самюэля Булла,¹ казалось, было засвидетельствовано так, как можно было только мечтать, если не считать того, что к моменту, когда на сцене появилось ОИОП, все было кончено.). Перекрестные послания — стопроцентное свидетельство существования жизни после смерти, — но они настолько длинны и запутанны, что ни одному скептику не придет в голову тратить на них свое время. Книга Дрейтона Томаса «Life Beyond Death» способна убедить любого непредвзято настроенного читателя в том, что его отец и сестра общались с ним после своей смерти; но непреодолимым препятствием здесь остается описание «пустостороннего мира». Так что если говорить о разгадке «загадки мироздания», то ОИОП потерпело неудачу. Оно сумело собрать горы доказательств, но в этом не было ни капли вдохновения.

С началом исследований состояний клинической смерти все изменилось. С научной точки зрения не имеет значения тот факт, что «Life After Life» стала бестселлером. Тем не менее, он означал, что один из способов проведения исследований в области психики и паранормальных явлений произвел на публику сильное впечатление, о котором и мечтали основатели ОИОП. Более того, СМКС — отнюдь не редкость, подобно явлению полтергейста, и не является также неким особым предметом,

¹ См. стр. 132.

изучать который можно только в «особых» условиях. У большинства людей наверняка найдется парочка знакомых, переживших состояние клинической смерти, которые могут подтвердить некоторые аспекты «главного опыта». В тот день, когда я начал писать эту книгу, во время прогулки я столкнулся с женой своего приятеля, и упомянул, что пишу о жизни после смерти. Она сразу же поведала мне о своих собственных впечатлениях, полученных ею в момент клинической смерти, которые казались мне сошедшими со страниц книги Муди. Как-то посреди ночи, страдая от сильных болей в желудке, она спустилась в гостиную и уселась в кресле, чувствуя себя совершенно больной и измученной. У нее поднялась температура, и она почувствовала, что теряет сознание. И тут ей почудилось, что ее втягивает в тоннель, в конце которого был виден свет. На нее снизошло ощущение полнейшей расслабленности и умиротворенности, а страх смерти исчез без остатка. Полностью смирившись с мыслью о смерти, она вдруг подумала о том, как ее муж и сын найдут утром ее бездыханное тело в кресле; она сделала усилие, чтобы вернуться в оставленное ею тело, и очнулась в кресле; температура была нормальной. Пережитый опыт убедил ее, что бояться смерти не стоит. Она отметила, что он дал ей мужество и жить, и умереть.

Еще один местный житель рассказал мне, как однажды после сильного сердечного приступа он вдруг покинул свое тело и обнаружил, что комната залита спящим светом. Голос спросил его: «Хочешь ли ты жить?», и когда он ответил «да», то открыл глаза и увидел рядом с собой свою мать, которая была убеждена, что он мертв. В другой своей книге я описывал те ощущения, которые испы-

тала моя мать в момент клинической смерти, когда лежала в больнице по поводу острого перитонита.¹

Она также пришла в состояние умиротворенности и счастья из-за предстоящей смерти, а затем её показалось, что рядом с ее кроватью стоит мужчина, одетый в белое, «подобно библейским персонажам», и читает для нее что-то из свитка. Он закончил словами, что она пока еще не может умереть, потому что она «нужна здесь». (Это оказалось правдой; ей пришлось долгие годы ухаживать за моим отцом, умиравшим от рака). Она настаивала, что пережитое ею совсем не походило на сон.

Но может ли состояние клинической смерти позволить получить «достоверные знания о Потустороннем Мире», открыть который так мечтали Майерс и Сиджвик? К сожалению, нет. Оно крайне убедительно для отдельной личности; оно внушает человеку потрясающее ощущение того, что он сумел заглянуть в самые сокровенные тайны мироздания. Но как свидетельство продолжения жизни после смерти оно совершенно бесполезно. Действительно, тысячи людей разных национальностей и разных вероисповеданий подтвердили реальность «главного опыта». Но ведь по-прежнему это может оказаться каким-либо защитным механизмом мозга, когда мы сталкиваемся со смертью, возможно, выбросом энкефалина, который является одним из естественных природных анестетиков мозга.

Как мы уже отмечали, это также является и одним из главных доводов против самой возможности продолжения жизни после смерти. Скептики настаивали и продолжают настаивать, что это всего лишь защитная мера от нашего

¹ «Mysteries», p. 615.

страха перед неизвестным. Первые члены ОИОП отдавали себе в этом ясный отчет. Когда они могли с полной уверенностью отбросить мысль о мошенничестве и ошибочных наблюдениях, они спрашивали себя, а нельзя ли объяснить эти явления телепатией, ясновидением или деятельностью подсознательного разума. Томсон Джей Хадсон, как вы помните, практически все паранормальные явления относил на счет последнего. Но мы с вами видели и то, что во многих случаях — Перекрестные послания, дело о завещании Чейффина, дело о «красной царалине», дело «о красной пижаме», дело Дрейтона Томаса, да и в добром десятке других, — подобные объяснения исключаются. За ними стоят тысячи случаев, которые, хотя и не являются стопроцентно убедительными, все-таки однозначно предполагают продолжение существования личности после смерти. Любой, кто даст себе труд без предубеждения отнестись к собранным доказательствам, — даже если он находит их «логически» неприемлемыми, — не сможет не согласиться с тем, что они прямо указывают на реальность выживания.

Если мы согласимся принять подобные доказательства, то следует признать, что нет никакой видимой причины отвергать свидетельства, полученные во время клинической смерти, поскольку и те, и другие говорят об одном и том же: в теле физическом обитает другое тело, которое способно выжить после смерти. Сама по себе клиническая смерть ничего не доказывает, но когда за ней стоят исследования в области психики и паранормальных явлений, она превращается в вескую косвенную улику.

Необходимо провести четкую границу между уликами прямыми и косвенными; именно неумением уловить ее во многом и объясняется враждебность по отношению к иссле-

дованиям в области психики. Когда Сведенборг передавал королеве Швеции послание от ее умершего брата, или когда он рассказывал супруге голландского посла о потайном ящичке с распиской, это были прямые улики — доказательства того, что он не был религиозным маньяком. Сведенборг бы настаивал, что сделанные им письменные записи являются вескими косвенными уликами, свидетельствующими о его «духовном внутреннем зрении», с чем мы, впрочем, могли бы не согласиться. Мы могли бы отвергнуть его письменные дискурсы, не теряя при этом веры в его психические возможности. Мы можем пойти дальше и, подобно Уилсону ван Дузену, поверить в то, что он действительно проник в царство духов. Или, подобно Штайнеру, мы вольны полагать, что, хотя он обладал несомненными способностями и талантами подлинного медиума, он каким-то образом перенес свои строгие научные взгляды на свое «духовное восприятие» и исказил его, низведя до материалистического уровня: разновидность того, что Уайтхед называет «ошибочно примененной конкретностью». Короче говоря, мы вовсе не обязаны во всем соглашаться со Сведенборгом. Представляется разумным принять «прямые улики», а уже потом, руководствуясь своим здравым смыслом, решать, насколько весомы и приемлемы улики косвенные.

Работа Майерса «Human Personality» являет собой попытку предоставить прямые доказательства наличия разнообразных паранормальных способностей. В Перекрестных посланиях имеются некоторые свидетельства того, что Майерс пережил свою смерть, но мы вольны согласиться или не согласиться с тем, что это говорит в поддержку аргументов, приведенных им в «Human Personality». Если же мы все-таки решим, что Перекрестные послания — это

прямое доказательство возможности жизни после смерти, то никто не может запретить нам считать, что «Майерс» Джеральдины Камминс — самозванец, или же проявление ее подсознательного разума. И снова, именно мы решаем, какие и сколько косвенных улик и доказательств можно принять. Убежденный спиритуалист проглотит их все целиком, включая райские лаборатории Рэймонда Лоджа по производству сигар и виски. Нас же к этому никто не принуждает. Но если мы хотим быть объективными и придерживаться широких взглядов, то мы должны согласиться с тем, что само количество прямых улик делает невозможным вывод, что все это было принятием желаемого за действительное. Теперь они переходят в разряд улик, которые требуются ученым при изучении законов природы. Такие доказательства они пытаются получить в лабораториях или обсерваториях, чтобы понять основные закономерности. Следующим шагом становится изучение этой самой закономерности, а потом и тщательный анализ огромного количества косвенных улик и доказательств, чтобы решить, какие из них укладываются в головоломку. Это вопрос уже личного выбора; вы можете принять их или отвергнуть по своему желанию. Но тот, кто отказывается принять прямые доказательства, подвергает себя риску быть обвиненным в преднамеренной слепоте или интеллектуальной лени.

Итак, каковы же основные составляющие этой общей закономерности?

Для начала мы исходим из того, что человек — это не разновидность сложного робота или вычислительной машины, работающих исключительно благодаря импуль-

сам, поступающим от окружающей среды. В своей работе «The Selfish Gene» («Эгоистичный ген») биолог Ричард Доукинс объясняет, как, по его мнению, зародилась жизнь. Во-первых, под воздействием солнечных лучей в различных газах образовались строительные кирпичики жизни — аминокислоты. В результате возник «первобытный суп». Этот суп был, разумеется, неживым. Затем, в определенный момент, обычные химические — и физические — реакции привели к образованию «исключительно замечательной молекулы», молекулы-репликатора, которая была способна к воспроизводству. Он соглашается, что в качестве случайности это крайне маловероятно — как если бы новичок с первого раза выиграл главный приз в футбольном тотализаторе. Но если бы человек мог прожить миллион лет, то, вероятно, подобный приз ему достался бы несколько раз. Итак, продолжает Доукинс, появилась молекула-репликатор. Мир, наконец, наполнился одинаковыми копиями. Но процесс копирования несовершенен; могут случиться ошибки. В результате некоторые молекулы стали менее стабильными и менее репродуктивными. Другие обрели большую стабильность и способность к воспроизведению.

На этом этапе Доукинс задает вопрос: «Можем ли мы назвать первоначальные молекулы-репликаторы «живыми»? И какое это имеет значение?» Здесь он пускается на хитрость. Гипотеза о том, что молекулы-репликаторы образовались случайно, представляется сомнительной — она столь же правдоподобна, как и то, что произведения Шекспира могли быть написаны эдингтонскими обезьянками, бессмысленно колотящими по клавишам пишущей машинки. Но вдобавок предположить, что эти са-

мовоспроизводящиеся элементы каким-то образом «оживают» и обретают способность эволюционировать — значит, заниматься словоблудием.

Я лично глубоко уверен в том, что существует принципиальная разница между живой и неживой материей. Так компьютерные специалисты могут бесконечно стараться убедить меня в том, что когда-нибудь мы построим настолько сложный компьютер, что его можно будет в буквальном смысле считать живым, но я все равно останусь в рядах скептиков. Уж скорее им удастся убедить меня в том, что я и сам-то не живу.

С чем я еще могу согласиться, так это с тем, что строительные кирпичики для органической материи действительно образовались случайно — под воздействием солнечных лучей или электрических разрядов, на аммиаке и углеродах. А когда половина дела уже была сделана, сила, которую мы называем «жизнью», воспользовалась ситуацией и каким-то образом «встроила» себя в материю. Это, в общем-то, совпадает с моими интуитивными представлениями о природе жизни, которая — в моем собственном случае — предстает постоянной борьбой «живой» части меня («живого» я) за расширение границ неживой или механической части, что, похоже, имеет целью удержать меня «здесь и сейчас».

Теперь, если эта точка зрения верна, а Дюкинс ошибается, полагая, что жизнь является простой производной материи, вполне можно предположить, что жизнь обладает своим собственным независимым сознанием и чувством цели и смысла. В 60-х годах прошлого века философ по имени Эдуард фон Хартманн написал пространный труд под названием «The Philosophy of the

Unconscious» («Философия подсознания»), посвященный, главным образом, исследованию необыкновенных и удивительных проявлений инстинкта в природе — которые так очевидно исполнены смысла и столь же очевидно неосознанны. Он пришел к удручающему выводу о том, что жизнь — это слепое стремление в никуда. Но при этом он мог бы возразить, что это самое слепое стремление началось отнюдь не в состоянии слепоты. Человек, которому нужно пройти милю в полной темноте, без света, не обязательно заблудится и будет блуждать без цели. Может быть, перед тем, как отправиться в путь, он сверился с картой, и ему совершенно точно известно, через сколько ярдов он попадет на следующий перекресток. Невероятная сложность природы, разнообразие видов от амебы до гигантского кальмара, предполагают, пожалуй, что хотя жизнь «слепнет», спускаясь в материю, у нее могло быть очень четко заданное направление перед тем, как она отправилась на прогулку в темноте.

Тот же самый аргумент вполне применим и к предложенной Дарвином теории эволюции путем естественного отбора. В отличие от Доукинса, Дарвин признает, что «жизнь» существует независимо от материи, но он по-прежнему считает ее бессильным и пассивным наблюдателем изменений, вызванных случаем и выживанием сильнейших. К примеру, жираф захочет, чтобы шея у него была длиннее, но изменить что-либо в своем строении он не сможет; пройдут тысячелетия, прежде чем по воле случая у его потомков шея удлинится. Если Доукинс ошибался, то столь же высока вероятность и того, что ошибся и Дарвин. Жизнь может быть не способна инициировать изменения (хотя даже это нельзя утверждать наверняка), но зато она мо-

жёт мгновенно воспользоваться любым случайным изменением для достижения собственных целей, подобно человеку, который выбирает из каменистого оползня подходящие булыжники, чтобы построить для себя дом. Но если он в состоянии выбирать камни из оползня, то нет никакой логической причины, почему он не может лепить для себя кирпичи. Если исследования паранормального научили нас хоть чему-нибудь, так это тому, что способности человека зачастую бросают вызов «законам природы», не подчиняясь им. Например, в 1899 году в Новой Зеландии мировой судья, которого звали полковник Гаджен, отправился с компанией друзей посмотреть на обряд хождения по углям в племени майори. Они пришли в замешательство, когда шаман племени вдруг протянул к ним руку и предложил Гаджену с друзьями присоединиться к ним. «Я дарую вам свою мана». К своему удивлению, Гаджен не почувствовал обжигающего жара — просто приятное, щекочущее прикосновение — и никто из них не получил даже малейшего ожога. Совершенно очевидно, это была одна из форм проявления власти разума над материей — форма, которую следовало бы считать невозможной с точки зрения эволюции по Доукинсу-Дарвину.

С точки зрения сверхъестественного порядка вещей, «жизнь» (чтобы мы ни понимали под этим) может существовать отдельно от материи, обладая при этом своим сознанием и чувством цели. В этом случае можно предположить, что когда в момент «смерти» жизнь отделяется от материи, она возвращается к другому состоянию сознания, которое подразумевает большую свободу. Спрашивается, зачем же она тогда опускалась до уровня материи с самого начала? Вероятно, для того, чтобы взять материальную

сферу под свой контроль — как это вполне уже могло случиться с другими сферами более «тонких» материй, частота колебаний которых намного превосходит нашу.

Такая гипотеза — что жизнь пытается установить контроль над материей — известна под названием «витализм», и двумя ее ведущими представителями в двадцатом веке стали философ Генри Бергсон и биолог Ганс Дриш. Необходимо отметить, что и Дриш, и Бергсон вступили в Общество исследований в области психики, и оба были его президентами. В своем президентском обращении в 1926 году Дриш выразил общую идею витализма: развитие организмов «направляется объединяющим нематериальным разумным Нечто... предопределяющей первопричиной (или законом), которая и вносит энергию или материю» в происходящее. Эта первопричина способна существовать вне времени и пространства.¹

Дриш подвергся яростной критике своих коллег-ученых за проявленный им интерес к исследованиям в области психики и паранормальных явлений — как будто при этом он проявил недопустимую доверчивость и легковерие. Однако же, очевиден тот факт, что если можно согласиться с прямыми доказательствами существования жизни после смерти, то тогда остается сделать всего лишь один шаг от витализма к «спиритуализму». Их исходные допущения и предпосылки совершенно идентичны.

Основной проблемой, с которой столкнулся Дриш — как и любой другой исследователь сверхъестественных явлений в прошлом веке, — стала та, что даже облаченные

¹ Цитируется из Reneй Haynes, *The Society for Physical Research, A History (1882-1982)*, p.203.

в философские одежды паранормальные явления не выглядят респектабельнее. Успеха, пожалуй, можно было бы добиться, если бы исследования паранормального ограничивались неизученными до настоящего времени областями человеческого разума — ясновидением, психокинезом, телепатией, психометрией, и так далее. Но это практически невозможно. Стоит только исследователю задать вопрос, а действительно ли он имеет дело с подлинным медиумом, как это автоматически означает, что он хочет знать, действительно ли послания исходят от «умерших». Он может прийти к выводу, что способность общаться с потусторонним миром означает, в сущности, всего лишь расщепление личности, и что в основе самих «посланий» лежат телепатия или ясновидение. Но если он честный человек, то вскоре он вынужден будет признать, что есть случаи, которые не подпадают ни под одну из вышеприведенных гипотез. Признать возможность продолжения жизни после смерти — значит, признать возможность существования духов. И вот тут-то большинство современных ученых-исследователей встают на дыбы; им кажется, что здесь им навязывают средневековые предрассудки.

Начиная писать эту книгу, мы столкнулись с той же самой проблемой. Адам Кребтри — психиатр; он должен лечить людей, страдающих психическими отклонениями. По его личному мнению, нет никакой разницы, чем именно вызваны эти отклонения и нарушения — фрейдовским вытеснением воспоминаний в подсознание, множественной личностью или «вселением дьявола». С точки зрения его положения в научном мире, разумеется, предпочтительнее было бы отбросить последнюю гипотезу и начать мыслить в рамках ортодоксальной психотерапии. Это совпа-

дало с его собственными наклонностями. Он рассказывал, как однажды, будучи студентом теологии в Миннесоте, он наткнулся на памфлет под названием «Begone Satan» («Изыди, сатана»), написанный преподобным Карлом Фогелем, в котором описывался случай, произошедший в Висконсине в 20-е годы нынешнего века. Девушку по имени Анна Эклунд начали одолевать желания совершить «неслыханные сексуальные акты» и богохульства. Когда у нее начали проявляться типичные синдромы вселения в нее нечистого, отец Теофилус Райзингер, монах-капуцин из общины Св. Антония, решил изгнать из нее дьявола. Анну уложили на кровать. И церемония изгнания началась. Через мгновение тело Анны воспарило над кроватью и ударилось в стену над дверью, где и застыло. Ее силой стащили вниз, и процедура изгнания нечистой силы возобновилась. Ее стоны и крики были такими громкими, что со всего городка Марафона сбегались люди, чтобы узнать, что происходит.

Изгнание нечистой силы продолжалось и на следующий день, и в течение многих последующих дней. Анна кричала на разные голоса, причем на разных языках, хотя губы ее оставались плотно сжатыми. Голова ее увеличивалась до размеров ведерного самовара, а тело раздувалось наподобие воздушного шара. Конвульсии, сотрясавшие ее тело, были такими сильными, что рама кровати прогнулась до самого пола. Разнообразные существа, называвшие себя демонами, заговаривали с экзорцистами, обнаруживая при этом знание тайных грехов, совершенных ими в детстве. Наконец, они «призвали» покойного отца Анны, и тот признался, что постоянно склонял свою дочь к кровосмешению, а после того, как она отвергла

его, он ее проклял и призвал на ее голову демонов. Вслед за отцом явилась и его бывшая любовница, которая созналась в убийстве нескольких новорожденных. Все это время Анна или крепко спала, или находилась в трансе. Наконец, тело Анны дугой выгнулось на кровати, едва касаясь ее пятками, и не успел священник повторить молитву, изгоняющую дьявола, как раздался душераздирающий крик, постепенно замерший вдали. Глаза девушки открылись, и она заплакала. Дьявол был изгнан.

Монах, переводивший памфлет с немецкого, жил в том же монастыре, что и Кребтри, и подтвердил подробности этой истории. Кребтри всегда считал его уравновешенным, добродушным человеком; тем не менее, рассказ монаха показался ему верхом нелепости.

Через какое-то время Кребтри пришел к выводу, что монастырская жизнь не для него, и в 1969 году занялся психотерапией.

«Став психотерапевтом, мне пришлось довольно быстро смириться с проявлениями не слишком зрелищных, но, тем не менее, паранормальных явлений, в особенности, телепатии и ясновидения. Отрицать их существование было просто невозможно, поскольку мои пациенты время от времени демонстрировали мне их, главным образом, с помощью интуиции или пересказа сновидений. Но в те годы, едва начав свою профессиональную карьеру, я с большой неохотой шел дальше этих минимальных проявлений».¹

¹ Письмо к автору, 1 января 1985 г. Публикуется с разрешения доктора Кребтри.

Только в 1976 году, когда коллега рассказал ему о пациенте, в которого вселился дух, Кребтри увидел все своими глазами. Он по-прежнему отказывался относиться к паранормальному миру всерьез, но на следующий год его собственная практика начала преподносить ему случаи вселения призраков в его пациентов (см. главу первую). Обладая прагматическим складом ума, он решил относиться к ним как к вселению.

Кребтри настаивает на том, что, будучи психотерапевтом, он остается феноменологом; то есть, он не говорит, что столкнулся со вселением, просто пациент проявляет все признаки вселения, следовательно, самый легкий путь к выздоровлению подразумевает лечение заболевания именно как вселения. Но ведь он все-таки член Общества исследований в области психики, и его книга недвусмысленно подтверждает тот факт, что он с должным вниманием и серьезностью относится к гипотезе вселения.

Другой психотерапевт, доктор Ральф Аллисон, практикующий в г. Санта-Круз, Калифорния, написал книгу о расщеплении личности, из которой следует, что он пришел к выводу о реальной возможности существования вселения. В 1972 году Аллисон столкнулся со случаем раздвоения личности. Будучи подростком, Кэрри стала жертвой банды насильников, и с тех пор у нее случались периоды затмения, во время которых в ней проявлялась совершенно другая личность. Еще в юности Кэрри увлеклась колдовством и черной магией, и поэтому, просто в качестве лечебно-терапевтической процедуры, Аллисон применил процедуру изгнания нечистой силы под гипнозом. Она сработала, но сам Аллисон склонялся к мнению, что в этом повинно суггестивное внушение. В дальнейшем Аллисону

пришлось иметь дело со случаями раздвоения личности, при изучении которых он не мог согласиться с тем, что «другие личности» были всего лишь проявлением альтер эго («другого «я») его пациентов. «Второе «я» служит определенной практической цели — это средство справиться с эмоциями или ситуацией, с которыми не может совладать пациент». Но в некоторых случаях подобное утверждение себя не оправдывало. Однажды он загипнотизировал свою пациентку по имени Элиза, страдавшую раздвоением личности, и возникло мужское «второе «я», представившееся «Деннисом». Он утверждал, что «обладает» Элизой только потому, что испытывает сексуальное влечение к другой ее личности, девушке по имени «Шеннон», которая вышла на свет, когда Элиза впала в прострацию из-за смерти своего ребенка. Когда он спросил Денниса, как тот собирался заниматься сексом с Шеннон, тот ответил, что он вселялся в тела людей, с которыми Шеннон ложилась в постель, и таким образом наслаждался ею. Такой подход заинтересовал Аллисона: совершенно очевидно, что тело Элизы было одновременно и телом Шеннон; но когда в нем находилась Элиза, оно совершенно не интересовало Денниса.

Когда Аллисон начал расспрашивать Шеннон, та подтвердила все, что рассказал ему Деннис. Аллисона привела в замешательство сама мысль о том, что «второе «я» может вселяться в тело другого человека (хотя, если бы он ознакомился с трудами Кардеса или кого-либо из других спиритуалистов, то она не показалась бы ему столь странной). Но и другие личности Элизы настаивали на том, что так оно и было на самом деле. Деннис утверждал, что раньше он был биржевым маклером, который погиб от руки грабителей. Он заявил, что Элиза была от-

нюдь не первым человеком, в котором он «поселился». Он также объяснил, что если бы Шеннон удовлетворилась одним любовником, то он был бы только рад остаться в этом мужчине навсегда. Но она была «слишком неразборчива». Аллисон признает: «Несмотря на все мои усилия, мне не удалось найти более правдоподобного объяснения его существованию, помимо теории о духах».

Под гипнозом на свет появилось очередное «второе «я», девушка по имени «Мишель», утверждавшая, подобно Деннису, что является духом, а не загнанной в подсознание личностью. Кроме того, она заявила, что есть еще и третий дух. Через несколько дней, когда Элизу сотрясали очередные дикие конвульсии, одна из подсознательных личностей поведала Аллисону, что все три духа, «обладавших» Элизой, наконец, ушли. Аллисон склонялся к тому, чтобы поверить им. «До сих пор в литературе по психологии я не встречал ничего подобного». Некоторое время спустя другая подсознательная личность призналась Аллисону в том, что и сама Шеннон была духом, вселившимся в Элизу — духом ее погибшего ребенка. Шеннон подтвердила это, и сказала Аллисону, что хотела бы «уйти». Элиза очнулась после сеанса гипноза в состоянии амнезии; но Шеннон больше не появлялась.

У другой пациентки, Софии расщепления личности, когда ему пришлось иметь дело с девушкой по имени «София», Аллисону удалось соединить воедино большинство ее «вторых «я». Но две подсознательные личности остались свободными: обе оказались женщинами, которых звали «Мэри» и «Мария». Когда София впала в гипнотический транс, они заявили Аллисону, что они являются

ее сестрами-близнецами. Врач, принимавший тройню, был любовником их матери, поэтому он задушил двух первенцев; нектати зашедший сосед помешал ему расправиться с Софией. София рассказала, что духи всех троих детей собирались «вселяться» в близняшек по мере их поочередного появления на свет. Сжалившись над двумя своими сестрами, которым пришлось бы страдать от одиночества, София пригласила их разделить с нею ее тело. Со временем Аллисону удалось убедить Мэри и Марню покинуть Софию во время очередного сеанса гипноза. После этого все его попытки вновь вызвать их во время гипноза оканчивались неудачей.

Все эти случаи, о которых рассказывал Аллисон, кажутся невероятными, тем не менее, любой, кто дочитал его книгу до конца, согласится с тем, что они не лишены достоверности. Еще со времен Юнга-Штиллинга и Кэтрин Кроу исследования в области психики, подсознания и параанормальных явлений исходили из предпосылки, что человек состоит из нескольких тел, населенных духами — уже сформировавшимися личностями, так сказать, — и что эти духи продолжают существовать после смерти. В некоторых случаях, о которых мы говорили в шестой главе, дух перемещался из одного тела в другое — так Люранция Веннум превратилась в Мэри Рофф, а Собха Рам стал Ясбиром Лал Ятом. Конечно, можно утверждать, что подобные случаи вовсе не являются доказательством реинкарнации и вселения, но, тем не менее, следует признать, что основная предпосылка отличается логической стройностью и последовательностью. Личность — это не просто отражение тела, «простая сумма различных векторов поведения, образованных различны-

ми блоками управления мозга», а независимая сущность, которой и подчиняется тело. Она была бы способна на большее, если бы полностью отдавала себе отчет в том, каков ее истинный статус.

Подобное признание — это квинтэссенция всего, о чем рассказывает книга, которую вы держите в руках. Я не ставил себе целью убедить всех и каждого в реальности жизни после смерти; я хотел всего лишь привлечь внимание к впечатляющей внутренней логичности и последовательности собранных доказательств и подчеркнуть, что в свете данных обстоятельств не стоит стыдиться того, что и вы согласитесь с тем, что личность человека продолжает жить и после смерти его физической оболочки.

Глава восьмая

Ченнелинг

(прием сообщений и посланий)

Ченнелинг обрел популярность в семидесятые годы двадцатого века, в основном, благодаря книгам Джейн Робертс о Сете и актрисе Ширли Маклейн, решившей на досуге заняться автоматическим письмом и созданием телепрограмм на эту тему. Ченнелинг — то есть запись слов «духовных сущностей» для передачи их в наш мир — был известен уже давно. В этой книге мы уже упоминали о выдающемся медиуме Эндрю Джексоне Дэвисе, который обнаружил, что, будучи загипнотизированным, он способен входить в транс и получать наставления от сущности, которую он считал Сведенборгом. Его книга «Principles of Nature» («Законы природы»), написанная в 1847 году, претерпела тридцать четыре переиздания за тридцать лет.

В своей книге «Seth Speaks» («Сет повествует») (1972) Джейн Робертс рассказывает о том, как она стала ченнелером (контактером). Это началось в один прекрасный вечер в 1963 году, когда она сочиняла стихи.

«Внезапно мое сознание покинуло мое тело, а разум захлестнули идеи, которые в тот момент показались мне новыми и поразительными. Возвратившись в свое тело, я обнаружила, что рука моя записала автоматическое послание, в котором объяснялись многие из тех концепций, которые так потрясли меня. Эти заметки были даже озаглавлены «Physical Universe as Idea Construction» («Физическая Вселенная как генератор идей»).

Вскоре после этого они с мужем занялись экспериментами с доской для вопросов и ответов, и стрелочка-указатель начала выводить послания от существа, которое называло себя «Сет»; потом Джейн обнаружила, что может входить в транс, в то время как Сет вещает ее голосом.

В работе «Physical Universe as Idea Construction» выражена основная концепция, которой придерживается Сет: «Вы сами создаете тот мир, который вам известен». Мы сами создаем свою собственную реальность, а вся человеческая раса создает мир, в котором мы живем.

Эта идея очень похожа на ту, которую в 1710 году высказал епископ Беркли: чувственный мир определяется нашей способностью познавать его. (Когда его спросили, что бывает, когда некому воспринимать мир, Беркли ответил, что Господь есть всегда, посему мир продолжает существовать).

Кроме того, Сет утверждает, что человеческая личность, в том смысле, в каком она известна нам, всего лишь крохотная часть намного более значительной личности, способной существовать вне времени и пространства.

В своей классической работе «Parapsychology, The Controversial Science» («Парапсихология, наука проти-

воречий» (1991) Ричард Бротон замечает: «Ченнелированные (т.е. переданные нам) тексты пользуются огромной популярностью у публики и издателей, хотя отдельные критически настроенные обозреватели отмечают их напрочь, называя пошлыми, банальными порождениями хорошо известных религиозных учений».

Но это не относится ко всем ченнелированным текстам, и, в частности, к «Духовным учениям» Стэнтон Мозеса (см. стр. 157—158). Как признавал сам Стэнтон Мозес, большинство переданных нам текстов, вне всякого сомнения, исходят от бестелесных сущностей, а не являются порождением подсознательного разума ченнелера-контактера.

Но это, разумеется, ни в коей мере не гарантирует их подлинности. Одна из книг Джейн Робертс, «The Afterdeath Journal of an American Philosopher» («Посмертные записки американского философа») (1978), претендует на то, чтобы именоваться высказываниями самого Уильяма Джеймса.

Собственно говоря, она совсем не похожа на Джеймса — разве что он в одночасье лишился своего литературного дара:

«О да, какая это была шумливая и несдержанная националистическая возня, и в нее с почти миссионерским рвением и пылом включились психологи, дабы изгнать из души человеческой все те несообразности и страсти, которые в ней покоились; чтобы обуздать их, и в погоне за прекрасным прогрессом, достижениями в промышленности и физической власти над природой на благо человека».

Здесь мы видим, как некто пытается выглядеть в наших глазах сильным, энергичным и положительным, а вместо этого предстает всего лишь самоуверенным и самонадеянным. Не знаю, употреблял ли Джеймс когда-либо слово «шумливый», но сильно сомневаюсь в этом. «Чтобы обуздать их, и в погоне за прекрасным прогрессом...» — а вот эти слова звучат путанно и бессвязно, и Джеймс выразился бы проще: «чтобы использовать их в погоне за прогрессом». (Даже выражение «все те» употреблено неверно; автор привык обходиться минимумом необходимых слов, и сказал бы просто — «все»).

Совершенно очевидно, что нелегко решить, действительно ли послание исходит от духа, хотя иногда последние облегчают нам задачу, допуская явные ошибки. В 1973 году в прессе появились заметки о том, что книга «Bertie: The Life After Death of H. G. Wells» («Берти: Жизнь Г. Дж. Уэллса после смерти») была продиктована самим Уэллсом при посредничестве двух женщин, Элизабет Хоули и Коламбии Росси. Но когда «Уэллс» называет главу «We Sojourn to Rome» («Мы переезжаем в Рим»), становится совершенно очевидно, что это самозванец и обманщик, поскольку Уэллсу было известно то, чего не знали авторы и редакторы книги: по-английски «sojourn» означает «временно остановиться где-либо», а вовсе не «переезжать».

Итак, Берти явно вводит нас в заблуждение, намеренно или неосознанно. Тогда как в книгах Сета многие страницы производят впечатление подлинных и искренних. Если Сет — действительно призрак, дух, то как же тогда быть с явно поддельным Уильямом Джеймсом, сообщения которого приняла и донесла до нас Джейн Робертс?

Томсон Джей Хадсон, о котором мы говорили ранее (см. стр. 92-93), наверняка принялся бы утверждать, что и Сет, и Джеймс являются ни кем иным, как великолепными порождениями субъективного разума Джейн Робертс. В своей работе «The Law of Psychic Phenomena» Хадсон рассказывает, как однажды, где-то в конце 1880-х годов, он отправился в Бостон, чтобы присутствовать на сеансе гипноза, профессора Уильяма Р. Карпентера. Там он стал свидетелем того, как профессор загипнотизировал молодого человека, ввел его в транс и «представил» Сократу. Молодой человек, охваченный поначалу благоговейным трепетом, постепенно пришел в себя, исполнился уверенности и забросал Сократа вопросами об устройстве Вселенной, а потом повторил для аудитории слова философа (поскольку Карпентер объяснил ему, что ответы Сократа сможет услышать только он один). Эти ответы были столь блестящими, что кое-кто из присутствующих поверил, что в комнате действительно находился дух Сократа. Затем молодого человека «представили» различным философам современности, и снова он представил отчет об их идеях и воззрениях, который, по словам Хадсона, оказался блестящим и всеобъемлющим. Но в том случае, если молодой человек не был знаком с работами некоторых мыслителей, его интерпретация их идей не имела ничего общего с их действительными воззрениями. Подсознательный разум юноши попросту выдумал их, как если бы они приснились ему во сне. Но, тем не менее, эти отчеты поражали широтой творческого мышления. (Как-то раз я сам во сне дирижировал оркестром, исполнявшим выдающуюся музыкальную пьесу моего собственного сочинения.) Хадсон пишет:

«Получая ответы, он часто выражал неподдельное изумление. Предполагалось, что это станет доказательством того, что эти ответы не были порождением его собственного внутреннего сознания».

Но, говорит Хадсон, на самом деле это было не так.

Итак, по мнению Хадсона, работы Эндрю Джексона Дэвиса, инспирированные гипнотическим внушением, оказались просто-напросто выражением его субъективного разума — или того, что, в свете наших современных представлений о физиологии расщепленного мозга, мы теперь называем правым полушарием головного мозга.

Хадсон подчеркнул, что субъективный разум молодого человека не мог породить информацию, которая была бы неизвестна его сознательному «я», например, о месте смерти философа. Мы с вами уже неоднократно видели, что многие духи способны проделывать это — например, «коммуникатор» Стэнтон Мозеса мог читать вслух отрывки из закрытой книги, выбранной наугад с книжной полки, а Сведенборг смог получить сведения из «мира духов» о потайном ящичке.

В этом, собственно, и заключается суть проблемы. В мире полным-полно ченнелированных (т.е. полученных от духов) книг, начиная с Библии (которую христиане полагают «словом Божьим») и заканчивая книгами Сета и «A Course in Miracles» («Чудеса обычные и сверхъестественные»). Как узнать, какие из них подлинные, а какие — нет?

Самым, пожалуй, ярким примером здесь может служить печальная история Эдварда Ирвинга, шотландского священника, который приобрел огромную популярность в Лондоне в 1830 году, когда после его молитв о ниспос-

лании чуда члены его конгрегации начинали говорить на «разных языках». Его коллега, Роберт Бэкстер, например, произносил целые предложения по-латыни, по-французски, по-итальянски и по-испански, причем ни одного из этих языков он не изучал. Голоса пообещали Ирвингу и Бэкстеру, что по прошествии сорока дней у них обнаружатся чудодейственные способности, но ничего не произошло. После еще нескольких разочарований стало ясно, что духам доверять нельзя. Ирвинг был вынужден оставить свою должность, и через два года умер.

Не вызывает сомнения, что Ирвинга можно считать скорее гуру или мессией, чем «передатчиком»; но провести разграничительную черту между ними часто бывает очень трудно. В 1875 году Елена Петровна Блаватская (о которой мы тоже уже упоминали) сидела у себя в комнате на Западной 47-ой улице в Нью-Йорке, и с быстротой молнии исписывала страницу за страницей. Ее друг, полковник Олкотт, поинтересовался, как это ей удастся цитировать отрывки из книг, которых у нее не было. Она ответила, что цитаты приходят к ней по вдохновению. Олкотт вспоминает, как иногда она прекращала писать, застывая в одной позе и уставившись в пространство с таким выражением, как будто глядела на доску, а потом быстро записывала то, что увидела там.

Олкотт рассказывает, как однажды он усомнился в подлинности одной из ее цитат, после чего она замерла, глядя перед собой, а потом сказала, чтобы он подошел к одной из полок и посмотрел на книгу, которая стояла в углу. Там Олкотт нашел двухтомное издание требуемой книги, хотя и был уверен, что мгновением раньше ее там просто не было. Он сверил цитату и обнаружил, что в

ней содержалась ошибка, после чего вернул книгу на место. Спустя несколько секунд книги исчезли.

Результатом экспериментов мадам Блаватской стал объемный двухтомный труд под названием «Isis Unveiled», который претендовал на то, чтобы считаться наследием мудрости и знаний обитателей древней Атлантиды. Он стал бестселлером и принес ей известность. Даже современному читателю понятно, почему это произошло. Диапазон ее знаний необычайно широк, от письменных сочинений Платона и древних индусов до философов и ученых девятнадцатого века. Время от времени она подстегивает воображение читателя, описывая, например, колоссальный подземный тоннель, протянувшийся от Каско до Лимы.

Работа «The Secret Doctrine» («Тайная доктрина», 1888) оказалась еще более амбициозной (но намного менее непринужденной и удобочитаемой); целью ее стало «объединение всех философско-религиозных учений древности»,¹ а мадам Блаватская объявила себя ее «писцом», но не автором. Автором было названо существо по имени «Кут Хуми», один из «Тайных Мастеров», управлявших развитием и эволюцией человечества, который жил где-то в Гималаях. Другого звали «Джуал Кул», он должен был стать ментором Алисы А. Бейли.

В 1880 году, находясь в Индии, Елена (или «ЕПБ», как называли ее ученики) встретила с редактором одной британской газеты, по имени А. П. Синнетт, и рассказала ему о Мастерах. Синнетт был потрясен до глубины души, когда ЕПБ продемонстрировала ему некоторые маленькие чудеса. Во время пикника ЕПБ попросила кого-то из

¹ См. стр. 610, том 1.

присутствующих вырыть ямку на склоне холма столовым ножом. Ученик «выкопал» чашку с блюдцем, причем узоры на них в точности совпадали с рисунками, украшавшими фарфоровый сервиз Елены Петровны. Чуть позже у одной дамы потерялась брошь и ЕПБ распорядилась, чтобы гости обыскали сад. Брошь, завернутая в клочок бумаги, была найдена на клумбе.

Синнетт выразил желание пообщаться с Мастерами непосредственно, и через несколько дней на своем письменном столе он нашел первое из посланий, которые впоследствии получили название «письма Махатмы». Как-то очередное письмо буквально материализовалось из воздуха, когда он ужинал. Синнетт принялся сочинять свой собственный бестселлер под названием «Esoteric Buddhism» («Эзотерический буддизм», 1883), в котором уверял, что получил свои знания от тайных Мастеров. В 1883 году, к концу века, пронизанного научным материализмом, это было как раз то, что хотел услышать каждый, посему книга пользовалась фантастической популярностью; ее прочел У. Б. Йейтс, результатом чего стало образование дублинского отделения Общества теософии.

Увы, бесславный конец ЕПБ был не за горами. Мы уже упоминали (см. стр. 182), как некий молодой человек по имени Ричард Ходжсон приехал к ней по поручению Общества исследований в области психики, и как местная домохозяйка убедила его в том, что ЕПБ — чистой воды мошенница. Ходжсон написал разоблачительный отчет, ее репутации был нанесен непоправимый урон, и в 1891 году Блаватская умерла. Тем не менее, многочисленные источники утверждают, что она была настоящим медиумом. Например, ее компаньонка, графиня Констанция Вахмайстер

рассказывает, как однажды, когда ЕПБ легла спать за занавеской, она, будучи не в силах заснуть сама, встала с кровати и на цыпочках прокралась к изголовью, чтобы погасить лампу. Но та загорелась снова — хотя ЕПБ явно спала, да и в любом случае, у нее просто не хватило бы времени зажечь спичку. Так повторилось три раза подряд, и, уходя от изголовья в третий раз, она увидела, как бестелесная рука подкрутила фитиль.

Ученик и последователь Блаватской, Чарльз Джонстон, основатель филиала в Дублине, рассказывает, что он однажды видел собственными глазами, как Блаватская сидела за столом, постукивая по крышке пальцами, а потом оторвала руку — но постукивание продолжалось! После этого она стала выстукивать астральные «послания» на тыльной стороне его ладони, и он ощущал их как несильные электрические уколы.

Чтобы мы ни думали об идеях и представлениях, изложенных в «The Secret Doctrine», нет сомнения, что мадам Блаватская была настоящим медиумом, а вовсе не мошенницей, и выводы, содержащиеся в отчете Ходжсона, были несправедливыми. Вероятнее всего, письма Махатмы (почерк которого отличался от почерка ЕПБ), были каналированы (получены и доставлены) именно ею.

Но может ли присутствие настоящего медиума гарантировать, что передаваемые им учения духов тоже истинны — совсем другой вопрос. Со всей очевидностью это стало ясно после странного дела о «новой Библии», которую называли «Oahspe» и которая была впервые опубликована в 1882 году.

«Oahspe» утверждает, что, как следует из предисловия на ее титульной странице, она излагает «слова Иеговии

(sic¹) и его ангелов-посланников». Эта пространная ченнелированная работа, общим объемом свыше восьмисот страниц, напечатанных в два столбца, претендует на изложение истории мира за последние двадцать четыре тысячи лет, и даже еще за двадцать четыре тысячи лет до этого.

Книга вызвала некоторый интерес, чего, впрочем, и следовало ожидать в стране, столь навязчиво религиозной, какой была Америка в девятнадцатом веке, когда любой желающий мог заработать себе на жизнь, стоя на углу и рассуждая о заповедях Господних.

В письме, написанном в 1883 году, медиум — и дантист — Джон Баллу Ньюборо рассказывает, как создавалась книга. Как он выразился, «она была механически записана моей рукой, которой руководил чужой разум». Начиная с двадцатилетнего возраста (а родился он 5 июня 1828 года в Спрингфилде, штат Огайо), Ньюборо интересовался последним новомодным веянием под названием «спиритуализм». Во время сеансов и собраний его руки не желали оставаться в покое и частенько выводили «послания». Иногда он погружался в транс, сам того не желая, и «разговаривал, и видел, и слышал не так, как в своем обычном состоянии».

Как-то утром, в 1870 году, Ньюборо отправился к своему приятелю Эдвину Аугустусу Дэвису, жившему на Шестой авеню в Нью-Йорке, и сообщил ему, что проснулся в четыре часа утра, когда к его плечу прикоснулась чья-то рука, а потусторонний голос заинтересовался, может ли он задать ему вопрос. «Не хотите ли вы выполнить одно поручение для Иеговии?» — спросил

¹ Именно так (англ.).

голос. И Ньюборо тогда заметил, что комната полна «прекрасных ангелов и духов», хотя и без крыльев. Ему было сказано, что в течение десяти лет он должен «жить духовной жизнью» и предаваться очищению, став вегетарианцем (о чем в те времена никто и не слышал). Кроме того, ему сказали, что он должен заниматься благотворительностью и лечить бедняков бесплатно.

Итак, в течение десяти лет Ньюборо соблюдал строгий режим. Но вот, уже в 1880 году, ему было приказано купить печатную машинку. Когда он запротестовал, объясняя, что совсем не умеет печатать, голос ответил ему, что его руками будут управлять. И вот 1 января 1881 года он уселся за стол, и его пальцы забегали по клавишам печатной машинки со скоростью, немало изумившей его самого. Он просто сидел и смотрел, как его руки управляются с машинкой со сноровкой опытной машинистки. Похоже, так оно и было на самом деле, поскольку, как он утверждает, книга «Oahspe» объемом в семьсот тысяч слов была напечатана за пятьдесят недель, причем каждый день он занимался ею всего по четверти часа, то есть, печатая по две тысячи слов ежедневно. Если учесть, что для того, чтобы написать письмо в тысячу слов, обычному человеку требуется примерно час, то получается, что скорость его работы была примерно в восемь раз выше.

Ему было сказано, чтобы он не читал того, что печатает, и он подчинился. Стопа исписанных листов рядом с печатной машинкой росла день ото дня. При этом духи застилали его постель и убирали в комнате. 15 декабря 1881 года книга была закончена.

По словам приятеля, у которого сохранилась парочка листов первоначального машинописного текста, они были

напечатаны очень чисто и красиво, тогда как в письме, полученном им от Ньюборо, было полно ошибок.

Ньюборо отдал «Oahspe» для печати в типографии Бостона и Лондона, и она вышла в свет в 1882 году. Новое, расширенное издание появилось в 1912 году. Так что совершенно очевидно, что у книги имелись свои поклонники и почитатели — словом, своя аудитория. Я сам безо всяких хлопот приобрел последнее издание в 1977 году (отпечатанное в Калифорнии).

«Oahspe» охватывала более широкий диапазон по сравнению с другими «библиями», поскольку в ней шла речь и об индуистах, и о буддистах, и о магометанах, и о зороастрийцах, не говоря уже о христианах и иудеях. В ней подробно описывались Тор, Осирис и Заратустра.

В 1978 году в журнале «Одиссей» появилась статья Аугустины Кахилл, в которой говорилось следующее:

«Для тех, кого интересуют тайны НЛО, или гипотеза Эриха фон Даникена о том, что человечество и наши обширные знания о ранних цивилизациях пришли на эту планету из космического пространства, «Oahspe» предлагает свою собственную космогоническую точку зрения. Вся Вселенная заселена и обитаема, причем не только человеческими существами на других планетах, но и их освобожденными душами, которые входят в астральную плоскость, минуя бесконечное число ступеней развития личности в смысле знания, власти и удовлетворенности, но по-прежнему оставаясь при этом человеческими в своих фундаментальных отношениях. Эти просвещенные личности путешествуют во Вселенной на различных

космических кораблях, некоторые из них обладают малыми размерами и большой скоростью, тогда как другие отличаются большими габаритами и населенностью, напоминая плавучие миры.

Задолго до того, как на земле зародились идеи о создании реактивных самолетов и вертолетов, «Oahspe» предрекала: «Богиня Ариеуна замедлила движение своего похожего на стрелу корабля, чтобы сравняться с судном Хоаба, и дальше они устремили свой бег сообща, несомые той силой, которая движет ракетами, происходя от постоянного истечения из огромного корпуса: расход ее создается экипажами и капитанами, умелыми в обладании элементами Иеговии. Потому что как смертные находят способы пересечь океан и поднять в воздух воздушный шар, так и Боги и духи создают могучие корабли и несут их по небесному своду, меж звезд, и над, и под, и мимо солнца».

Все это звучит, по меньшей мере, странно и необычно, если не вспомнить о том, что Жюль Верн написал свой роман «Путешествие с Земли на Луну» в 1865 году. Но даже и тогда очень трудно объяснить, как «Oahspe» предсказывает ракетные движители (путешественников Жюль Верна выстреливает гигантская пушка).

Кахилл утверждает, что «Oahspe» недвусмысленно предсказывает упадок нашей материалистической цивилизации, предрекая рождение нового, «глубоко духовного, спиритуалистического и благочестивого» общества».

Она также обращает внимание на то, что в «Oahspe» описывается великая прибрежная цивилизация, процветавшая в Индии в период с четвертого по третий век до

нашей эры, существование которой подтверждают развалины Мохенджо Даро и Хараппы, обнаруженные в 1926 году в долине Инда.

Совершенно очевидно, что «Oahspe» — волнующая воображение загадка, заслуживающая того, чтобы стать объектом детального и подробного исследованиями, которое может быть предпринято каким-либо доброжелательным критиком. Но придет ли он к заключению, что она является божественным дополнением к священным писаниям, или же просто блистательным порождением субъективного разума, полного отголосков библейских мотивов, — это вопрос, в отношении которого я не рискну высказать свое мнение.

В 1890 году, за год до смерти мадам Блаватской, в Манчестере, в Англии, в строгой пуританской семье, появилась на свет одна из самых знаменитых и интересных ее последовательниц. Алисе ля Троб-Батеман было пятнадцать, когда к ней в комнату вошел одетый по-европейски мужчина с тюрбаном на голове и сказал, что ей судьбой предназначено выполнить важную духовную миссию. И только потом, увидев портрет «тайного Мастера» Джуала Кула, о котором говорила ЕПБ, она узнала в нем своего посетителя.

Алиса отправилась в Индию, вышла замуж, развелась и вступила в члены Общества теософии. Выйдя замуж за Фостера Бейли, она стала Алисой Анной Бейли. В это время вернулся Джуал Кул (она называет его «Д. К.», или «Тибетец»), который начал посредством телепатии диктовать ей книги — общим числом двадцать, объем многих из них превышал тысячу страниц, с назва-

ниями вроде «*A Treatise on Cosmic Fire*» («Трактат о космическом огне») или «*A Treatise on White Magic*» («Руководство по белой магии»). Ее коллеги по Обществу теософии затаили на нее обиду из-за столь неподобающего знакомства с тайными Мастерами, поэтому она покинула Общество и организовала свою собственную группу при активной поддержке своего второго мужа.

Писательская карьера Алисы Бейли началась с предположения о существовании Иерархов, группы Мастеров, которые собираются каждые четверть века, чтобы оценить прогресс человеческой расы. Задачей Тибетца было пробудить к развитию и эволюции внутренний мир человека, его сознание.

Американский ученый Артур Гастингс, в работе которого, посвященной ченнелингу¹ целых две главы отведены Алисе Бейли, отмечает, что масштаб ее записок «поистине огромен и грандиозен, в нем присутствуют видения сложных связей и уровней, внутренних граней, степеней и энергий». Он также сожалеет о том, что записи «хотя и носят технический характер, тем не менее, остаются туманными», и называет многие тома «беспорядочными и хаотичными». В заключение он пишет, что «Джуал Кул» вовсе не был «мастером слога», владение которым «очевидно, отличается от владения внутренними плоскостями и миром».

Отсюда вытекает вполне естественный вопрос. Если эти духовные сущности являются, в некотором смысле, сверхчеловеческими, то как же они могут быть «беспорядочными и хаотичными»? Следовало бы ожидать обрат-

¹ «*Tongues of Men and Angels*» («Язык людей и ангелов», 1991).

цого — что сверхчеловеческие сущности обладают намного большей организацией и сосредоточенностью по сравнению с простыми смертными. Кроме того, зачем понадобилось исписывать тысячи страниц? Объем «Treatise on Cosmic Fire» превышает 1300 страниц, а объем «Treatise on the Seven Rays» («Трактат о семи лучах») — 3500 страниц. Действительно ли необходимо такое большое количество слов? Предполагается, что достаточно разумный и образованный человек сможет внятно и доступно изложить свои идеи и представления, не выходя при этом за пределы двадцати тысяч страниц, или около того.

Большая часть написанного отличается воодушевлением и вдохновением. В «Treatise on Cosmic Fire» нам, например, говорят, что скоро, «к концу нынешнего века», на землю сойдет Аватар, учитель любви и единения, который «будет яростно стремиться к единению, сотрудничеству и братству».¹

«Признаки приближения этого события проявятся в реакции противодействия, которая разовьется в течение следующих двадцати пяти лет (т.е. до 1950 года), на преступность, советизацию и крайний радикализм, используемые некоторыми силами для достижения своих целей, прямо противоположных планам Господа. Наступит эра милосердия и мира, приход которой обеспечит объединение всех сил на земле, выступающих за созидание, за развитие, а также сознательное и целенаправленное объединение всех групп во всех странах, проповедующих принцип (на-

¹ См. «Treatise on Cosmic Fire», стр. 754.

сколько они представляют его себе) Братства. Следите за знамениями, которые явятся вам, и с уверенностью смотрите в ближайшее будущее».

Из вышеизложенного напрашивается вывод о том, что Тибетец — не слишком хороший пророк. События, произошедшие в период с 1925 по 1950 год, далеки от реакции неприятия и противодействия преступности, советизации и радикализму, и они, скорее, свидетельствуют об обратном: постоянном росте преступности, усиливающемся влиянии Советов, и росте насилия со стороны леворадикальных сил.

По этому поводу Гастингс замечает, что «вера в тайных Иерархов может внушить отдельной личности уверенность в том, что существуют тайные планы добра». Разумеется, это — не причина, чтобы совсем отказаться от этой идеи. В основе всех религиозных верований лежит предположение, что мы живем не в механистическом мире, и что существует некая высшая форма разума, которая и направляет дальнейшее развитие.

Мадам Блаватская, как подметил композитор Кирилл Скотт в своей работе «Outline of Modern Occultism» («О современном оккультизме»)(1935), учила, что:

«Человек находится в процессе эволюции от относительного несовершенства к ступеням намного более высокого физического и духовного развития. Во-вторых, этот эволюционный процесс на всех своих стадиях направляется Великими Иерархами Разума, которые сами уже достигли этих высших ступеней».

В своей книге «The Intelligent Universe» («Разумная Вселенная») кибернетик Дэвид Фостер высказывается

в поддержку этого допущения с чисто научных позиций. Кибернетика — это наука управления, целью которой является заставить неодушевленный механизм вести себя так, будто он обладает разумом — например, когда плавающий стопор перекрывает воду в сливном бачке до того, как она начнет переливаться через край. Большинство людей обладают достаточными знаниями о компьютерах, чтобы понимать, что такое «программа». Фостер подчеркивает, что и желудь можно рассматривать как программу для дуба. Но программа подразумевает наличие программирования и программиста, и Фостер утверждает, что энергии, необходимые для программирования живого существа, должны быть намного более высокого порядка, чем те, с которыми мы сталкиваемся на земле — порядка, по его предположению, космических лучей. Он твердо убежден, что это свидетельствует о существовании некоего вселенского разума.

Скептики могут возразить, будто бы это всего лишь усложненный вариант тезисов, представленных в восемнадцатом веке теологом Уильямом Пейли, который заявил, что часы производят на нас впечатление созданных разумом, а события, происходящие во Вселенной, со всей очевидностью демонстрируют это в еще больших масштабах. Материализм девятнадцатого века упорствует, что эволюция разума доказывает: он зародился не в результате стечения случайностей, случай и естественный отбор лежат в основе всего, что мы видим вокруг себя. В этом смысле доводы «за» и «против» не слишком изменились со времен мадам Блаватской.

Совершенно очевидно, что большая часть переданного нам материала не поможет раз и навсегда разрешить эту проблему. Он исходит из предположения о существовании

духовного мира, но не делает никакой попытки доказать это. Посему большинство скептиков вскоре начинают негодовать по поводу того, что им попросту навязывают одну точку зрения. Это вполне относится и к тем, кто, быть может, и готов признать, что все переданные нам «духами» материалы исходят от некоего «высшего источника».

Работу «*A Course in Miracles*» можно считать наглядной иллюстрацией этой проблемы. В роли личного секретаря, пишущего под диктовку, выступала женщина по имени Хелен Шухман, которая считала себя атеисткой. Она родилась в 1909 году и выросла в Нью-Йорке, но потом, выйдя замуж, стала испытывать скуку и неудовлетворенность работой в книжной лавке своего мужа. К сорока годам она увлеклась философией, и в 1957 году получила докторскую степень. В Филадельфии она стала членом кафедры философии, где у нее происходили частые и жаркие споры с ее боссом, Биллом Тетфордом. После одного особенно скандального заседания факультета в 1965 году Тетфорд заявил, что должен быть какой-то более приемлемый способ, и что он попытается изменить некоторые из своих негативных взглядов; Хелен Шухман вызвалась помочь ему. И действительно, вскоре она позвонила ему и сообщила, что слышала голос, который приказал ей вести записи по «введению в чудеса». Тетфорд посоветовал ей подчиниться и начать делать такие записи. К началу 1972 года большая книга была закончена. В 1975 году она встретила психиатра-исследователя Джуди Скутч, на которую ее «надиктованная» рукопись произвела такое впечатление, что та решила оказать содействие и напечатать книгу была частным образом. После выхода в свет «*A Course in Miracles*» приобрела бешеную популярность. Но Хелен

Шухман по-прежнему оставалась настроенной скептически. «Я знаю, что это правда, но я не верю в нее».

Этого следовало ожидать: при том, что Хелен Шухман была еврейкой и атеисткой, в основе ее книги «A Course in Miracles» лежит христианское учение — собственно говоря, сущность, которая надиктовывала ее, часто отождествляла себя с Христом. Главная проблема, по ее мнению, заключается в страхе, чувстве отчуждения от Господа, и целью книги является приблизить слушателя к нему. В книге содержатся пространные рассуждения о подрыве мыслительной системы личности, и она, похоже, предназначена для неудовлетворенных и отчаявшихся людей.

Не вызывает сомнения, что она рассчитана на более высокий уровень развития интеллекта, чем тот, который присущ христианам-фундаменталистам. Но по-прежнему трудно установить, в чем же состоит ее отличие от сотен других нравоучительных христианских посланий:

«Когда ты смиришься со своей миссией нести мир, ты найдешь его, потому что, заставив его проявить себя, ты увидишь его. Свидетельства его божественного присутствия окружают тебя, потому что ты призывал их, и они придут к тебе. Я услышал твой зов и откликнулся на него...

Ты и вправду веришь, что способен убить сына Господня? Отец надежно укрыл сына своего в себе самом, и держал его на безопасном удалении от твоих разрушительных мыслей, но из-за них ты не познал ни Отца, ни Сына. Каждый день, каждый час, каждую минуту ты нападаешь на реальный мир, и все-таки ты удивлен тем, что не видишь его. Если ты ищешь любви, чтобы

наброситься на нее, ты никогда не найдешь ее. Поскольку любить — значит, отдавать, как иначе можешь ты найти ее, если не через себя самого? Предложи любовь, и она придет к тебе, потому что она притягивается к своему подобию. Но предложи ненависть, и она останется скрытой, поскольку она может существовать лишь в мире и покое».

Вот в этом и состоит проблема с большей частью переданного материала; он напоминает текст, написанный компьютерной программой, которой была задана команда выдать вариации на тему любви, мира, покоя, добродетели, прощения, греха, страха, вины и так далее.

«Страх — это ожидаемое наказание за грехи наши, которого требует наше чувство вины...»

Решение, по мнению Артура Гастингса, состоит в том, чтобы «обратиться к голосу внутри себя, называемому Святым Духом, который и есть наша связь и наше общение с Господом».

И снова закрадывается подозрение, что все это сильно смахивает на немудреный религиозный фундаментализм, отыскать который можно безо всякого труда в любом неблагополучном обществе, похожем на наше, и который, не принося никакого вреда — хотя и принося некоторую пользу, — вряд ли может понравиться тому, кто превыше всего ставит собственные интеллектуальные способности.

Если судить с этой точки зрения, то письменные творения Ширли Маклейн более приемлемы. В третьем томе своей автобиографии «Out on a Limb» («На краю») она объясняет, почему она приняла ченнелированные посла-

ния Сета, а попутно рассказывает, чем вообще так привлекателен ченнелинг:

«Все чаще и чаще, по мере того как я читаю и перечитываю эти послания, они заставляют меня переоценить мотивы и заново обдумывать, а, может быть, вообще впервые задуматься над теми ценностями и аспектами жизни, с которыми я до того просто мирилась».

Далее она пускается в рассуждения по поводу разочарования и ощущения тщетности усилий, которые так страстно выразил Т. С. Эллиотт в своей книге «The Waste Land» («Потерянный край»):

«Я привык жить в мире, в котором, просто по определению той жизни, которую мы ведем, практически невозможно найти время, чтобы заглянуть в себя... Общение кажется вымученным и деланным, лишенным значимых целей и стремящимся обрести более глубокое значение, но при этом ограничивающимся только пустыми разговорами».

Она вспоминает, как, сидя на заднем сиденье бутафорского лимузина на съемках фильма «Being There» («Быть там»), она была глубоко тронута рассказом своего партнера Питера Селлерса о его ощущениях, которые он испытал во время клинической смерти. Во время съемок с ним случился сердечный приступ, и он воспарил над своим телом, пока его везли в клинику. Он не испытывал ни малейшего волнения, поскольку во всех хлопотах участвовало только его тело. Он смотрел, как хирург вскрыл ему грудную клетку и принялся массировать сердце. Потом он увидел над собой яркий белый свет и по-

чувствовал, что «по другую сторону света его ждала любовь, настоящая любовь». Чья-то рука заслонила свет, и в это же мгновение он услышал, как хирург сказал, что его сердце снова начало биться. И тут голос, исходивший от этого света, произнес: «Возвращайся и заканчивай. Еще не время». После этого он очнулся в своем теле.

Полтора года спустя, продолжает Маклейн, она сидела в гостиной со своими друзьями, как вдруг ее охватило предчувствие, что с Селлерсом что-то случилось. Она вскочила на ноги и рассказала окружающим о своих ощущениях. Через несколько мгновений раздался телефонный звонок — ей позвонил репортер, чтобы сообщить, что Селлерс только что скончался от сердечного приступа. Во время разговора у нее возникло такое ощущение, будто Селлерс присутствует в комнате.

Селлерса всегда угнетало именно это чувство бессмысленности и тщеты, о котором она рассказывает. Он часто признавался, что, хотя перевоплощение в образы своих героев дается ему легко, он не ощущает себя реальной личностью. Во время телевизионных интервью он выглядел робким, неуклюжим и неуверенным в себе человеком. Столь катастрофическая нехватка уверенности в себе и собственных силах могла привести к чему угодно — жестокости, бесчувственности, лжи и обману в отношениях с другими людьми. (Особенно ярко это проявилось в трогательной автобиографии «PS — I Love You» («Постскрипtum — я люблю тебя»), написанной его сыном Мишелем). Все, что говорится в книге «A Course in Miracles» о страхе и неуверенности, вполне применимо и к Селлерсу. Но то предположение, из которого исходит книга — что вся ее аудитория страдает от одинаковых проблем, —

напоминает врача, который полагает, что все его пациенты больны неизлечимыми болезнями, или психиатра, считающего, что каждый человек нуждается в услугах психоаналитика.

Третий том автобиографического труда Маклейн, пожалуй, можно считать лучшим из существующих «введений в ченнелинг», способным поправить то негативное впечатление, которое производят на читателя книги, подобные «*A Treatise on Cosmic Fire*» и «*A Course in Miracles*».

Она рассказывает, как однажды в Стокгольме, только закончив читать Эдгара Сайса, она узнала о том, что ее приятели, муж с женой, решили провести вечер с медиумом, входящим в транс, который ченнелировал существо, называвшее себя «Амбрез». Не совсем ясно представляя себе, во что она ввязывается, Маклейн согласилась составить им компанию. По дороге она несколько раз спросила у своих друзей, действительно ли они считают Амбреза духом, и они уверили ее в этом.

Медиумом оказался Стур Иоганссен, плотник, не знавший ни слова по-английски. Его жена, Турид, была пухленькой, розовощекой особой, которая, едва только начался сеанс, она крепко взяла мужа за руку, очевидно, пытаясь передать ему часть своей физической энергией.

Комната освещалась только светом свечей. Прошло десять минут, и внезапно медиум выпрямился на стуле и напряженно застыл. Потом он вдруг заговорил хриплым шепотом на языке, который показался им похожим на древний шведский (приятель Маклейн переводил ей все сказанное). Эта новая личность ничем не походила на Стура.

Присутствующие засыпали Амбреза запутанными философскими вопросами о происхождении Вселенной и

рождении миров. Амбрез, в свою очередь, повествовал о Господе и о необходимости любить. Он также коснулся и великих пирамид, назвав их «библиотекой в камне» (кстати, этого же взгляда придерживается и «Oahspe»).

Когда все закончилось и Стур начал приходить в себя, жадно глотая воду, гости принялись тихонько переговариваться. Ширли Маклейн пыталась переварить и осмыслить увиденное. Вне всякого сомнения, представление получилось весьма впечатляющим, так что мошенничество, пожалуй, исключалось.

Вернувшись в Америку, она прочла книги Сета и другие материалы, полученные при помощи ченнелинга. (Джейн Робертс тогда еще была жива, она скончалась в 1984 году). Когда она рассказала об Амбрезе своей подруге Кэт, та предложила познакомить ее с американским контактером, Кевином Райерсоном. На следующий вечер Райерсон явился к ней с визитом. Он оказался молодым человеком, недавно отпраздновавшим свадьбу. По его словам, когда он медитировал, его устами вещал дух. Очевидно, такой же способностью была наделена и его сестра.

Райерсон объяснил, что через него говорили несколько сущностей, и что одна из них, называвшая себя Джоном, казалась наиболее развитой. Кроме него, там был некто Том Макферсон, ирландец, прошедший, подобно остальным, через множество реинкарнаций, в одном из которых он воплотился в ирландского вора-карманника.

Райерсон вошел в транс, и вскоре сущность по имени «Джон» говорила его устами, «хриплым шепотом, который совсем не походил на голос Кевина». Джон сказал ей, что «они» — духовные сущности, вещавшие посредством Кевина — знали ее по ее прошлым жизням.

Джон посоветовал ей: «Чтобы понять саму себя, вы должны сейчас осознать, что вы — не просто то, чем вы себе кажетесь, а нечто большее». Это, разумеется, одно из основных положений учения Сета. В своей поэме «Under Ben Bulbin» У. Б. Йейтс называет его «частичным разумом»:

Знай, что когда все слова сказаны,
И человек сражается как сумасшедший,
Нечто спадает с давно ослепших глаз,
И он совершенствует свой частичный разум...

Другими словами, наше сознание «частично», подобно луне в последней четверти. Тем не менее, полная луна никуда не исчезает — просто ее не видно.

Джон идет еще дальше. Он говорит ей: «Человек творит мироздание наравне с Господом».

Спустя некоторое время Джона сменил «Том Макферсон», разговаривавший с ирландским акцентом. Он потребовал чая, а потом принялся рассказывать ей, как однажды шпионил для британцев. Ее сомнения в том, что он — настоящий призрак, рассеялись после того, как он напомнил ей, что в детстве она летала во сне, о чем она никогда и никому не рассказывала.

Том обожал каламбуры — ее выражение «духовная душа» привело его в восторг. И вот здесь читателю должна прийти в голову мысль, что если такое существо решит надиктовать книгу, как это случилось со многими ченнелированными книгами, совсем не обязательно, что она окажется сокровищницей древних знаний. Тот факт, что автором является дух, вовсе не гарантирует глубокого философского проникновения в суть вещей.

Возвратившись, Джон рассказал, что на протяжении последних пятисот тысяч лет, которые «являются периодом самого высокого развития человеческой цивилизации», предстающим в Библии «райскими кущами», Маклейн прошла через несколько инкарнаций. Промежуток времени поражает воображение — поскольку мы привыкли, что возраст человеческой цивилизации исчисляется максимум десятью тысячами лет; однако, в последнее время многие ученые склоняются к мысли, что это вполне может быть правдой.

И ее сомнения по поводу Джона также рассеялись после того, как он рассказал ей кое-что о ее интимной жизни, которую она держала в глубочайшей тайне от всех, поскольку ее любовник — Джерри — был видным британским политическим деятелем и, к несчастью, женатым мужчиной.

Джерри, несомненно, был женат на Ширли в предыдущей инкарнации; в то время он участвовал в «культурном обмене с внеземными цивилизациями». Эта тема постоянно присутствует в последних главах книги — что землю на протяжении всей ее истории неоднократно посещали инопланетяне, и что эти визиты в последнее время становятся все более частыми, поскольку человечеству срочно нужна руководящая и направляющая сила.

Создается впечатление, что это описание сеанса с Кевин-ом Райерсоном намного более убедительно по сравнению с другим переданным материалом наподобие «A Course in Miracles», поскольку оно дается от лица человека, который испытал его на себе, и чья откровенность в других вопросах позволяет полностью доверять ей. Существа же, способные безостановочно наговаривать по тысяче страниц за один раз, как-то не внушают к себе особого доверия.

Далее следует занимательная глава о том, что Ширли Маклейн прочла о реинкарнациях (прочитано, оказывается, было довольно много). А последняя четверть книги посвящена, главным образом, описанию путешествия в Перу с приятелем по имени Дэвид, в компании которого она испытала отделение от своего тела.

У женщины-медиума в Перу она поинтересовалась о судьбе своей подруги Беллы, которая собиралась баллотироваться на пост мэра Нью-Йорка. Та ответила ей, что победит лысый мужчина с длинными пальцами, который пока еще не выставил свою кандидатуру. Вернувшись в Нью-Йорк, она узнала, что Белла проиграла мужчине, отличительными чертами которого были лысина и длинные пальцы — Эду Коху. Теперь понятно, почему скептицизм Ширли Маклейн относительно ее недавних переживаний и ощущений скоро испарился.

Взгляды Ширли Маклейн на реинкарнацию получили неожиданную поддержку в лице чешского психолога Станислава Грофа, который еще в пятидесятые годы двадцатого века начал работать в Праге с недавно открытым галлюциногеном ЛСД. В малых дозах ЛСД вызывал в памяти воспоминания детства, причем иногда очень яркие, а иногда — отголоски пребывания в материнской утробе. Хотя Гроф поначалу отнесся к ним с недоверием, считая их игрой воображения, очень скоро ему пришлось признать, что его пациенты обладают такими познаниями в эмбриологии, получить которые мимоходом просто невозможно. Увеличение дозы препарата часто вызывало «мистические» видения, в которых границы нормального эго терялись и растворялись, подтверждая, таким образом, слова Сета о том, что известное нам «я» — всего лишь малая часть значительно большей личности.

В работе «*Realms of the Human Unconscious*» («Царство подсознания человека», 1975) Гроф отвел целый раздел для описания своей работы с пациентами, у которых ЛСД вызывал «наследственные воспоминания». Наде, пятидесятилетнему психологу, довелось «прожить» сцену из жизни ее матери, как она считала. Дело было в 1902 году, когда той было 2 или 3 года. Она была одета в накрахмаленное, «воздушное» платье. И пряталась под лестницей. На крыльце столпились многочисленные родственники. «Я чувствовала себя отщепенкой и изгоем; кроме того, мне почему-то было стыдно».

Надя осторожно заговорила об этом со своей матерью, рассказав той, что она видела ее во сне ребенком (ее мать пришла бы в ужас, узнай она всю правду), и описав происшедшую сцену. Мать подтвердила, что сцена действительно имела место, и принялась описывать многочисленные подробности, до которых Надя еще не успела дойти в своем рассказе. Ее собственная мать, Надина бабушка, была женщиной строгих правил, невероятной чистюлей, которая всегда одевала свою дочку в накрахмаленные одежды. Ее описание дома оказалась почти стопроцентно верным, и мать рассказала ей, что обычно по воскресеньям многие родственники приходили на обед, после которого имели привычку посидеть на крыльце.

Другую пациентку, по имени Рената, преследовали воспоминания об определенном историческом периоде. Ей являлась Прага семнадцатого века, в самом начале Тридцатилетней войны, — периоде, о котором Рената знала очень мало. Тем не менее, стоило Грофу обратиться к первоисточникам той эпохи, как он заметил, что ее описание архитектуры, одежды, оружия, кухонной утвари было

очень точным. То же самое относилось и к ее рассказу о запутанных и сложных отношениях королевской семьи Чехии и ее вассалов.

Многие из воспоминаний Ренаты относились к молодому дворянину, одному из двадцати семи казненных Габсбургами после битвы при Белой Горе в 1621 году. В конце концов, ей довелось наяву пережить последние часы жизни этого дворянина перед казнью. Рената пришла к выводу, что он был одним из ее предков. Поскольку, разумеется, она не могла быть его прямым потомком (ведь его казнили и, следовательно, его память не могла передаваться генетически), более вероятным представляется то, что Рената видела саму себя в одной из ее прежних инкарнаций. (Одна из странностей — или абсурдностей, если угодно — при изучении реинкарнации заключается в том, что прошлые инкарнации часто сливаются с настоящим — в конце концов, почему пациентку-чешку не могут посещать видения, что она — чешский дворянин, а не, скажем, ирландский рыбак или китаец-кули? Тем не менее, такие вещи случаются время от времени, как и сближение людей, которые были близки в своих прошлых инкарнациях и которых теперь буквально тянет друг к другу снова).

Через несколько лет отец Ренаты, которого она не видела с трехлетнего возраста, занялся изучением своего генеалогического древа и рассказал ей, что их семья действительно происходит от чешского дворянина, казненного после битвы при Белой Горе.

Рената также испытала регрессию к сознанию гигантской доисторической рептилии, греющейся на солнце на берегу озера. Терапевт превратился в самца пресмыкаю-

щегося, и она почувствовала сексуальное возбуждение, увидев разноцветные пятна на «висках» чудовища. Гроф проконсультировался с палеонтологом и узнал, что некоторые современные рептилии испытывают сексуальное возбуждение при виде пятен определенного цвета на голове самца.

Гроф рассказывает, что у него были пациенты, которые могли представлять себя животными и даже растениями.

Он также приводит очень интересное описание человека, испытывавшего под воздействием ЛСД чувство полной свободы, власти над временем и пространством, и который вдруг обнаружил себя входящим в квартиру своих родителей на другом конце земного шара. Висевшие снаружи часы показывали действительную разницу во времени. Квартира выглядела настолько реальной, что его охватило искушение снять со стены картину, просто чтобы предъявить научное подтверждение своих ощущений. Но стоило ему протянуть к ней руку, как его охватило чувство опасности, «зловещего присутствия темных и враждебных сил». Он сразу же вспомнил предупреждения об опасности заигрывания с «таинственными, мистическими» силами, для того чтобы преодолеть ограниченность собственного «я». При мысли о том, что если эксперимент окажется удачным, его упорядоченная вселенная разлетится вдребезги, а сам он окажется «в состоянии полнейшего метафизического расстройств», его охватил страх. Поэтому он не поддавался искушению свободно путешествовать во времени и пространстве.

Можно считать, что эксперименты Грофа практически не оставляют сомнений, что окружающие нас жесткие границы — всего лишь иллюзия, или, как утверждает Сет,

совместно созданное заблуждение. Но можно ли всерьез относиться к ощущениям, полученным с помощью ЛСД? Гроф полагает, что можно, и приводит массу доказательств, аналогичных открытию Ренаты, что она — потомок казненного аристократа. Один из пациентов ощутил себя в параллельном измерении, в окружении существ, лишенных телесной оболочки. Одно из них вступило с ним в телепатическую связь и попросило его связаться с семейной парой, проживавшей в местечке Кромериж, в Моравии, и передать им, что с их сыном Ладиславом все в порядке. Ему назвали имя, адрес и номер телефона. Гроф рискнул набрать номер и попросил к телефону Ладислава. Женщина, которая сняла трубку, расплакалась и сказала ему, что Ладислав умер три недели тому назад.

Разумеется, ЛСД — крайне опасное для здоровья вещество, которое может привести к потере пациентом чувства ориентации и «метафизическому расстройству». Гроф решил попробовать добиться такого же эффекта, но с меньшим риском. В работе «The Adventure of Self Discovery» («Познай себя») он рассказывает, как он со своей супругой Кристиной разработал комплекс дыхательных упражнений — часто это была гипервентиляция — и массажа, которые могли оказывать такое же действие, что и ЛСД, вызывая, таким образом, состояние, которое он называет «холотропией», или неординарным состоянием сознания.

И, наконец, эта книга была бы неполной, если бы я не упомянул о работе Роберта Монро, бизнесмена из Вирджинии, имевшего деловой интерес в радиовещании, который в 1958 году начал испытывать ощущения отделе-

ния от тела. Они вполне могут быть связаны с разработкой устройств для обучения во сне, в которых использовался принцип подачи различных звуковых сигналов для уха. Как-то Монро вдруг понял, что воспаряет из своего тела. Его охватила паника, он уже решил, что умер, но все-таки каким-то образом ему удалось «нырнуть» обратно в свое тело.

Это стало повторяться все чаще и чаще, пока в один прекрасный день он не понял, что может проделывать это по своему желанию. Он мог отделяться от своего тела, воспарять и даже видеть, что поделявают его друзья, которые впоследствии всегда подтверждали его наблюдения.

Ему не нравилось перемещаться в нашем физическом мире; это была тяжелая работа, как плавание под водой. Однако вскоре он обнаружил, что существует иной мир — который он назвал «Место действия-2» — где он чувствовал себя как дома. По его словам, это было естественным окружением астрального тела (или духовного тела), и именно туда мы попадаем после смерти. В своей классической работе «Journeys out of the Body» («Путешествия из тела») он говорит, что «Место действия-2» переплетается с нашим миром, и что легче всего представить себе это с помощью вибраций, «бесконечности миров, работающих на разных частотах каждый, один из которых — наш».

В описании Монро «Место действия-2» напоминает «параллельное измерение», о котором говорили пациенты Грофа.

Необычно то, что в «Месте действия-2» существуют некоторые физические тела; но Монро утверждает, что они созданы мыслью. Похоже, что это предположение

может иметь прямое отношение к парадоксальному поведению НЛО и их очевидной способности к перемещению в нарушение известных нам законов о пространстве и времени. Собственно говоря, в очередной из своих книг, «Far Journeys» («Далекие путешествия»), Монро заявляет, что НЛО и их обитатели пришли к нам из «параллельного измерения».

Монро начал разрабатывать методики, с помощью которых любой желающий мог бы покинуть свое тело, им теперь обучают в Институте Монро в Вирджинии. (Он умер в 1995 году). Обучение начинается с прослушивания звуков в наушниках, целью чего является «сбалансировать» две половинки мозга, которые обычно работают «в асинхронном режиме». Научные исследования показали, что утверждения и предпосылки Монро могут быть подтверждены в лабораторных условиях. Большинство людей способны овладеть методиками отделения от своего тела в достаточно короткое время.

Вообще-то говоря, складывается впечатление, что американские военные знали об этом уже давно. Во времена холодной войны был объявлен набор добровольцев из числа медиумов для службы в армии, которым поручалось шпионить за русскими, а также для борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Один из них, рядовой Дэвид Морхауз, научился отделяться от своего тела в результате контузии, после того, как ему пулей пробило каску. Когда он рассказал об этом военному врачу, его незамедлительно привлекли к участию в программе «дистанционного визуального осмотра». Там он оказался одним из многих, и всех их учили объединять свои интеллектуальные ресурсы с помощью «астрального проеци-

рования» для выполнения различных задач и изучения различных объектов.¹

Как ни удивительно, но оказалось, что этот самый «дистанционный визуальный осмотр» вполне возможно применить к прошлому. Морхауза попросили установить, действительно ли корейский авиалайнер, сбитый русскими в 1983 году, выполнял шпионскую миссию, и он пришел к выводу, что второй пилот намеренно отклонился от курса и пошел над территорией СССР, чтобы обнаружить бреши в радарной защите.

Он всегда чувствовал, что применять свои способности в милитаристских целях нельзя, и, в конце концов, несмотря на сильное и временами пугающее противодействие военных, уволился из армии.

Похоже, не вызывает сомнения факт, что человек обладает способностями, о наличии которых подозревали лишь немногие. В последние годы со всей очевидностью это было доказано американским профессором Робертом Яном. Ян, который преподает в Принстоне, изобрел прибор, названный им «генератором случайных явлений», который, в принципе, представляет собой аппарат для подбрасывания монет. После чего он начал приводить посторонних людей прямо с улицы, чтобы они повлияли на генератор и он выбрасывал больше «решек», чем «орлов». Процесс успешного подбрасывания монет оказался чрезвычайно высоким, что доказывает, что совсем не

¹ Морхауз подробно описывает эти методики в своей книге «*Psychic Warrior*» («Воин-экстрасенс», 1977), которую американские военные неоднократно пытались запретить). Одной из целей было советское десантное судно, и Моргауз смог дать его подробное описание.

обязательно быть экстрасенсом или медиумом, чтобы продемонстрировать власть разума над материей.

Еще более впечатляющими оказались эксперименты по дистанционному визуальному наблюдению. В то время как одна женщина сидела в телестудии, вторая отправилась на другой конец Чикаго по произвольно выбранному адресу. Это оказалась рокфеллеровская часовня, и женщина в студии смогла описать ее с потрясающей точностью.

Это похоже на телепатию, но, на самом деле, это не телепатия. Женщину, находившуюся на телестудии, попросили описать то место, куда придет другая женщина, за полчаса до того, как та действительно оказалась там. Так что она описывала событие, которое должно было произойти в будущем.

Пожалуй, все это внушает надежду, что пропасть, которая пролегла в девятнадцатом веке между наукой и паранормальными явлениями, потихоньку начинает уменьшаться.

В вышедшей в 1983 году книге «Mindsteps to the Cosmos» («Разум шагает в космос») астроном Джеральд Хоукинс (более известный своим трудом «Stonehenge Decoded» — «Разгадка Стоунхенджа») высказал предположение о том, что время от времени человечество совершает то, что он называл «шагами разума в космос», которое можно считать новым, революционным прорывом в отношении человека ко Вселенной. Он имеет в виду шаги разума в астрономии, но их можно применить и ко всем остальным аспектам эволюции человечества.

Начнем с того, говорит Хоукинс, что первоначально человек немногим отличался от животного, оставаясь крепко прикованным к земле. Потом он начал обращать свой

взор к небесам, выдумывая мифы, в которых небесные тела представляли в роли богов — в качестве примера он приводит вавилонский «Epic of Gilgamesh» («Эпос Гилгамеша»), в котором главными действующими лицами выступают боги, одновременно являющиеся и солнцем, и луной, и планетами. Это был шаг разума № 1. Затем пришли греки, начавшие изучать небосвод и попытавшиеся объяснить движение небесных тел — шаг разума № 2. Поскольку Птолемей поместил землю в центре мироздания, его схема оказалась до невозможности сложной. И только когда Коперник принял Солнце за центр Солнечной системы, был совершен следующий шаг разума № 3. Изобретение печати также привело к «взрыву знания».

Следующим шагом стала эра освоения космического пространства, когда человек начал присматриваться к другим галактикам, постепенно осознавая истинные размеры Вселенной. Это был шаг разума № 4.

Каким будет следующий шаг? Станет ли им совершенно новая технология, которая даст нам возможность приступить к изучению Вселенной? Или, быть может, этим шагом окажется контакт с внеземными цивилизациями?

А может, шагом будет осознание огромной новой реальности, открытой учеными, подобными Станиславу Грофу и Роберту Яну, и исследователями, похожими на Роберта Монро? Если это будет так, то, без сомнения, этот шаг разума будет самым значительным в истории человечества.

Послесловие

В 1968 году я ездил в Кембридж, чтобы взять интервью у философа С. Д. Броуди для иллюстрированного журнала. Броуди, добрейшая душа и скромный человек, пребывал в тот момент в состоянии раздражения и недовольства из-за того, что его колледж — Тринити — назначил его исполняющим обязанности камергера (и это в возрасте восьмидесяти лет!). Он с нетерпением ожидал окончания срока своих нынешних обязанностей, чтобы вернуться в любимую его сердцу Скандинавию.

Поговорив немного о его философской концепции и взглядах на молодое поколение, мы перешли к вопросу об исследованиях в области психики. Броуди вступил в Общество исследований в области психики в 1920 году и дважды был его президентом. Он высказал интересное замечание: «Если результаты исследований в области психики абсолютно достоверны, то они имеют огромное значение. Это в буквальном смысле меняет все наши представления о мире». Я напомнил ему, что в своей автобиографии¹ он высказал следующую мысль: «Насколько я могу судить, у меня нет желания продолжать жить после смерти моего нынешнего тела, и мне было бы намного спокойнее, если бы я был твердо уверен в том, что такое выживание невозможно». Броуд настаивал, что в том не было никакого противоречия:

¹ The Philosophy of C.D. Broad (1959)

«В этой жизни мне чертовски везло... Я добился всего, о чем мог только мечтать — вероятно, даже более того, чего заслуживал — поэтому мне не нравится идея, что я могу попытаться счастья и в другом мире. Пожалуй, я бы просто покончил со всем в мире этом...»

Броуд еще раз подчеркивал то, о чем мы неоднократно говорили в этой книге. Знание того, что существует жизнь после смерти, действительно «изменило бы все». Хотя, в каком-то смысле, это бы не изменило ничего. Ребенок открывает глаза в сложном, непонятном и довольно-таки пугающем мире. Вскоре у него возникает убеждение, что взрослые знают ответы на все вопросы. Насколько же неприятным оказывается ощущение, когда он вырастает и понимает, что это не так. Кьеркегаард писал:

«Где я? Кто я?... Как я попал сюда? Что это за штука, которая называется миром? Как я пришел в этот мир? Почему никто не спросил моего согласия? И уж если я вынужден принимать участие в этой игре, то где же распорядитель? Хотел бы я повидать его!»

Недостаточно просто сказать: «Не волнуйтесь, после смерти будет жизнь». Если смерть и в самом деле означала бы конец существования человека, то, разумеется, это только усугубило бы чувство бессмысленности и тщетности. Но когда нам говорят, что мы будем жить в другом мире, то перед нами встает тот же самый вопрос. Уильям Джеймс выразил его так: Откуда взялось это существование, когда должно быть несуществование? Чтобы ответить на этот вопрос, нам, наверное, понадобится выйти «за пределы» существования, что представляется очевидно невозможным.

В этом, собственно, и заключается объяснение того, почему спиритуализм не оказал большого влияния на умы. Когда он зародился в Рочестере в 1850 году, у его последователей не возникало никаких сомнений в том, что они помогают основать новую религию. Но любая религия означает попытку найти и объяснить место человека в системе мироздания. В основе спиритуализма не лежало никакого мистического прозрения относительно того, что человек сродни Господу; он исходил из предположения, что умерший человек на самом деле не является таковым, а просто продолжает жить в мире, не похожем на наш. Таким образом, вопрос о месте человека во вселенной остается открытым. Неудивительно, что теологи римской католической церкви объединились с агностиками, называя спиритуализм скучной, мелкой и безответственной теорией.

Мне еще раз напомнили об этих доводах за несколько месяцев до того, как я начал писать эту книгу. Мой знакомый журналист рассказал мне, что совсем недавно ему стало известно об одном из самых выдающихся медиумов всех времен. Я буду называть ее Марта. По словам моего знакомого, она была «медиумом материализации», и во время ее сеансов, откуда ни возьмись, возникали вполне материальные и осязаемые личности, которые потом расхаживали по комнате. Они вели себя в точности как нормальные, обычные люди; они отвечали на вопросы, позволяли прикасаться к себе и даже подсаживались к присутствующим на сеансе. Короче, мистификацией там и не пахло; все было просто и незатейливо, как английское чаепитие.

Я немедленно написал Марте о том, что собираюсь писать книгу о жизни после смерти, а также о том, что

хотел бы присутствовать на одном из ее сеансов. Вскоре я получил дружелюбный ответ с приглашением приехать в любое удобное для меня время.

Так получилось, что в скором времени я оказался в том провинциальном городке, в котором жила Марта, и позвонил ей, чтобы узнать, могу ли я прийти к ней на сеанс. Она ответила, что сейчас это невозможно, поскольку ее друзья, в доме которых проходили сеансы, уехали в отпуск, но она приглашает меня к себе на чашечку чая.

Марта оказалась привлекательной женщиной лет тридцати с небольшим. Я был представлен ее мужу, Биллу, а также ее сыну и его подружке. Не скрою, их рассказ произвел на меня впечатление. Марта была актрисой, но, выйдя замуж за Билла — инженера по образованию — она оставила сцену. (Ее сын по-прежнему работал в театре инженером по свету). Ее способности обнаружились совершенно случайно, когда в один прекрасный день ее здорово разозлила перепалка с одним из своих знакомых. Она дотронулась до маленького столика, и тот отлетел от нее через всю комнату. Когда она положила ладони на его крышку, он начал раскачиваться из стороны в сторону. Столик отвечал на вопросы с помощью обычного кода. Они все пришли в восторг от своего открытия, и теперь проводили все вечера, задавая вопросы. (Марта подчеркнула, что до того никогда не интересовалась такими вещами — она ведь была католичкой). Но вот как-то она вошла в транс, и ее устами заговорил дух. Очнувшись, она извинилась за то, что заснула; о происшедшем она не помнила ровным счетом ничего. На следующих сеансах дух «материализовался».

Женщина, разговаривавшая с сильным шотландским акцентом, представилась как «Хелен Дункан» и вскоре ста-

ла «оператором» Марты. Как-то на «сеансе связи» появился маленький мальчик — назовем его «Джереми», — и рассказал, что несколько лет назад он погиб в результате несчастного случая. Он назвал свои имя и адрес и добавил, что как раз в это самое время его отец сидит дома в одиночестве, поскольку мать его ушла на работу в ночную смену. По словам Джереми, на потолке, над головой отца, была нарисована большая красная бабочка.

Был уже поздний вечер, но они решили проверить рассказ Джереми. Они нашли номер телефона и позвонили. Им ответил мужской голос, и Билл произнес: «Извините меня, но я собираюсь задать вам глупый вопрос. В вашей комнате на потолке есть большая красная бабочка?» Мужчина изумленно воскликнул: «О Господи, конечно, есть! Но откуда вы узнали об этом?» Они ответили: «Потому что ваш сын только что рассказал нам...» Отец подтвердил все, что рассказал им Джереми о своей смерти. Родители приехали вдвоем на следующий же день, и слезы радости потекли ручьем, когда они обнимали и целовали своего «сына».

Это была впечатляющая история. Откровенно говоря, и Марта, и Билл показались мне достаточно убедительными. Они являли собой очаровательную пару, совершенно естественную и практичную, и если их рассказ удастся подтвердить, то, вне всякого сомнения, Марту можно считать самым выдающимся медиумом после Дэниэля Дунгласа Хоума. Я почти не сомневался в том, что подтверждение будет найдено, потому что меня заверили, что я смогу не только поговорить с Джереми и Хелен Дункан, но и потрогать их.

При первой же возможности я поспешил в пригород, где жили Билл и Марта. По какой-то причине проведе-

ние сеансов в доме их друзей оставалось невозможным; но они предложили провести его в их собственной гостиной. Меня пригласили прийти пораньше на чай — собственно, это был, скорее, обед с горячими сосисками и всевозможными пирожками, пирожными и лепешками — и я узнал много нового об их контактах с «потусторонним миром». У меня сложилось впечатление, что у Марты возникли проблемы с некоторыми «кровожадными» скептиками, один из которых обвинил ее в мошенничестве со страниц известного спиритуалистического журнала. Все это показалось мне чрезвычайно удивительным; если хотя бы половина того, о чем она рассказывала, была правдой, то трудно представить, почему кому-либо могло прийти в голову обвинить ее в мошенничестве.

Примерно через два часа сеанс, наконец, начался. К моему удивлению, Билл и Дональд (их сын) начали закрывать окна листами толстого черного пластика. Они объяснили это тем, что даже маленький лучик света может повредить медиуму. Марта устроилась в кресле; я расположился на диване вместе с Дональдом и его подружкой; Билл уселся напротив Марты. Магнитофон наигрывал легкую классическую музыку, а все лампы были погашены, мы находились в полной темноте. Музыка, по их словам, помогала создать нужную атмосферу. Вскоре раздался громкий стук по крышке стола, и Билл объяснил мне, что это означало присутствие тринадцати духов. Потом прозвучал голос маленького мальчика, и появился Джереми. Меня представили ему, и я спросил, не будет ли он возражать, если я запишу его голос на магнитофон. Он согласился, и я включил магнитофон, который принес с собой. А потом мы все стали разговаривать — это была

очень обычная, непринужденная, дружеская болтовня. У Джереми оказался высокий голос, а манера говорить показалась мне какой-то невнятной, как будто у него во рту была горячая каша. Спустя несколько минут Джереми спросил: «Вы слышите Лауру?» Снова включили музыку — Плачидо Доминго как раз запел «Я не смогу прожить без тебя» — поэтому я не смог услышать появление новой собеседницы. Билл поприветствовал ее, а меня снова представили ей. Лаура взяла мою руку в свои — при этом я посчитал ее совершенно нормальным человеческим существом. Лаура подпевала звучащей мелодии; она оказалась обладательницей приятного голоса, но опять мне почудилось в нем нечто странное — я могу сказать только, что он слегка дрожал. В этот момент кто-то включил фонарик, но на стекло у него был надет красный носок, так что даже в полной темноте он практически не давал света. Фонарик поднесли к босым ногам Лауры, и я едва смог разглядеть их на фоне ковра.

Внезапно голос с сильным шотландским акцентом произнес: «Всем привет! Рада всех вас видеть». Билл ответил: «Здравствуй, Хелен». «Полагаю, Колин, вы изрядно удивлены?» Она попросила Билла приглушить музыку и пояснила: «Нам нужна музыка, потому что Марта боится темноты. Вот теперь нормально, и ее подсознание будет улавливать ее». Далее она представилась мне и «от всего сердца поприветствовала меня». Она слышала, что я — мастер слова, наделенный многими достоинствами, ну так вот, то же самое она могла сказать и о себе.

Прошло еще несколько минут, и Билл решил сделать перерыв. Музыка играла по-прежнему; потом зажегся свет. Перед нами была Марта, сидящая в кресле в своем

дорожном костюме. Постепенно она пришла в себя и воскликнула: «Ну как, произошло что-нибудь?» Мы заверили ее, что да, кое-что действительно произошло.

Минут через пять-десять сеанс возобновился. Джереми болтал без умолку, а Хелен предложила провести «эксперимент». Он заключался в том, что она взяла фонарь и осветила мне свои ступни, а потом и колени. И снова мне не удалось разглядеть почти ничего, за исключением тусклого отражения плоти в слабом красном свете.

По ее собственному признанию, Хелен за словом в карман не лезла; речь ее лилась безостановочно. На какое-то мгновение мне удалось прервать ее красноречие, спросив, не знает ли она моего друга, Леонарда Боучера, который посещал ее сеансы, когда она была еще жива. Она ответила, что знает, и спросила меня, как дела у «Лена». Я сказал ей, что он сейчас в Зимбабве. «Вот как? — с удивлением спросила Хелен. — А я думала, что он в Родезии». Нам пришлось объяснить ей, что это одно и то же. Она попросила меня напомнить Леонарду о Портсмуте.

Спустя какое-то время, я поинтересовался у нее, не расскажет ли она мне что-нибудь о природе полтергейста. «Конечно, расскажу», — авторитетно ответила Хелен, но ничего не объяснила. Вместо этого она принялась рассказывать нам, что полтергейсты никому не причинили вреда, и что их нечего бояться. «Живые могут принести вам намного больше вреда, чем мертвые...» В таком же духе она витийствовала еще примерно полчаса, не говоря ничего конкретного — во всяком случае, о природе полтергейста. Стало ясно, что она или равным счетом ничего не знает о полтергейстах, или предпочитает по-

малкивать об этом. Я не почувствовал сожаления, когда Билл объявил следующий перерыв. К тому времени пленка у меня закончилась.

Билл сообщил мне, что на их сеансах часто появляется Рэймонд, сын сэра Оливера Лоджа, и я спросил его, не могу ли я с ним встретиться. Собственно говоря, я уже прослушивал запись одного из сеансов с «Рэймондом». Немного погодя Рэймонд явился собственной персоной, чтобы поприветствовать меня. И вот тогда мои смутные подозрения начали обретать под собой почву. Голос этого Рэймонда совсем не походил на тот, который я слышал на пленке. Он разговаривал неторопливо, его речь выдавала в нем образованного человека, и в ней проскальзывали какие-то женственные интонации, как у Эллы Шилдс, когда в ней говорила «Берти из Бурлингтона».

Я спросил у него, правда ли то, что духи могут видеть в темноте, и он ответил — «да». Он рассказал мне, как однажды мой знакомый из Общества исследований в области психики присутствовал на их сеансе и произвел на него неизгладимое впечатление, сказав тому, сколько пальцев он показал. Он добавил, что в комнате в разных направлениях была натянута проволока, и что духи доказали свою способность видеть в темноте, огибая ее.

Это походило на приглашение, и я спросил Рэймонда, не может ли он прочесть выражение моего лица в эту минуту. Я соорудил страшную гримасу и выпятил губы. Рэймонд неуверенно спросил: «Вы имеете в виду, открыт ли у вас рот или что-нибудь в этом роде?» Внезапно я понял, что Рэймонд ничего не видит в темноте. Я ответил ему «да», это то, что я имею в виду. Рэймонд решительно сказал, что «больше он этого не делает». Поче-

му? Потому что это никого не убеждает. «Но это убедит меня, — возразил я ему, — если вы скажете мне, например, сколько пальцев я сейчас поднял». Я выставил два пальца. «Мы больше не занимается этим», — с раздражением ответил Рэймонд. — «А почему? Разве вы не хотите убедить меня?» Рэймонд возразил, что если, выйдя из этого дома, я сообщу в печати, что Рэймонд смог сосчитать мои пальцы, это никого не убедит. Марту обвинят в том, что она использует инфракрасный свет или что-нибудь в этом роде. Я снова попытался объяснить, что вопрос заключается не в том, чтобы убедить других, а в том, чтобы убедить меня. Если он скажет мне, сколько пальцев я показываю, я поверю в то, что он — дух. Если не сможет, значит, я не поверю.

После этих моих слов Рэймонд исполнился язвительности. Он заявил, что они и так предоставили мне доказательства больше, чем нужно. Они позволили мне прикоснуться к духам, и даже увидеть их в свете фонаря. Я возразил, что фонарь не позволил мне увидеть ничего такого, что можно считать доказательством — даже того, сидела ли Марта в это время в своем кресле. И хотя кто-то совершенно определенно взял меня за руку и позволил дотронуться до своей руки, я не стал бы присягать, что это была не Марта.

Стало ясно, что за семьдесят лет пребывания в мире духов характер Рэймонда не улучшился — было видно, что он едва сдерживается. Он продолжал упорствовать, что они дали мне все доказательства. Этого должно быть достаточно. Я же настаивал, что все, что мне требуется, чтобы рассеять мои подозрения — это сказать мне, сколько пальцев я поднял вверх. «Мы больше не занимаемся

этим...» Я заметил, что он разозлился, и голос его обрел явные женские обертоны.

Продолжать было бессмысленно, и я так и сказал ему. Заиграла музыка, и зажегся свет. Наступила неловкая пауза. Я был почти уверен, что Рэймонд — мошенник, из чего вытекало, что и весь сеанс был сплошным обманом. Проснулась Марта и сонным голосом поинтересовалась, что случилось; Билл ответил, что мы с Рэймондом поспорили. Я поблагодарил их и быстро ретировался, чтобы избежать дальнейшей неловкости.

Придя домой, я сразу же сел писать письмо Леонарду Боучеру в Зимбабве, в котором спрашивал его, действительно ли Хелен Дункан знала его как «Лена», и виделся ли он с ней в Портсмуте. Его ответ, когда я получил его, оказался именно таким, как я и ожидал. Они были едва знакомы — во всяком случае, не настолько, чтобы звать друг друга по имени. (Откровенно говоря, я не слышал, чтобы кто-нибудь когда-нибудь называл его «Леном»; он предпочитал имя «Леонард»). Кроме того, он виделся с ней не в Портсмуте, а в Шотландии.

Мой знакомый, который рассказал мне о Марте, пришел в ярость, когда я отослал ему свой отчет о сеансе. У него не было никаких сомнений в том, что она — настоящий медиум, и, если я с этим не согласен, значит, я — Фома неверующий, причем неверующий преднамеренно. Я объяснил, что это не значит, что Марта — обманщица; но я уверен в том, что Рэймонд — стопроцентный мошенник. Но такое объяснение его не удовлетворило. Ничто не могло убедить его в том, что я не переметнулся к «противнику».

Вся история лишний раз подтвердила то, о чем я знал с самого начала: общение с мнимыми духами не может

дать нам никаких знаний о природе мироздания. Главная задача, стоящая перед человеком — познать законы мироздания. Даже если бы Рэймонд смог сосчитать мои пальцы и прочел выражение моего лица — да даже если бы он сумел прочесть мои мысли — это не имело бы никакого значения. Я просто лишний раз убедился бы в том, что знал и так: такие вещи возможны. Когда я слушаю магнитофонную запись сеанса, меня неудержимо тянет на зевоту, и я по-прежнему уверен в том, что духам нечего добавить к общей сумме человеческой мысли — даже настоящим духам.

Тогда что же, по моему мнению, можно почерпнуть из доказательств, полученных в ходе исследований паранормального?

Я бы начал с того, что основные открытия относятся к личности человека. Мы все считаем понятие «личность» чем-то само собой разумеющимся. Я — это я, и этим все сказано. Случаи же с раздвоением и размножением личности свидетельствуют, что не все так просто. Если я позволю жизни сломить меня, то во мне может развиваться второстепенная, или подсознательная личность, которой окажется по плечу справиться с проблемами. «Кристин Бюшам» (Клара Фаулер) была робкой и пугливой, поэтому ее место заняла веселая и разбитная «Салли». Луи Виве был нерешительным и склонным к апатии мужчиной, поэтому его сменил более решительный и уверенный «Луи». Билли Миллигэн уже собирался совершить самоубийство, спрыгнув с крыши школы, когда в его сознании произошла перемена, и проявилась новая личность. Очевидный вывод из этого заключается в том, что в каждом из нас скрыто много потенциальных личнос-

тей, которые, фигурально выражаясь, только и ждут сигнала, чтобы расправить крылья и выйти на передний план. У нормальных, здоровых людей со здоровой психикой они сливаются с «главной» личностью, не создавая никаких помех. Мы встречаемся с кем-то, кого не видели долгое время, и оказывается, что перед нами совершенно другой человек, более уверенный в себе, практичный и добившийся успеха. При этом у нас не возникает чувства, что вместо него перед нами предстала более сильная личность, нет; мы просто понимаем, что он стал больше походить на самого себя. В одной из своих работ («Mysteries, Introduction») я уже высказывал предположение о том, что в каждом человеке скрыта целая иерархическая лестница других «я», других личностей.

На нижней ступеньке помещается ребенок, который открыл глаза в незнакомый мир, потом ребенок, у которого начинает развиваться его собственное мышление, года примерно в три, затем первая «законченная» личность в возрасте семи лет. Ребенка сменяет юноша, у которого зарождаются половые признаки и возникают эмоциональные проблемы, вслед за ним приходит черед взрослого человека, в котором сочетаются все вышеназванные черты. Но это еще не конец развития. У «великих людей» легко прослеживаются новые уровни их личностного становления, и мы так и говорим, например, о «различных» периодах жизни и творчества Шекспира или Бетховена. Между тем, невооруженным взглядом видно, что и Шекспир, и Бетховен не были законченными и совершенными личностями; если бы они прожили дольше и продолжили бы свои творческие искания, то наверняка достигли бы больших высот в своем развитии.

Вот поэтому мы и отвергаем предположение о том, что личность продолжает существование после физической смерти. Мы видим, что личность взрослеет и развивается, подобно физическому телу, из чего со всей непреложностью вытекает, что в конце она должна умирать, подобно телесной оболочке. Тем не менее, случаи с множественной личностью показывают, что существует некое «главное я», на основе которого и формируется личность. Мистические излияния радости и экстатические ощущения поглощают личность. Некоторые мистики даже сравнивают это чувство ухода от своей индивидуальности с тем, как дух освобождается от разлагающегося тела; при этом он сохраняет свое сознание и жизненные силы. Если что-то и переживает смерть, так это основной субстрат личности. Если реинкарнация действительно имеет место, то именно этот самый субстрат и переселяется в новорожденного.

Может быть, «субстрат» — не совсем подходящее слово. В своей книге «Mysteries» я говорю о том, что «лестница» с личностями — это не лестница в нашем обычном понимании, с параллельно располагающимися ступеньками; она, скорее, напоминает перевернутую букву «V». Чем выше мы поднимаемся, тем короче становятся ступеньки, и тем больше усилий приходится прилагать, чтобы подняться на следующий уровень. (С другой стороны, падать вниз очень легко, что и происходит, например, во время нервного срыва). Вероятно, на вершине лестницы-стремянки и располагается «наивысшее я».

Я начал эту книгу рассказом об Адаме Кребтри, поскольку некоторые из изученных им случаев наглядно демонстрируют, что подобный механизм «развития» остав-

ляет место и для того, что обычно обозначают словом «вселение». Как считает Кардес, духи могут вселяться в нас и покидать наше тело по своему желанию (а дело «Денниса» Ральфа Аллисона, похоже, свидетельствует в пользу этого предположения). Они способны до некоторой степени влиять на наши мысли, но при обычных обстоятельствах они не в состоянии управлять нами или хотя бы влиять на наши действия. Разумеется, это очень похоже на дикие средневековые предрассудки, но полученные в ходе психических и паранормальных исследований доказательства заставляют нас принять это предположение хотя бы в качестве рабочей гипотезы.

Вероятно, наиболее интересным аспектом исследований в области психики является признание того, что мы, похоже, обладаем всеми видами психической энергии, о которых мы даже не подозреваем — от телепатии и психокинеза до астрального проецирования и предвидения будущего. И все-таки я склоняюсь к мысли, что эти способности не столь значимы, как мы предполагаем. Все основные религиозные конфессии признают их в качестве субпродукта «духовного развития». Индусы говорят, что если йог развлекается хождением по воде, значит, он все еще находится на ранней стадии развития.

Альтернатива — стремление к Богу или Высшей Реальности — большинство из нас не привлекает, или вовсе кажется нереальной. Может быть, это происходит от того, что мы вкладываем в эти слова неверный смысл. Французский психолог Пьер Жане утверждал, что мерой, или показателем, умственного здоровья служит способность, которую он назвал «функцией реальности». Он имел в виду не какую-то абстрактную, мистическую ре-

альность, а ту ежедневную, которая окружает нас всех. Угнетенное состояние духа, страдания и невзгоды, чувство вины — и, в первую очередь, абсурдные, нелепые страхи и сомнения — не позволяют нам выработать здоровую и непосредственную реакцию на эту реальность. Человек — единственное разумное создание, которое проводит 90% своего времени в вымышленном мире, созданном им самим. Мы слишком субъективны и внушаемы. Главная наша задача, или проблема — научиться объективности, т.е. достичь того, что можно назвать «объективным сознанием».

Собственно говоря, объективное сознание встречается не так уж редко, как можно было бы подумать. Стоит только отправиться солнечным утром на прогулку, как нас охватывает внезапное чувство, что жизнь прекрасна и удивительна. Если бы мы научились постоянно поддерживать в себе это ощущение, жизнь превратилась бы в рай — без войн, без преступности, без низости и подлости, без мелочности и ничтожности, без негодования и обид. Проблема в том, что мы быстро утрачиваем это чувство прозрения и проникновения в суть вещей. Усталость снижает нашу способность к восприятию, и второстепенные и часто беспочвенные страхи и тревоги мгновенно стремятся вновь заполнить наш разум, подобно крысам, спасающимся с тонущего корабля. Без сомнения, каждый из нас замечал, что под воздействием физического стресса рано или поздно наступает такой момент, когда страхи и тревоги начинают нарастать лавинообразно. (Это легко проверить, стоит только отправиться на пробежку или начать вскапывать сад или огород с большим, чем обычно, усердием). Все наше недоверие и опас-

ка, которые мы испытываем к жизни, и которые мы в себе более или менее успешно подавляем, внезапно всплывают из глубин подсознания. (Именно подсознания — то есть из того мира, который лежит за порогом обычного сознания). Единственный способ избавиться от этого — прогнать крыс с корабля, подвергнуть свои страхи и тревоги беспристрастному логическому анализу с точки зрения здравого смысла. Можно «перепрограммировать» подсознание так, чтобы оно перестало представлять угрозу жизни и здоровью.

В общем-то, мы подходим к проблеме витализма (о котором мы говорили в последней главе) с другой стороны и под другим углом. Как мы уже знаем, витализм — это вера в то, что жизнь представляет собой постоянную борьбу за обретение власти над материей путем «предоставления ей большей свободы». Поэтому — как выразился Т. Э. Халм — амёбу можно считать крошечной «утечкой» свободы, рыб — «утечками» побольше, животных — ещё большими утечками, и, соответственно, человека — крупнейшей утечкой, существовавшей до настоящего времени (по крайней мере, на этой планете). В соответствии с доктриной витализма, наша задача заключается в том, чтобы приложить целенаправленные и осознанные усилия к тому, чтобы увеличить эту утечку.

Нравится нам теория витализма или нет, но следует признать, что некая доля правды в ней присутствует. Когда вы едете в машине со скоростью девяносто миль в час (примерно 140 км), вы ощущаете «большую радость от жизни». Когда вы приходите в восторг во время футбольного матча, вы ощущаете большую радость от жизни. Это,

в общем-то, достаточно примитивные методы получать наслаждение от жизни. Когда читатель полностью погружается в вымышленный мир романа, когда любителя музыки захватывает звучащая симфония, — они испытывают при этом определенное расширение сознания, которое отличается от обычного физического возбуждения. Футбольный болельщик знает, что состояние восторга у него вызывает игра; но если человек испытывает образный, художественный восторг, то он при этом чувствует, что это ощущение каким-то образом подвластно ему самому — что он или она снова могут предаться ему силой своего воображения. Те, кто обладает способностью вызывать у себя интеллектуальный или художественный восторг, понимают, что именно в этом и заключается решение проблемы целенаправленного и осознанного «увеличения утечки» свободы.

Шопенгауэр был одним из первых философов, который ввел в обиход выражение «жизненная сила»; его последователем стал сначала Эдуард фон Хартманн, а затем Шоу, Бергсон и Дриш. Все они считали жизнь слепой, инстинктивной силой, мучительно и неуклюже прокладывающей путь к самовыражению. Однако, как мы с вами видели, впоследствии Бергсон и Дриш изменили свою точку зрения. Тому есть две причины. Во-первых, если такие способности, как телепатия и ясно-видение, действительно существуют, то тогда жизнь как таковая обладает намного большей властью над материей, чем мы предполагали. Но, похоже, эта власть ограничивается нашей неспособностью «настроиться» на эти жизненные силы — или же нашей склонностью сопротивляться им. (Приказы, которые Розалинда Хей-

вуд получала от «голосов», часто казались ей абсурдными, однако, выполнение их обычно шло ей на пользу). Тем не менее, «невидимые силы» часто ведут себя так, как будто у них есть определенная разумная цель, или как будто они существуют «над» обычным сознанием. Во-вторых, если жизнь после смерти — реальность, то «потусторонний мир» должен быть намного менее материальным, чем наш собственный — может быть, в такой плоскости или уровне, для которых характерно существование материи с намного более высокой частотой колебаний. Это означает, что жизнь уже завоевала этот уровень и использует его в качестве плацдарма для проведения «разведки боем» на враждебной, трудной и негостеприимной территории. Гордеев как-то сказал, что наша земля — космический эквивалент Крайнего Севера; еще более наглядными примерами можно считать Дикий Запад или тропическую Африку, пора колонизации и освоения которых еще не настала.

Как мы видели, самая большая проблема заключается в том, что когда жизнь проникает в твердую материю, она теряет память. Это можно сравнить с тем, когда ребенка отправляют с каким-либо поручением, а он на полпути забывает то, что ему было поручено. У человека подобная «забывчивость» приводит к тому, что ему начинает казаться, что он запутался в тенетах навещающего тоску материального мира; Сартр по этому поводу выразился так — «мы бессмысленно живем и бессмысленно умираем».

Поэтому вполне очевидно, что главная задача «жизненной силы» заключается в том, чтобы мы не забыли данные нам инструкции и не вернулись домой с пустыми

руками — или, подобно Гитлеру или Джеку-Потрошителю, не оставили мир в значительно худшем состоянии, чем он был до нас.

Давайте попробуем решить эту задачу, представив себя в роли Высшего Разума или Ангелов, сидящих на небесах и взирающих на человеческие существа, и задающихся вопросом, как найти перманентное решение этой проблемы «забывания».

Единственное, с чем мы все согласны, это то, что целью жизни является укрепление своей власти над материей, «расширение течи» свободы. Меньше всего нам нужна раса существ, полагающих, что жизнь лишена смысла и цели, и что чем скорее они смогут уйти из этой «бесконечной юдоли слез», тем лучше. В идеале нам нужны создания, которые бы испытывали неподдельный интерес и восторг перед жизнью, и которые считали бы, что нет такой проблемы, которую рано или поздно не удастся решить. Нам нужны существа с огромной «жаждой действительности».

Вся беда с такими людьми заключается в том, что они начинают жить с предвкушением удовольствий, которые они получают от жизни, смотрят на мир «сквозь розовые очки», но, в конце концов, заканчивают ощущением усталости от жизни, утратой иллюзий и чувством поражения. Видеть это еще досаднее потому, что сейчас они так близки к достижению своей цели. В течение сотен тысяч лет они вели жестокую борьбу с холодом, голодом и хищниками. Бессчетное число раз они были на волоске от полного вымирания и исчезновения. Потом они начали применять свои мыслительные способности, чтобы изготовить оружие для охоты, чтобы строить не протекающие от дождя

хижины; начиная с того времени, жизнь постоянно улучшалась. Они создали цивилизацию, и, хотя при этом возникли два нежелательных побочных продукта — войны и преступность, — они не позволили себя запутать, не утратили силы духа и постепенно научились создавать достойную жизнь. Затем они совершили один из величайших прорывов в истории, и возникли литература и искусство; был сделан первый шаг к покорению мира разума. В конце концов, им стало казаться, что вот-вот будет достигнута главная цель — завоевание прочного плацдарма в мире материи.

Но тут возникла новая непредвиденная проблема. Они начали уставать от цивилизации, которую с таким трудом создали их предки. Беда в том, что все произошло слишком быстро. Миллионы лет ушли на борьбу за выживание, а затем уютное и безопасное лоно цивилизации возникло за одну ночь, что привело их в несомненное замешательство и недоумение. Вместо того, чтобы бороться за расширение своего сознания, они выбрали путь наименьшего сопротивления и начали растрачивать жизнь в погоне за сиюминутными удовольствиями.

Еще в далеком прошлом Высший Разум поддерживал контакт с человеческой расой через отдельных личностей, которые выступали в роли высокочувствительных «приемников». Этим людям — называемым пророками и мессиями, — можно было показать смысл и цель жизни путем мистических откровений, после чего они использовали свои огромные таланты, чтобы убедить человечество в том, что целью жизни является пропуск в рай. Тысячелетиями этот метод — не дать людям «забыть полученные инструкции» — неизменно приносил

успех, и все великие мировые религии ставили себе целью укрепить в человеке веру в лучшее будущее, оптимизм, и развить его мыслительные способности (во всяком случае, при здоровом размышлении, к этому все и сводится). Но рост мыслительных способностей привел к тому, что человек перерос свои религиозные верования. Сложности бытия порождали все больше и больше «уходов от действительности», все больше становилось людей, полагавших, что жизнь лишена смысла и представляет собой лишь временное пребывание в заключении, за которым следует забвение. Затем, в девятнадцатом веке, наступил момент, когда постоянный рост знаний привел человечество к выводу, что единственной реальностью является материя.

Именно в это время подкомитет Ангелов решил испытать на практике метод непосредственного общения, чтобы убедить людей в том, что жизнь после смерти действительно существует. Этот эксперимент начался году этак в 1840-м, и в форме религиозного движения, известного под названием «спиритуализм», распространился по всему миру. К несчастью, к нему, как мухи на мед, потянулись неподходящие типажы — нестойкие умом сентименталисты, — а ученые и философы остались в стороне. Позднее уже другой комитет Ангелов предложил широкомасштабное использование состояний клинической смерти в качестве «обучающего метода», и это тоже принесло некоторые плоды — но слишком уж незначительные, чтобы оказать заметное влияние на умы. Более того, доверие к самому институту спиритуализма оказалось подорванным из-за постоянных скандалов со злонамеренными «привязанными к земле духами» —

преступными элементами, бездельниками и малолетними правонарушителями из «потустороннего мира», присутствие которых внесло смятение в ряды верующих. В целом же, эксперимент со спиритуализмом нельзя отнести к числу выдающихся успехов Высшего Разума.

Это, разумеется, снова оставляет нас один на один с первоначальным вопросом: что надо сделать, чтобы человеческие существа «не забыли полученные инструкции» и не растратили свою жизнь без всякой пользы? Мы инстинктивно отдаем себе отчет в том, что это центральный вопрос существования человечества, Проблема Жизни. Именно этим инстинктивным ощущением и объясняется то, почему предъявленные спиритуализмом доказательства произвели такое на удивление незначительное впечатление на человеческую расу. Казалось бы, наоборот — спиритуализм должен был вызвать живейший интерес и участие в каждом человеке. Достоевский писал в «Дневнике писателя»: «...Есть только одна высшая идея на свете: предположение о бессмертии души человеческой; все другие идеи, с которыми живут люди, являются лишь продолжением и следствием ее». И, тем не менее, за полтора века своего существования спиритуализм не добился сколько-нибудь значительного прогресса; он попросту топчется на месте. И все это потому, что в глубине души мы понимаем, что Проблема Смерти не столь важна, как Проблема Жизни.

Ясно одно: Проблема Жизни отныне касается не только Высшего Разума. Уже более века человек пытается решить ее самостоятельно. (Как мы помним, Общество исследований в области психики родилось в тот момент, когда два философа задались вопросом — а не

могут ли доказательства паранормальных явлений помочь решить «загадку мироздания»? Кьеркегаард, Толстой, Достоевский, Ницше, Шоу, Джасперс, Камю, и многие другие сделали Проблему Жизни — *Lebensfrage* — основным вопросом своего творчества. (Даже я удосужился внести свой маленький вклад).

Медленно начинает вырисовываться некий ответ. Он состоит в следующем: человеку не составляет особого труда видеть перед собой цель, когда само его существование оказывается под угрозой. Когда это случается, мы сразу же осознаем действительный механизм «увеличения утечки» свободы. Когда я сталкиваюсь с какой-либо опасностью или угрозой, то первое, что при этом происходит — это попытка поколебать мою жизненную силу. В крови у меня начинает бурлить адреналин, и моя уверенность в себе понижается на несколько пунктов. Затем я «ожесточаю себя», чтобы встретить проблему лицом к лицу; я собираюсь с силами и с духом, чтобы справиться с задачей. В тот момент, когда я решаю вставшую передо мной проблему, я испытываю чувство глубокого удовлетворения и восхитительное ощущение свободы. В некотором роде я «увеличил утечку». Если бы на протяжении всей жизни я бы мог сталкиваться с интересными проблемами и решать их, то мой самоконтроль и моя свобода возрастали бы неуклонно. Что касается Высшего Разума, то я в высшей степени удовлетворительно выполнил бы задачу расширения плацдарма.

В своей работе «*A Criminal History of Mankind*» я называю эту первоначальную реакцию на брошенный мне вызов — приток адреналина — «Силой Н», где «Н» обозначает «напряжение». Саму реакцию на этот вызов

я обозначаю как «Сила К», где «К» подразумевает «контроль». Именно в этом и заключается центральный вопрос человеческого существования, суть Проблемы Жизни — в увеличении Силы К, чтобы она преодолела Силу Н. Именно так мы «увеличиваем утечку». Разумеется, этим объясняется, почему нам так необходимо преодолевать трудности в своей жизни. Когда мы жили в пещерах или на просторах африканской саванны, этот вопрос никогда не возникал, потому что трудностей у нас тогда было более чем достаточно, чтобы держать себя в форме; именно поэтому человек превратился в самое стойкое и высоко развитое создание, стал хозяином на земле. Начав возводить города, он сразу же столкнулся с проблемой, которая грозила стать самым большим препятствием на пути его прогресса: «угроза вымирания от отсутствия стимула к жизни». В ответ он придумал войну, заставляющую его кровь быстрее течь по жилам, а сердце — биться чаще. За последующие шесть или семь тысяч лет человек превратился в самое агрессивное и кровожадное существо, когда-либо жившее на земле — даже по сравнению с плотоядными динозаврами и саблезубыми тиграми. Он также изобрел другие, менее драматичные способы решения проблемы «вымирания от отсутствия стимула к жизни»: скалолазание, исследование непознанного, покорение природы. Но все его попытки имели эффект, которого он так старался избежать: они сделали жизнь менее интересной и будоражащей. Когда в жизни не с чем бороться, она теряет свой неповторимый вкус и аромат, а мы начинаем задыхаться и погибать от скуки. Инстинктивная реакция — и у взрослых, и у детей — проявляется в том, что мы начинаем искать приключе-

ния. Именно поэтому одной из главных проблем западной цивилизации в последней четверти двадцатого века стала «немотивированная» преступность, от вандализма и футбольного хулиганства до массовых убийств.

Но, стоит нам подойти к этому вопросу с позиций интеллектуальной оценки, как все становится понятным. Обыкновенная сила привычки заставляет нас страстно желать физического раздражителя, или стимула. Подумайте, что происходит, когда перед вами встает какая-либо интересная задача. Я стараюсь сконцентрироваться и разбудить спящие во мне силы; после этого я пытаюсь подчинить их своей воле. В сущности, ничто не мешает мне сначала пробудить Силу Н совместными усилиями сосредоточенности и воли, а потом подчинить ее. Собственно говоря, этот фокус с давних времен известен святым и отшельникам-аскетам. Они сами создавали себе трудности — голодание, медитация, истязание собственного тела, — чтобы укрепить свою волю. Подобные упражнения представляются нам злонамеренным извращением, пока мы не распознаем их истинной цели — разбудить Силу Н и подчинить ее Силе К, увеличивая, таким образом, ощущение свободы и расширяя границы своего сознания.

Методы, которые применяют для этой цели отшельники, кажутся большинству из нас недопустимо жестокими и болезненными. Отчасти это вызвано тем, что мы считаем их требующими чрезмерных усилий и неоправданно жестокими. За последние два или три столетия мы стали свидетелями возникновения и развития силы, с которой наши предки были едва знакомы: эта сила — воображение. Наши современники относятся к ней как к

чему-то само собой разумеющемуся, поскольку упражнялись в ней с самых ранних лет: читали комиксы, ходили в кино и смотрели телевизор. Мы вряд ли способны представить себе, чем была жизнь для человека в пятнадцатом веке. Стоило ему открыть глаза утром, как его одолевали чисто практические проблемы; в сравнении с человеком нашего времени, его сила воображения была столь же слабо развитой, как рука ребенка по сравнению с рукой взрослого человека. У него практически отсутствовала «мыслительная жизнь». Поэтому можно считать, что, в этом смысле, за прошедшие несколько сотен лет человек достиг намного большей степени свободы. (Изобретение романа в восемнадцатом веке стало одним из наиболее значимых событий в истории человечества). В наши дни практически каждому мальчишке или девочке знакомо чувство полного поглощения литературным произведением, когда им кажется, что они и в самом деле живут в Африке во времена «Копей царя Соломона» или во Франции времен «Трех мушкетеров». Каждый раз, в минуты такого полного поглощения и погружения, мы понимаем, что в этом и состоит основное решение Проблемы Жизни. Воображение, должным образом направляемое и контролируемое, является намного более эффективным способом пробуждения Силы Н и Силы К по сравнению с самобичеванием святого, или добровольно наложенным на себя сознательным дискомфортом яхтсмена во время кругосветного плавания.

Большинству людей подобное заявление может показаться сомнительным. Это все из-за того, что мы склонны думать о воображении как о разновидности снов наяву или фантазий — самообмана, другими словами. Это

неправильно. В сущности, воображение — ни что иное, как *уход от действительности*. Впрочем, и подобное занятие может показаться сомнительным, но только на первый взгляд. Главной проблемой человека остается то, что он *попал в тенета* сиюминутных обстоятельств; горизонт его ограничен масштабами «крупного плана», то есть того, что находится в непосредственной близости. Когда ребенку смертельно скучно, ему кажется, что настоящее неизменно и что оно будет длиться вечно. И хотя взрослым следовало бы прекрасно понимать это и быть умнее, они также часто подпадают под влияние этой иллюзии. Из собственного опыта им следовало бы знать, что они сильнее окружающей их материи — или, как выразился Уэллс, «если вам не нравится ваша жизнь, вы всегда можете изменить ее». Но едва им становится скучно, они начинают испытывать знакомое чувство пойманного в ловушку зверя, или мухи, прилипшей к липкой бумаге. Они *знают*, что это — абсурд, что будущее принесет им всевозможные и неизбежные перемены. Тем не менее, они позволяют запугать себя, утрачивают мужество и впадают в состояние апатии и пассивности от обычной «сиюминутности» текущего момента, подобно тому, как вымахавший под два метра подросток-акселерат уступает дорогу хулигану вдвое меньше себя, потому что это стало привычкой.

Собственно говоря, мы то и дело ловим отблески нашей действительной власти над настоящим. Я могу заниматься каким-нибудь нудным делом, а в голове вдруг зазвучит приятная мелодия, вызывая абсурдное ощущение, что «все хорошо». Запах, который я вдруг улавливаю, идя по улице — свежее испеченного хлеба или под-

жаренных кофейных зерен, — может разбудить во мне воспоминания детства и вызвать прилив беспричинного счастья. Эти моменты, описанию которых Пруст посвятил двенадцатитомный труд, очень трудно объяснить, пока мы не уясним, насколько глубоко мы увязли в сиюминутном. Оно буквально душит нас, выматывает из нас все жилы, и мы настолько привыкли к нему, что принимаем его как неизбежное зло, как составную часть того, что мы называем «быть человеком». А обрывок мелодии или неожиданный аромат напоминают нам, что прошлое столь же ошеломительно реально, как и настоящее — разве что оно давно минуло. Такие моменты говорят нам: *ты свободнее и сильнее, чем тебе кажется*. Отсюда и ощущение искреннего восторга и полного счастья.

Если разобраться, то получится, что то, что мы называем счастьем, — всего лишь ощущение освобождения от настоящего. Именно поэтому нам так нравятся каникулы, приятные волнения, влюбленность — так первые воздухоплаватели наслаждались ощущением парения над землей, глядя вниз «с высоты птичьего полета». Волнение и возбуждение дает нам ощущение птичьего полета над самой жизнью, и каким-то образом нейтрализует ту странную и чуждую нам силу тяготения, которая приковывает нас к настоящему.

В этом, собственно, и заключается основная задача воображения: не порождать фантазии, а заставить нас осознать, что существуют иные времена и иные места. Когда это происходит на самом деле, мы вдруг понимаем, что «воображение» — совершенно неподходящее слово для обозначения этой способности, которая может, подобно ракете, вознести нас над текущими хлопотами и

помочь нам осознать, что мы, в некотором, весьма любопытном смысле, являемся гражданами вечности. Именно поэтому в одной из своих работ я и ввел термин «способность Х» для обозначения способности внезапно осознать реальность других времен и мест.¹

Пока что она отказывается работать упорядоченно; проявляется хаотично и беспорядочно, если чувствует к тому расположение. Но когда она действительно срабатывает, то происходит это легко и спонтанно, как щелчок выключателя, после которого свет вспыхивает мгновенно. Достаточно неожиданно некоторые моменты прошлого становятся настолько же реальными, насколько реально настоящее: и мы понимаем, что оно столь же реально, как и настоящее — или, скорее, что настоящее не имеет некоего особого статуса сверхреальности просто из-за того, что оно происходит именно здесь и именно сейчас. Мы рождены, чтобы стать хозяевами времени, а не его рабами.

Легкость, с которой эта способность проявляется, наводит на мысль, что она каким-то образом закодирована в наших генах, подобно способности к прямохождению, или способности птиц к полету. Вот почему Способность Х вызывает ощущение «абсурдно хороших известий». Она позволяет нам понять, что мы уже получили их.

Уместно вспомнить главный тезис книги «Human Personality and Its Survival of Bodily Death»: существуют исключительно веские доказательства, что человек обладает многими необычными способностями, в которых не отдает себе отчета. Список их велик, — начиная с экст-

¹ См. «The Occult», глава 2.

раординарных талантов выдающихся «живых вычислителей» и мнемонистов (т.е. людей, которым достаточно один раз взглянуть на страницу, чтобы потом воспроизвести ее слово в слово) — до телепатии, ясновидения и астрального проецирования. В сущности, эти качества могут иметь непосредственное отношение к Способности Х — например, неустойчивая способность к «проецированию» собственного доппельгангера, причем так, чтобы его видели посторонние люди в других местах. (В случае с преподобным Маунтфордом¹ мы видели, что в подобном «проецировании» участвовали и лошадь с повозкой). Книгу Майерса можно считать пламенным призывом к созданию новой формы психологии, призванной исследовать и изучать эти таинственные способности. Когда перед глазами профессора Хейма промелькнула вся его жизнь, пока он летел в пропасть, он открыл нечто доселе неизвестное о своем собственном разуме. То же можно сказать и о преподобном Бертроне, когда он замерзал на краю обрыва, наблюдая за своими учениками, поднимающимися к вершине горы. Когда Сара Холл увидела своего «двойника» стоящим у буфета, и когда Розалинда Хейвуд раздвоилась на «Розовую» и «Белую» половинки своего «я», то они столкнулись с той стороной человеческой личности, которая пока что остается неизвестной науке. Когда Джозеф Роудс Бученен обнаружил, что некоторые люди могут «прочитать» историю предмета, просто подержав его в руках, то он продемонстрировал, тем самым, что подсознательный разум имеет доступ к «потаенной» информации. Когда Альфред Рассел

¹ См. стр. 148.

Уоллес ввел школьника в состояние гипноза, а затем заставил его «пробовать предметы на вкус», вкладывая их себе в рот, он доказал, что подсознание способно общаться с разумом другого человека.

Вероятно, самым интересным и многообещающим открытием исследований в области психики является то, что мы можем развивать у себя подобные способности по своему собственному желанию. Психолог Абрахам Маслоу совершил аналогичное открытие в отношении «пикового ощущения», то есть момента внезапного и полного счастья. Он обнаружил, что стоило ему заговорить со своими студентами об этом пиковом ощущении, как они не только вспоминали подобные ощущения, но и начинали испытывать их гораздо чаще. Мысли и разговоры о пиковом ощущении «перепрограммировали подсознательный разум», а остальное для него было уже делом техники.

Отсюда напрашивается предположение, что основной проблемой, стоящей перед человечеством, является не некая устрашающая форма первородного греха, не какое-то глубокое и оправданное беспокойство относительно нашего места в системе мироздания, и даже не признание наших фундаментальных слабостей и беспомощности. Это всего лишь проблема плохо запрограммированного подсознания.

Большинство из нас «запустили» и «захламили» свое подсознание, и оно стало похожим на заброшенную игровую комнату, которая превратилась в хранилище ненужных вещей. В ней царит неприятный запах (воняют засохшие бутерброды с рыбой), надкусанные яблоки валяются вперемишку с лишившимися глаз плюшевыми мишками и заплесневелыми руководствами по уходу за

детьми. Проходя мимо полуоткрытой двери, бросив в комнату взгляд украдкой, мы внутренне содрогаясь и спешим поскорее пройти мимо. Самое странное, что требуется всего лишь получасовая уборка с тряпкой и щеткой, чтобы эта комната вновь стала одной из самых милых и уютных во всем доме.

Вся история исследований в области психики похожа на отрывочные демонстрации очевидно «абсурдных» возможностей и способностей человеческого разума. В лучшем случае она приводила ученых в замешательство, в худшем — пугала своей скандальностью. И только теперь забрезжило понимание того, что такая ситуация явилась результатом их старомодных представлений о природе и сути науки. Более трех сотен лет назад Рене Декарт разработал принципы современной науки и философии; он назвал их «радикальным сомнением». Философу, утверждает Декарт, подобает сидеть в кресле и наблюдать Вселенную вокруг себя. Затем он должен подвергнуть сомнению все, что только можно. Действительно ли Солнце вращается вокруг Земли, как это кажется на первый взгляд? Если мы зададимся этим вопросом, то можем установить истину. А на вопрос: «Как можно доказать свое собственное существование?» Декарт ответил: «Я мыслю, значит, существую». Создав столь фундаментальное основание, он смог расслабиться в своем кресле и обратить телескоп на Вселенную за окном.

У исследователя паранормального не возникает и тени сомнения в том, что, раз «он мыслит, значит, существует», но он склонен добавить приводящий в замешательство вопрос: «Вы есть что?» Потому что Декарт совершенно очевидно упустил из виду этот самый вопрос:

А кто именно есть я? Он вполне естественно исходил из предположения, что он — Рене Декарт; во всяком случае, так написано в его свидетельстве о рождении. Но каждого мистика рано или поздно посещает некое любопытное подозрение, что он, на самом деле, не то, что он сам о себе думает. В моменты мысленных озарений его личность растворяется, и он понимает, что это — ни что иное, как маска. Вместо этого он вглядывается в глубины внутренней Вселенной, которая странным образом напоминает Вселенную внешнюю. На вопрос «Кто есть я?» можно ответить, направив телескоп внутрь себя.

В этот момент он осознает, что столь явное ограничение его способностей вызвано его ограниченным представлением о себе самом. Для того, чтобы расширить эти способности, ему следует обрести большее знание самого себя. А для этого всего-то и нужно направить телескоп в другую сторону.

Библиография

Allison, Ralph, M.D. and Ted Schwartz. *Minds in Many Places*. Rawson, New York: Wade Publishers, Inc. 1980.

Baird, A.T. Richard Hodgson. London: Psychic Press Ltd, 1949.

Barnes, Rev. E.W., F.R.S., and others. *The Mysteries of Life and Death*. London: Hutchinson & Co, London, n.d.

Barrett, Sir William F., F.R.S. *On the Threshold of the Unseen*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd, 1920; E.P.Dutton & Co. New York. 1920.

_____. *Death-Bed Visions*. London: Methuen & Co. Ltd., 1926.

Benneth, Sir Ernest. *Apparitions and Haunted Houses*. London: Faber & Faber Ltd, 1939.

Bozzano, Professor Ernest. *Animism and Spiritism*. London: Arthur H. Stockwell Ltd., n.d.

Crabtree, Adam. *Multiple Man*. Ontario: Collins Publishers, 1985.

Crowe, Mrs. Catherine. *The Seeress of Prevorst*. London: J.C. Moore, 1848.

_____. *Spiritualism and the Age We Live In*. London: T.C. Newby, London, 1859.

_____. *The Night Side of Nature*. London: George Routledge and Sons, London, 1845.

Cummins, Geraldine. *Swan on a Black Sea*. London: Routledge and Kegan Paul, 1965.

_____. *The Road to Immortality*. London: Psychic Press Ltd, 1967.

Davis, Andrew Jackson. *The Philosophy of Spiritual Intercourse*. Boston: Colby & Rich, Banner of Light Publishing House, 1890.

Doyle, Arthur Conan. *The Vital Message*. London: Hodder & Stoughton, 1919.

Flammarion, Camille. *Death and Its Mystery*. 3 vols. London: T. Fisher Unwin, 1923.

Gowan, John Curtis. *Operations of Increasing Order*. California: published by author, 1980.

Graves, Tom and Janet Hoult. *The Essential T.C. Lethbridge*. London: Roudedge & Kegan Paul, 1980.

Green, Celia. *Out-of-the-Body Experiences*. Oxford: Institute of Psychophysical Research, 1968.

Green, Celia, and Charles McCreery. *Apparitions*. London: Hamish Hamilton, 1975.

Guirdham, Arthur. *The Cathars & Reincarnation*. London: Neville Spearman, 1970.

_____. *We Are One Another*. Jersey: Neville Spearman, 1974.

Hall, Trevor H. *The Strange Case of Edmund Gurney*. London: Gerald Duckworth & Co. Ltd., 1964.

Hart, Professor Hornell. *The Enigma of Survival*. London: Rider & Company, 1959.

Haynes, Renée. *The Hidden Springs: An Enquiry into Extra-Sensory Perception*. London: Hutchinson & Co., 1961.

_____. *The Seeing I*. London: Hutchinson & Co., 1976.

_____. *The Society for Physical Research, 1882-1982: A History*. London: McDonald & Co., 1982.

Head, Joseph and S.L. Cranston. *Reincarnation*. New York: Causeway Books, 1967.

Heywood, Rosalind. *The Infinite Hive*. London: Pan Books Ltd., 1964.

_____. *The Sixth Sense*. London: Pan Books Ltd., 1959.

Hudson, Thomson Jay. *The Law of Psychic Phenomena*. London and Chicago: G.P. Putams Sons, 1902.

Inglis, Brian. *Natural and Supernatural: A History of the Paranormal, from the Beginnings to 1914*. London: Hodder & Stoughton, 1977.

_____. *Science and Parascience. A History of the Paranormal, 1914-1939*. London: Hodder & Stoughton, 1984.

_____. *The Paranormal: An Encyclopedia of Psychic Phenomena*. London: Granada, 1985.

Jaynes, Julian. *The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind*. Boston: Houghton Mifflin Co., 1976.

Jung, J.H. (Jung-Stilling). *Theory of Pneumatology*. London: Longman, Rees, Orme, Brown, Green and Longman, 1834.

Kardec, Allan. *The Spirits' Book*. Lake, Livraria All Kardec Editora ltd, Sao Paolo, translated in 1972.

_____. *The Medium's Book*. London: Psychic Press ltd., 1971.

Lodge, Sir Oliver, F.R.S. *The Survival of Man*. London: Methuen & Co. Ltd., 1909.

_____. *Raymond or Life and Death*. London: Methuen & Co. Ltd., 1916.

Long, Max Freedom. *The Secret Science Behind Miracles*. California: DeVorss & Co., 1981.

Lorimer, David. *Survival? Body, Mind and Death in the Light of Psychic Experience*. London: Routledge & Kegan Paul, 1984.

Moody, Jr., Raymond, A., M.D. *Life After Life*. New York: Bantam Books, 1975.

_____. *Reflections On Life After Life*. London: Corgi Books, 1977.

Moore, R. Laurence. *In Search of White Crows*. New York: Oxford University Press, 1977.

Moreil, Andre. *La vie et l'oeuvre d'Allan Kardec*. Paris: Sperar, 1961.

Moses, William Stainton. *Spirit Teachings*. London: Spiritualist Press, 1949.

Moss, Peter and Joe Keeton. *Encounters with the Past*. London: Sidgwick & Jackson, 1979.

Murphy, Gardner and Robert O. Ballou. *William James on Psychical Research*. London: Chatto and Windus Ltd., 1960.

Myers, Frederic W. H. with Edmund Gurney and Frank Podmore. *Phantasms of the Living*. 2 vols. London: Trubner & Co., 1886.

Myers, F. W. H. *Human Personality and Its Survival of Bodily Death*. New York: University Books Inc., 1961.

Osis, Karlis. *Deathbed Observations by Physicians and Nurses*. New York: Parapsychological Foundation, Inc., 1961.

Owen, Robert Dale. *Footfalls on the Boundary of Another World*. London: Trubner & Co., 1860.

_____. *The Debatable Land Between This World and The Next*. London: Trubner & Co., 1874.

Podmore, Frank. *Modern Spiritualism: A History and a Criticism*. 2 vols. London: Methuen & Co., 1902.

Rhine, J.B. *The Reach of the Mind*. London: Penguin Books, 1948.

Richet, Charles, Ph.D. *Thirty Years of Psychical Research*. London: W.Collins Sons & Co. Ltd., 1923.

Ring, Kenneth, Ph.D. *Life at Death: A Scientific Investigation of the Near-Death Experience*. New York: Coward, McCann & Geoghegan, 1980.

Sabom, Michael B., M.D., F.A.C.C. *Recollections of Death: A Medical Investigation*. New York: Harper & Row, 1982.

Saltmarsh, H.F. *Evidence of Personal Survival*. London: G.Bell & Sons Ltd., 1938.

Sherwood, Jane. *Post-Mortem Journal*. London: Neville Spearman, 1964.

_____. *The Country Beyond*. London: Neville Spearman, 1969.

Sidgwick, Eleanor Mildred. *Phantasms of the Living*. Including *Phantasms of the Living* by Edmund Gurney, Frederic W.H.Myers and Frank Podmore. New York: University Books Inc., 1962.

Smith, Susy. *The Mediumship of Mrs. Leonard*. New York: University Books, 1964.

Smith, W.Whately. *A Theory of the Mechanism of Survival*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd., 1920; New York: E.P.Dutton & Co., 1920.

Steiner, Rudolf, Ph.D. *An Outline of Occult Science*. London: Theosophical Publishing Society, 1914; New York: Rand McNally & Co., 1914.

_____. *Reincarnation and Immortality*. New York: Rudolf Steiner Publications, 1970.

_____. *Rudolf Steiner: An Autobiography*. New York: Steinerbooks, 1977.

Stevenson, Ian, Ph.D. *Twenty Cases Suggestive of Reincarnation*. New York: American Society for Psychical Research, 1966.

Thakur, Shivesh C. *Philosophy and Psychical Research*. London: George Allen & Unwin, 1976.

Thomas, rev. Charles Drayton. *Life Beyond Death with Evidence*. London: W. Collins Sons & Co. Ltd., 1928.

Toynbee, Arnold, Arthur Koestler and others. *Life After Death*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1976.

Tyrrell, G.N.M. *The Personality of Man*. London: Penguin Books, 1947.

_____. *Science and Psychical Phenomena*. New York: University Books, 1961.

Van Dusen, Wilson. *The Natural Depth in Man*. New York: Perennial Library, Harper & Row, 1972.

_____. *The Presence of Other Worlds*. New York: Harper Row, 1974.

Völgyesi, Ferenc András. *Hypnosis of Man and Animals*. London: Baillière, Tindall & Cassell, 1966.

Vyvyan, John. *A Case Against Jones: A Study of Psychical Phenomena*. London: James Clark & Co. Ltd., 1966.

Walker, Benjamin. *Beyond the Body*. London: Routledge & Kegan Paul, 1974.

Wallace, Alfred Russell. *Miracles and Modern Spiritualism*. London: George Redway, 1896.

_____. *My Life in Two Volumes*. London: Chapman & Hall, Ltd., 1905.

West, D.J., M.B., D.P.M. *Psychical Research Today*. London: Gerald Duckworth & Co. Ltd., 1954.

Wilson, Colin. *Access To Inner Worlds*. London: Rider & Company, 1983.

_____. *Mysteries*. London: Hodder & Stoughton, 1978.

_____. *The Occult*. London: Hodder & Stoughton, 1971.

_____. *Poltergeist!* London: New English Library, 1981.

_____. *The Psychic Detectives*. London: Pan Books Ltd., 1984.

Содержание

Об авторе	5
Слова благодарности	7
Аналитический перечень содержания	9
Предисловие	15
Глава 1. Голоса из «ниоткуда»	23
Глава 2. Мир ясновидящих	69
Глава 3. Вторжение привидений	119
Глава 4. Из истории исследований психики	179
Глава 5. Второе рождение шедевра	219
Глава 6. Доктор Штайнер и проблема реинкарнации ..	277
Глава 7. Упадок и возрождение	341
Глава 8. Ченнелинг (прием сообщений и посланий)	401
Послесловие	439
Библиография	473

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

Служба работы с клиентами:

тел. (057) 783-88-88

E-mail: support@flc-bookclub.com

Науково-популярне видання

УІЛСОН Колін

Життя після життя

(російською мовою)

Головний редактор Тібілашвілі В. З.

Переклад Михайлов А. М.

Редактор Крилов К. В.

Технічний редактор Верьовкін А. Г.

Коректор Парфент'єва

Підписано до друку 13.02.2006. Формат 84х108/32.
Папір газетний. Друк високій. Гарнітура Академія.
Ум. др. арк. 25,2. Тираж 10 000 пр. Зам. № 6-53.

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»

61140, Харків-140, пр. Гагаріна, 20а

E-mail: cor@fic-bookclub.com

Віддруковано в готових помешканнях

у ВАТ «Харківська книжкова фабрика ім. М. В. Фрунзе»
61057, м. Харків, вул. Донець-Захаржевського, 6/8

Уилсон Колин

- УЗ6 Життя після життя. — Пер. с англ. — Харків: Книжковий клуб «Клуб Семейного Досуга», 2006. — 480 с.
ISBN 966-8007-28-X.

Книга Коліна Уїлсона присвячена дослідженню таких явищ, як спиритуалізм і віра в загробне життя, вивченню паранормальних явищ (передбачення майбутнього, телепатія, телекінез, полтергейсти, переселення душ). Автор описує випадки появи духів та привидів, спиритичні сеанси та видіння, що відвідують людей у моменти клінічної смерті та небезпеки.

ББК 88.6

Уїлсон Колін

- УЗ6 Життя після життя. — Пер. з англ. — Харків: Книжковий клуб «Клуб Семейного Досуга», 2006. — 480 с.
ISBN 966-8007-28-X.

Книга Коліна Уїлсона присвячена дослідженню таких явищ, як спиритуалізм і віра в загробне життя, вивченню паранормальних явищ (передбачення майбутнього, телепатія, телекінез, полтергейсти, переселення душ). Автор описує випадки появи духів та привидів, спиритичні сеанси та видіння, що відвідують людей у моменти клінічної смерті та небезпеки.

ББК 88.6